

ГЛОБУС 1985

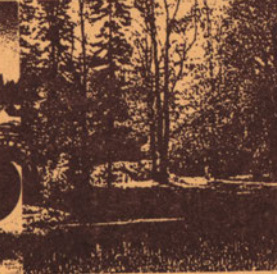
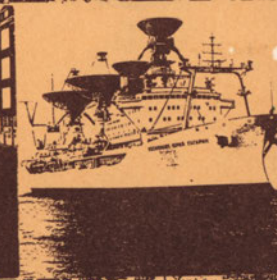
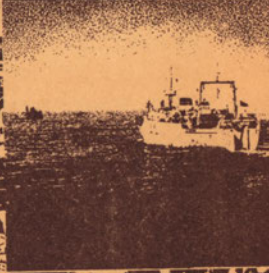
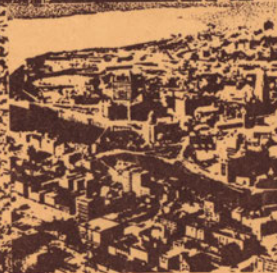

ГЛОБУС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

[illegible]

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А. Ф. Трешников,
президент Географического общества СССР, академик,
Герой Социалистического Труда;

С. А. Воронин,
писатель,
лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького;

М. А. Дудин,
писатель, лауреат Государственной премии СССР,
Герой Социалистического Труда;

Р. В. Кинжалов,
доктор исторических наук;

С. Б. Лавров,
вице-президент Географического общества СССР,
доктор географических наук, профессор;

Ю. А. Лимонов,
доктор исторических наук;

В. М. Песков,
писатель, лауреат Ленинской премии;

В. И. Севастьянов,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза;

В. А. Соколов,
действительный член Географического общества СССР;

О. Г. Чистовский,
писатель,
действительный член Географического общества СССР;

А. И. Шалимов,
писатель,
кандидат геолого-минералогических наук, доцент;

Ю. Н. Шесталов,
писатель,
лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Составитель В. Смирнов

Оформление В. Бабанова

ГЛОБУС

1985

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

СОДЕРЖАНИЕ

1 ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

Великая Отечественная война	8
Е. Устинов, А. Мартынов. Четыре великие битвы. (К 40-летию Великой Победы.) <i>Рис. И. и С. Рудаковых и Л. Яценко</i>	11
В. Лебединский. Памятники партизанской славы. Фотоочерк.	29
В. Иванов. Вахта памяти. (К 40-летию Великой Победы.) <i>Фото автора</i>	34
Л. Замятнин. Красный флаг на вершине Эльбруса. (К 40-летию Великой Победы.) <i>Рис. А. Лямина</i>	39
А. Раздолгин. Тайна перестает существовать. (К 40-летию Великой Победы.) <i>Рис. В. Алексеева</i>	43
К. Шопотов. На постаменте — подводная лодка. (К 40-летию Великой Победы.) <i>Рис. В. Шевченко. Фото автора</i>	49
Н. Ямпольская. Салют, фестиваль! <i>Рис. Ю. Вальцфер. Фото Р. Кучерова</i>	56
О. Чистовский. «Наш Артек, не забыть тебя вовек». (К 60-летию Артека.) <i>Фото В. Соколова и О. Чистовского</i>	66
В. Карпов, С. Ненашев. Город на вечной мерзлоте. Фотоочерк.	80
Г. Матвеева. Дагестан—страна гор. <i>Рис. Аллы Король</i>	84
А. Шалимов. Молодость старого Кузбасса. <i>Рис. С. Гесина</i>	94
М. Дунаев. Муром. (Древние русские города.) <i>Фото К. Колочкина</i>	101
А. Гостомыслов. Шемогодская резьба по бересте. (Народные ремесла, художественные промыслы и прикладное искусство России.) <i>Рис. В. Чернакова. Фото автора</i>	106
В. Пулькин. Вепские орнаменты. (Народы СССР.) <i>Рис. С. Гесина</i>	113
Ленинские памятные места Выборгского района в Ленинграде. <i>Рис. И. Жмайлова и В. Чернакова</i>	124
Н. Демидов, Ю. Муравин. «Широка страна моя родная...» Фотоочерк.	127
Е. Матвеева. «Зверь, на земле невиданный...». (Народы СССР.) <i>Рис. А. Лямина</i>	129
В. Тюрин. Некрасов в Чудовской Луке. (По дорогим местам.) <i>Фото автора</i>	137

2 ПО ВСЕМУ СВЕТУ

В. Ткачев. Дорога в Россию. (К 115-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.) <i>Рис. Н. Лямина</i>	146
А. Исаев. Дождь в начале сезона (Народному Вьетнаму 40 лет.) <i>Фото автора</i>	149
В. Возгрин. Афганские мотивы. (Культура и искусство народов мира.) <i>Рис. С. Грудина</i>	157
Ю. Лукшич. Фьорд на Адриатике. <i>Рис. С. Арсеньева</i>	163
В. Рыбин. В краю Замбези. (Путевые заметки.) <i>Рис. Н. Котляревского</i>	174
И. Труфанов. Гигант в Тропической Африке. <i>Рис. Аллы Король</i>	182
А. Дридзо. У подножия Большого Питона. <i>Рис. Аллы Король</i>	187
Л. Семенов-Спасский. К северу от Рио. <i>Рис. Е. Войшвилло</i>	196
Ю. Чубков. Самба ду Бразил. (Культура и искусство народов мира.) <i>Рис. И. и С. Рудаковых</i>	206
В. Сидоров. Истории — верить, историю — творить. <i>Рис. Аллы Король</i>	217
А. Кондратов. Берингия — мост в Америку. <i>Рис. Аллы Король</i>	226

3 ЗЕМЛЯ И КОСМОС

А. Томилин. Утренняя звезда — звезда вечерняя. <i>Рис. Е. Войшвилло.</i>	236
В. Перов. Камни, падающие с небес. <i>Рис. Е. Войшвилло.</i>	247

4 ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

О. Карышев. О чем говорят мамонты. <i>Рис. Т. Бондаренко.</i>	258
Б. Белоголовый. Целина БАМа. <i>Фото В. Кондратенко.</i>	267
М. Самсонова. Страна серо-зеленых карликов. (Заповедники нашей страны.)	273
Г. Горышин. Сад Николая Смирнова.	279
Б. Михайлов. Скворечни. <i>Рис. Ю. Вальцефер.</i>	285
В. Козлов. Кормушка. <i>Рис. Ю. Вальцефер.</i>	290
А. Леонов. Рассказы о природе. <i>Рис. О. Вороновой.</i>	294
Г. Морозов. Блестящий лемешок. <i>Рис. В. Чернакова.</i>	298
А. Шевченко. Шаги по траве. <i>Рис. Ф. Васильевой.</i>	302
В. Юровских. Наедине с природой. <i>Рис. С. и И. Рудаковых.</i>	308
А. Мариничев. Вологодские рыжики. <i>Рис. А. Дризиной.</i>	313
Н. Крудова. Камень. <i>Рис. С. и И. Рудаковых.</i>	317

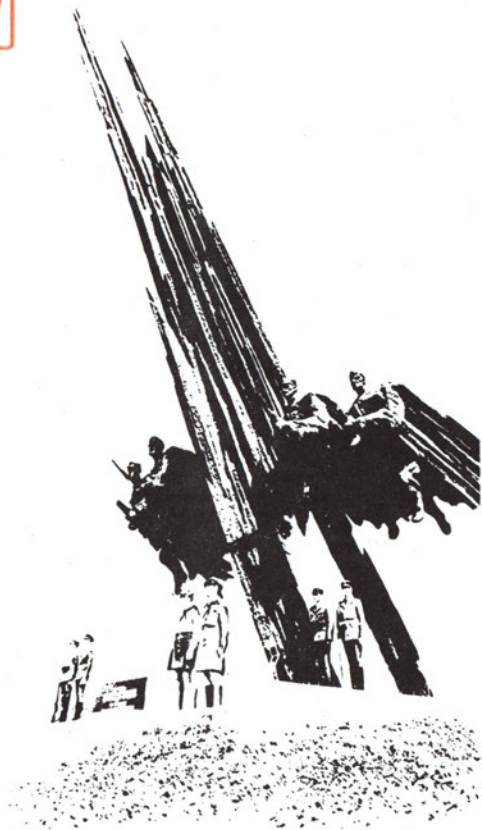
5 ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ И ПУТЕШЕСТВИЙ

В. Яковлев. 9 января 1905 года. (К 90-летию первой русской революции.) <i>Фото из Ленинградского государственного архива кинофотодокументов.</i>	322
И. Фроянов. «Из варяг в греки». <i>Рис. В. Цикоты.</i>	334
Н. Коняев. Дорога Артюши Бабинова. <i>Рис. О. Вороновой.</i>	342
В. Коломинов. Науке отданная жизнь. (К 90-летию основания А. В. Журавским Печерской естественно-исторической станции Академии наук.)	348
Г. Черненко. Капитан «Геркулеса».	352
Н. Корежин. Атлантида на дне океана. <i>Рис. В. Цикоты.</i>	362

ЛЕТОПИСЬ «ГЛОБУСА»

Г. Тишкин. Она осуществила мечты своей юности (Ольга Александровна Федченко).	369
В. Ишметьев. По северным берегам Америки (Александр Филиппович Кашеваров).	372
Науки и жизни пути (Григорий Николаевич Потанин).	374
А. Муратов. Выдающийся почвовед-географ (Леонид Иванович Прасолов).	375
Ученый, педагог, географ (Борис Федорович Добрынин).	377
Крупный ученый-океанолог (Николай Николаевич Зубов).	379
Исследователь Восточной Сибири (Ричард Карлович Маак).	381

1

**ПО
РОДНОЙ
СТРАНЕ**

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

На рассвете самой короткой ночи в году — 22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. Фашистские самолеты со зловещими крестами на фюзеляжах вторглись в небо нашей Отчизны и сбросили смертоносный груз — фугасные бомбы на Киев, Минск, Севастополь, Мурманск и другие города, а вражеские моторизованные дивизии перешли Государственную границу СССР. До подхода регулярных частей Красной Армии советские пограничники оказали стойкое сопротивление гитлеровским полчищам.

Так началась Великая Отечественная война.

В это грозное для нашей страны время поэтом В. Лебедевым-Кумачом и композитором А. Александровым была написана мужественная песня-призыв «Священная война». Исполненная впервые Краснознаменным ансамблем песни и пляски Красной Армии, эта песня стала поистине всенародной. Она звучала как набат, зовя советских людей к борьбе с коварным врагом:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Стремясь к мировому господству, фашистская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Бельгию, Норвегию, Францию и другие страны Европы. Развязав войну против Советского Союза, германские империалисты намеревались уничтожить первое в мире социалистическое государство, поработить народы, населяющие нашу страну, и обеспечить себе мировое господство. Стратегический «план Барбаросса» немецко-фашистского командования был рассчитан на молниеносную победу.

Народы Советского Союза под руководством Коммунистической партии и Советского правительства поднялись на освободительную войну против наглых захватчиков, проявив невиданную стойкость и беспримерную отвагу в защите социалистической Родины.

В первые месяцы войны агрессорам удалось достигнуть значительных успехов и принудить советские войска к отступлению. Германские дивизии были полностью отобилизованы. Они имели двухлетний опыт ве-

дения современной войны. Против нашей страны, занятой мирным созидательным трудом, было брошено 190 отборных дивизий. Их поддерживали около 4 тысяч танков, 5 тысяч боевых самолетов, более 47 тысяч орудий и минометов. Общая численность вражеских войск достигала 5,5 миллиона человек. Это позволило агрессору в первые дни войны захватить инициативу и создать на основных направлениях решающий перевес в силах. К началу июля 1941 года немецко-фашистские войска захватили Литву, большую часть Латвии, западную часть Белоруссии и несколько областей Украины. Для Советской страны сложилось исключительно тяжелое и опасное положение. Однако это не сломило боевого духа Красной Армии, не поколебало стойкости нашего народа. Были приняты все меры для организации отпора наглому врагу. В необычайно тяжелых условиях велась в стране перестройка всего народного хозяйства на военный лад, налаживалось массовое производство вооружения и боеприпасов. Советский Союз превращался в единый боевой лагерь.

Летом 1941 года развернулось сражение огромного масштаба. В ожесточенных оборонительных боях советские войска самоотверженно отстаивали родную землю, истребляли отборные войска и боевую технику противника. Почти месяц в окружении сражался небольшой гарнизон Брестской крепости. Более двух месяцев длилось Смоленское сражение. С невиданным упорством наши войска защищали Одессу и Севастополь. В июле враг прорвался к Ленинграду, но был остановлен на подступах к городу. К осени немецко-фашистские войска захватили всю Украину, прорвались к Ростову-на-Дону, подступили к Москве. Развернулась грандиозная Московская битва, в которой враг понес большие потери и был отброшен далеко от столицы.

Под Москвой был сорван авантюристический план молниеносной войны и развеян миф о непобедимости германской армии. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой явился решающим военнополитическим событием первого года Великой Отечественной войны.

Весной и летом 1942 года гитлеровское командование, мобилизовав экономические ресурсы Германии и оккупированных ею стран и воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, сосредоточило против СССР примерно 80 процентов всех своих вооруженных сил. Немецко-фашистские войска развернули крупные наступательные операции на юге. Они стремились захватить Сталинград, овладеть нефтяными районами Кавказа.

Советской Армии пришлось вести тяжелые оборонительные бои, отступая к Волге и предгорьям Кавказа. Огромными усилиями народа и его армии враг был остановлен. Героическая оборона Сталинграда существенно изменила соотношение сил и дала возможность советскому командованию создать мощные военно-стратегические резервы. Удалось сформировать новые дивизии и сосредоточить на Волге много артиллерии и танков. Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны, имела огромное не только военное, но также политическое и международное значение. Стратегическая инициатива была вырвана из рук врага.

Решающим событием лета 1943 года явилась Курская битва, которая длилась с 5 июля по 23 августа. Разгромив в упорнейших боях курскую группировку противника и перейдя в общее наступление, советские войска отбросили врага за Днепр. Победа на Курской дуге

означала завершение коренного перелома в войне. Фашистские войска вынуждены были перейти к обороне на всем советско-германском фронте.

Большой размах приобрело партизанское движение, ставшее крупным политическим и военно-стратегическим фактором.

Положение фашистской Германии резко ухудшилось. Но противник упорно оборонялся. В 1944 году следовали один за другим сокрушительные удары советских войск. В феврале была разгромлена вражеская группировка под Ленинградом, в апреле освобождена Правобережная Украина, в мае — Крым.

6 июня 1944 года вторжением англо-американских войск на побережье Франции был наконец открыт второй фронт против Германии.

В августе советские войска разгромили карельскую группировку, освободили Белоруссию и значительную часть Литвы. Успех был достигнут и в Ясско-Кишиневской операции, в результате которой завершилось освобождение Молдавской ССР.

Под непосредственным влиянием событий на советско-германском фронте в августе 1944 года произошло народное восстание в Румынии, а в сентябре — в Болгарии. В этих странах к власти пришли революционно-демократические силы.

В октябре Советская Армия вступила на территорию Венгрии и к концу года освободила большую часть страны. Выполняя великую освободительную миссию, СССР оказывал помощь народам Европы в избавлении их от фашистского гнета. Военные действия были перенесены на территорию Германии. Но противник продолжал ожесточенно сопротивляться.

В январе 1945 года началось грандиозное наступление советских войск на фронте от Балтики до Карпат на протяжении 1200 километров. В нем участвовали также и польские, чехословацкие, румынские и болгарские части. В ходе зимнего наступления были освобождены Польша и значительная часть Чехословакии. Противник был отброшен от Вислы на Одер и Нейсе.

Победоносный натиск Советской Армии сорвал наступление немецко-фашистских войск в Арденнах, где англо-американские войска оказались в тяжелом положении.

Весной 1945 года советские войска развернули решительное наступление на берлинском направлении и после ожесточенных боев 2 мая овладели столицей Германии. 8 мая фашистская Германия безоговорочно капитулировала. А на следующий день советские войска освободили столицу Чехословакии Прагу.

9 мая 1945 года Советская страна отпраздновала победу над гитлеровской Германией. Так закончилась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Советский Союз не только отстоял свою свободу и независимость, но и сыграл решающую роль в избавлении народов Европы и Азии от угрозы фашистского порабощения. Наша страна потеряла в этой самой кровопролитной в истории войне 20 миллионов советских людей! Мировая цивилизация была спасена от фашизма. В этом состоит величайшая заслуга советского народа перед человечеством.

Е. Устинов,
А. Мартынов

ЧЕТЫРЕ ВЕЛИКИЕ БИТВЫ

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Великая Отечественная война по географическому размаху, численности участвовавших в ней войск, по напряженности борьбы не имеет равных в мировой истории. Бои и сражения, битвы и кампании, развернувшиеся на европейских просторах, составили долгий и тяжелый путь, которым суждено было пройти нашему солдату начиная с горьких неудач 1941-го и кончая блестящими победами 1945 года.

Среди всех грандиозных событий Великой Отечественной особое место занимают битва за Москву, Сталинградская битва, битва на Курской дуге и Берлинская операция.

БИТВА ЗА МОСКВУ

Боевые действия в Московской битве охватили широкое пространство от Калинина до Ельца по фронту и от Смоленска до Москвы в глубину. В сражении приняли участие больше 3 миллионов человек, около 22 тысяч орудий и минометов, 2700 танков и свыше 2 тысяч само-

летов. Смертельная схватка продолжалась почти семь месяцев.

Гитлеровцы хотели разгромить советские войска восточнее Смоленска и, обойдя Москву с севера и юга, замкнуть кольцо окружения восточнее ее, а наступлением с фронта овладеть ею. Они считали, что если падет столица нашей Родины, то Советское государство перестанет существовать. Фашисты собирались уничтожить население Москвы, а сам город разрушить и на его месте создать огромное озеро, которое, по замыслу Гитлера, навсегда должно было скрыть столицу нашей Родины от «цивилизованного мира».

Осуществление операции возлагалось на группу армий «Центр» во главе с фельдмаршалом фон Боком. Ей противостояли три советских фронта — Западный во главе с генералом И. С. Коневым, Брянский во главе с генералом А. М. Еременко и Резервный во главе с маршалом С. М. Буденным, которые должны были сорвать наступление фашистов, нанести им как можно большие потери, не допустить врага

к Москве и подготовить благоприятные условия для перелома в ходе войны.

Общая обстановка к этому времени оставалась выгодной для гитлеровцев. В то время как группа «Центр» была полностью обеспечена оружием, техникой, боеприпасами и находилась в состоянии высокой боевой готовности, войска советских фронтов, потерпев серьезные неудачи в предшествующих боях, испытывали нужду во всем — в людях, оружии, боеприпасах и особенно в противотанковой и зенитной артиллерии. Страна еще только переходила на военное положение и не могла пока удовлетворить этих нужд. Мощной группировке врага советское командование смогло противопоставить значительно меньшие силы и средства. Советские войска сражались с исключительным мужеством.

30 сентября и 2 октября группа армий «Центр» перешла в наступление.

На земле и в воздухе на фронте протяженностью до 400 километров развернулись ожесточенные бои. Началась великая Московская битва. Советские воины оказали упорное сопротивление врагу. Но силы были очень неравны. Казалось, на московском направлении гитлеровскому командованию удастся молниеносное наступление.

Наши войска испытывали недостаток противотанковых и зенитных средств и самолетов. Не хватало резервов. Над советской столицей нависла смертельная опасность. Но чем дальше продвигался враг, тем сильнее становилось сопротивление советских войск.

Чтобы спасти положение, необходимо было создать новую линию обороны. И благодаря титаническим усилиям всех: партии и правительства, военного командования и войск, местных партийных и советских органов — такая оборона была созда-

на. Она проходила по рубежу Калинин — Можайск — Калуга, получив название Можайской линии обороны. Ее заняли войска, отошедшие с фронта, а также срочно подтянутые из глубокого тыла, с других фронтов, из прифронтовых городов. Все войска на этой линии сводились в Западный фронт, командующим которым стал генерал армии Г. К. Жуков. В тылу, на ближайших подступах к Москве, была подготовлена Московская зона обороны, а города, деревни, поселки в прифронтовой полосе превращены в прочные опорные пункты. Заводы, фабрики, мастерские переводились на круглосуточный график работы; повсюду наращивалось производство и ремонт оружия, боеприпасов, формировались новые части и соединения, проводилась их подготовка к боям.

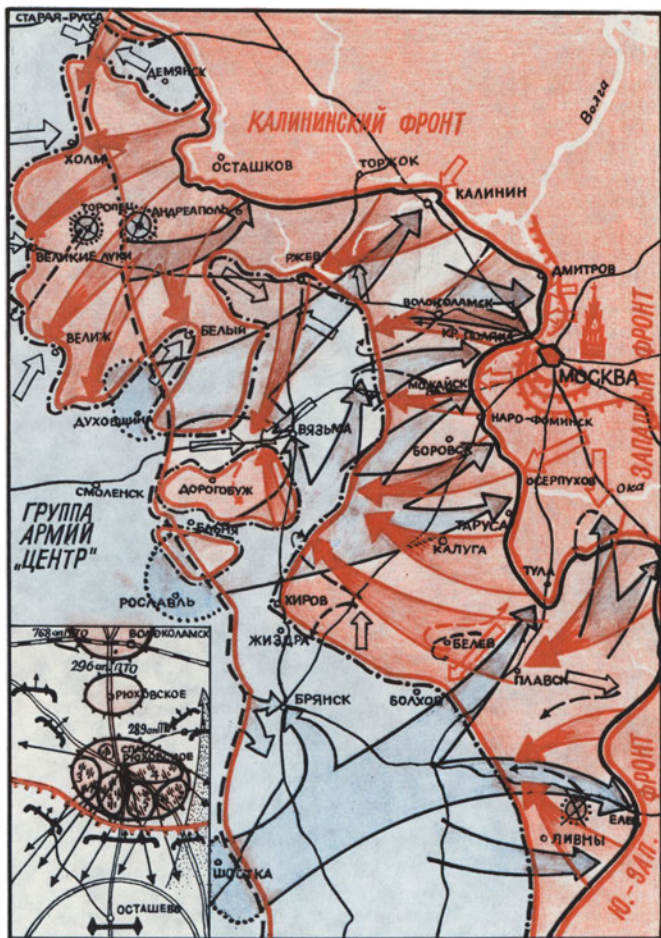
На защиту столицы поднялась вся страна, весь советский народ.

Наши войска, оказавшиеся в окружении в районе Вязьмы и Брянска, продолжали сражаться и, отвлечая противника, замедлили его продвижение на Москву.

К середине октября войска Западного фронта укрепились на Можайской линии и пути фашистам на Москву были перекрыты.

Когда группа «Центр» подошла к Можайскому рубежу, от Калинин до Калуги, вновь разгорелись затяжные кровопролитные бои. Советские подразделения, части, соединения, проникнутые сознанием ответственности за судьбу Москвы, Родины, дрались ожесточенно, с непоколебимой стойкостью, самоотверженностью и героизмом, умирали, но без приказа не оставляли позиций.

Группе «Центр» удалось захватить Калугу, Можайск, Волоколамск, Калинин, но дальше продвинуться она не смогла. К концу октября группа «Центр» окончательно была оставлена по рубежу Калинин — Кубинка — Тула — Ливны.

Карта-схема битвы за Москву.

Усилившееся сопротивление советских войск, с одной стороны, и ослабление немецко-фашистских армий — с другой, поставило гитлеровское руководство перед вопросом: «Что дальше? Остаться на достигнутых рубежах до весны 1942 года или продолжить наступление?» Однако у Гитлера выбора не было, и он отдал приказ снова наступать.

Второе наступление немецко-фашистских войск на Москву началось в середине ноября. Но на этот раз оно развивалось уже иначе, чем в октябре. У фашистов не было прежнего превосходства в силах и средствах. Нашим войскам удалось создать более прочную и гибкую оборону, поэтому в ходе ноябрьского наступления группа «Центр» лишь потеснила войска Западного фронта, а в конце ноября — начале декабря фашисты были окончательно остановлены.

За время наступления на Москву немецко-фашистские войска продвинулись далеко вперед, но добиться главного — овладеть Москвой и закончить войну — им не удалось.

Советские войска остановили фашистов на подступах к Москве, отстояли советскую столицу и создали условия для перехода к активным действиям.

В конце ноября — начале декабря на фронте сложилась своеобразная обстановка. Гитлеровцы, понеся большие потери, не могли наступать, хотя и вели наступательные бои на отдельных участках фронта. Им не удалось подготовить оборону и закрепитесь на достигнутых рубежах.

Советские войска получили крупное подкрепление. Благодаря этому мы могли создать ударные группировки и обеспечить наше превосходство на главных направлениях. Советское Верховное Главнокомандование в конце ноября приняло решение перейти к активным действиям.

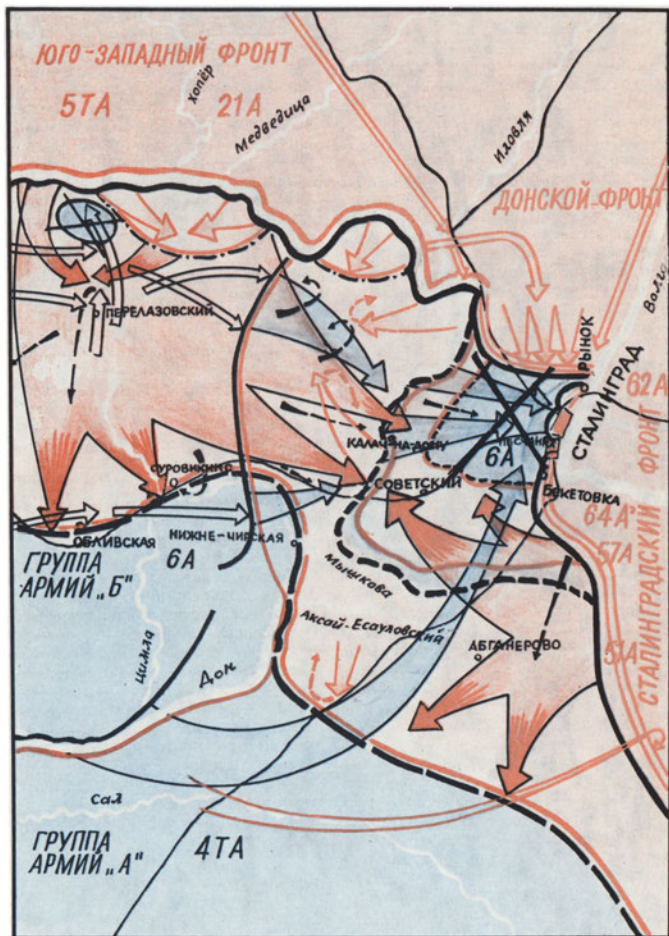
С 5 декабря наши войска перешли в контрнаступление на фронте от Калинина до Ельца общей протяженностью около 600 километров. Несмотря на ограниченность сил и средств, отсутствие крупных танковых и механизированных соединений и яростное сопротивление врага, контрнаступление развивалось успешно. К началу января наши войска разбили ударные группировки фашистов севернее и южнее Москвы и вышли на рубеж Ржев — реки Лама и Руза — Калуга — Жиздра. В январе наступление трех фронтов было поддержано активными действиями наших войск на других направлениях и в результате переросло в общее наступление Советской Армии по всему фронту. Только в апреле 1942 года, когда наступательные возможности наших войск были исчерпаны и повсюду началась весенняя распутица, наступление остановилось. Московская битва закончилась трудной, но блестящей победой советских войск.

Битва продемонстрировала возросшую мощь и военное мастерство Советской Армии, высокое мужество и стойкость советских людей, великую внутреннюю силу и прочность Советского государства. Фашистские войска впервые за время второй мировой войны потерпели крупное поражение, советские воины покончили с мифом об их непобедимости. Наша армия перехватила стратегическую инициативу на фронте, положила начало новому процессу — перелому в ходе войны.

Последующим важным этапом в этом процессе явилась битва под Сталинградом.

БИТВА ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Чтобы продолжать войну, фашистской Германии нужны были уголь, железо, марганец, хлеб.

Карта-схема битвы под Сталинградом.

Получать все это в Европе и других районах мира становилось все труднее. Между тем Донбасс, Крым, Кавказ представлялись неиссякаемыми и близкими источниками. Поэтому гитлеровцы решили в летне-осеннюю кампанию 1942 года захватить Кавказ и Сталинград, установить контроль над крупнейшей советской водной магистралью — Волгой и изолировать обширные районы Юга от центральной части нашей страны. Сталинград же мог послужить еще и удобным плацдармом для последующего нанесения удара на Москву.

Эти задачи должна была выполнить группа армий «Юг», внутри которой для наступления на кавказском направлении была создана группа армий «А», а на сталинградском — группа «Б» под командованием фельдмаршала фон Бока. Фашисты надеялись до наступления зимы закончить войну.

В мае развернулись военные действия под Харьковом и в Крыму. Советские войска, действовавшие на южном направлении, вынуждены были отойти к Дону. Гитлеровская

группа «А» развивала наступление на Ростов и Северный Кавказ, а группа «Б» быстро продвигалась по южному берегу Дона, двумя своими армиями к 17 июля подошла к рекам Чир и Цимла (притоки Дона), где натолкнулась на передовые отряды нового, Сталинградского фронта, которым командовал маршал С. К. Тимошенко.

С этого момента начинается сталинградская эпопея.

Сталинградский фронт уступал группировке гитлеровцев в людях, в танках и самолетах. К тому же наши войска из-за недостатка времени не смогли подготовить прочной обороны. Гитлеровское руководство настолько было уверено в успехе предстоявшего наступления на Сталинград, что передало танковую армию из группы «Б» в группу «А» для развития наступления на Кавказ.

23 июля группа «Б» перешла в наступление, нанося главные удары с запада и юга в общем направлении на Калач. В тот же день обе ударные группировки противника про-

рвали нашу оборону, а на третий день подошли к Дону, создав реальную угрозу окружения наших войск. Советское командование предприняло решительные контрмеры. По всему фронту разгорелись ожесточенные затяжные бои, в которых советские воины проявили мужество, отвагу и самоотверженность.

В районе Клетской группа бронбойщиков 33-й гвардейской дивизии 62-й армии — П. Болото, И. Алейников, Ф. Беликов и другие — смело вступила в бой с 30 немецкими танками, пытавшимися прорваться здесь через наши позиции на Калач. Подпустив танки на достаточно близкое расстояние, смельчаки открыли меткий огонь и в течение короткого времени подбили 15 из них. Остальные вынуждены были повернуть и искать другое, более безопасное направление.

С мужеством и упорством дрались советские воины и на всех других участках фронта. Однако силы были неравны, и 62-я и 64-я армии, во избежание окружения, вынуждены были отойти за Дон, на новый, заранее подготовленный оборонительный рубеж. Гитлеровцы предприняли попытку прорвать его, однако каждый раз наталкивались на решительный отпор, и в середине августа фронт здесь стабилизировался. Гитлеровское руководство направило сюда дополнительные силы. Получив подкрепление, группа армий «Б» в 20-х числах августа возобновила наступление. 14-й танковый корпус прорвал нашу оборону в районе Вертячего и 23 августа подошел к Волге в районе Латошенка — Рынок. Отсюда он повернул на юг, на Сталинград, однако на окраинах города был остановлен. Тем временем 4-я танковая армия, прорвав оборону в районе Абганеро, вышла к западной окраине города, на линию Песчанка — Ивановка. Во избежание окружения, 62-я и 64-я армии

отошли к Сталинграду, где вновь организовали оборону. В начале сентября фронт установился по рубежу Рынок — Песчанка — Ивановка — озеро Барманцак и далее на юг.

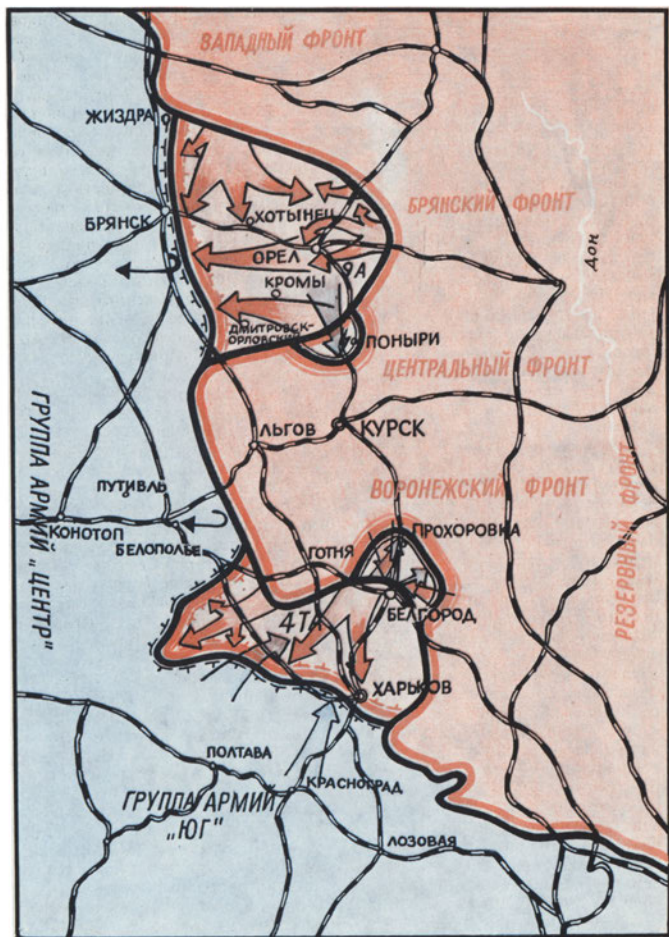
С 12 сентября по 18 ноября происходили изнурительные и кровопролитные бои непосредственно за город, в которых наши войска проявили невиданную стойкость и героизм. Всему миру стали известны имена сотен, тысяч советских героев — защитников Сталинграда, в том числе и героев Дома Павлова.

К середине ноября немецко-фашистские войска выдохлись, для подвода новых пополнений требовалось время, и гитлеровское руководство отдало распоряжение о переходе войск к обороне по всему фронту.

Советское командование подтянуло на сталинградское направление крупные свежие силы. Наша страна закончила перестройку на военный лад и обеспечивала фронт всем необходимым. Все это позволило советскому командованию организовать широкое контрнаступление.

19 ноября войска Юго-Западного и Донского фронтов под командованием генералов Н. Ф. Ватутина и К. К. Рокоссовского с севера, а 20 ноября войска Сталинградского фронта под командованием генерала А. И. Еременко с востока нанесли сокрушительные удары по врагу в общем направлении на Калач и хутор Советский с целью окружить и уничтожить главные силы группы «Б» в районе Сталинграда. Наступление обеспечивалось мощным огнем артиллерии и действиями многочисленной авиации. Наши войска прорвали оборону гитлеровцев, а затем, введя в прорыв танковые, механизированные и кавалерийские корпуса, развили наступление в глубину. Советские воины действовали с исключительной дерзостью и отвагой.

21 ноября 26-й танковый корпус генерала А. Г. Родина, развивавший

Карта-схема сражения на Курской дуге.

наступление с севера на Калач, приближался к Дону. Нужно было быстро захватить переправу через Дон, которая охранялась подразделением гитлеровских солдат.

Командир передового отряда корпуса подполковник Г. Н. Филиппов отлично понимал: атака в лоб не даст нужного результата, гитлеровцы наверняка успеют взорвать мост. Посоветовавшись со своими командирами, он принял другое, дерзкое решение. Колонна отряда, состоявшая из нескольких танков и машин мотопехоты, во главе со своим командиром в ночь на 22 ноября двинулась с включенными фарами по дороге прямо на мост с расчетом на то, что гитлеровцы примут ее за свою отступающую часть. Расчет оправдался. Отряд переправился через реку, в короткой схватке уничтожил охрану, захватил мост и, развернувшись, организовал его круговую оборону. Это обеспечило быструю переправу через Дон 26-го и 4-го танковых корпусов, которые 23 ноября вошли в Калач и хутор Советский.

23 ноября части 4-го танкового корпуса Юго-Западного и 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронтов встретились у хутора Советский, замкнув кольцо вокруг 6-й и части сил 4-й танковой армий общей численностью около 330 тысяч человек.

В период с 10 января по 2 февраля 1943 года окруженная группировка была полностью ликвидирована. В плен было взято свыше 91 тысячи человек, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала. Среди пленных оказался и командующий 6-й армией фельдмаршал фон Паулюс со своим штабом. Это было такое поражение Германии, какого она не знала за всю свою историю агрессии и разбоя.

Весть о победе советских войск под Сталинградом быстро распространилась по всему миру. Эта победа стала блестящим примером

для всех стран и народов, которые боролись против фашистского рабства. Была подорвана военная мощь Германии. Победа под Сталинградом нанесла второй могучий удар по фашистской армии, внеся важный вклад в процесс перелома хода войны. Завершить этот процесс было суждено нашим войскам под Курском.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Продолжая после Сталинграда наступление по всему фронту, советские войска очистили от фашистских захватчиков почти весь Северный Кавказ, подошли к Харькову и Таганрогу, освободили Ржев и Вязьму, прорвали блокаду Ленинграда южнее Ладожского озера.

По своей численности советские войска к лету 1943 года уже значительно превосходили врага. Большую помощь Красной Армии оказывали партизанские отряды и соединения, действовавшие в тылу немецко-фашистских войск. Под руководством Коммунистической партии партизанское движение выросло в огромную силу. Усилиями советского народа, партии и правительства страна была превращена в единый военный лагерь, живший и работавший во имя победы. Одновременно активизировались боевые действия и наших союзников. В начале 1943 года они провели крупную операцию в Тунисе, завершившуюся в мае полным разгромом итало-германских войск в Африке. В Западной Европе назревало открытие второго фронта.

И тем не менее Гитлер и его ближайшее окружение не считали войну проигранной. Гитлера часто видели за картой отыскивающим на ней участок фронта, где можно было бы одержать победу малыми силами. Он остановился на Курской дуге.

К лету 1943 года в районе Курска наши войска образовали большой выступ фронта, получивший название Курской дуги. С весны 1943 года здесь располагались войска двух крупнейших советских фронтов — Центрального и Воронежского под командованием генералов К. К. Рокоссовского и Н. Ф. Ватутина. Наши войска подготовили глубокую и прочную оборону. Это вызывало у немецко-фашистского руководства опасение за успех предстоящей операции. Однако у Гитлера выбора не было — и план «Цитадель», рассчитанный на окружение и уничтожение советских войск на Курском выступе, был принят. Проведение операции возлагалось на группы армий «Центр» и «Юг», уступавшие по своей численности противостоявшим советским войскам. В связи с этим расчет делался главным образом на использование новейшей боевой техники — тяжелых и средних танков «тигр» и «пантера», штурмовых орудий «фердинанд».

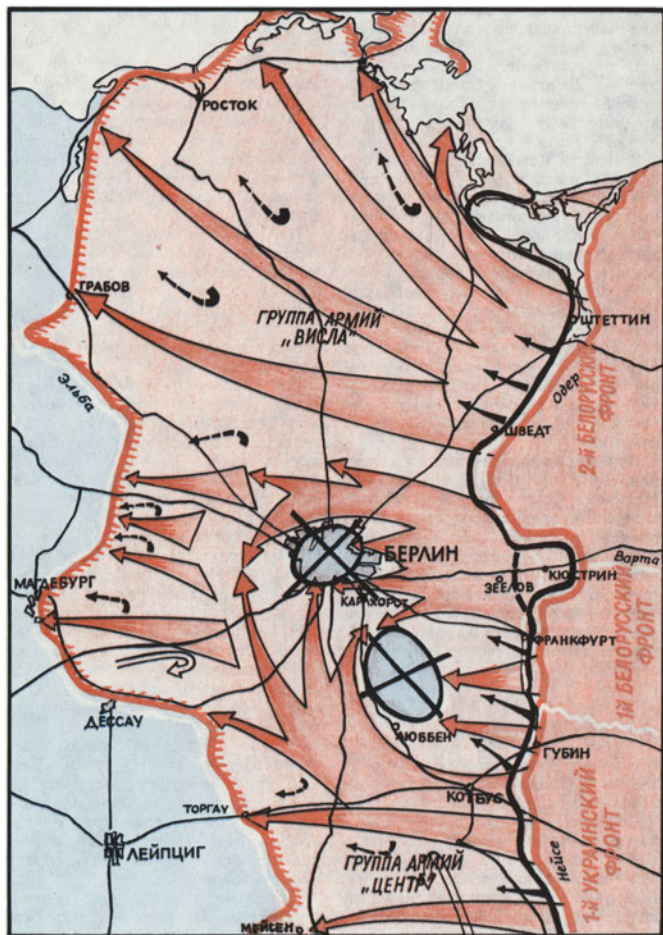
Советское Верховное Главнокомандование приняло оригинальный план проведения летней кампании 1943 года в три этапа. На первом этапе предусматривалось ограничиться обороной по всему фронту с целью нанести наступающему противнику возможно большие потери, «выбить у него танки». На втором — перейти в контрнаступление, провести Орловскую и Белгородско-Харьковскую наступательные операции, с тем чтобы разбить главные силы групп армий «Центр» и «Юг». И на третьем, перейдя в наступление по всему фронту, выйти осенью на рубеж Днепра.

5 июля группы армий «Центр» и «Юг» из районов Орла и Белгорода перешли в наступление в общем направлении на Курск. Впереди, как обычно, шли танки группами по несколько десятков машин, в их боевых порядках — мотопехота. На-

ступление обеспечивалось мощным огнем артиллерии и авиации. Советские солдаты дрались за каждый окоп, ячею, траншею, проявляя величайшую стойкость, мужество и самоотверженность.

Группе «Центр» за пять дней боев удалось преодолеть лишь первую и вклиниться во вторую оборонительную полосу. Уже 9 июля она вынуждена была остановить наступление и перейти к обороне. Войска группы армий «Юг» добились несколько большего: они прорвали первые две оборонительные полосы и вклинились в третью, но были остановлены. Провал операции «Цитадель» означал полный крах расчетов гитлеровского руководства на летнюю кампанию 1943 года. Наши войска полностью выполнили задачу первого этапа плана.

12 июля войска Западного и Брянского фронтов под командованием генералов В. Д. Соколовского и М. М. Попова начали контрнаступление, нанося главные удары с севера на Хотынец и с востока на Орел; 15 июля перешли в наступление войска Центрального фронта, нанося главный удар на Кромы. Замысел сводился к тому, чтобы системой ударов расчленил и уничтожить по частям группу армий «Центр» в районе Орла. Уже в первые дни советские войска прорвали на всех направлениях оборону противника, в течение семи дней продвинулись на отдельных направлениях до 70 километров, создав серьезную угрозу окружения орловской группировки противника. Опасаясь этого, немецкое командование бросило против наших войск крупные силы... Произошла задержка в наступлении. Ставка, внимательно следившая за развитием событий, дала Западному и Брянскому фронтам подкрепление — две танковые, одну общевойсковую армию, несколько отдельных стрелковых и танковых корпусов. После этого со-

Карта-схема Берлинской операции.

ветские войска, сломив сопротивление гитлеровцев, продолжили наступление и 5 августа освободили Орел, а 18 августа вышли на линию Жиздра — Дмитровск-Орловский. Орловская операция закончилась сокрушительным разгромом группы армий «Центр».

3 августа Воронежский и Степной фронты начали Белгородско-Харьковскую операцию и нанесли мощный удар в направлении на Белгород — Харьков. Фашисты имели здесь хорошо подготовленную оборону, но наши войска прорвали оборону немцев, 5 августа освободили Белгород, а 23 августа — Харьков.

Разгром фашистов в районах Орла и Харькова означал конец битвы под Курском, успешное завершение второго этапа летней кампании 1943 года и начало перехода к ее третьему этапу — к наступлению по всему фронту.

Курская битва завершила процесс, начатый контрнаступлением под Москвой и Сталинградом, — процесс коренного перелома в войне. С этого времени противник был вынужден по всему фронту обороняться, отступать, огрызаясь отползая в свое логово. Однако до полной победы советским войскам предстояло провести еще множество битв и сражений, завершающимися из которых явились сражения за Берлин.

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В начале 1945 года Германия оказалась в положении полной военной и политической изоляции.

Советские войска в феврале — марте 1945 года вышли на Одер и Нейсе, подошли к Моравской Острове в Чехословакии, освободили Вену. Выполняя свой интернациональный долг, они совместно с патриотическими силами оккупированных стран освободили от фашистского рабства

Польшу и Румынию, Болгарию и Венгрию, часть Югославии, Чехословакии и Австрии.

США и Англия в июне 1944 года высадили наконец крупные военноморские десанты на побережье Франции, открыв второй фронт в Европе. К концу марта англо-американские войска подошли к Рейну в Европе, к реке По в Италии. Германия оказалась в состоянии войны на два фронта.

Несмотря на это, Гитлер и его окружение отвергли предложение трех великих держав о безоговорочной капитуляции и приняли решение продолжать войну, которая не сулила Германии ничего иного, кроме новых бессмысленных жертв, разрушений и позора.

Главной целью устремлений воюющих сторон с начала 1945 года стал Берлин. Было очевидно: его падение с одновременной оккупацией других важных районов страны положит конец сопротивлению Германии и самому третьему рейху.

Гитлеровское руководство ставило перед собой задачу любой ценой отстоять Берлин, удержать рубежи по Одере и Нейсе, не допустить дальнейшего продвижения Советской Армии на восток. Фашисты пытались заключить сепаратный мир со своими противниками на Западе. Они надеялись уже совместно с западными союзниками продолжить войну против СССР и довести ее до победоносного конца. Защита Берлина с востока возлагалась на группы армий «Центр» и «Висла», стоявшие тогда по Одере и Нейсе. В самом городе располагался гарнизон численностью более 200 тысяч человек. Гитлеровские войска подготовили на подступах к городу прочную оборону.

Советское командование стремилось в сжатые сроки овладеть Берлином и кончить войну в Европе. Для этого было решено провести

Берлинскую наступательную операцию с привлечением трех фронтов — 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского под командованием маршалов Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского и И. С. Конева.

Наши западные союзники также стремились овладеть Берлином и преградить пути Советской Армии для дальнейшего продвижения в Центральную Европу. Они хотели создать благоприятную почву для упрочения своего решающего влияния в послевоенной Европе. Однако достигнуть этого, несмотря на предпринятые меры, им не удалось.

16 апреля 1945 года, за полтора часа до рассвета, под грохот тысяч орудий, реактивных установок и минометов в сопровождении авиации войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов начали наступление; 2-й Белорусский фронт из-за задержки с подготовкой перешел в наступление 20 апреля. По всему фронту от Балтики до границы с Чехословакией развернулось сражение, которому суждено было стать последним в долгой кровавой эпопее второй мировой войны в Европе.

Встретив упорное сопротивление, наши войска в первый день смогли прорвать только первую оборонительную полосу противника и подойти ко второй. Для овладения рубежом по Одеру—Нейсе и быстрейшего развития наступления в середине того же дня были введены в бой четыре наши танковые армии, представлявшие собой могучую ударную силу. В течение последующих двух-трех дней, действуя совместно с пехотой, они завершили прорыв Одерско-Нейсенского оборонительного рубежа, а начиная с 21 апреля завязали бои непосредственно за Берлин.

25 апреля главными силами 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов было завершено окружение Берлина и частью сил окружена

франкфурт-губинская группировка противника.

Франкфурт-губинская группировка предприняла несколько безрезультатных попыток вырваться из окружения и 30 апреля была полностью уничтожена. Берлинская группировка сопротивлялась немногим дольше: ее остатки капитулировали 2 мая. К утру 1 мая ряд подразделений и частей из состава 3-й гвардейской армии генерала В. И. Кузнецова овладел рейхстагом, а разведчики М. Егоров и М. Кантария водрузили над ним красное знамя — символ Великого Октября и Великой Победы. 8 мая в местечке Карлхорст под Берлином фельдмаршал Кейтель в присутствии представителей СССР, США, Англии и Франции подписал акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Вторая мировая война в Европе, непрерывно продолжавшаяся почти шесть лет и принесшая человечеству невиданные страдания, закончилась.

Значение победы советских войск в битве за Берлин велико и непреходяще. Победа знаменовала полный разгром фашистской Германии — основного поджигателя второй мировой войны. Она продемонстрировала великую мощь, прочность и жизнеспособность Советского Союза как социально-экономической системы, как главной силы в борьбе против фашизма. Победа открыла широкие перспективы для строительства новой жизни, для исторического прогресса.

Вот почему мы и говорим, что, победив гитлеровскую Германию, советские люди совершили величайший подвиг в истории Земли — спасли мир от фашистского порабощения, спасли человеческую цивилизацию от уничтожения. Советские люди кровью и своими жизнями оплатили продолжающуюся ныне жизнь на планете.

ПАМЯТНИКИ ПАРТИЗАНСКОЙ СЛАВЫ

Фотоочерк В. Лебединского

Четыре десятилетия прошло с того времени, как закончилась Великая Отечественная война. Время сровняло окопы и противотанковые рвы. На месте развалин и пепелищ, оставленных немецко-фашистскими захватчиками, возродились города и села. Но из памяти народной не исчезнет подвиг воинов Советской Армии, партизан и подпольщиков.

К концу октября 1941 года почти весь Крым был захвачен фашистами. Уже накануне их вторжения формировались партизанские отряды. Борьба с оккупантами не прекращалась до их изгнания с Крымской земли. Народные мстители нападали на гитлеровские гарнизоны, устраивали засады на дорогах, организо-

вывали диверсии на железных дорогах, уничтожали мосты и склады, спасали от расстрела советских людей, добывали — иногда ценой жизни — важные сведения о враге, а весной 1944 года вместе с частями Советской Армии освобождали Крым.

Пройдите по Крымским горам — и на скалистых вершинах, на полянах, дорогах и тропинках вы увидите памятники, мемориальные доски, бережно хранимые землянки и другие напоминания о событиях военных лет. По тропам народных защитников идут пионеры, комсомольцы и туристы. Приходят ветераны на места боев вспомнить былое. Остановимся и мы у памятников партизанской славы.

Памятник «Партизанская шапка» воздвигнут на 27-м километре трассы Симферополь — Алушта. После большого села Перевального шоссе входит в ущелье. Влево от шоссе в боковом ущелье речки Курлюк-Су начинается лесная тропа. По ней партизаны спускались к трассе, где устраивали засады и нападали на вражеские колонны. Это место гитлеровцы считали смертельно опасным.

Памятник в честь Бешуйского боя установлен в долине реки Альмы. В феврале 1944 года на подступах к Альме фашисты хотели навязать партизанам бой в тактически невыгодных условиях; в лесу скрывались дети, женщины и старики, которым удалось избежать фашистской оккупации. Партизаны разгадали замысел врага и уничтожили карателей близ Бешуя.

Самое знаменитое место в Зуйских лесах — это высота 887 с памятником «Курган Славы». Здесь произошел один из самых ожесточенных боев в истории крымской партизанской борьбы

Недалеке от «Кургана Славы» в ложбине в лесу находится памятник «Партизанский родник». Из вытекающего из-под камней источника воины брали воду; здесь же командиры встречались с артиллерийскими разведчиками и местными жителями.

Партизанское движение в Крыму было интернациональным. Об этом напоминает памятник словакам, павшим в боях с фашистами за нашу Родину.

На высоте Калан-Баир проходили ожесточенные бои 1-й партизанской бригады с превосходящими силами противника. 29 декабря 1943 года она при поддержке пушек и реактивных минометов — «катюш» в упорном сражении отразила наступление врага. В память о тех событиях на огневой позиции артиллеристов установлен памятник ракетчикам и артиллеристам.

В горной долине реки Танасау по дороге из Белогорска в село Приветное у шоссе на подходе к поляне Нижний Кокасан стоит памятник партизанам Ичкинского отряда. Партизаны этого отряда первыми в Белогорских лесах 3 ноября 1941 года вступили в бой с фашистами.

НИЖНИЙ КОКАСАН
Здесь 3 ноября 1941г.
ИЧКИНСКИЙ
ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД
ПЕРВЫМИ В БЕЛОГОРСКИХ
ЛЕСАХ ВСТУПИЛ В БОЙ
С ФАШИСТАМИ

Тяжелый упорный бой на Зуйской заставе развернулся 24—25 июля 1942 года. На боевой высоте в честь бойцов Зуйской партизанской заставы сооружен памятник.

На краю обширной поляны Верхний Кокасан установлен каменный монумент партизанам, сражавшимся в этом районе и погибшим в 1941—1944 годах.

В. Иванов

ВАХТА ПАМЯТИ

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Капитан 1 ранга Виктор Петрович Иванов начал войну солдатом на Ленинградском фронте. Ему было 11 лет, когда он получил первое воинское звание — ефрейтор. Сын полка награжден медалью «За оборону Ленинграда», двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и другими наградами Родины. О нем написаны книги, рассказы и очерки.

В своем очерке Виктор Петрович рассказывает о тех героических годах, ставших его боевым крещением на всю дальнейшую жизнь.

Сегодня Дорога жизни стала уже легендой. И как-то немного странно относить эту легенду к себе. Но время идет, и сегодня я, уже седой человек, с волнением вспоминаю годы войны, блокаду Ленинграда, Дорогу жизни через Ладожское озеро.

Когда началась война, мне было 10 лет.

Совершенно безнадёжного, полно-

стью истощенного от голода, меня выходили в полку солдаты, и я в 11 лет стал солдатом — сыном полка.

Детская память крепкая. Мне запомнилось все до мельчайших деталей: первый день войны, блокада Ленинграда, полк, затем ранение, госпиталь, снова полк и снова ранение.

Мне, как и всем моим сверстникам, выпала нелегкая доля — доля войны. Выросло новое поколение, и многим трудно себе представить, что такое война и что такое блокада Ленинграда.

Я вспоминаю холодный ноябрьский день — самый злобующий в период блокады — 20 ноября 1941 года. В этот день было объявлено об очередном снижении нормы хлеба на день. Для рабочих она составила 250 граммов, для всех остальных — 125 граммов. Понять, что это был за хлеб, узнать его может лишь тот, кто пробовал его сам.

Этого хлеба, состоявшего на две трети из всевозможных примесей, сырого, черного, мне не забыть до конца своих дней.

В одной из книг я прочел, что человеку в сутки нужно около 3 тысяч калорий. Так вот 125 граммов хлеба составляют всего 200 калорий.

Как и все ленинградцы, я верил в победу над гитлеровцами, знал, что страна не оставит нас в беде. А пока с другими ребятами грузил на грузовые трамваи песок для мешков, из которых складывались защитные сооружения в центре города, дежурил на крыше и чердаке своего дома, тушил зажигательные бомбы.

Я жил в Октябрьском районе, на проспекте Римского-Корсакова, недалеко от Адмиралтейского завода. Район был опасным. Наш дом находился всего в пяти трамвайных остановках от Нарвских ворот, а там рядом Кировский завод и передний край обороны.

Хорошо помню 8 сентября. Фашисты в этот день предприняли первый массированный воздушный налет на город, и затем налеты вражеской авиации стали непрерывными. Еще раньше начались артиллерийские обстрелы города. В один из сентябрьских дней мы пережили семь воздушных налетов и три обстрела. Зимой в наш дом попал снаряд, он

не разорвался и, проломив потолок в нашей квартире, застрял.

Запомнилось мне 7 ноября.

Я с матерью и несколькими жильцами стоял под аркой дома. Внезапно раздался страшный вой, а потом сильный взрыв. Взрывной волной я был брошен на землю. Когда вскочил, то на мне не было шапки и, как ни странно, не осталось ни одной пуговицы на пальто. Под ногами у всех осколки стекол, вылетевших из окон. И тут же на крышу дома и двор упали десятка два небольших зажигательных бомб. Еще не успев опомниться от взрыва, все кинулись тушить «зажигалки». Наутро выяснилось, что бомба весом в 1 тонну разрушила полностью дом на другой стороне канала Грибоедова, как раз напротив нашего дома.

Смерть настигала людей на улице, в квартире. В начале марта 1942 года мать возила меня, уже совершенно обессилевшего, на саночках в столовую, чтобы накормить обедом. Светило весеннее солнце. Солдаты грузили умерших в грузовики, чтобы затем похоронить в братских могилах на ставшем теперь знаменитым Пискаревском кладбище.

После войны вышло много книг о блокаде Ленинграда. В одной из них я прочел, что в декабре умерло более 52 тысяч человек, в январе и феврале — почти 200 тысяч. Согласно заключению Чрезвычайной государственной комиссии, от голода во время блокады умерло 641 803 человека.

Эту цифру я привел для того, чтобы показать, как тяжело было ленинградцам. Но ни обстрел, ни варварские бомбежки, ни голод не смогли сломить дух ленинградцев. Каждый жил одной мыслью — отстоять город от фашистов.

В эти мартовские дни я написал письмо на фронт отцу, в котором

Сын полка ефрейтор Витя Иванов.

рассказал о нашем тяжелом положении, просил его бить фашистских гадов, чтобы быстрее освободить город из кольца блокады. Не знаю, кому показал отец письмо. Только 14 марта 1942 года из полка приехало несколько человек в Ленинград. Они навестили меня и мать. Увидев, что я в очень тяжелом состоянии, они завернули меня в одеяло и увезли в полк, где и выходили. Таким образом, своим спасением я обязан родной армии, в рядах которой нахожусь уже более сорока лет.

Судьба города зависела и от организации подвоза продуктов. И тогда было принято решение наладить доставку продовольствия в Ленинград через Ладожское озеро. Дело было очень тяжелым и опасным. Ведь на южном берегу Ладоги стояли батареи фашистов. В северной

части озера хозяйничали финские войска. Но была еще свободной узкая полоска ладожской воды между западным и восточным берегами. Вот этой-то полоске и было суждено со временем превратиться в легендарную Дорогу жизни. Большая часть ее проходила на виду гитлеровских позиций.

Подвоз продовольствия по льду позволил уже 25 декабря увеличить норму выдачи хлеба. Эта радостная весть мгновенно облетела весь город. Все, кто мог ходить, вышли из домов, чтобы поделиться общей радостью. Мы обнимали и целовали знакомых и незнакомых, плакали от счастья. Этот день незабываем. Каждый из нас в этой прибавке почувствовал провал вражеской блокады. Это была наша первая победа — победа ленинградцев.

24 января 1942 года норма снабжения хлебом вновь была повышена, а 11 февраля хлебный паек был снова увеличен.

Зимняя дорога по льду Ладожского озера действительно стала Дорогой жизни. В течение четырех месяцев по ней из Ленинграда было эвакуировано более 500 тысяч детей, женщин, престарелых и больных. С мая по ноябрь 1942 года по воде было вывезено еще около полумиллиона человек.

Мне пришлось дважды во время войны пересечь Ладогу. Первый раз это произошло в октябре 1942 года.

В конце сентября я был ранен в районе Невской Дубровки. Лежал вначале в полевом госпитале, затем в Ленинграде, недалеко от Финляндского вокзала.

И вот в середине октября мне объявили, что я в числе других тяжело раненных буду эвакуирован через Ладогу на Большую землю в один из тыловых госпиталей.

Из госпиталя нас погрузили на санитарные машины и отвезли на вокзал, затем ночью на поезде по-

вели на берег Ладожского озера, на станцию Осиновец, по довоенной старой Ириновской ветке, где нас ждал корабль, который, как я узнал позже, назывался «Чапаев». Моряки называли свой корабль канонерской лодкой. Я был в те годы далек от моря, кораблей. Видел их только до войны на Неве. Поэтому в моем понимании «Чапаев» был грозным боевым кораблем.

Мы вышли в море. Я думаю, что это сказано правильно. Ибо Ладожское озеро — это, по сути, море. Ведь оно самое большое в Европе. Подобно морю, оно многоводно. И характер у него не озерный, а морской. С середины августа и до ледостава здесь свирепствуют штормы, достигающие до 10 баллов.

Перебинтованный, я лежал на носилках в кубрике. Но уже по кораблю пронеслось известие, что на «Чапаев» вместе с другими ранеными привезли мальчика-солдата. Ко мне пришли комиссар, матросы. Перенесли меня в теплое место — около трубы. Каждый считал своим долгом что-то мне сказать ласковое, подбодрить, чем-то угостить. До сих пор помню, как специально для меня корабельный кок сварил сладкую рисовую кашу. Я такую ел только до войны. Между тем Ладога стала доказывать, что она море, а не озеро. Ведь стояла середина октября. Это был период штормов. Наш корабль зарывался в волны. Вот тогда я и почувствовал, что такое быть моряком. Многих из нас укачало. В довершение всего над нами появилось три «мессершмитта». Несколько раз они выходили в атаку на наш «Чапаев». Сброшенные бомбы разорвались недалеко от борта, но, к счастью, в корабль не попали.

Я не писатель, мне трудно описать тот поход. Но он, несмотря на свирепый шторм, бомбежку, пробудил во мне любовь к флоту, которая осталась во мне навсегда.

Мы благополучно пробились в Кобону — порт на восточном берегу Ладоги. Здесь под бомбежкой нас погрузили на вагонетки и по узкоколейке перевезли к стоящему санитарному поезду.

Лежал я в госпитале на станции Шексна, недалеко от Вологды. Лежал долго и был выписан из госпиталя лишь 7 января 1943 года.

После непродолжительного пребывания в Вологде меня направили вновь на Ленинградский фронт, в одну из частей. Вместе с молодым пополнением я теперь уже в обратную сторону должен был пройти через Ладожское озеро в Ленинград Дорогой жизни. Но теперь уже не на корабле, а по льду Ладожского озера из Кобоны в Осиновец, с восточного берега на западный. После проверки документов у бревенчатого шлагбаума мы вступили на ладожский лед. Перед нами открылась необъятная белая равнина со множеством дорожных знаков, уходящих от берега к горизонту. Было холодно. Ведь стоял январь. Вышли мы на лед в ночь. Такая предосторожность была нелишней. Ведь ледовая трасса проходила всего в 8—12 километрах от передовых позиций фашистов на южном берегу озера. Шли по накапанной на льду дороге. Возле подножия высоких сугробов курилась снежная пыль. Шел снег. Идти нужно долго. Ведь Дорога жизни протянулась на 30 километров и пройти ее нужно было до рассвета.

Машины с потушенными фарами вели в Ленинград продовольствие. У каждой машины открыта дверца: если машина провалится в полынью или воронку от снаряда, тогда шофер и пассажир смогут из кабины выскочить. На каждом километре стояли маленькие домики из снега и льда — регулировочные посты. Нередко встречались вооруженные патрули. Вдоль трассы смотрели в небо зенитные установки. Со сторон

Курсант Ленинградского нахимовского военно-морского училища Виктор Иванов.

южного берега слышалась ожесточенная канонада. А когда фашисты начинали обстрел трассы и снаряды падали вблизи, то наша колонна рассредоточивалась и замирала на снегу.

ПЕТРОЗАВОДСК

Петрозаводск — столица Карельской АССР. Расположен севернее 60-й параллели, на берегу одного из крупнейших озер Европы — Онежского. Свою родословную город ведет от завода, основанного Петром I в устье

В конце пути я почувствовал сильную усталость. Ноги просто не могли идти. Километра за четыре до западного берега командовавший пополнением офицер около одного из регулировочных постов остановил машину, груженную мешками с сахарным песком, и уговорил водителя взять меня и еще четырех заблевших бойцов в машину.

Прибыв в Ленинград, мы узнали, что в эту ночь была прорвана блокада и создан коридор в несколько сот метров, через который город соединился с Большой землей. 19 января 1943 года Москва поздравила войска Ленинградского и Волховского фронтов.

Прошло несколько лет. Окончилась война. Во время учебы в Ленинградском нахимовском военно-морском училище мы проходили летнюю морскую практику на ставшей мне родной Ладоге. И как когда-то, в годы войны, я вновь шел по тому же пути от Осиновца в Кобону. Но теперь уже не было шторма. Ладога плескалась тихая и спокойная. Светило летнее солнце. Не было ни атак вражеских самолетов, ни артиллерийских обстрелов. И шел я не на «Чапаеве», а под парусом на баркасе. Трудно было передать мое волнение. Воспоминания теснились в груди... Ведь это была встреча с прошлым, которое в дальнейшем определило мою судьбу. Теперь мне кажется, что благодаря Ладоге я и стал военным моряком.

реки Лососинки в 1703 году. Позднее город стал центром Олонецкой губернии, первым губернатором которой был поэт Г. Р. Державин. Современный Петрозаводск — крупный промышленный и культурный центр Карелии, связанный Волго-Балтийским водным путем с пятью морями.

Л. Замятин

КРАСНЫЙ ФЛАГ НА ВЕРШИНЕ ЭЛЬБРУСА

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

В планах немецко-фашистских войск, вероломно напавших на нашу страну 22 июня 1941 года, захвату Кавказа уделялось особое место. Гитлер мечтал овладеть кавказскими нефтяными районами, а затем прорваться на Ближний Восток и далее в Иран и Индию. По плану, разработанному фашистскими стратегами, к маю 1942 года германские войска должны были захватить Кавказ и выйти к перевалам на иракско-иранской границе.

24 июля 1942 года фашисты захватили Ростов-на-Дону, который считали воротами Кавказа. Когда русские запасы нефти истощатся, Россия будет поставлена на колени, — радостно предсказывали враги. План захвата Кавказа «Эдельвейс» предусматривал оккупацию Северного Кавказа, а затем — Закавказья с обходом Главного Кавказского хребта с запада и востока и одновременным прорывом горно-пехотных частей через кавказские перевалы.

На дивизию горных егерей «Эдельвейс» фашисты возлагали особые

надежды. Ведь они прошли солидную горную подготовку, имели опыт боевых действий в горах Норвегии и на Балканах.

В начале августа 1942 года фашисты через Невинномысск и Черкесск вышли к перевалам Западного Кавказа. Большое значение придавалось эльбрусскому направлению. Фашисты предполагали, захватив массив Эльбруса, овладеть важнейшими перевалами Кавказа и затем прорваться наконец в Грузию и далее на юг.

Гитлеровцам удалось занять перевалы Марух и Клухорский, а в районе Эльбруса — перевалы боковых хребтов: Басса, Чипер-Азау, Азау. Егеря захватили «Приют одиннадцати» на склоне Эльбруса и установили фашистский штандарт на высшей точке Европы. Геббельсовская пропаганда ликовала. Но на этом успехи гитлеровцев закончились.

Героические защитники Кавказа сумели отстоять перевалы Главного хребта, а к зиме 1943 года —

обратить непрошенных гостей в бегство. Многие егеря дивизии «Эдельвейс» остались навсегда в глубоких снегах Кавказа.

8 февраля 1943 года двадцать красноармейских альпинистов, поднимаясь на Эльбрус, достигли высоты 4200 метров. Здесь располагалась самая высокогорная в Европе гостиница «Приют одиннадцати». Округлое вытянутое трехэтажное строение напоминало издали дирижабль, увязший в снегу. Здесь обычно ночевали альпинисты перед восхождением, здесь пережидали непогоду.

Не доходя до «Приюта», бойцы залегли в снегу: неизвестно, ушли фашисты из «Приюта» или притаились в засаде. Дали несколько очередей из автомата. Тишина. Лишь безжизненно поскрипывают на ветру сорванные куски цинковой кровли. Было похоже, что фашисты покинули

«Приют» недавно. Двери сорваны с петель. Стекла выбиты. Не заминировано ли строение?

«Мин, кажется, нет, — рассудил политрук отряда Евгений Белецкий, — если б заминировали, сэкономили бы «Приют» целехоньким для приманки».

Вдвоем со старшим лейтенантом Владиславом Лубенцом вошли они внутрь. Помещение оказалось сильно захлапленным. Под ногами — снег, окаменелый хлеб, мерзлая картошка, искореженные огнем консервные банки, старые немецкие газеты. Кто поднял одну из них. Газета пошла по рукам. Внимание привлекла фотография: лето 1942 года, brave фашистские молодчики в форме егерей горно-стрелковой дивизии «Эдельвейс», широко расставив ноги, стоят на вершине Эльбруса. В руках у них — фашистский штандарт. Гитлеровские газеты и журналы августа 1942 года пестрели подобными фотографиями. «Европа у наших ног! Наш флаг навечно водружен на ее высшей точке!» — трубила на весь мир геббельсовская пропаганда.

Теперь положение на фронте изменилось: фашисты отступали. Для развенчания легенды об окончательном и бесповоротном покорении всей Европы, для снятия фашистских флагов с вершин Эльбруса и водружения на них алых флагов СССР и послало командование Закавказским фронтом отряд опытных военных альпинистов.

Но февраль не август. Уже четыре дня бушевала на Эльбрусе непогода. Ветер валил с ног. Видимости — никакой. А принесенные с собой продукты кончались. Когда утихнет этот буран, сколько времени придется еще отсиживать в «Приюте», не знал никто.

Но приказ должен быть выполнен. 12 февраля по радио сообщили об освобождении Краснодара. И аль-

пинисты приняли решение: ночью выступить на штурм более высокой и трудной западной вершины Эльбруса (5633 метра). Решили, что пойдут шестеро наиболее опытных и выносливых.

В 2.30 группа во главе с лейтенантом Николаем Гусакom покинула «Приют одиннадцати». Свирепый ветер высекал из глаз слезы. На лицах нарастала сплошная ледяная корка. Согнувшись под ветром, тяжело дыша, то и дело останавливаясь для отдыха, шестеро альпинистов в тяжелых армейских тулупах и валенках брели к неразличимой во тьме и снежной мути вершине. Конечно, легче было бы штурмовать вершину в легких пуховых куртках и в специальных альпинистских высокогорных ботинках, подбитых шипами. Чтобы валенки не скользили на льду, к ним привязаны металлические «кошки» с острыми зубьями.

Восходители идут след в след. Высота дает себя знать. Лбы мокрые от пота. Разговаривать невозможно: собьешь дыхание. Видимость — не более 5 метров. Страшен Эльбрус зимой в непогоду. Где они сейчас находятся? Сколько еще высоты набирать? Не дай бог кому-то отстать, отбиться от группы.

Вот и лед под ногами. Зубья «кошек» соскальзывают по нему, как по стеклу, а то и гнутся. Тогда приходится останавливаться и выпрямлять их ледорубом. Поскользнуться нельзя: вряд ли сумеешь затормозить. А внизу — ледовые сбросы (обрывы) и глубокие трещины. Свалишься — и тела твоего не отыщут.

Вбивая зубья «кошек», шестерка набирает метры высоты. Как различают они путь к этой снежной кутерьме? Вперед никаких ориентиров, но идут они уверенно, технично: ни одного лишнего движения. Восходители знают: до подъема

к седловине ветер должен дуть в левую щеку.

В такую погоду спортсмены обычно отсиживаются в «Приюте одиннадцати». Легко заблудиться на многокилометровых белых полях Эльбруса: можно и сорваться, и попасть в лавину. Можно, наконец, просто «загулять» вокруг необъятной горы, пока не свалишься от усталости и не превратишься в кусок льда. Очень легко обморозить руку или ногу — и не почувствуешь сразу. Но они упрямо шли, невзирая на сильный буран. Они были полны решимости победить.

Ледовые «доски» чередуются с глубоким рыхлым снегом. И снова, сменяя друг друга, альпинисты вытаптывают прочную снежную лестницу. Замыкающие используют готовые ступени, идти им гораздо легче, не тратя сил на вытаскивание из снега провалившейся ноги. А каждый, кто идет первым, помнит: за его спиной — товарищи. Поэтому шаг первого не должен быть слишком длинным, если кто-то в группе ниже тебя ростом. И первый укорачивает шаг. Каждый думает о товарище. За спиной у любого из шестерых — десятки покоренных вершин, в том числе самых трудных, самых высоких в стране.

Руководитель группы Николай Гусак до войны работал на Эльбрусе зимовщиком. В 1935 году вместе с Александром Гусевым он совершил первое в истории зимнее восхождение на Эльбрус. Кому, как не ему, знать нрав грозного исполина. Александр Сидоренко и Евгений Смирнов тоже бывалые восходители. Политрук отряда Евгений Белецкий еще в 1937 году (первым в мире!) покорил оба наших памирских семитисячника — пик Ленина и пик Коммунизма. А бойцы-партизаны из Сванетии братья Габриель и Бекну Хергиани выросли в высоких горах. Горы для них дом родной.

Шестеро бойцов-альпинистов идут к вершине, пробиваясь сквозь буран. В «Приюте» за них волнуются друзья. На всякий случай здесь уже готовится к выходу спасательный отряд. Но кто может подсказать, где искать восходителей, с которыми нет никакой связи?

А шестерка уже выходит на седловину Эльбруса. Теперь ветер не мешает. От него защищает западная вершина. Дальше — круто вверх. У альпинистов это называется подъемом в три такта «ледоруб — нога — нога». Сначала двумя руками вгоняешь в снег древко ледоруба, затем, как по футбольному мячу, бьешь носком левой ноги в снежный склон, потом — правой. И опять все повторяется... бесчисленное количество раз. Бесконечный снежный склон.

Бойцам начинает казаться, что они уже превратились в заведенные долбящие механизмы, они теряют ощущение времени. 40-градусный мороз, но спины намокают от пота... И вдруг резкий ледяной порыв ветра. Склон становится пологим. Это предвершинное плато!

Круто наклоняясь, почти ложась на упругий ветер, восходители движутся вправо к невидимой вершинной точке. Не сразу удастся найти этот плоский снежный бугорок, за которым ничего нет — только резкий провал к перевалу.

Вот наконец и триангуляционная вышка и рядом флагшток с обрывками фашистского флага. Альпинисты срывают его и закрепляют алое полотнище со звездой. Объятия. Крики «ура!». Салют из наганов. Каждый ощущает торжественность этой минуты.

В консервную банку Николай Гусак вкладывает записку:

«13.2.1943 г. 14-00

Сегодня сюда поднялась группа инструкторов альпинизма РККА в составе: начальник группы — мастер спорта СССР Н. Гусак — лейтенант.

Участники: мастер спорта А. Сидоренко, сван-партизан Г. Хергани, сван-партизан Б. Хергани, политрук мастер спорта Е. Белецкий, военный техник 2 ранга — инструктор Е. Смирнов.

Поднялись с «Приюта» одиннадцати за девять часов. Снегопад, туман, мороз. Восхождение посвящено освобождению Кавказа от гитлеровцев и 25 годовщине нашей славной Красной Армии.

Группа по приказу командования Закавказья сняла немецко-фашистский вымпел и установила наш Красный флаг СССР. Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наша партия — ВКП(б) и героическая Красная Армия!

Да здравствует наш Эльбрус и вновь свободный Кавказ!»

Банку с запиской закладывают в каменную пирамидку.

А через четыре дня в ясную морозную погоду взойшла на восточную вершину Эльбруса вторая группа военных альпинистов из четырнадцати человек во главе с А. М. Гусевым и установила и здесь советский флаг. Спускаясь с вершины, на седловине альпинисты наткнулись на трупы двух егерей дивизии «Эдельвейс».

Они замерзли. Скорее всего фашисты бросили их на высоте, спасая собственную жизнь.

Командующий войсками Закавказского фронта генерал армии И. В. Тюленев наградил участников исторического восхождения на Эльбрус в феврале 1943 года орденами и медалями.

А. Раздолгин

ТАЙНА ПЕРЕСТАЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

1. ГИБЕЛЬ ВРАЖЕСКОЙ СУБМАРИНЫ

Шел четвертый год войны. Все дальше и дальше на запад отступал враг. Войска Ленинградского фронта разгромили фашистов под Ленинградом и Новгородом, вышли на побережье Нарвского залива, овладели Выборгом и островами Бьеркского архипелага. Все это помогло нашим кораблям прорваться через южный фланг гогландской противолодочной позиции противника и расширило оперативные возможности в Выборгском заливе. Повеселели моряки. Все чаще и чаще звучало в их разговорах слово «победа».

В конце июля 1944 года командир гвардейского катера МО-103 гвардии старший лейтенант А. П. Коленко после выполнения задания запросил «добро» на пополнение запасов. На место дозора вышел МО-105, которым командовал гвардии капитан-лейтенант Швалюк. Место дозора было не самым благоприятным: шхеры, множество островов, подводных рифов. Однако не только

рифy и банки угрожали морским охотникам. Несколько кораблей погибли при странных обстоятельствах. Специалисты находили в плавающих обломках потопленного судна детали, явно принадлежащие торпедe. Но откуда здесь могли взяться торпеды? Да и нахождение лодок в шхерах почти исключалось. К тому же оставшиеся в живых моряки как один твердили, что никаких пузырчатых следов, характерных для идущих на цель торпед, они не видели. Тогда что же?

Находясь в дозоре, МО-105 обнаружил подводную лодку. Атака оказалась безуспешной. Фашистам удалось уйти. Командир дал команду застопорить ход. И в это время раздался взрыв... Следа торпеды опять не было.

На МО-103 сыграли боевую тревогу. Через несколько минут катер был готов к бою и походу. Командир дивизиона вызвал А. П. Коленко в штаб. В штабе уже знали о случившемся: сигнальщик с наблюдательного поста на острове Руонти

доложил, что катер торпедирован подводной лодкой.

Командир дивизиона приказал немедленно выходить к месту взрыва, обследовать район и продолжать нести дозорную службу. При обнаружении подводной лодки атаковать ее.

Оставляя за кормой вспененный бурун, корабль летел на задание. Впереди показался разъездной катер с острова Руонти. На его борту находились семь спасенных матросов с МО-105. Приняв раненых и оказав им необходимую помощь, высадили спасенных в Койвисто. И снова в море. Теперь во что бы то ни стало надо найти врага и уничтожить его.

Долго бы пришлось бороздить море, если б не один из катеров-тральщиков, работавших в проливе Эресунн. Матросы заметили, как под их кораблем промелькнул силуэт вражеской подводной лодки. В небо взлетели ракеты, означающие: «Обнаружил подводную лодку».

Получив приказание следовать на тральщик, рулевой изменил курс. Каждый занят своим делом. Готовятся глубинные бомбы. Но главный сейчас гидроакустик. Тщательно обследует он сектор за сектором. Но в наушниках лишь шум моря. Командир приказывает вновь изменить курс. Не мог уйти далеко противник. Возможности его ограничены: каменистые банки, малые глубины. Расчеты оказались верными. Через несколько минут гидроакустик доложил: «Товарищ командир! По пеленгу... дистанция... шум винтов подводной лодки».

Командир приказал приготовить глубинные бомбы.

Взрыв, еще один...

За кормой, словно в кратере вулкана, столбы воды с песком и илом взметались вверх и, рассыпаясь, падали, рождая пенящиеся волны.

Пройдя над предполагаемым местом нахождения подводной лодки,

катер, уменьшив ход, развернулся для новой атаки.

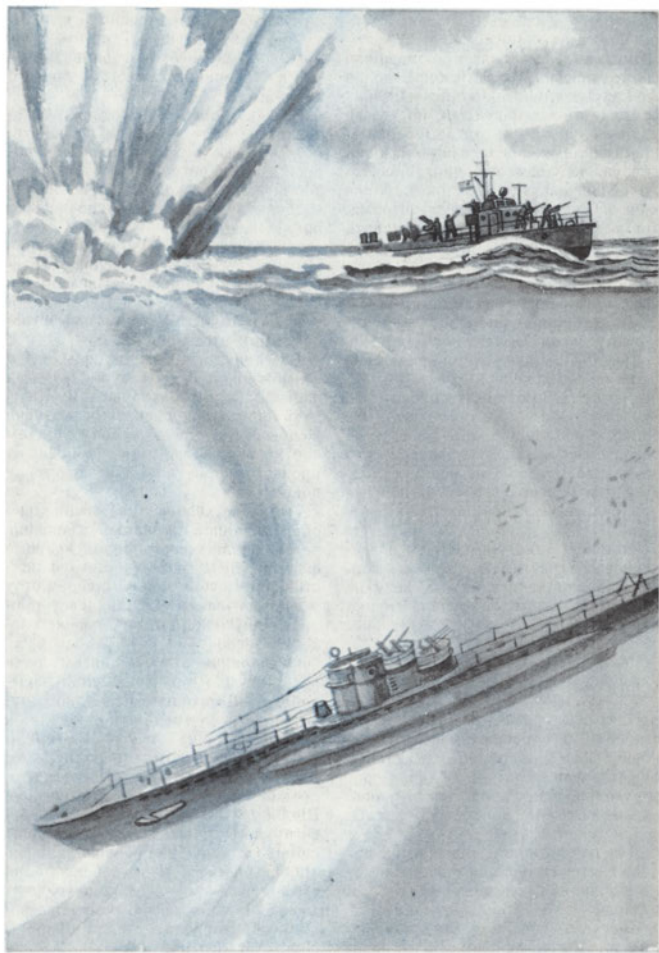
Сигнальщик увидел пузырчатый след, отмечавший движение противника. Теперь-то уж фашисту не уйти. И снова атака, и снова глубинные бомбы рвутся за бортом малого охотника.

Все, теперь ждать. Катер подошел к тому месту, где предполагалось быть подводной лодке. Скоро из глубины вырвались огромные пузыри воздуха. Замерли моряки у пушек и пулеметов. Если лодка всплывет, они готовы принять бой. Но лодка не всплыла.

На поверхности показались люди в спасательных костюмах. Фашисты, шесть человек. Они махали руками, взывая о помощи. Пленных и командира вражеской лодки подняли на борт морского охотника. Обозначив место потопления фашистского корабля вешкой, катер взял курс на базу.

2. ПОДЪЕМ ЗАТОНУВШЕЙ ЛОДКИ

Необычный в таких случаях интерес проявили гитлеровцы к месту затопления своей подводной лодки. Авиация Геринга усиленно и неоднократно бомбила этот квадрат залива. Торпедные катера, прорвавшиеся в район гибели лодки, сбросили не один десяток глубинных бомб. Даже береговая артиллерия вела непрерывный огонь. Такие меры предосторожности немцев навели наше командование на мысль, что эта лодка отмечена тайной особой важности. Что же это была за тайна? Ответ на этот вопрос должны были дать наши водолазы. Но проникнуть в лодку, лежавшую на каменистой банке на глубине 27 метров, не удалось. От ударов глубинных бомб люки оказались деформированными, и все предпринятые попытки отдрать их не увенчались

успехом. Тогда решили поднять лодку, что делалось в условиях войны впервые.

Возглавить эту нелегкую операцию взялся опытный балтийский водолаз А. Разуваев. Он попытался еще раз проникнуть внутрь лодки, но это не удалось сделать, и тогда водолазы приступили к обследованию лодки для последующего поднятия ее со дна. В основном работы проводились ночью, нередко во время шторма. Да и фашисты не хотели отдавать трофей победителям. Вражеские катера неоднократно пытались провраться в район действия водолазов, но были отбиты нашими катерами.

На всю операцию ушло двести девяносто часов. Поднятая со дна подлодка оказалась заминированной. Командир вражеской лодки дал понять, что нечего пытаться снять со дна его корабль, будучи уверен, что сработают специальные взрывные устройства. Он не подозревал, что группа водолазов уже подняла лодку и два буксира самым малым ходом отвели ее в кронштадтскую гавань.

Стальное тело субмарины, извлеченное со дна залива, все еще продолжало хранить тайну. К делу на смену водолазам приступила группа разоружения.

3. НА ГРАНИ ВЗРЫВА

Началась третья, не менее ответственная и опасная, чем предыдущие, часть операции, связанная с раскрытием тайны лодки, — разоружение. Никто не знал, какие каверзы и ловушки таила в себе фашистская лодка.

Для разоружения лодки была направлена специальная группа, в которую вошли опытные минеры и торпедисты.

Вместе со специалистами в лодку был допущен и бывший ее командир,

утверждавший ранее, что без знания определенных тонкостей в лодке можно взорваться. Так что ему приходилось самому отдраивать люки и горловины некогда боевого корабля.

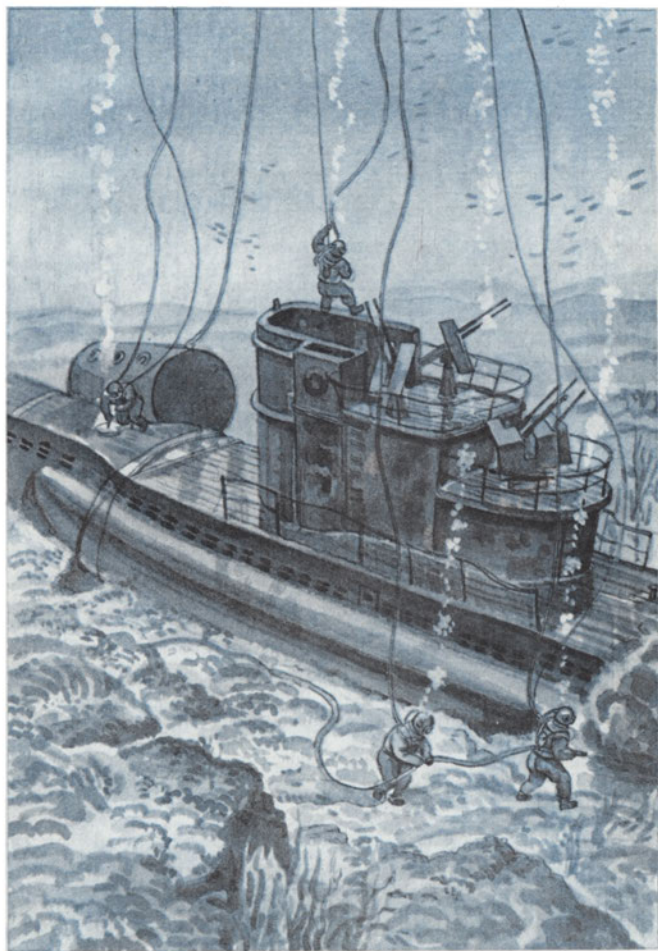
В аккумуляторном отсеке было около двадцати взрывных устройств, но к моменту подъема они были повреждены и не сработали. Удалось добыть шифр, код, шифровальную машинку, но самое главное — были обнаружены торпеды, ранее неизвестные советскому командованию. На них пестрели нанесенные красной краской надписи: «Внимание!», «Не трогать», «Не вскрывать». Эти торпеды были новейшим видом вооружения гитлеровцев.

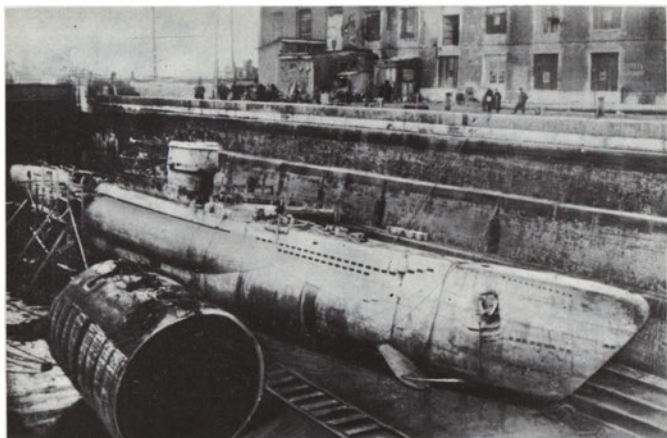
Разгадать секреты торпеды стало возможно благодаря мужеству всех членов группы разоружения. Каждую минуту они рисковали жизнью. Необычным был даже сам подъем частично поврежденных торпед из прочного корпуса лодки на стенку дока.

Работали ночью на специально оборудованной площадке, освещение не включали, использовали красные фонари. Было известно, что фашисты часто использовали в своем оружии фотоэлементы. Едва свет проникал внутрь мины, как тут же следовал взрыв.

Осторожно, шаг за шагом люди раскрывали и обезвреживали взрывоопасную механику подводного чудовища. Поочередно подходили к «сигаре». Нервы — в комок. Все внимание — тоненькому проводку, уходящему внутрь торпеды. Противная дрожь, мешающая сосредоточиться. Щелчок как выстрел. Товарищи с трудом разжимают онемевшие пальцы, стиснувшие кусачки. Смерть прошла мимо... Так перекусывали проводок за проводком по очереди.

Вскоре тайна перестала существовать. На торпедах стояли приборы акустического наведения на цель и

Фашистскую лодку два буксира малым ходом отвели в кронштадтскую гавань.

электромагнитный неконтактный взрыватель. Были обнаружены и ранее неизвестные приборы маневрирования. Вот почему при движении торпеды на цель никто не видел обычного пенистого следа, который позволял кораблям, вовремя замечавшим этот след, уклоняться от опасности.

За мужество и отвагу, проявленные при потоплении фашистского

пирата, подъеме лодки, разоружении торпед, все участники этой необычной операции были награждены орденами и медалями.

В результате закончившейся балтийской одиссеи нашими учеными и военными специалистами были найдены контрмеры против новых фашистских торпед, разработаны приемы уклонения кораблей от них, что спасло немало человеческих жизней.

ГОРЯЧЕЕ ОЗЕРО

Иссык-Куль (киргизское — горячее озеро) — озеро в Киргизской ССР, одно из крупнейших озер мира. Его площадь около 6200 квадратных километров, наибольшая глубина достигает 702 метров. Озеро расположено в Тянь-Шаньской горной системе на высоте 1609 метров над уровнем моря. Озеро

бессточное, вода в нем несколько солоноватая. Зимой Иссык-Куль никогда не замерзает, за исключением заливов и узкой прибрежной зоны в отдельных районах.

Климат Иссык-Кульской котловины, благодаря смягчающему действию вод озера, умеренно теплый.

В окрестностях озера расположено несколько курортов.

К. Шопотов

НА ПОСТАМЕНТЕ — ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

9 мая 1975 года подводная лодка С-56, экипаж которой показал образцы мужества и героизма в годы Великой Отечественной войны, сражаясь с немецко-фашистскими захватчиками в водах Заполярья, встала на вечную стоянку на Корабельной набережной бухты Золотой Рог в городе Владивостоке как корабль-музей.

Судьба героической С-56 тесно связана с Северным и Тихоокеанским флотах. Подводная лодка была заложена 24 ноября 1936 года. Готовый корпус подводной лодки был доставлен на Дальний Восток. С-56 была передана флоту 20 октября 1941 года, когда уже шла война с немецко-фашистскими захватчиками. Новейшее по тому времени навигационное оборудование, средства связи и гидроакустическая аппаратура в сочетании с торпедным и артиллерийским вооружением давали возможность подводной лодке успешно решать задачи по поиску и уничтожению кораблей и судов противника. Экипаж был сформирован задолго до окончания строительства

подводной лодки, а в командование кораблем вступил капитан-лейтенант Г. И. Щедрин, уже имевший, несмотря на свои 28 лет, большой опыт плавания.

Первый год войны прошел для экипажа С-56 в напряженной боевой учебе, несении дозорной службы, изучении опыта боевых действий подводников Балтики и Северного флота. Приходилось быть в постоянной готовности, так как Япония, являющаяся союзницей фашистской Германии, несмотря на договор о нейтралитете, сосредоточивала у границы с Советским Союзом миллионную Квантунскую армию, наращивала силы флота, встала на путь открытых провокаций против наших торговых судов.

В 1942 году для усиления Северного флота Государственный Комитет Обороны постановил перевести на Север часть подводных лодок Тихоокеанского флота.

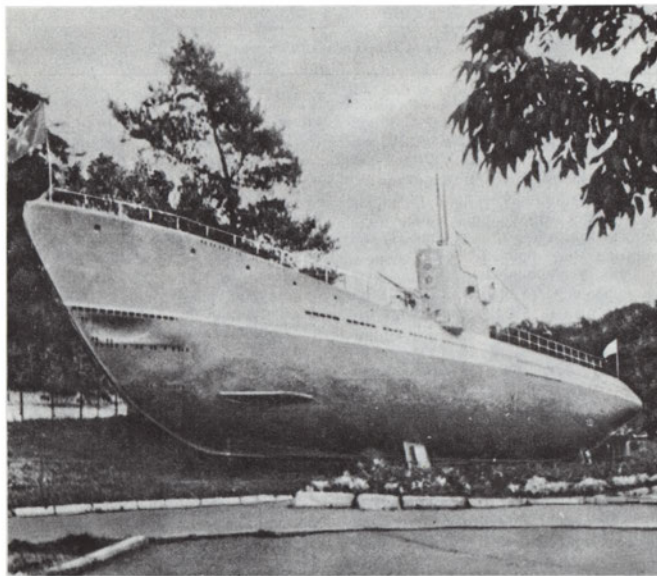
К переходу было приказано готовить шесть подводных лодок. Среди них была и подводная лод-

ка С-56. Предстоял большой переход через Тихий океан, Панамский канал, Атлантику в воды Северного Ледовитого океана.

25 сентября 1942 года первыми начали переход с Дальнего Востока подводные лодки Л-15 и Л-16, через десять суток уже вышла вторая группа подводных лодок в составе С-54 и С-55, а спустя сутки оставила Дальний Восток третья группа в составе подводных лодок С-51 и С-56. Дивизионом подводных лодок командовал Герой Советского Союза капитан 1 ранга А. В. Трипольский. С-56 шла концевой. Вскоре позади остались

Де-Кастри, Петропавловск-Камчатский — подводные лодки взяли курс к берегам Америки.

В 0 часов 30 минут 19 октября штурман С-56 лейтенант Ю. В. Иванов взял пеленг на маяк «Африка» — последнюю точку на родной дальневосточной земле. И только через сто сорок суток подводная лодка подошла к берегам родной земли у далекого Кольского залива. Сквозь штормы и туманы, ледяную стужу и тропическую жару прошли подводники. Они пережили трагическую гибель своих товарищей с Л-16, торпедированной неизвестной подвод-

Гвардейская Краснознаменная подводная лодка С-56 на Корабельной набережной в городе Владивостоке.

ной лодкой в Тихом океане, а в заливе Акутан торпеда ударила в киль С-56, но не взорвалась. Шли в надводном положении. Датч-Харбор, Сан-Франциско, Панамский канал... На переходе к Панамскому каналу температура в отсеках достигла + 55 градусов. Особенно тяжело было мотористам.

2 октября 1942 года вышли из Коко-Соло¹. Тихий океан позади. Начались не изведанные тихоокеанцами воды Атлантики. Океан встретил ураганом. Выдержали. Через десять суток подводные лодки ошвартовались в Галифаксе (Канада). Расстояние от Галифакса до Розайта (Англия), — то есть всю Атлантику, — пересекали поодиночке. Днем и в хорошую видимость шли в подводном положении, а ночью и в штормовых условиях всплывали в надводное положение: фронт был уже близко и можно было ожидать встречи с немецкими субмаринами.

Последний переход из Розайта в Полярный с заходом в порт Лервик (Шетландские острова) С-56 также совершила одна, и утром 8 марта 1943 года в назначенной точке подводная лодка была встречена североморским эскадренным миноносцем «Куйбышев», в его сопровождении вошла в родную гавань и ошвартовалась у пирса Полярного. Тихоокеанцев встречали командующий Северным флотом вице-адмирал А. Г. Головкин, член Военного совета Северного флота контр-адмирал А. А. Николаев, адмиралы, офицеры, подводники.

Первое правительственное задание было выполнено. За кормой С-56 осталось 16 707 миль трудного океанского плавание.

Наши североморские подводники И. А. Колышкин, Ф. А. Видяев,

М. П. Августинович, В. Ф. Тамман помогли Григорию Ивановичу Щедрина изучить обстановку на северном театре военных действий, поделились опытом торпедных атак, приемами уклонения от противолодочных сил противника. Дни и вечера всего экипажа заполнялись учебой. Встречались с бывалыми подводниками, с участниками боевых походов, с флагманскими специалистами. Акустик К. Круглов постоянно общался с прославленными акустиком Северного флота, имевшими богатый боевой опыт, — Анатолием Шумихиным, Леонидом Лебедевым, Михаилом Лежневым. Подводники встречали вернувшихся из боевых походов Фисановича и Видяева, узнавали у них то, чего не прочтешь ни в одном учебнике, готовились к своему первому походу.

29 марта 1943 года С-56 вышла на выполнение боевого задания. После высадки разведгруппы на вражеский берег подводная лодка заняла назначенную позицию и начала настойчивый поиск врага. Вскоре Круглов обнаружил шум винтов цели. Всплыв под перископ, командир увидел по корме конвой в составе девяти кораблей. Разворачиваться было поздно, и капитан-лейтенант Щедрин атаковал из кормовых торпедных аппаратов транспорт. Первая победа!

Подводная лодка продолжала поиск. На четвертый день Круглов снова зафиксировал шум винтов кораблей противника. Шли три транспорта в охранении шести сторожевых кораблей и нескольких больших охотников. Прорвав кольцо охранения, командир уже приготовился дать команду выпустить торпеды по самому крупному транспорту, но в этот момент на подводную лодку посыпались глубинные бомбы, во всех отсеках погас свет. Отказаться от атаки? Нет! Созревает дерзкий план: погрузиться, нырнуть

¹ Коко-Соло — американская база подводных лодок при выходе из Панамского канала в Карибское море.

под транспорт и атаковать его с противоположной стороны кормовыми торпедными аппаратами. Погрузились.

С минимальной дистанции, с противоположного борта концевой транспорт получил две торпеды. Снова лодка стремительно ушла на глубину, снова сторожевые корабли бросились в атаку, но безуспешно.

Две атаки, две победы. Начало неплохое.

19 апреля над гаванью прозвучали два победных выстрела, возвестивших об открытии боевого счета подводной лодки С-56.

После четырех боевых походов на счету С-56 было уже девять потопленных и поврежденных фашистских кораблей, а экипаж завоевал славу корабля, не возвращающегося в базу без победы.

Зима 1944 года. На всех фронтах войны инициатива в наших руках. Уже из отбитого у фашистов Орла, из разрушенного Харькова, из героического Ленинграда подводники получают весточки от близких. Горечью, болью и призывом к мести наполнены эти письма.

В феврале С-56 вышла в зимнее штормовое море к берегам Северной Норвегии, чтобы искать и топить врага. Фашисты стали осторожнее. Уже много кораблей нашло себе могилу на дне моря, и теперь они, прежде чем выпустить из порта транспорты, высылают поисково-ударные группы кораблей для уничтожения советских подводных лодок.

28 февраля у входа в Тана-фьорд С-56 была обнаружена противолодочными кораблями противника. Началась жестокая бомбежка и многочасовая погоня. Трижды капитан 3 ранга Щедрин пытался всплыть под перископ, чтобы контратаковать гитлеровцев, но эти попытки не увенчались успехом: как только лодка приближалась к поверхности, бомбометание становилось интенсивнее и

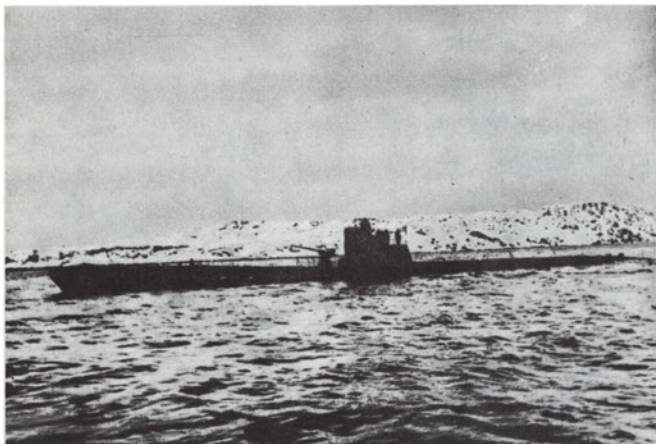
приходилось срочно уходить на глубину. Оторваться от преследования, изменив курс, скорость и глубину, также не удалось. Фашисты непрерывно бомбили — час, второй, третий... Нужно найти выход.

И командир принял решение: перейти на бесшумную работу электромоторами и выключить по отсекам все машинки регенерации воздуха. Лодка медленно ползла из района. Подводники на боевых постах. Они понимали, что значит прекратить регенерацию воздуха. Это значит, что через несколько часов в отсеках нечем будет дышать, что углекислота, заполнив весь объем отсека, начнет железными тисками сдавливать голову, хватать одышкой за горло, лишит сил, заставит расслабленное тело обливаться холодным липким потом... А нужно нести вахту, выстоять, уйти от врага.

Глубинные бомбы продолжали рваться недалеко от корпуса подводной лодки. Дышать нечем. Лица подводников начали неестественно краснеть, все машинально смотрели на свои приборы, механизмы, доклады в центральный пост шли неестественно спокойные. Глубинные бомбы продолжали рваться. Хватит ли сил выстоять? Григорий Иванович Щедрин подошел к переговорным трубам: «В носу!.. В корме!.. Говорит командир корабля! Противник потерял нас, мы успешно прорываемся, но и наши запасы подошли к концу. Знаю, что вы выбились из сил. И все же надо держаться. Наш корабль и экипаж нужны Родине для борьбы с врагом. Беспартийным разрешаю отдохнуть. Коммунистов прошу остаться на боевых постах и нести службу за себя и товарищей. Повторяю: коммунистов прошу держаться!»

Первым из седьмого отсека доложил мичман Павлов: «Беспартийных нет! Торпеды приготовлены. Вахту стоим!»

Подводная лодка С-56 возвращается на базу в 1943 году.

Следующим доложил Боженко: «В шестом стоят по повышенной готовности! Назаров подал заявление в партию. Беспартийные просят не сменяться».

Из пятого отсека доложили: «Считайте нас в пятом всех коммунистами. Пока дышим, с вахты не уйдем!»

Аналогичные доклады поступили из всех отсеков.

Проходит ночь. Силы подводников на исходе. В 8 часов 20 минут раздались последние взрывы глубинных бомб и совершенно измотавшийся и полуоглохший от бомбежки акустик доложил, что шумы винтов кораблей удаляются: враг решил, что с подводной лодкой покончено. Через час подводная лодка всплыла в надводное положение. Аккумуляторные батареи были полностью разряжены. Подвели итоги: лодку преследовали два эскадренных миноносца, пять

сторожевых кораблей и тральщиков. За двадцать шесть часов непрерывной бомбежки противник сбросил 362 глубинные бомбы. По боевой тревоге личный состав простоял двадцать восемь часов. Корабль серьезных повреждений не получил, а экипаж стал полностью коммунистическим.

Продолжали поиск. Через пять дней встретили фашистский конвой, и еще один транспорт пошел ко дну.

В базе С-56 ожидала торжественная встреча. За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1944 года подводная лодка С-56 была награждена орденом Красного Знамени. Весь экипаж был награжден орденами и медалями Советского Союза, а командиру капитану 2 ранга Шедрину

было присвоено звание Героя Советского Союза.

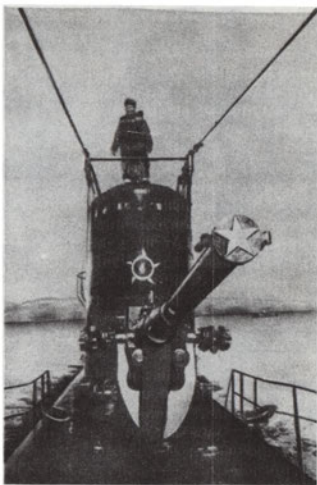
Но враг еще на родной земле. Гневом наполняются сердца краснознаменцев. «За Родину!», «За победу!», «Смерть фашистам!» — с такими надписями уходят торпеды с Краснознаменной С-56 навстречу врагу.

Ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота краснознаменцы довели счет потопленных и поврежденных кораблей до четырнадцати. Приказом Народного Комиссара Военно-Морского Флота от 23 февраля 1945 года Краснознаменная подводная лодка С-56 получила звание гвардейской.

Гвардейская Краснознаменная лодка С-56 первой в советском подводном флоте совершила кругосветный переход по охваченным пламенем второй мировой войны водам Мирового океана. А назад, уже после Великой Отечественной войны, прославленная в боях с немецко-фашистскими морскими пиратами подводная лодка вернулась на Тихоокеанский флот.

По-разному сложилась судьба подводников с С-56 после войны. Командир подводной лодки гвардии капитан 2 ранга Шедрин ушел с повышением на новую должность, затем учился, командовал соединением кораблей и, выполняя просьбу своих боевых товарищей, написал книгу «На борту «С-56», ряд очерков о героических подвигах подводников Северного флота в годы Великой Отечественной войны.

Свою службу на флоте вице-адмирал Григорий Иванович Шедрин закончил главным редактором «Морского сборника» — одного из старейших отечественных журналов.

Подводная лодка С-56 возвращается из боевого похода в 1944 году.

В 1972 году Военный совет Краснознаменного Тихоокеанского флота принял решение о создании мемориала гвардейской Краснознаменной подводной лодки С-56 на Корабельной набережной в городе Владивостоке.

Как старший товарищ по нелегкой воинской службе своей героической жизнью-историей С-56 воспитывает в новых поколениях военных моряков верность социалистической Родине, готовность встать на защиту ее священных рубежей.

Н. Ямпольская

САЛЮТ, ФЕСТИВАЛЬ!

**БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ ПРИНОСИТ ДОБРЫЕ
ВЕСТИ**

Москва.

1985 год.

27 июля — 3 августа.

Вот место и время прекрасного праздника, который бывает не каждый год и не в каждой стране. Но знают о нем юноши и девушки всего мира. Он так и называется: всемирный. Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и проходит он уже двенадцатый раз. Из них два раза — в Москве.

На фронтонах московских зданий, в витринах книжных магазинов, на сувенирных значках, окнах автобусов, страницах газет расцветает эмблема фестиваля — разноцветная ромашка. У нее пять лепестков — красный, зеленый, фиолетовый, синий, желтый. Лепестки символизируют пять континентов и обрамляют земной шар. А над ним летит белый голубь.

С древних времен считается, что эта птица несет на своих крыльях добрые вести. В наши дни для молодежи всей планеты нет более доброй вести, чем мир.

Ромашка очерчена двойной линией синего цвета — цвета чистого неба. Линия замкнута, едина, потому что она еще и символ солидарности.

Девиз XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов — «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

Но прежде чем появилась эмблема фестиваля, был объявлен всесоюзный конкурс. Триста известных мастеров живописи, плаката, графики, художники-любители, а в их числе и школьники, предложили свои эскизы. Не один день обсуждало их солидное жюри.

И вот названы имена победителей конкурса.

Первое имя — Константин Михайлович Кузгинов, московский художник. Его ромашка так покорила сердца участников еще VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году, что Международный подготовительный комитет следующего фестиваля принял специальное решение: этот цветок должен стать обязательным элементом эмблем всех будущих фестивалей.

Второе имя — Рафаэль Масаутов, художник из Киева. Он победитель

нынешнего конкурса. Его профессия — книжный график. Более двухсот книг советских и зарубежных писателей проиллюстрировал Масаутов.

Для героев Масаутова голубь тоже был птицей добрых вестей. Художник нарисовал на листе бумаги трепещущие крылья...

Но даже большой опыт графика не сделал эту работу Рафаэля Масаутова легкой.

Из множества набросков эмблемы он взял сначала три. Потом из них выбрал тот, который будет без слов понятен абсолютно всем. Он хотел, чтобы все увидели в эмблеме главное — стремление молодежи к миру и дружбе. Потому что знает сам, что такое война.

Он учился в одной из школ Сталинграда, когда началась Великая Отечественная война.

Отец и старшие братья Рафаэля надели военную форму и ушли на фронт. Маленькому Рафаэлю никто не доверил тогда оружие. Но когда началась великая битва за Сталинград, Рафаэль нашел свое место в военном строю. Из госпиталя, который разбомбили фашисты, взрослые выносили раненых. Дорога, по которой их можно было увезти в безопасное место, была одной-единственной — через Волгу на обыкновенных лодках. И тогда Рафаэль взялся за весла...

Рафаэль говорит: «Я хочу, чтобы мой голубь облетел весь земной шар и действительно стал символом долгого и прочного мира. Отстоять мир, такой дорогой ценой спасенный сорок лет назад, — долг молодых...»

А студент-заочник Московского архитектурного института Михаил Веременко придумал талисман XII Всемирного фестиваля — изображение девочки с ласковым именем Катюша в головном уборе, который напоминает кокошник и имитирует ромашку эмблемы фестиваля.

ЗА ГОД ДО ФЕСТИВАЛЯ

С чего начинается фестиваль? С того, как торжественно затрубят фанфары и будут вынесены знамена? Да!

Но он начинается еще и раньше. Когда о нем только думают молодые люди разных стран. Когда в разных уголках мира ведется подготовка к нему.

Так было и в этот раз.

МОСКВА. Здесь начал выходить журнал. На его обложке русские девушки с хлебом и солью. Журнал называется «Вестник фестиваля». Он выпускается раз в месяц на шести языках. Его издатель — Советский подготовительный комитет XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Первый номер журнала рассказывает о труде, учебе и отдыхе советской молодежи, о Москве...

МОСКВА. В журнале «Вестник фестиваля» опубликованы данные о росте безработицы среди молодежи мира, особенно среди тех, кому еще не исполнилось 25 лет. Оказалось, число таких людей растет в Японии, ФРГ, Франции, Англии, Италии, Канаде. Юноши и девушки, прибывшие на фестиваль, будут судить империализм за жестокое равнодушие к судьбам молодых людей.

МОСКВА. Кандидат исторических наук В. Артемов, известный своими работами об искусстве полемики, борьбу с идеологическими диверсиями антикоммунистов, написал книгу «Правда о неправде» о приемах и методах буржуазной пропаганды на примере «Голоса Америки» и других «свободных» радиостанций. Она поможет в дискуссиях с теми «гостями» фестиваля, которые собираются «взрывать» его изнутри.

МОСКВА. Государственный банк СССР сообщил, что в каждом его отделении на всей территории страны открыт счет № 700140. От частных лиц и организаций на него стали

Народам нужен мир и не нужна война.

принимать средства в фонд XII Всемирного.

МОСКВА. Здесь создан Объединенный совет молодых журналистов ТАСС, АПН, Гостелерадио СССР. Он выступил с инициативой провести в честь XII Всемирного фестиваля акцию профессиональной солидарности молодых журналистов СССР с ровесниками-коллегами из стран, борющихся за независимость, демократию и социализм. Акция предусматривает сбор средств на приобретение оргтехники и канцелярских товаров для молодых журналистов Афганистана, Никарагуа и других стран.

СВЕРДЛОВСК. На заводе «Урал-

маш» слесарь-сборщик Павел Ратников предложил провести пять «фестивальных» смен для комсомольско-молодежных коллективов, а заработанные средства — около 10 тысяч рублей — перевести в фонд фестиваля.

ВИЛЬНЮС. В список делегатов фестиваля включили Стасиса Шейнаускаса. Он погиб в 1944 году, защищая родную Литву. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Комсомольцы сборочного цеха Вильнюсского завода радиокомпонентов зачислили его в свою бригаду. Заработанные на его имя деньги перевели в фонд фестиваля.

ДУШАНБЕ. К пограничникам и животноводам Памира, к хлопкоробам Вахшской долины совершили агитперелет комсомольцы республиканского управления гражданской авиации. Они посвятили его московскому фестивалю. Пассажирами агитлайнера были лекторы, пропагандисты, участники художественной самодеятельности.

ТБИЛИСИ. 200 юношей и девушек из социалистических и развивающихся стран работали на чайных и лавровых плантациях Грузии. Заработанные средства они единодушно перечислили в фонд фестиваля с просьбой передать их юношам и девушкам тех стран, которые испытывают финансовые затруднения в посылке своих делегатов на фестиваль.

ЛЕНИНГРАД. Городской комитет комсомола и Комитет молодежных организаций установили прямые связи с тринадцатью молодежными организациями десяти стран. Цель — принять совместные планы по подготовке к фестивалю.

ВОЛОГДА. 187 студенческих строительных отрядов отработали один день в фонд фестиваля на ударной комсомольской стройке — пятой доменной печи Череповецкого металлургического комбината, — и на объектах Нечерноземья.

МОСКВА. Центральное телевидение подготовило телепрограммы «Салют, фестиваль!». Первые гости в студии — строители Байкало-Амурской магистрали.

ОРДЖОНИКИДЗЕ. Юноши и девушки Осетии высадили в городах республики фестивальные аллеи.

«В СССР нас зовут идеалы мира и справедливости», — сказал секретарь ЦК Монгольского ревсомола Д. Дашжамцу. Эти слова созвучны убеждениям молодежи разных стран, которой дорога идея фестиваля в

Москве. За год до него вместе с советской молодежью к фестивалю готовились юноши и девушки более ста стран. Одна за другой приходили в оргкомитет фестиваля вести из-за рубежа.

ПОЛЬША. Здесь создан польский фестивальный комитет: «Москва-85». Одно из первых его мероприятий — Всепольский молодежный субботник, посвященный фестивалю.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Международный союз студентов провел международный конкурс плаката под девизом: «Студенты в поддержку XII Всемирного». Его победители стали гостями Москвы.

ГАИЯНА. Здесь создан Национальный подготовительный комитет. Он заявил, что своей главной задачей считает борьбу за предотвращение ядерной войны, против агрессивной политики американского империализма.

КУБА. «Лучшую сафру — XII Всемирному» — это девиз молодых сборщиков сахарного тростника в провинции Сантьяго-де-Куба. Свои многочисленные бригады они объединили в большой отряд имени XII Всемирного.

АФГАНИСТАН. «В Москву — лучшие» — под таким девизом был объявлен конкурс среди юношей и девушек Афганистана. Молодежная газета «Дарафше джаванан» провела конкурс на лучшие плакат и статью о предстоящем Всемирном фестивале.

МАВРИКИЯ. Под девизом «Солидарность, мир и дружба» проведена общенациональная встреча молодежи, поддерживавшая идею московского фестиваля. Ему же была посвящена специальная выставка книг.

ПУЭРТО-РИКО. Национальный подготовительный комитет фестиваля заявил: «В нашей стране правительство США пытается сохранить колониальный режим, продолжает

Мир — дело всех и каждого.

использовать нашу землю для атак против народов региона...» Национальный подготовительный комитет от имени молодежи и студентов выступает с требованием о предоставлении полной независимости Пуэрто-Рико.

Все это лишь капля в море событий, предшествовавших фестивалю.

Но даже по этой «капле» можно судить, как серьезно готовилась к нему молодежь мира и как прав был художник Рафаэль Масаутов, когда обвел фестивальную ромашку одной линией — символом единства...

«ВСЕ СТРАНЫ ЗДЕСЬ ПРОШЛИ, ПУСТЕЕТ СЦЕНА...»

«...Просто зрителей, кажется, вообще не было. Даже во время шествия по Садовому кольцу. Гости на грузовиках, окрашенных в символический цвет одного из пяти материков. Первой ехала Австралия, за ней — Новая Зеландия. Запомнилось прекрасное смуглое лицо девушки-маори. Каждую делегацию встречали цветами, рукопожатиями, бросали в грузовики цветы, авторучки, игрушки... В записную книжку: «Все страны здесь прошли, пустеет сцена, братания, восторги и мечты...» Так поэт и журналист Валентин Берестов

описывает несколько мгновений VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году.

Идея проведения фестивалей родилась осенью 1945 года в Лондоне, на Всемирной конференции молодежи. Собравшиеся на нее представители молодежи более шестидесяти стран решили ознаменовать победу над фашизмом сплочением своих рядов во имя будущего. Так возникло новое прогрессивное движение молодежи мира — фестивали.

Все одиннадцать фестивалей, предшествующих нынешнему московскому, имели благородные и высокие идеалы — свобода, национальная независимость, демократия, прогресс, мирное сосуществование, дружба.

Все эти фестивали были составной частью движения миролюбивых сил планеты, источником пополнения их рядов. В ходе их подготовки молодежь приобрела навыки совместной политической борьбы, получила интернациональную закалку, проходила школу гражданского возмужания.

Пример тому — судьба одного из участников VI Всемирного фестиваля в Москве. Он прибыл в СССР под вымышленным именем в составе делегации Франции, и мало кто знал тогда его настоящее имя. На его родине — в Греции — в то время господствовал режим, который сурово карал тех, кто симпатизировал Москве. Этот гость фестиваля, несмотря на молодость, знал застенки тюрем для политических заключенных. Единственным его оружием была музыка, которую он сочинял. Она вырвалась из тюрьмы, облетела весь мир вместе с требованиями свободы композитору, свободы Микису Теодоракису! Его музыка исполнялась на фестивале. Он стал его лауреатом.

Сегодня Микис Теодоракис — видный деятель Коммунистической партии Греции, известный композитор и публицист. Недавно он снова побы-

вал в Москве. Привез свою новую симфонию и книгу «Сражающаяся культура». Встретившись с корреспондентом «Комсомольской правды», он вспомнил ту, первую, поездку в СССР, когда теплоход с гостями входил в Ленинградский порт, а он стоял на палубе и плакал: «...я вспоминал своих товарищей по Сопротивлению, гражданской войне, подполью, тюрьмам, ссылке на остров Макронисос. Вспоминал искалеченных, замученных и расстрелянных. Их лица возникали передо мной и будто выражали просьбу передать привет великой стране Октября. А потом была Москва, ставшая для меня с тех пор символом дружбы, счастья и мира. Помню, с каким глубоким чувством уверенности в том, что отстоим мир, мы, участники фестиваля, разъезжались по домам. И все последующее развитие событий на планете показало нашу силу. Ведь в том, что до сих пор империализму не удалось развязать новую мировую войну, есть заслуга и международного молодежного движения, в авангарде которого идет юность Советского Союза...»

ВОСЕМЬ ДНЕЙ КАК ОДИН МИГ

Странное положение сложилось сегодня в мире. Мы приходим домой, нажимаем кнопку телевизора или транзистора и мгновенно переносимся то на концерт, который звучит в другой стране, то на футбольный матч, который идет на другом континенте. Кажется, что космические спутники и радиоволны крепко связали нас и теперь молодежь мира может знать о себе все. Стоит лишь нажать кнопку...

Но это не так. Буржуазная пропаганда искажает правду о ровесниках в Советской стране, внушает ложное представление о нашей жизни, запугивает вечными морозами,

бесправием, отсталостью, агрессивностью русских.

Советские журналисты, побывавшие, например, в США, удивляются, как ничтожно мало знают о нашей стране молодые американцы. После одного из опросов на тему: «Что вы знаете об СССР» были подведены поразительные итоги. Число союзных республик варьировалось от девяти до сорока. Никто не назвал больше одного писателя и кинофильма.

В Чикаго во всемирно известном Музее науки и промышленности есть табло «Важнейшие события истории». В их числе не названы ни Великая Октябрьская социалистическая революция, ни Великая Отечественная война. Незнание нашей страны дополняет еще и дезинформация: о «советском превосходстве в ракетах», о «потребительском характере советской науки».

Другой пример. Не так давно в СССР побывали журналисты британской газеты «Гардиан» и опубликовали потом более сорока материалов под общей рубрикой «Неделя в Москве». Для них были сенсацией очереди в театрах, система образования молодежи, бережно хранящая старая архитектура.

В феврале 1983 года президент Рейган заявил, что дальнейшее развитие деятельности радиостанций «Голос Америки», «Свобода» и «Свободная Европа» — важная внешнеполитическая задача его правительства.

Эти станции ведут свою пропаганду изощренно. Бывают, например, дни, когда они вообще не употребляют слов «советский народ», «Советская страна». Они говорят «русские» в надежде, что этим можно способствовать развитию нескольких процессов: великодержавного шовинизма у какой-то части русского народа, национального неравноправия у малых народов страны и, наконец, неравноправия вообще в этой стране.

И рядом дается информация о якобы «безбрежной свободе» в западном мире, там «все дозволено», «все достижимо». Оказывается, школьники там не обязаны посещать занятия и носить форму. Им запрещено только курить на уроках. А «у русских» в школах — военная дисциплина, там ходят строем, там наказывают за неуспеваемость, и все это школьники терпят потому, что с них не берут плату за учебу.

«Вся историческая, безгранично запутанная история наших дней, вся ненависть и весь страх, распространяемые по миру, зиждутся на одной главной лжи. Это ложь о России». Так еще в 1920 году писал прогрессивный американский журналист У. Липпман. Время идет, а приемы буржуазной пропаганды, как видно, не меняются: «красный, — значит, плохой; русский, — значит, плохой».

В этой обстановке личные встречи и впечатления, которыми так богат фестиваль, призваны разрушить барьер недоверия.

В соответствии с традициями фестивального движения, на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве каждый день посвящается одной теме, одинаково важной для молодежи всех стран-участниц. И все основные события дня предусматривали ее яркое раскрытие.

Мир, предотвращение ядерной войны, антиимпериалистическая солидарность, права молодежи и студентов, безопасность и сотрудничество, экономическое сотрудничество, развитие культуры — эти темы обсудил и принял на одном из своих заседаний в Москве Международный подготовительный комитет фестиваля. Его участники — представители более ста стран подумали о том, что всем зарубежным гостям фестиваля будут интересны встречи, беседы, дискуссии с советской молодежью. Один день фестиваля сделали Днем

«За мир и разоружение!»

Советского Союза. Встречи на заводах, в учебных заведениях, во Дворцах культуры и спорта, кинофильмы о Стране Советов, выставки книг о всех союзных республиках, специальные программы телевидения рассказывали о нашей Родине.

Для обсуждения основных тем фестиваля были открыты специальные органы-центры: мира, научной и творческой молодежи, студенческий, туризма и спорта, искусств, детский...

1985 год — год 40-летия Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. Этой большой дате посвящалась работа антифашистского центра.

1985 год объявлен Организацией Объединенных Наций Международ-

ным годом молодежи. Фестиваль в Москве — его главное событие. И один из центров фестиваля работал под лозунгом: «Участие, развитие, мир».

Продолжая фестивальные традиции, вновь сказал свое суровое слово Антиимпериалистический трибунал молодежи. С его трибуны молодость многих стран разоблачила преступления империализма в Афганистане, Ливане, Никарагуа и других странах.

В детском центре встретились взрослые и дети. Взрослых интересовали проблемы воспитания детей в духе мира и обеспечения счастливого детства. Детей — выставки рисунков и поделок, игры, беседы со

«СВЕТЛЫЙ ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК...»

Фотоочерк

Вот уже сороковой раз мы отмечаем 9 Мая — праздник Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этот день навсегда останется яркой и незабываемой страницей в героической истории нашего многонационального государства.

Мы долго шли к нашей Победе.
1418 дней длилась битва советского народа с германским фашизмом.

Необычайно торжественным было 9 Мая в городах и селах нашей страны.

На страже мирного
труда советских людей
стоят дети и внуки по-
бедителей в Великой
Отечественной
войне.

Да, советский народ
заплатил дорогую цену
за победу — 20 мил-
лионов жизней своих
сыновей и дочерей.
Упорным трудом мы
восстановили народное
хозяйство.

Смотрю сейчас, друзья, на ваши лица —
И та весна мне видится вдали,
Когда орудий залпы, как зарницы,
Весть о Победе миру понесли!

Риза Халид

МУРОМ

Памятник В. И. Ленину.

Новый район города.

Воскресенский собор.

Вечный огонь. Памятник павшим в Великой Отечественной войне.

К очерку М. Дунаева «Муром».

сверстниками, встречи с героями любимых мультфильмов и артистами цирка...

В центре искусств встречались актеры, художники, поэты, музыканты. Программа этого центра — интернациональные концерты, праздники фольклорного искусства, концерты классической и джазовой музыки.

Центр спорта — это товарищеские встречи по футболу, боксу, гимнастике, фехтованию и легкой атлетике. Это показательные выступления чемпионов мира и Олимпийских игр... Такие центры в той или иной форме были на всех предыдущих фестивалях. А вот центра творческой молодежи не было. Не было и мастерских, в которых могли бы поработать молодые художники, не было также балетных залов, где порепетировали бы вместе артисты балета или пантомимы из разных стран. Не было места, где могли бы поделиться профессиональным мастерством актеры цирка и мастера эстрады. Теперь такой центр был организован. Его двери открылись для всех. Потому что кто из молодых не творец? Кто не хочет испытать и показать себя?

Можно сказать, что вся Москва в эти дни стала молодежным центром. В эмблемах, лозунгах и цветах она была празднична и торжественна. Фестиваль проходил в кинотеатрах, на стадионах, во Дворцах культуры, просто на площадях и улицах... Только в одном Центральном парке культуры и отдыха имени Горького имелось пятнадцать городков — по числу союзных республик. В каждом — киоски сувениров, пластинок, национальная кухня, выставки самодельных мастеров...

Фестиваль — это праздник встречи единомышленников и друзей. И потому, к сожалению, восемь его дней пролетели как один миг. Но в памяти остались — на всю жизнь...

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОСКВУ!»

На одном из заседаний Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов выступил секретарь ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев. Обращаясь к представителям 112 стран и 28 международных и региональных организаций, он сказал:

«Решение о проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в июле — августе 1985 года было с горячим одобрением воспринято советскими людьми, которые готовятся радушно встретить участников этого крупного и представительного форума юности. Ленинский комсомол, юноши и девушки нашей страны несомненно создадут наилучшие условия для работы фестиваля, сделают все возможное, чтобы он стал новой вехой на пути антивоенной, антиимпериалистической борьбы молодежи...

Мы верим в молодежь, верим в то, что в единых рядах со всей прогрессивной и демократической общественностью ей удастся отстоять мир, свободу и независимость народов, обеспечить счастливое будущее себе и последующим поколениям людей.

Советский народ широко распахивает двери своего дома и говорит XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов: «Добро пожаловать в Москву!»

О. Чистовский

«НАШ АРТЕК, НЕ ЗАБЫТЬ ТЕБЯ ВОВЕК»

К 60-ЛЕТИЮ АРТЕКА

ВСТРЕЧА

Из Ленинграда в Артек ехало двадцать пионеров. Я получил путевку, как председатель совета отряда, за отличную учебу и хорошую пионерскую работу. Нас привезли в Москву, где собирались пионеры из разных концов Советского Союза, чтобы одним поездом ехать в чудесный лагерь на Черном море. У некоторых пионеров на рубашках сверкал орден «Знак Почета». Мы окружали их и расспрашивали, за что они удостоены правительственных наград. Все это были деревенские пионеры, добившиеся высоких успехов в выращивании молодняка или урожая.

Моим соседом по койке оказался сухошавый черноволосый татарский мальчик с остреньким носиком. Он примостился у тумбочки и что-то записывал в толстую тетрадь. Встретившись со мной глазами, улыбнулся и протянул руку:

— Давай познакомимся. Махмуд Хусанов из Петропавловска.

Назвав себя, я спросил:

— Дневник ведешь?

— Пишу стихи, — просто ответил мой новый знакомый.

— Я тоже сочиняю стихи, — признался я.

Узнав, что я деткор газеты «Ленинские искры», Махмуд сообщил, что он корреспондент газеты «Пионер Казахстана».

— Давай дружить, — предложил Махмуд.

— Давай, — с радостью согласился я.

С этого дня Махмуд и я были неразлучны. В поезде ехали в одном купе, рядом сидели в автобусе, который вез нас из Симферополя в Артек, при распределении попросились в один отряд и заняли в палате соседние кровати.

...Наш отряд загорал на лагерьном пляже. Мы лежали на шезлонгах, подставляя жгучим лучам солнца по команде врача то спину, то грудь, то бока. Свесившись с шезлонга, Махмуд задумчиво перебирал руками обкатанные разноцветные камешки.

— Олег, — неожиданно спросил он, — кем ты думаешь быть, когда вырастешь?

Вопрос друга застал меня врасплох. Я неплохо рисовал и даже три года занимался в детской художественной школе. Но со временем к рисованию охладел. Нравилось мне делать разные модели, и я с увлечением посещал кружок юного техника при Доме пионеров. Однако и к этому делу интерес постепенно пропал. А последнее время увлекался сочинением стихов, с которыми выступал на школьных вечерах. Меня направили в Дом детского литературного творчества, где с нами занимались ленинградские поэты Павел Шубин и Константин Высоковский. Вскоре я понял, что и сочинение стихов является для меня очередным детским увлечением. Я искренне признался, что еще не знаю, какую изберу специальность.

— А я знаю, кем буду, — восторженно произнес Махмуд.

— Поэтом?

— Да. Мне хочется стать таким поэтом, как замечательный татарский поэт Тукай. Ты слышал о нем?

— Нет.

— Тукай — это наш Пушкин.

Разговор прервала вожатая отряда Шура Тенькова, которая громко возвестила:

— Ребята! Купаться!

Точно порыв ветра смахнул нас с шезлонга. С гомоном мы кинулись навстречу набежавшей шумливой курчавой волне.

В МУЗЕЕ

В Артеке есть музей, где хранятся исторические документы и фотографии, рассказывающие о замечательной пионерской здравнице. Махмуд и я побывали в музее и познакомились с его небольшой, но интересной экспозицией.

Всесоюзный пионерский лагерь Артек носит имя В. И. Ленина. Недавно в Артеке установлен монумент основателю Советского государства.

На стене под стеклом мы увидели большой портрет пожилого бородастого человека с добрыми смеющимися глазами. Это старый большевик, сподвижник В. И. Ленина врач Зиновий Петрович Соловьев. В первые годы Советской власти партия поручила ему выбрать место для пионерского лагеря. И большой друг детей Зиновий Петрович, как-то отдыхая в Гурзуфе, обратил внимание на чудесный уголок крымской природы: горный склон-амфитеатр между горой Аюдаг и Гурзуфом, спускающийся уступами к морю и покрытый перелесками, садами и виноградниками. Здесь и решил Зиновий

Зиновий Петрович Соловьев выбрал место для пионерского лагеря Артек.

Петрович основать Артек. Сохранилась пожелтевшая фотография, на которой мы увидели несколько больших палаток. Таким лагерь выглядел в первый год своего существования. На другой фотографии были запечатлены первые артековцы у автобуса. В 1925 году отдыхало всего 289 детей.

Так начинала свою жизнь пионерская здравница.

Быстро рос и развивался Артек. Через три года на месте палаток появились светлые, просторные домики-спальни и красивые павильоны.

17 сентября 1936 года 200 артековцев побывали на приеме в Кремле. Перед руководителями Коммунисти-

ческой партии и Советского правительства ребята исполнили шуточную песенку «Наш Артек». В песенке говорилось, что «у Артека на носу прикупилося Суук-Су». Суук-Су — это был дворец, расположенный по соседству с Артеком. Намек поняли и передали Артеку роскошную дачу Суук-Су, занимающую площадь в 60 гектаров, половина которой — чудесный парк с гротом Пушкина и скалистым мысом Шалыпина. А спустя два года Артек получил еще одну красивую дачу.

В гостях у артековцев бывали видные деятели коммунистического международного движения: Клара Цеткин, Георгий Димитров, Макс Гельц, Долорес Ибаррури. А известный французский писатель Анри Барбюс после посещения Артека сделал такую запись: «Артек — настоящий рай, но рай земной, реальный...».

Прочитав эту запись, Махмуд сказал:

— И правда, мы живем как в раю.

Слова Анри Барбюса глубоко взволновали нас своей правдивостью, и мы еще больше ощутили радость пребывания в Артеке.

НА ВЕЛОТРЕКЕ

Моей заветной мечтой было научиться ездить на двухколесном велосипеде. Но подростковых велосипедов тогда не выпускали, а до взрослого я, по выражению отца, «еще не дорос». Если, бывало, увижу на улице велосипедиста, останавливаюсь и долго с грустью смотрю на его спину, пока она не исчезнет из вида...

По приезде в Артек я узнал, что там есть кружок велосипедистов, и одним из первых записался в него. Занимались мы на велотреке, расположенном между Нижним и Верхним лагерями. Это была небольшая овальная площадка, посыпанная

**Нынешние артековцы на месте, где состоялась первая артековская линейка
16 июня 1925 года.**

мелким черным шлаком. Руководил секцией бывший цирковой артист. На первом занятии он увлекательно рассказывал нам об истории создания велосипеда и продемонстрировал, как надо на нем ездить. Нам показалось это совсем легко, но не тут-то было. На втором занятии руководитель разделил нас на группы и каждой вручил сверкающие никелем машины. Один сел на велосипед и крутил педалями, а другой бежал за велосипедом и удерживал в равновесии машину за седло. Но случилось, ездок с такой силой крутил педалями, что страховщик выпускал седло. Тогда велосипедист терял равновесие и падал на гаревую дорожку. Потирал ушибленные места, вновь взбирался на машину.

Очень трудной оказалась езда по борозде, прочерченной через весь трек. Как ни старался велосипедист,

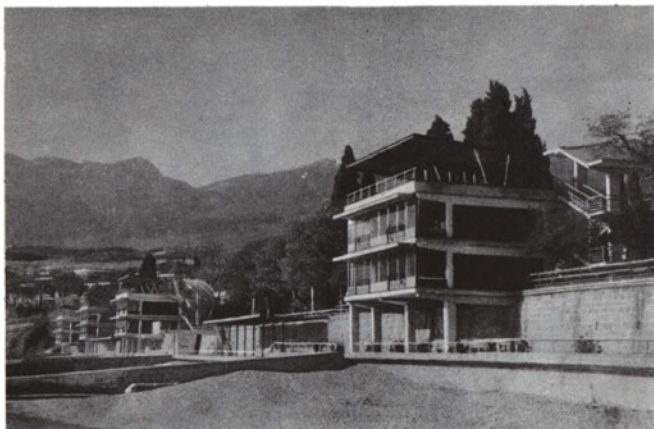
судорожно сжимая руками руль, проехать точно по борозде, переднее колесо вихляло из стороны в сторону и за велосипедом тянулась зигзагообразная линия. Под наблюдением руководителя учились мы делать крутые повороты, наклонять машину на виражах и резко останавливать на быстрой скорости.

Освоив езду на велосипеде, мы гонялись по велотреку. И тогда мне казалось, что ничего нет лучше на свете, чем быстрая езда на двухколесном велосипеде.

НАШЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На вечерней линейке старший пионервожатый Нижнего лагеря Володи Калгушкин сказал:

— В этом месяце нашему Артеку исполняется четырнадцать лет. На

Корпуса Морского лагеря расположены на месте бывшего Нижнего лагеря.

юбилейном костре будет показан концерт художественной самодеятельности артековцев. Каждый пионер пусть подготовит какой-нибудь номер.

В этот вечер все сорок четыре артековца нашей комнаты долго не могли заснуть. Слышался приглушенный разговор, точно в комнате витал пчелиный рой. Вожатые отрядов несколько раз заходили к нам и требовали, чтобы мы прекратили разговоры. Не спали и мы с Махмудом.

Махмуд перебрался ко мне на кровать.

— Давай вместе напишем стихотворение об Артеке, — шепотом предложил он мне.

И тут же с пафосом декламировал:

Около самого Черного моря
Плещутся волны о берег крутой —
Здесь расположен прекрасный и славный
Наш замечательный лагерь родной.

— Здорово! — похвалил я друга. — Надо записать, а то забудешь.

— Не забуду. Утром запишу, — прошептал Махмуд.

Вскоре Махмуд уже спал, а я все мучился, сочиняя стихи. Наконец мне удалось сочинить четверостишие:

Мы пионеры из разных республик,
Объединил нас красавец Артек.
Здесь веселится, живет и играет
Русский, татарин, испанец, узбек.

Четверостишие мне понравилось, и, успокоенный, я уснул. Утром я декламировал стихи Махмуду. Он похвалил меня и в свою очередь прочитал еще один куплет, сочиненный им утром:

Здесь единение многих народов,
Связанных дружкой навеки.
Едут ребята на радостный отдых,
К морю, в чудесный Артек.

Тетрадку с нашим стихотворением

мы передали вожатой отряда Шуре Теньковой. А вечером нас разыскал корреспондент «Пионерской правды».

— Ваше стихотворение, ребята, нам понравилось. Его решили поместить в номере, посвященном Артеку, — сказал он. — Только название лучше дать «Наш лагерь». Не возражаете?

— Нет, — ответил за обоих Махмуд.

Спустя несколько дней после нашей беседы с корреспондентом мы прочитали в «Пионерской правде» от 3 июля 1939 года свое стихотворение.

ПРАЗДНИК

6 июля 1939 года я стоял у микрофона вместе с другими артековцами и вел праздничную передачу из Арте-

ка, которая транслировалась всеми станциями Советского Союза. И хотя каждому из нас предстояло прочитать уже заученный текст за несколько минут, мы долго готовились к этому. Работники радио за полмесяца до праздничной передачи приехали в Артек. Они установили аппаратуру на костровой площадке и стали прослушивать голоса ребят, чтобы отобрать юных дикторов. Для проверки пригласили и меня, предложив перед микрофоном продекларировать какое-нибудь стихотворение. Я прочитал самое любимое мною произведение Маяковского «Стихи о советском паспорте». Экзамен я выдержал и даже получил похвалу от диктора московского радио. Юные дикторы несколько раз собирались на репетицию. А 16 июня в 16.00 мы заняли место у микрофона. Я сделал шаг вперед к черному, полированному, похожему на шкатулку ящику

Артековцы в походе.

микрофона и взволнованным голосом громко сказал: «Внимание, внимание! Говорит Артек! Начинаем передачу, посвященную четырнадцатой годовщине Всесоюзного пионерского лагеря Артек...»

Репетиции не пропали даром. Передача прошла хорошо.

ПАМЯТЬ О КРЫМЕ

Облокотившись на белую балюстраду, мы любовались морем. Солнце стояло в зените, отражаясь тысячами золотистых искринок на морской зыби.

— Нам нужно привезти домой что-нибудь на память об Артеке, — сказал я Махмуду.

— Давай купим открытки с видами Артека.

— Открытки купим, но это не то. Хочется иметь что-то такое особенное.

На молу, далеко вдававшемся в море, рыбаки вытягивали из воды сеть.

— Пойдем к рыбакам, — предложил Махмуд. — Посмотрим, какую рыбу они поймали.

Мы побежали на мол. Вытащив на деревянный помост сеть, рыбаки выбирали из нее бычков, камбалу, морских окуней и коньков, выбрасывая в море ил и медуз. Желто-зеленые небольшие крабы сами добирались до края настила и плюхались в воду. Рыбаки не пытались их собирать.

— Давай увезем домой на память об Артеке по крабу, — предложил Махмуд.

— Они дорогой сдохнут, и мы не доведем их домой!

— Мы повезем не живых крабов, а их скелеты, — пояснил Махмуд. — Для этого мы зароем крабов в муравейник, чтобы муравьи выели все внутренности.

Предложение друга мне понрави-

У подножия Аюдага.

Знаменосцы и барабанщики готовы к спортивному параду.

лось. Сняв майки и положив в них по крабу, мы отправились искать муравейник. Высокую муравьиную кучу нашли вблизи костровой площадки и засунули в нее полуживых крабов.

— Вечером проверим, — сказал я.

Но вечером крабов в муравейнике не оказалось.

— Кто-то вытащил, — разочарованно проговорил Махмуд. — А может, уползли?

— Может, и уползли, — угрюмо ответил я. — Но ничего, завтра у рыбаков достанем других.

Но в последующие дни рыбаки на молу не появлялись. Мы попробовали сами выловить крабов. Однако крабов нигде не находили. И потеряли буквально покой.

От Шуры Теньковой мы узнали, что крабов можно поймать у Адалара, куда в ближайшие дни наш отряд отправится на катере.

...Шеренги артековцев двигались по молу, около которого покачивался

на зеленых волнах белый катер с капитанским мостиком. На носу катера сияла надпись «Артековец». Когда все уселись на палубных диванах, послышался мелодичный звон колокола и раздалась команда: «Отдать концы!» Катер отошел от мола. «Полный вперед!» — зычным голосом крикнул капитан в белом ослепительном кителе. Мы быстро приближались к большой скале; вскоре катер причалил к пологому выступу. Группа артековцев, возглавляемая старшим пионервожатым, стала карабкаться по извивающейся среди скал тропинке вверх, а мы с Махмудом, словно одержимые, принялись искать крабов. Волны облизывали скалистый берег, раскачивали густые длинные водоросли.

— Ура! Нашел! — крикнул Махмуд, вытащив из воды краба величиной с ладонь.

— И я нашел! — радостно воскликнул я.

У подножия Аюдага сохранился дом, в котором жил основатель Артека З. П. Соловьев.

На всякий случай мы поймали еще по крабу и тщательно завернули свой улов в майки.

Сойдя на берег, мы бегом отправились к муравейнику. Около муравьиной кучи вырыли четыре небольшие ямки, поместили в них наши находки и придавили камнями. Уже к вечеру муравьи скрупулезно очистили оболочки от внутренностей. Из зеленоватых крабы превратились в коричнево-красных. Чтобы не поломать хрупкие конечности, мы обернули крабов в вату и положили в специально сделанные коробки. Крабов мы решили подарить школе.

АРТЕКОВСКАЯ СПАРТАКИАДА

Я очень любил играть в волейбол. Даже защищал спортивную честь своей школы на соревнованиях по волейболу в Смольнинском районе Ле-

нинграда. Правда, наша команда выступила неудачно и заняла одно из последних мест на этих соревнованиях. Но и после этого у меня не пропал интерес к спортивной игре.

С первого дня пребывания в Артеке я стал часто навещать на волейбольную площадку Нижнего лагеря и играть в командах, как говорят, «на вышибаловку», то есть проигравшая команда покидала поле.

Как-то игру команд судил физрук лагеря Владимир Иванович Барков. Всех игроков он подозвал к себе и сказал:

— Скоро между лагерями состоятся спортивные соревнования по легкой атлетике и волейболу. От Нижнего лагеря надо выставить волейбольную команду.

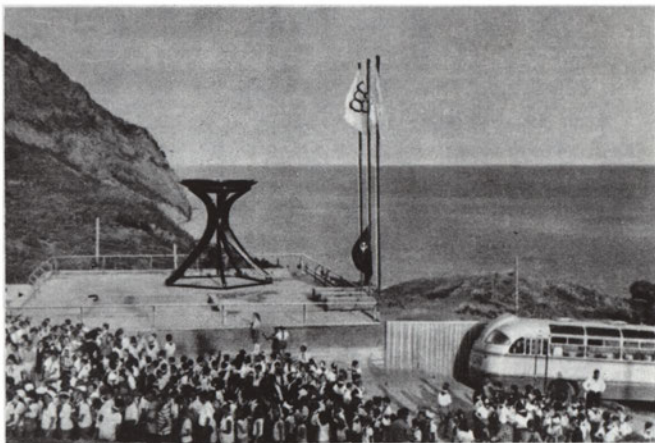
Владимир Иванович записал фамилии всех, кто играл в этот день, чтобы после тренировок составить сборную команду лагеря.

Тренировки проводились обычно во второй половине дня. Владимир Иванович, сам в прошлом игрок сборной волейбольной команды Крымской области, учил нас подавать летящие над самой сеткой крученые мячи, принимать сложные подачи и точно пасовать. Главным его требованием было играть в «три паса». И очень сердился, когда кто-нибудь из нас парировал мяч с первого удара, посылая его на поле противника. Так «три паса» для нас стало законом. Своим ростом среди всех выделялся белорусский пионер Саша Гавриленко. Будучи у сетки, он высоко подпрыгивал и гасил мячи. Удар по мячу был такой сильный, что зрители кричали: «Ложись!» Как-то он даже мячом свалил игрока. Одинаково он бил правой и левой рукой, ловко обманывал противника: не ударял по мячу, а резко пасовал на пустое место. Это был настоящий игрок.

Гасил мячи, но значительно слабее Саши, и украинский школьник Коля Савчук.

После нескольких тренировок Владимир Иванович огласил состав сборной Нижнего лагеря, отобрав шесть игроков из двадцати претендентов. Я был очень обрадован, узнав, что попал в сборную команду.

Настал день долгожданной спартакиады, которая проходила на территории Нижнего лагеря. Легкоатлеты соревновались в беге на 100 метров и прыжках в длину и высоту. Саша Гавриленко первенствовал в прыжках в высоту. Затем соревновались волейболисты четырех лагерей. Наша команда легко обыграла все команды и стала чемпионом Артека. Нам вручили жетоны победителей и сфотографировали у волейбольной сетки. Московский поэт Миротворцев, гостивший в это время в Артеке, написал шуточное стихотворение о

Перед началом «олимпийских игр» в Артеке.

спортивных соревнованиях. В нем
были и такие строчки про меня:

Олег не жалеет ни ручек, ни ножек,
Смело бросаюсь на трудный мяч...

Спустя два дня на лагерном авто-
бусе наша волейбольная команда
выехала в Гурзуф, где нам предстоя-
ло состязаться с командами Кра-

На утренней линейке в интернациональном лагере «Лазурный».

сней Армии, которые отдыхали в военном санатории. От мысли, что нам предстоит играть со взрослыми, да еще с командирами, каждый из нас испытывал чувство страха. Но нас подбадривал всю дорогу наш физрук.

И вот началась игра. Первую партию мы выиграли, а вторую проиграли. Что покажет третья партия?

«Ребята, играйте спокойно», — напутствовал нас Владимир Иванович.

На подачу встал ленинградец Володя Северин. Он умело подавал крученные мячи, низко летящие над сеткой. А Саша Гавриленко гасил мячи. Командиры его блокировали, но не всегда удачно. В упорной борьбе мы выиграли и этот волейбольный матч.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ НОЧЬ

Наполненные до предела интересными событиями, дни в Артеке проходили незаметно. Приближался день окончания нашей смены.казалось, что мы приехали совсем недавно. А уже пора было собираться домой.

За три дня до отъезда нашему отряду предстояло совершить восхождение на вершину Аюдага с ночлегом. Накануне похода вожатая провела с нами инструктаж.

— Ребята, — сказала она, — советую каждому из вас взять тетрадку и карандаш, чтобы вести подробную запись похода, то есть дневник. Так делали великие русские путешественники Пржевальский, Семенов-Тянь-Шанский, Арсеньев и другие во время своих путешествий.

После вечернего чая по извилистой тропинке шириной в ладонь выступили лошадь и два ослика, навьюченные радиостанцией, одеялами и подушками. Следом за маленьким караваном отправился и наш отряд. По петлявшей среди уте-

сов тропинке мы взбирались все выше и выше, отчего казалось, что море опускается. Выбравшись на седло Аюдага, остановились на короткий привал. Легкий ветерок приятно освежал наши вспотевшие лица. Усталые, мы присаживались на камни, грея алюминиевыми фляжками, но вожатая Шура не разрешала этого делать.

— Мы сейчас альпинисты. А у альпинистов правило: при подъеме не садиться, чтобы не устать, — сказала она.

От седла мы начали карабкаться вверх. Теперь тропинка вела нас среди могучих дубов и грабов. На склоне сделали второй привал. И снова Шура не разрешила нам садиться.

Солнце готовилось скрыться за горизонтом. К 9 часам вечера мы достигли самой высшей точки Аюдага, равной 570 метрам над уровнем моря. На уютной лужайке устроили бивак. Быстро натаскали хвороста и разожгли костер, а отрядные повара принялись готовить ужин. Радисты установили антенну и что есть силы стали поочередно кричать в микрофон: «Я «Медведь»! Я «Медведь»! Перехожу на прием! Перехожу на прием!» В небольшом ящичке что-то скрипело, урчало, завывало, а ответа не было. Но вскоре сквозь писк и грохот до нас донеслось: «Я Артек! Я Артек! Как вы себя чувствуете? Перехожу на прием». Вожатая Шура ответила: «Все чувствуют себя хорошо. Вас плохо слышно». Слышимость улучшилась. Из Артека специально для нас передали концерт грамзаписи.

Шаловливый ветерок ворошил оранжевые языки пламени. Повара перед каждым из нас поставили алюминиевые миски с картофельным супом, сильно отдававшим дымком. На второе была подана изрядно подгоревшая рисовая каша, а на третье — кислый-прекислый чай со сливовым экстрактом. Подшучивая

Махмуд Хусайнов и Олег Чистовский. Ленинград. Июль 1964 года.

над поварами, все ели с аппетитом. А некоторые просили добавки: «Налейте мне еще супа с дымком!», «А не осталось ли там поджаренной каши?», «Хочу выпить еще кружечку с вареньем «вырви глаз»!»

После веселого ужина Шура повела нас на мыс Аюдаг. Мы двигались цепочкой, держа друг друга за руки. Внезапно перед нами открылась незабываемая ночная панорама. По морю медленно плыл сверкающий огнями пароход. Он был очень большой, а нам с огромной высоты казался игрушечным. Виднелись гирлянды огней Нижнего и Верхнего лагерей, освещенный дворец Суук-Су, где отдыхали испанские дети. Хотелось стоять долго-долго под яркими крупными звездами, сверкающими как алмазы на черном бархате неба, и смотреть, смотреть вокруг себя на да-

льные огни и освещенное таинственным фосфорическим светом море. Мне почудилось, что я попал в какую-то сказочную страну. Казалось, что сейчас произойдет что-то необыкновенное. Но ничего необычного не произошло. Вожатая сказала, что нам пора спать, и повела нашу цепочку той же тропинкой к бивачному костру.

ПРОЛЕТЕЛИ ГОДЫ...

После Артека я регулярно переписывался с Махмудом. В письмах мы рассказывали друг другу о своей учебе, детковорской работе. В одном из писем Махмуд снова спросил меня, кем же я решил стать. На этот раз я ответил другу, что Артек привил мне любовь к путешествиям, к вос-

хождениям на вершины и я решил стать географом-путешественником.

Грянула Великая Отечественная война, и мы потеряли друг друга из вида.

Моя мечта сбылась в несколько измененном виде. Я стал топографом. Для составления точных топографических карт я поднимался на высочайшие вершины Тянь-Шаня и Памира, двигался с караванами в жару по пустыням Каракум и Кызылкум, работал в степях Центрального Казахстана, на Кольском полуострове, в сибирской тайге. Во время своих путешествий я вел подробный дневник и снимал ФЭДом все, что встречалось мне на трудном пути необычайного и интересного.

С Махмудом встретился я в январе 1946 года, когда я приехал в отпуск в Ленинград. Артековский товарищ навестил меня. Теперь это был подтянутый офицер-артиллерист, проходивший службу в Ленинградском военном округе. На кителе сверкало несколько боевых орденов и медалей. Махмуд рассказал мне, что продолжает писать стихи. Вскоре он демобилизовался из Советской Армии и уехал в Казань, где поступил в университет на филологический факультет. Будучи студентом, он издал несколько поэтических сборников на татарском языке, написал много популярных песен.

Махмуд прислал мне свою книгу избранных стихотворений под названием «Здравствуй, любовь», пере-

веденную на русский язык. С большим наслаждением я читал задуманные стихи друга.

Я рад, что его заветная мечта осуществилась.

Я же сохранил любовь к литературе. Потрепанные и исписанные торпливым почерком в путешествиях дневники и тысячи фотографий помогли мне написать книги «Записки топографа», «Тайна вершины Мискен», «В стране великих гор», «Мечта Розы Мамета», изданные географическим издательством, и «Своими глазами», «Когда шагаешь по земле» и «Под пологом тайги», выпущенные Лениздатом. В этих книгах рассказывается о полезном труде топографов и геодезистов, о природе, животных и растениях отдаленных районов Средней Азии и Казахстана, тундры и тайги. Мои рассказы и очерки о природе опубликованы в центральных журналах и ежегодниках «Глобус» и «Побежденные вершины».

Всегда с радостью вспоминаются дни, проведенные в солнечном Артеке. Там я нашел верного друга Махмуда Хусайнова, там по совету вожаты Шуря Теньковой начал вести первый дневник путешествий. Много раз мне пришлось коротать холодные ночи в спальных мешках на вершинах и ледниках Тянь-Шаня и Памира, но никогда не забуду чудесную ночь, проведенную на вершине Аюдага, где я твердо решил стать путешественником!

ГОРОД НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ

Фотоочерк В. Карпова и С. Ненашева

Тында, железнодорожная столица БАМа. Этот город можно назвать акселератором. За десять лет — с момента рождения в октябре 1975-го — он вырос в десять раз и сегодня насчитывает 60 тысяч жителей.

В молодой столице и люди очень молоды. Их средний возраст — 28 лет.

Здесь, как в любом городе страны, все расстояния измеряются от главпочтамта: на запад — 7 тысяч километров до Москвы, на восток — 2 тысячи до берега Тихого океана. С вершины сопки, где расположен главпочтамт, весь город как на ладони. Дома, зажатые редколесными гора-

ми, террасами спускаются к реке. На другом берегу — словно великан рыболов разбросал и запутал снасти — переплетены нити железной дороги. Они сходятся у острокрылого здания нового вокзала. Летом этого года он принял первых пассажиров.

Внизу под сопкой — Амуро-Якутская магистраль. Долгое время трасса была единственной дорогой, связывающей Тынду (тогда еще поселок) с остальным миром. По этой дороге в мае 1974 года и прибыл отряд молодых посланцев XVII съезда ВЛКСМ, чтобы начать самую крупную в истории страны стройку.

Каждый шестой житель города — школьник.

Малыши в Тынде особенно радуются теплу. Ведь снег в этих местах лежит восемь месяцев и морозы достигают —60 градусов. Зато летом стрелка термометра поднимается иногда до + 40 градусов. Климат здесь резко континентальный.

Улица Диогенов. Улицы с таким названием на карте Тынды нет. Но если спросить старожилов, каждый покажет ее — несколько ярко-красных домиков бочкообразной формы.

Говорят, древнегреческий философ Диоген жил в бочке, так как презирал комфорт. Бамовские «бочки» — экспериментальные дома — имеют все удобства. Но с легкой руки одного из строителей их окрестили Диогеновыми. А улицу, где они стоят, — улицей Диогенов.

Рядом формируется центр современной Тынды. Это шестнадцатиэтажные жилые корпуса, первые на БАМе высотные дома; торговый и культурный центр, где по выходным открыта дискотека, где проходят художественные выставки, где выступают театральные коллективы и

артисты цирка; это сверкающее стеклом здание новой библиотеки, одной из самых крупных на Дальнем Востоке.

Город проектируется и строится москвичами, которые взяли шефство над молодой столицей БАМа.

«Удивительный вопрос...» Вы, наверное, помните продолжение: «...отчего я водовоз».

Действительно: почему по улицам Тынды до сих пор разъезжают машины-водовозы? Ведь даже в старых городах водовозов, как и трубочистов, можно увидеть разве что на сцене театра или на костюмированном балу.

Но не забывайте: Тында растет стремительно. А вечная мерзлота — почва, скованная льдом на глубине меньше полуметра от поверхности, — создает большие трудности. Колодец

Новый торговый и культурный центр. Здесь разместились клуб железнодорожников, спортивные залы, продовольственный магазин, универмаг, почта, аптека.

После весеннего дождя.

В условиях вечной мерзлоты молодые деревья с трудом приживаются на новом месте.

не выкопашешь. Всю жизнь в этих местах воду брали из реки. Сегодня в многоэтажных домах, разумеется, действует водопровод. Но глубинных скважин, которые пробурили сквозь вечную мерзлоту, пока не хватает. Вот и приходится в старые одноэтажные домики доставлять воду на машинах.

Геологи сейчас ищут новые под-

земные резервуары. Скоро и этот вопрос будет решен.

Принят план развития Тынды до 1990 года. По этому плану будут снесены все временные постройки первых лет, исчезнут «бочки» Диогенов, исчезнут и бочки водовозов. В железнодорожной столице БАМа начнут развиваться новые отрасли промышленности.

ГОРОД В УГЛУ У РЕКИ

Углич — старинный русский город на берегу Волги, районный центр Ярославской области. Впервые Углич упоминается в летописях под 1148 годом, но первое славянское поселение на этом месте было ос-

новано значительно раньше, в VIII—IX веках.

Свое название Углич получил благодаря географическому положению: здесь Волга круто изгибается, образуя угол. В древности это место так и называлось — Угличе поле, отсюда и произошло имя города.

Г. Матвеева

ДАГЕСТАН — СТРАНА ГОР

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Поезд идет и идет по равнине. А мы уже давно ждем смены пейзажа — ведь мы едем по Стране гор, так переводится на русский язык название Дагестан. И хотя горы действительно занимают больше половины площади самой южной из автономных республик РСФСР, однако в ее северной части их не увидишь.

Горы начинаются лишь у Махачкалы. Они оставляют городу неширокую прибрежную полосу, на которую набегают волны Каспия. Если смотреть на столицу Дагестана со стороны моря, то на фоне голубого южного неба, над зеленью садов и парков выделяется силуэт высотного — в восемнадцать этажей — здания. Это самая большая в городе гостиница «Ленинград». Она дар ленинградцев Дагестану. В трудный час вся страна пришла ему на помощь и на деле показала, что значит «чувство семьи единой» народов Советского Союза.

В ночь на 14 мая 1970 года в Дагестане случилось землетрясение большой силы. Ущерб был велик, велики были беда и горе людей. Но

они не чувствовали ни растерянности, ни подавленности. Уже утром в районы бедствия пришли машины с продовольствием, одеждой, палатками. Республика старалась накормить, одеть, укрыть своих пострадавших земляков. В тот же день из Москвы прилетела правительственная комиссия, созданная для ликвидации последствий землетрясения.

В первую очередь позаботились о детях. Они поехали по бесплатным путевкам в пионерские лагеря, в санатории Крыма и Кавказа. 5 тысяч школьников начали новый учебный год в разных городах нашей страны. Многие люди просили прислать маленьких дагестанцев, чтобы на время заменить им родную семью.

В Дагестан шли тысячи телеграмм со всех концов страны. Из Ташкента, где еще было живо в памяти землетрясение 1966 года, сообщали: Узбекистан снаряжает строительномонтажный поезд. Северная Коми Автономная Советская Социалистическая Республика отправляла своей южной сестре лес. Вскоре стали прибывать эшелоны с бетоном, кирпичом, машинами. На помощь спешили трудящиеся братских республик,

студенческие строительные отряды.

Разве могли бы дагестанцы без такой помощи быстро залечить все раны, не оставив никаких следов разрушений, построить новые кварталы в городах, новые поселки? Разве когда-нибудь прежде могли они опереться на стольких друзей?

Сложной и нелегкой была история народов Дагестана. Им приходилось вести борьбу против многочисленных завоевателей — персов, монголов, полчищ Тимура, а позже — против иранского и турецкого нашествия. Из-за внешней угрозы многие дагестанские народы стремились войти в русское подданство. Когда в 1722 году Петр I организовал поход на западное побережье Каспийского моря, его гостеприимно встретил в Дагестане местный правитель — шамхал, а затем перед ним открылись ворота города-крепости Дербента. Об этом событии царь писал в Сенат: «Наиб (то есть наместник. — Г. М.) сего города и ключ преподнес от ворот. Сии люди... так нам рады, как бы своих из осады выручили».

В состав России Дагестан вошел в 1813 году. Это оградilo маленькую страну от внешних врагов, но не принесло горцам освобождения от гнета богачей. Царское правительство проводило на Кавказе колониальную политику, старалось держать горцев в невежестве и нищете. Но русский пролетариат вскоре стал для трудящихся Дагестана верным другом, союзником и руководителем в борьбе за свободу. В начале XX века там начались забастовки фабричных рабочих, вспыхнули крестьянские волнения. После победы в России Великого Октября трудящиеся Дагестана сразу же выступили на стороне революции. Однако власть Советов им пришлось отстаивать в кровопролитных боях с ее многочисленными врагами.

Оплотом Советской власти в Стране гор стал город Порт-Петровск,

названный так в память о пребывании в этих местах Петра I. Там уже в конце 1917 года был создан Военно-революционный комитет. Он возглавил борьбу против местных контрреволюционеров и иностранных интервентов, зарившихся на нефтеносный Кавказ. Весной 1919 года город перешел в руки белогвардейцев генерала Деникина. Члены подпольного обкома партии во главе с руководителем дагестанских большевиков Уллубием Буйнакским готовили всенародное восстание, когда врагам удалось их схватить. Они расстреляли лучших дагестанских революционеров, но не смогли погасить народный гнев. В стране поднялось восстание против деникинских банд. Оно отвлекло на себя значительные силы белогвардейских войск, помешало их продвижению в Советскую Россию.

Весной 1920 года части Красной Армии вместе с отрядами дагестанских партизан очистили Страну гор от деникинских войск. Советская власть в Дагестане восторжествовала окончательно. 20 января 1921 года Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет принял по предложению В. И. Ленина декрет об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики. История народов Дагестана пошла отныне по новому пути.

С 1922 года Порт-Петровск носит имя Махача Дахадаева, первого военного комиссара, члена Военно-революционного комитета Дагестана. Вместе с другими дагестанскими большевиками он создавал боевые красные полки. Враги боялись его, а в сентябре 1918 года он был захвачен белогвардейцами и расстрелян.

Памятник Махачу Дахадаеву, где он предстает отважным всадником, встречает каждого приезжающего в Махачкалу на Привокзальной площади. От нее к центру ведет улица, названная именем Уллубия Буйнакского. Память о выдающемся революционере живет и в названии административного центра Буйнакска, его имя присвоено колхозам, совхозам, школам. Когда в Дагестане праздновали 60-летие республики, в одном из столичных парков состоялось торжественное открытие памятника.

В скульптурной группе запечатлен подвиг У. Буйнакского и его товарищей. Они изображены перед казнью, но победителями из схватки выходят они, а не их палачи.

Центральная площадь Махачкалы и ее главный проспект по праву носят имя В. И. Ленина. Он внимательно следил за ходом гражданской войны в Дагестане, направляя туда для помощи таких опытных революционных борцов, как С. М. Киров и Серго Орджоникидзе. Вскоре после образования Дагестанской АССР, в феврале 1921 года, Владимир Ильич принял в Кремле делегацию горцев, долго с ними беседовал, выясняя нужды республики, а потом дал ряд практических советов. В ответ на призыв Ленина орошать земли Кавказа тысячи дагестанцев в 1923 году приняли участие в строительстве большого канала, которому присвоили имя Октябрьской революции. Республика первой в стране была на-

граждена за это достижение орденом Трудового Красного Знамени.

В Дагестанском объединенном историческом и архитектурном музее хранится подаренная членам делегации фотография Ильича с его надписью: «Для Красного Дагестана». Вскоре из Москвы по указанию Ленина прибыла помощь от Советской России — мануфактура, зерно, сельскохозяйственные орудия, лес, медикаменты. Страна, еще лежавшая в разлуке после гражданской войны и интервенции, делилась самым необходимым с Дагестаном. На отпущенные деньги были восстановлены горские аулы, разрушенные и разграбленные контрреволюционными бандами, отремонтированы дороги, мосты. Молодая республика вставала на ноги.

На площади В. И. Ленина, просторной и очень нарядной, высится гранитный памятник вождю. По праздникам в почетный караул возле него встают лучшие пионеры и школьники города. Мимо трибун проходят колонны демонстрантов. Нынешнему Дагестану есть чем гордиться. Теперь это развитая индустриально-аграрная республика. Такие отрасли ее промышленности, как электроэнергетика, химическая, машиностроительная, нефтяная, возникли и развились только за годы Советской власти. Хорошо знают продукцию дагестанских заводов и кустарных промыслов в других республиках и за рубежом.

Махачкала хранит память о героях, сражавшихся за свободу народа и в годы гражданской войны, и на фронтах Великой Отечественной. На углу одной из улиц, начинающихся от площади Ленина, прибита доска: «Улица названа именем подводника, Героя Советского Союза Магомеда Гаджиева. 1907—1942».

Имя Магомеда Гаджиева, командовавшего во время войны дивизионом подводных лодок на Северном

флоте, стало легендарным. В одном бою его подводная лодка потопила крупный транспорт фашистов. Уходя от преследования, она всплыла на поверхность и вступила в артиллерийскую перестрелку с вражеским конвоем, уничтожив несколько кораблей. В истории подводного флота такой бой произошел впервые. Дивизион Гаджиева пустил на дно 27 транспортных и военных кораблей. Однажды лодка Гаджиева торпедировала фашистский транспорт и потопила огнем из пушек 2 корабля охранения, но и сама получила повреждения. Подводники сражались, пока не кончились снаряды. Они погибли, но не сдались.

Магомеду Гаджиеву первому из 49 дагестанцев посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. За мужество и отвагу тысячи других воинов-дагестанцев награждены орденами и медалями.

Среди них есть представители разных дагестанских национальностей: аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, кумыки, таты...

Махачкала — столица самой многонациональной среди автономных советских республик. На небольшой территории Дагестана в 50,3 тысячи квадратных километров живут свыше трех десятков народностей. Они говорят на 29 языках и 70 диалектах и наречиях. В республике газеты и книги выходят на 10 национальных языках, а также на русском, который в Дагестане стал поистине языком дружбы и братства.

Красивый бульвар, разбитый на набережной Махачкалы, заканчивается зданием, где разместились два театра — кумыкский и аварский. Кроме них в республике работают еще пять национальных театров. Они не только представляют культуру дагестанских народностей, но и знакомят зрителей с классикой, с пьесами советских драматургов.

Недалеко от здания театра на вы-

соком постаменте установлен памятник — бюст народного поэта Дагестана лезгина Сулеймана Стальского. Другой народный поэт Дагестана, Гамзат Цадаса, положил начало советской аварской поэзии. Дело отца продолжил его сын Расул Гамзатов, чьи стихи, поэмы, книга прозы «Мой Дагестан» принесли мировое признание дагестанской литературе. Вклад Расула Гамзатова в развитие многонациональной советской литературы отмечен Ленинской премией, ему присвоены звания Героя Социалистического Труда и народного поэта Дагестана.

«ЧИСЛО ПЕРВЫМ СОКРОВИЩЕМ ГОРЫ...»

Горы тянутся от Махачкалы вдоль берега Каспия, то удаляясь от него, то приближаясь почти вплотную. Прибрежные горы невысоки и имеют какую-то упорядоченную, четко повторяющуюся форму, словно здесь кто-то поработал мастерком. Вдали линия гор становится мягкой, она разрезана лощинами, кое-где на склоне примостился аул. Это и не горы еще, а лишь предгорья. Горная цепь кавказских хребтов с вершинами, покрытыми вечными снегами, с великолепными пастбищами на альпийских лугах высится уже так далеко, что с побережья ее и не видно.

В горных селениях издавна трудятся народные мастера, передавая свое умение от отца к сыну, от матери к дочери. В одних аулах мужчины ковали оружие, изготавливали из железа различные орудия, а из серебра — украшения, в других — резали дерево, обрабатывали кожу. Женщины ткали ковры, вышивали, шили одежду, делали из глины кувшины и чаши. Эти ремесла дожили до наших дней и развились еще больше, потому что стали всенародным делом.

Когда дагестанцы отправляли де-

легацию к Ленину, задумали они привезти ему подарок, да такой, чтобы шел от души. И решили, что не будет подарка лучше, дороже, чем сделанный собственными руками. Горцы подарили вождю письменный прибор, который вырезали из дерева мастера аула Унцукуль. Владимиру Ильичу очень понравился подарок, но он хотел передать его в музей, чтобы им могли любоваться и другие люди. Еле уговорили его горцы оставить прибор у себя, пообещав сделать для музея другой. Ленин посоветовал дагестанцам беречь народные таланты, создавать им условия для творчества. А подарок остался в кабинете Ильича, он пользовался им в своей работе. Недавно унцукульские мастера отреставрировали этот исторический прибор, и он вернулся на свое прежнее место — в кабинет Ленина в Кремле.

Вместе с унцукульским прибором горцы привезли Ленину металлическую ручку и подставку под нее, сделанные в ауле Кубачи. Мы съездим в это горное селение, познакомимся с его жизнью, с работой его мастеров. ...Небольшой автобус похож на

жука. Он сворачивает с шоссе и сначала идет по дороге по открытому ровному пространству, поросшему кустарником. Потом на пологом подъеме появляются деревья, начинается лес. В лесу растут деревья ценных пород — дуб, бук, граб, клен, а под ними прекрасно чувствуют себя орешник и кизил и даже плодовые — груши, яблони, айва.

Но вот лес кончился, дорога, петляя, взбирается теперь по склонам хребтов. На этих порою очень крутых склонах то и дело встречаются обработанные поля, с которых сейчас, в конце августа, урожай уже снят. Поля расположены террасами, и даже при первом взгляде понятно, сколько требуется труда для их устройства: сначала нужно выровнять на склоне площадку, потом укрепить ее стенкой из камней. Сеют здесь пшеницу, ячмень, овес, выращивают немного винограда. Площадки побольше обрабатывают трактором, а маленькие, да еще приткнувшиеся на крутизне, можно распахать только на быках, а урожай собрать вручную.

Когда В. И. Ленин принимал в Кремле делегацию из Дагестана, тамошние жители в большинстве своем вообще не знали, что такое электричество. Город Порт-Петровск обслуживала единственная электростанция мощностью в 60 киловатт! Ее едва хватало для освещения электрическими фонарями двух-трех центральных улиц. Горцы рассказали Владимиру Ильичу, в каком трудном положении оказалась республика после гражданской войны. Он рекомендовал для развития народного хозяйства края использовать его природные богатства, в том числе энергию рек.

Сама природа создала в Дагестане мощные источники энергии — горные реки.

Первая дагестанская ГЭС вступила в строй незадолго до войны. А в

послевоенные годы специалисты разрабатывали проект целого каскада гидроэлектростанций на реке Сулак. В 1963 году была закончена первая — Чирюртовская, а вскоре началось сооружение следующей — Чиркейской ГЭС. Вся наша страна участвовала в этой ударной стройке. Турбины для нее создавались в Харькове, генераторы — на Урале, оборудование и стройматериалы прибывали более чем из 200 городов. На стройке трудились представители 50 национальностей. Добровольцы приезжали отовсюду. У одних уже были специальности, другие приобретали их на месте.

Отличную школу прошли они здесь, став настоящими специалистами своего дела.

Чиркейская ГЭС самая мощная в Дагестане: ее мощность — 1 миллион киловатт. Это уникальное сооружение: огромная арка бетонной плотины поднялась в высоту на 231 метр! Строительство электростанций на Сульском каскаде продолжается. Но уже сейчас Дагестан производит в год 3 миллиарда киловатт-часов, это в полтора раза больше, чем давала вся дореволюционная Россия.

Искусственные водохранилища позволяют орошать колхозные и совхозные поля и сады, осваивать целинные земли на равнинах Дагестана. Воду перекачивают насосные станции, это гораздо выгоднее и удобнее, чем строить и содержать каналы. Сады поставляют сырье для консервной промышленности, возникшей уже в первые годы Советской власти. Тогда из Москвы и центральных районов России в Дагестан прибыло оборудование нескольких консервных заводов. Сейчас в этой отрасли работают новые, современные предприятия. Они объединяются с совхозами в агропромышленные комплексы, такие, как «Нагорный Дагестан». Вкусные

фруктовые компоты из персиков и груш, всевозможные соки и маринады — вот что производит этот комбинат.

...Время в поездке проходит незаметно. Скоро и Кубачи, горный аул, знаменитый не только на всю страну, но и на весь мир. Прославили его народные мастера-златокузнецы. Когда-то кубачинцы ковали кольчуги, панцири, шлемы, изготавливали изумительные по красоте сабли, кинжалы, пистолеты, ружья. Их знали и в России. Один русский путешественник XVIII века писал о кубачинцах: «Ремесло у них такое — делают много хорошего ружья мелкого, также сказывают и пушки лют».

Очень популярны и различные женские украшения: кольца, серьги, подвески, пояса, браслеты. Их изготавливают из серебра, украшают рисунками, чернью или позолотой. Делают в Кубачах и серебряную посуду — тарелки, кувшины, кофейные и винные наборы. Лучшие изделия получали признание на таких крупнейших выставках, как Всемирная вы-

ставка в Париже. Раньше каждый мастер трудился в одиночку, разве что помогали ему сыновья. Сейчас в Кубачах работает Художественный комбинат. Он объединяет почти 600 человек, а это значит, что древнее искусство живо, что молодежь перенимает опыт старших.

Мы въезжаем в Кубачи. Справа на склоне остаются двухэтажные дома Новых Кубачей и четырехэтажное здание Художественного комбината, и автобус останавливается на площади. Здесь, на высоте 1700 метров, как будто уже наступила осень, под ногами сыро, небо затянуто тучами, которые ходят вровень с аулом. Хорошо еще, что нет дождя, — говорят, он шел не переставая все предыдущие дни.

На площади многолюдно: открыты магазины, торгует небольшой базар. По одной ее стороне поставлены высокие камни, отделяющие площадь от

круто уходящего вниз откоса. Камни отесаны и украшены надписями на арабском языке. Их поставили в память о людях, умерших или погибших где-то на чужбине либо в пути. Ведь кубачинцы много путешествовали, они торговали своими изделиями и подолгу жили и в странах Востока, и в Европе, а некоторые добирались даже до Америки. Все это объясняют нам почтенные аксакалы, степенно стоящие тут же в своих высоких каракулевых шапках. «Вот смотрите, — говорит один из них, показывая арабскую цифру, — этот камень самый старый, ему триста пятьдесят лет».

Отправляемся осматривать аул. Очень скоро улица превращается в узкую тропинку, она вьется вокруг горы и так и норовит круто сбегать по склону. Вверх-вниз, вверх-вниз ходят всю жизнь кубачинцы — за водой к роднику с большими кувшинами, в магазин за покупками, с работы и на работу. Прислонившиеся к склонам сакли — двухэтажные, нижняя часть для хозяйственных нужд, верхняя жилая. Каждая сакля сама образует этаж для другой, стоящей выше или ниже по склону. Но эти многоступенчатые постройки все не монотонны: окна, веранды, дверные проемы окрашены в голубой цвет, оживляющий серый тон неба.

На стенах домов тут и там вырезаны каменные львы, кабаны, кошки, верблюды, а то и неведомые фантастические птицы и животные. Это знаменитые кубачинские каменные рельефы.

В любой кубачинской семье есть комната, отведенная под домашний музей. Сняв у входа туфли, мы ступаем на домотканую дорожку, закрывающую пол комнаты, и осматриваемся. На одной стене развешаны фаянсовые и керамические тарелки и чаши, ниже висят металлические блюда. На полках стоят котлы, ведра и, конечно, кувшины-мучалы, с которыми мы и сегодня видели у источника женщин. Среди местных изделий попадаются вещи из Индии, Китая. Их когда-то привезли кубачинцы, и потомки бережно хранят их в домашней коллекции, которая, по традиции, переходит к дочерям.

Мы посетили еще один музей, школьный. Здесь все вещи новые, изготовленные воспитанниками Кубачинской средней школы. Нам рассказывает о них народный художник РСФСР Расул Алиханов, знаменитый мастер, чьи работы экспонируются во многих музеях страны. Свой первый диплом мастер получил в 17 лет, когда его работы послали на выставку в Нью-Йорк, в раздел детского творчества. Теперь он сам учит молодых, следит за их успехами. Успехи есть, о них рассказывают висящие на стене яркие дипломы многочисленных выставок: в США, Канаде, Сирии, Чили, ГДР, Японии... Обучение в школе на уроках труда начинается в первом классе. Детям показывают элементы узоров, учат изображать их на бумаге. Позднее они берут в руки резец и переносят эти узоры на металлические пластинки. К окончанию школы ученики осваивают основы ремесла, и многие остаются работать на Художественном комбинате. Есть в Кубачах еще одно новшество: художественной об-

работкой металла теперь занимаются и женщины, их на комбинате больше половины штата, в основном это вчерашние выпускницы школы.

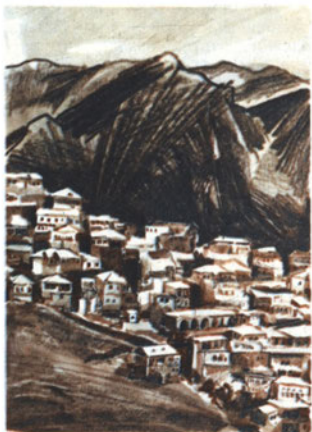
Интересно в Кубачах, впечатлений много, а хотелось бы узнать и увидеть еще больше. Но нас давно уже зовут в автобус, пора в обратный путь. Возвращаемся домой в полной темноте. А утром — снова лето, снова солнце, снова море.

«А ВТОРОЕ СОКРОВИЩЕ — КАСПИЙ...»

500 километров дагестанской границы проходят по Каспийскому морю. Без него, как и без гор, немыслим Дагестан. Море — это промысел рыбы, в том числе ценных осетровых пород. Промысел ведет объединение Дагрыба, а его добычу перерабатывают рыбоконсервный и копильно-маринадный комбинаты. Море — это крупный порт в Махачкале с большим объемом транспортных перевозок, менее дорогостоящих, чем железнодорожные. Море — это сильный ветер, продувающий прокаленные зноем долины, это песчаные пляжи, где так хорошо отдыхать. Курортная зона на берегу Каспия для лечения, отдыха и туризма вырастет в следующей пятилетке, решение об этом уже принято.

А еще у моря нашли нефть. Центром ее добычи стал город Избербаш на берегу Каспия. Дагестанская нефть оказалась незаменимой для страны в годы Великой Отечественной войны. Гитлеровские полчища рвались на Кавказ, к его нефти, в горах шли жестокие бои, горели подожженные фашистскими стервятниками нефтепромыслы в Грозном. А ведь именно нефть во многом определяла исход войны, в которой участвовали сотни тысяч автомобилей, танков, самолетов.

После войны в море выросли первые эстакады на свайных основа-

ниях. Пробуренные в морском дне скважины дали нефть.

Сейчас центр нефтедобычи переместился с побережья Дагестана на север республики. А эстакады близ Избербаша решили оставить в память об освоении морского бурения, полным героических страниц, когда работа не прекращалась и зимой в штормовой ветер, когда эстакады заливало холодной водой, оставить как напоминание потомкам о свершениях старшего поколения.

...Мы едем из Махачкалы по шоссе, оно проходит по Приморской равнине между морем и горами. Недалеко от Избербаша пассажиры автобуса просят посмотреть на выступ одной из скал, напоминающей профиль человека. Не походит ли он на знакомые всем нам черты? Да, вот характерный нос, бакенбарды на щеке, вьющиеся надо лбом волосы. «Да это же Пушкин!» Именно так воскликнул Александр Дюма, когда ему показали необычный портрет на скале, высе-

ченный самой природой. Путешествовавший в середине прошлого века по Кавказу французский романист первым заметил это сходство с Пушкиным. С тех пор эту скалу называют Пушкин-Тау — Гора Пушкина.

Дорога идет дальше на юг. За Избербашем вдоль моря тянутся километры виноградников. Совсем недавно эти земли пустовали, стояли необработанными. Теперь это уголья совхозов и колхозов, таких, как колхоз-миллионер «Геджух». Он расширился и вырос после того, как на равнину стали переселяться горцы. «Геджух» называют колхозом дружбы. Это потому, что в нем поселились горцы разных национальностей из разных селений.

Исторически сложилось так, что дагестанцы предпочитали селиться в горах, где они чувствовали себя в большей безопасности. Плотность населения иногда достигала 60 человек на квадратный километр, тогда как равнинные земли, оставаясь незанятыми, не приносили никакой пользы. В конце 20-х годов на эти земли начали постепенно переселяться жители горских селений. Сейчас здесь живут уже 250 тысяч человек. Государство помогает переселенцам устроиться на новых местах, построить удобные дома в поселках, где есть поликлиника, клуб, школа.

Ведущей культурой в равнинных хозяйствах стал виноград. Они соревнуются между собой, выводят новые сорта, успешно применяют новые методы выращивания винограда. Между рядами посадок, например, теперь увеличены расстояния. Ягоды получают больше солнечного света, поэтому они быстрее созревают и лучше по вкусу. К тому же широкорядные виноградники можно обрабатывать машинами, а это гораздо быстрее и дешевле.

Дагестан дает 55 процентов всего винограда в РСФСР и занимает по стране четвертое место после Грузии,

Азербайджана и Молдавии. Лучшие хозяйства получают по 120 центнеров с гектара и сами пока не могут справиться с уборкой такого богатого урожая. На помощь рабочим совхозов и колхозникам приходят местные старшеклассники, из города приезжают студенты. Благодаря совместному труду и дружбе оказались освоены тысячи гектаров солончаковых земель на Приморской равнине, которые раньше считались непригодными для земледелия.

Уже близок Дербент, конечная цель нашего путешествия. Километрах в десяти от города на природном газе построен стекольный завод «Дагестанские огни». Он крупнейший на Северном Кавказе и производит стеклотрубы для химической и пищевой промышленности, стекло для автомобилей, стекловату, хрусталь...

Незаметно начинаются пригороды Дербента, а потом через Северные ворота, сохранившие старинную кладку, мы въезжаем и в сам древний город. Автобус везет нас по узким улицам старой части Дербента и останавливается у подножия величественной лестницы, которая ведет вверх к знаменитой цитадели Нарын-кала. Она господствует над всем городом, построенным в самом узком месте между морем и горами. Недалом это место называли Дербентскими воротами, через них проходили караваны по великому торговому пути из Восточной Европы на Ближний Восток. Дербент, за плечами которого, как считают ученые, более 2500 лет, играл роль крупного торгового, ремесленного и военно-административного центра. Крепость Нарын-кала, возведенная на высоком холме, откуда до самого моря тянулись две массивных каменных стены, надежно защищала его от врагов. Стены спускались даже в море, образуя удобную гавань, которую запирали цепью.

Между остатками этих стен лежит старая, верхняя часть Дербента. На одной из ее улочек сохранился двухэтажный дом, где с 1830 года по 1834 год жил писатель Александр Бестужев-Марлинский. За участие в восстании декабристов его сослали в Сибирь, а потом перевели рядовым на Кавказ. Подобно Пушкину и Лермонтову, он полюбил Кавказ, заинтересовался его историей, культурой и написал несколько книг, которые познакомили русского читателя с горным краем и его жителями.

Много усилий прикладывают ученые Дагестана, чтобы сохранить уникальные исторические памятники Дербента. На основе научных данных разрабатывается комплекс реставрационных работ, на территории крепости и за ее пределами постоянно ведутся археологические раскопки. Именно они позволили отодвинуть в столь глубокую древность дату основания города. На материале раскопок изучается история возникновения и развития Дербента, культура горожан.

А на равнине у моря выросли кварталы современного социалистического города. В нем построен крупный консервный комбинат, завод шлифовальных станков, работает шерстепрядильная фабрика, снабжающая шерстью все Кавказские республики, а ковры Дербентской ковроткацкой фабрики экспортируются в 35 стран.

В Дербенте, втором по величине городе Дагестана, где живут предстатели почти всех национальностей, заканчивается наше путешествие. Вспоминая все увиденное, хочется отдать должное словам Расула Гамзатова, сказавшего о своей родине: «У малого народа оказалась большая судьба. Еще пишется повесть о Дагестане. Нет и не будет ей конца. Порокуй этому воля и сила не только моего народа — всех народов нашей великой страны».

А. Шалимов

МОЛОДОСТЬ СТАРОГО КУЗБАССА

На одной из тихих площадей Кемерово вблизи университета стоит памятник. Бронзовый бородач с мужественным лицом и пытливым взглядом, в старинном распахнутом кафтане и высоких сапогах, прижимает к груди большие куски каменного угля. Из серого пьедестала выступает темная блестящая скала — тоже каменный уголь. На пьедестале надпись — всего два слова: «Михайло Волков». Это памятник первооткрывателю богатств кузнецкой земли — крепостному Михаилу Волкову. Более двухсот пятидесяти лет тому назад он обнаружил выходы угольных пластов по берегам реки Томи. В 1721 году рудознатец донес об этом в Берг-коллегию, учрежденную Петром I вместо издавна существовавшего Приказа рудокопных дел.

Замечательным открытием Волкова Россия воспользовалась не сразу. Слишком далека была кузнецкая земля от тех мест, где создавались первые заводы. Лишь в 1851 году на самом севере угленосных площадей будущего Кузбасса близ маленького городка Гурьевска построили первую

Бочатскую копь. А в конце XIX века была начата добыча кузнецкого угля в районе Анжеро-Судженска, тоже на северном краю исполинского угольного «корыта» — Кузнецкой мульды, как впоследствии назвали эту геологическую структуру исследователи.

Систематическое изучение Кузбасса началось в годы первой мировой войны, но по-настоящему развернулось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Постепенно трудами многих геологов вырисовывалось строение слоеного угленосного «пирога» длиной в 360 километров, а шириной до 120 километров, заключающего более 250 угольных пластов. К концу 20-х годов нашего века стало ясно, что Кузбасс по запасам каменного угля намного превосходит Донбасс, а по количеству наиболее ценных коксующихся углей занимает первое место в нашей стране. По подсчетам В. И. Яворского, запасы кузнецких углей до глубины 1,5 километра 400 миллиардов тонн, причем суммарная толщина 50 наиболее крупных пластов достигает 100 мет-

ров. Такие мощные пласты угля удобно добывать с помощью горных механизмов.

Естественными границами угленосного «корыта» Кузбасса являются скалистые хребты Кузнецкого Алатау на востоке и залесенные увалы Салаирского кряжа на западе. Кузнецкий Алатау и Салаир, сложенные гораздо более древними породами, чем угленосные толщи Кузбасса, тоже оказались природными кладовыми многих полезных ископаемых. Таким образом, Кузнецкий бассейн уже в годы первых пятилеток выдвинулся в качестве важнейшего горнодобывающего района Западной Сибири.

Добыча каменного угля в Кузбассе в годы Советской власти быстро растет. Если в 1913 году в копиях Кузбасса было добыто всего 770 тысяч тонн угля, а в 1928 году — около 2,6 миллиона тонн, то к концу первой пятилетки кузбасские шахтеры уже выдавали на-гора до 6 миллионов тонн в год. Это был огромный шаг вперед, и тем не менее какими мизерными кажутся сейчас эти цифры рядом с размахом угледобычи в наши дни. Более 150 миллионов тонн каменного угля ежегодно дает Кузбасс стране.

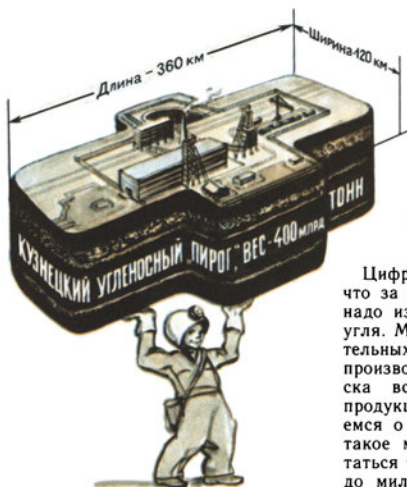
Недавно мне довелось дважды пересечь Кузбасс, сначала с севера на юг — от Кемерово до расположенного в предгорьях Кузнецкого Алатау Междуреченска, с его шахтами-гигантами, — а потом в обратном направлении на север, — через города и городки шахтеров и энергетиков — Мыски, Осинники, Новокузнецк, Прокопьевск, Киселевск, Белово, Ленинск-Кузнецкий, снова в Кемерово и еще дальше вдоль Томи к северным пределам угленосного бассейна.

Поездка оказалась интересной не только потому, что открыла мне целый край, в котором раньше не приходилось бывать, с его красочным сочетанием исконно сибирских таеж-

Кемерово. Памятник первооткрывателю Михаилу Волкову.

ных ландшафтов, стремительно растущих современных городов, автомагистралей, производственных комплексов, но и благодаря множеству встреч с замечательными людьми, создающими прекрасную новую кузнецкую землю. Эти люди, не без гордости называющие себя сибиряками, хотя многие родились и выросли не в Сибири, дают стране немалую часть ее годовой продукции в виде превосходного угля, потока электрической энергии, чугуна, стали, проката, рельсов, огнеупоров, пласт-

Кузнецкий угольный пласт — «пирог».

масс, всевозможных изделий химической и электротехнической промышленности, машиностроения, минеральных удобрений и многого другого.

В Кузбассе уголь добывается сейчас почти в сотне шахт и разрезов; в их числе такие современные гиганты, как шахты имени В. И. Ленина и «Распадская» в Междуреченске, шахтоуправление «Юбилейное» в Новокузнецке, Красногорский разрез — длиной более 20 километров — в окрестностях города Междуреченска.

Во время поездки я не раз видел в городах, у входов в шахты и просто растянутый над дорогой транспарант: «Шахтеры Кузбасса, ваш рубеж — 152 миллиона тонн угля». Рубеж этот был взят, а впереди следующий — добывать к концу одиннадцатой пятилетки 167 миллионов тонн угля в год.

Цифра огромная! Она означает, что за пятилетие из недр Кузбасса надо извлечь почти миллиард тонн угля. Миллиард! В наш век стремительных скоростей, новых все более производительных машин, выпуска всевозможной промышленной продукции мы подчас не задумываемся о размахе совершаемого. Что такое миллиард тонн? Если попытаться только сосчитать от единицы до миллиарда со скоростью одной цифры в секунду и считать без перерывов день и ночь, на этот счет уйдет тридцать один год... Миллиард тонн угля — это сотни тысяч железнодорожных угольных эшелонов. Это новые реки электроэнергии, металла, всевозможной иной продукции. Уголь был и остается основой нынешней энергетики, главной «пищей» металлургических печей, важнейшим сырьем химической промышленности.

В большинстве шахт Кузбасса выемка и транспортировка угля почти полностью механизированы, в забоях работают умные механизмы — комбайны, шагающие пневматические крепи, углетранспортеры. Но любые горные работы — это, по существу, рана, наносимая природе. В районах угледобычи свой особый техногенный ландшафт. Конические горы терриконов — «пустой» породы, извлеченной на поверхность при ведении горных выработок; похожие на высыхающие грязевые озера и реки обширные уны-

лые пространства, занятые отходами углеобогащения; незарастающие шрамы карьеров; покрытые оспинами воронок участки оседания поверхности над выработанными пластами углей. И пыль — всепроникающая серая или совсем черная угольная пыль. Пыль, с которой бороться очень трудно, потому что чуть поднимется ветер — и начинают «куриться», подобно вулканам, терриконы. В нашей стране делается все, чтобы рационально использовать отходы горнодобывающей, металлургической, коксохимической промышленности. «Пустая» порода терриконов, и остатки углеобогащения, и зола работающих на угле электростанций, и шлаки металлургических заводов — все это не просто ненужные отходы, а то же минеральное сырье, которое должно быть использовано. Многие отходы можно перерабатывать для нужд строительства. Получать из них заполнители бетона, щебень для отсыпки дамб, плотин, основания дорог.

Много внимания уделяют люди и охране среды обитания в шахтерском городке, поселке, в его ближайших окрестностях. Труд и огромная забота о родном крае делают светлыми, чистыми Осинники; зеленым, нарядным растущее Кемерово, новые дома и кварталы которого могли бы украсить любой европейский город. А ведь в этих городах есть заводы и шахты. Везде добывается уголь. Значит, можно сделать шахтерский город красивым и уютным, если очень захотеть.

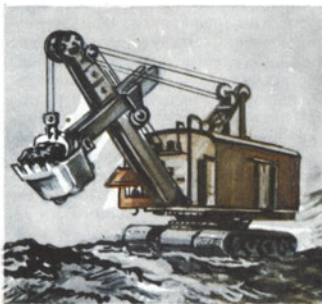
Или взять, например, небольшой (пока еще небольшой) городок Междуреченск на юго-восточном краю бассейна, у слияния кузнецких рек Томи и Усы. Небольшой Междуреченск, у которого большое будущее, за минувшее десятилетие выдвинулся как важный центр угледобычи в Кузнецком бассейне, и не только потому, что угля здесь действительно добывают много и он очень высокого

качества, и даже не потому, что тут один из самых больших карьеров Кузбасса, в котором трудятся испанские шагающие экскаваторы, и самые мощные шахты — имени В. И. Ленина и «Распадская», а потому, что шахты Междуреченска — это уже прообраз шахт будущего. Особенно «Распадская»...

Мне приходилось бывать на многих шахтах и рудниках и в нашей стране и за рубежом, но ничего, подобного «Распадской», я еще не видел. И дело совсем не в том, что «Распадская» по своей производительности уже сейчас крупнейшая шахта нашей страны.

Сейчас она ежедневно выдает нагору до 20 тысяч тонн угля и ее годовая производительность уже превышает 6 миллионов тонн. В полную силу она развернется к концу одиннадцатой пятилетки, когда годовая добыча угля на «Распадской» достигнет 7,5 миллиона тонн, что в восемь раз превышает среднюю мощность угольных шахт нашей страны.

«Распадская» — шахта нового типа. Наземные сооружения «Распадской» больше напоминают санатор-

Разработка угольного обнаженного пласта экскаватором.

Писатели А. Шалимов, Л. Барбас и Д. Алем
в шахте.

ные корпуса или огромный Дворец культуры; никаких терриконов, никакой угольной пыли вокруг. Зеленая кузнечкая тайга подходит вплотную к светлым многоэтажным постройкам комбината, линиям электропередач, ветке электрифицированной железной дороги. Весь трудоемкий процесс добычи и транспортировки угля полностью механизирован и автоматизирован, причем используются исключительно отечественные машины, механизмы, оборудование.

«Распадская» — шахта молодая. Первый уголь она выдала на-гора в декабре 1973 года и с тех пор из года в год наращивает добычу.

Горняки приезжают на свою шахту комфортабельным электропоездом. Ветка электрической железной дороги связывает город Междуреченск прямо с главным административно-бытовым зданием «Распадской». С перрона специальный эскалатор, такой

же, как в ленинградском метро, поднимает всех в просторное фойе комбината — огромный светлый зал. Здесь мраморный пол, гардероб на 1200 мест, магазины, кафетерий, газетные киоски, парикмахерская, медико-санитарная часть, занимающая полтора десятка кабинетов, оснащенная современной аппаратурой. Тут же в первом этаже расположены и различные службы управления шахтой. Из фойе ведет вверх широкая мраморная лестница. Во втором этаже возле лестницы — зимний сад. В окнах его внизу видна на фоне тайги площадь перед зданием комбината с огромным цветником среди асфальта. На площади вдоль фасада — постоянная выставка горного оборудования, используемого в забоях: секции механизированных комплексов, по одной от каждого вида крепи, применяемой в шахте на разных пластах от самых мощных до тонких. Во втором этаже расположены также кабинеты горных участков — просторные светлые помещения, оснащенные радиоприемниками, телевизорами, имеющие прямую связь с забоями.

Получив наряды, рабочие идут в раздевалку, находящуюся тоже во втором этаже. В раздевалке чистота, светлый кафель, изящные шкафы для личной одежды. Есть просторные душевые, финская баня. Переодевшись, шахтеры направляются в ламповую, получают аккумуляторы, «самоспасатели», берут в кафетерии термосы с горячей едой, кофе, чаем и в огромной клетке, вмещающей до 70 человек, спускаются под землю. На главном горизонте они садятся в вагончики электропоезда, который доставляет их на разрабатываемые сейчас блоки шахтного поля. От станций подземного электропоезда к рабочим местам шахтеров доставляют канатно-кресельные дороги. Шахтеры попадают прямо в очистные забон, где добывается уголь.

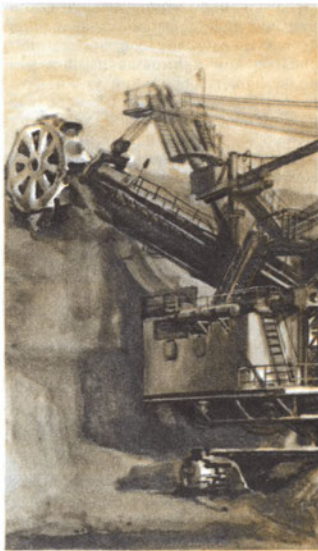
Выемка угля ведется в основном комбайнами; только в отдельных исключительных случаях применяются взрывные работы. Уголь доставляется из забоев целой системой многокилометровых конвейеров, транспортеров. Самое «дно» шахты по мере разработок углубляется. Сейчас «дно» находится примерно в четверти километра от поверхности. Только отсюда угольный поток начинает свой путь наверх: снова километровые транспортеры, потом наклонные шахтные стволы с конвейерами. И вот наконец уголь оказывается в закрытом (!) угольном складе, где и происходит его погрузка в вагоны. Вот почему нигде в окрестностях «Распадской» не видно угольной пыли. Даже угольный склад под крышей.

На всем многокилометровом пути угольного потока (общая длина подземных выработок «Распадской» уже превысила 150 километров!), от забоя, где работают мощные механизмы добычного комплекса ОКП-70, до места погрузки угля в вагоны, очень редко встречаются люди. Всей этой сложнейшей транспортной системой управляет с центрального пульты оператор.

Таких шахт, как «Распадская», в мире пока очень немного, но это прообраз горнодобывающих предприятий ближайшего будущего. Сейчас на «Распадской» занято около 4300 человек. Работа четырехсменная. Продолжительность смены — шесть часов. Дальнейшая автоматизация и применение еще более совершенных добычных комплексов позволят в будущем сократить число рабочих, вынужденных спускаться под землю. «Распадская» самая крупная шахта нашей страны. Она является прообразом шахты будущего. Именно здесь проверяется отечественное горное оборудование. Однако это не мешает шахте выполнять и свою главную задачу: выдавать на-

гора отличный кузбасский уголь. В 1981 году годовая добыча на «Распадской» составила 6,3 миллиона тонн. Рубеж выхода на полную мощность уже не за горами!

Я поинтересовался сроком «жизни» такой шахты, как «Распадская». По мнению заместителя главного инженера по внедрению новой техники А. Н. Сергиенко, прогнозы оптимистичны. Семьдесят пять — восемьдесят лет работы на полную мощность гарантированы. За долгую «жизнь» «Распадская» еще сможет изменить основной «профиль» своей продукции... В настоящее время уголь ее идет главным образом на производство кокса, который необхо-

Роторный экскаватор в карьере.

дим для черной металлургии. Но технологии сейчас меняются и совершенствуются быстро... Если успехи порошковой металлургии, которая на XXVI съезде КПСС была отнесена к очень перспективным разработкам, позволят через некоторое время исключить доменный передел железных руд, потребность в коксе значительно уменьшится. Вот тогда-то угли, подобные распадским, станут подлинным «черным золотом», ибо их возможности в качестве источника разнообразнейших ценных продуктов не только многовариантны, но и сулят всякие неожиданности...

Является ли «Распадская» пределом совершенствования угольных разработок на длительный срок? Думаю, что нет. Дальнейшее совершенствование горной добычи, по-видимому, будет связано с внедрением бесшахтных способов подземного растворения и выщелачивания руд, подземной газификации углей и горючих сланцев, наконец, с использованием особых бактерий для избирательного извлечения из горных пород различных химических элементов. Некоторые из этих способов отнюдь не являются новыми. Поваренную соль издавна добывают подземным растворением. Идея подземной газификации углей была предложена Д. И. Менделеевым еще в прошлом веке. Выщелачивание уже применяется при добыче урана и меди. Способ этот может быть с успехом применен и при извлечении из недр иных полезных ископаемых, например цинка, свинца, фосфорных соединений...

Большое будущее, безусловно, у подземной газификации углей. Этим способом в дальнейшем можно будет перерабатывать тонкие угольные пласты и прослойки, выемка которых

нерентабельна и едва ли когда-нибудь станет рентабельной, а также и все неизвлеченные остатки углей на выработанных месторождениях. Подземная газификация, по существу, единственная возможность воспользоваться глубокозалегающими угольными пластами, выемка которых даже при очень высокой механизации весьма дорога и чрезвычайно опасна из-за громадных горных давлений. Неоднократные подсчеты свидетельствуют, что «строительство» подземного газогенератора обошлось бы в несколько раз дешевле, чем постройка современной шахты той же производительности. Кроме того, оно может быть осуществлено гораздо быстрее.

У бесшахтной добычи полезных ископаемых, безусловно, огромное будущее. Пока в этом направлении делаются лишь первые шаги. Однако не приходится сомневаться, что с дальнейшим исчерпанием многих лежащих близко от поверхности месторождений мысль горняков ученых и инженеров будет развиваться по этому пути. Именно бесшахтные методы могут сделать доступными для человека богатства недр, залегающие на глубинах, куда человек не в состоянии спуститься сам.

Однако это будущее еще отдаленное. Пока без горных работ — поверхностных или подземных — к большинству полезных ископаемых не подобраться.

Значит — горные работы, которые мы должны вести так, чтобы взять максимум того, что хранится в подземной кладовой, использовать взятое с наибольшим экономическим эффектом и при этом нанести минимальный вред окружающей природе. Так, как это сейчас делается на «Распадской».

М. Дунаев

МУРОМ

ДРЕВНИЕ РУССКИЕ ГОРОДА

Про Муром слышал каждый: кто же не знает древних былин про славного богатыря Илью Муромца!

Как во том ли было прежде городе Муроме...
Из того ли из города Мурома,
Из того ли села да Карачаева,
Была тут поездка богатырская, —
Выезжает оттуль да добрый молодец,
Старый казак да Илья Муромец...

Впервые упомянут Муром в «Повести временных лет» под 862 годом. Жило здесь в давние времена среди глухих лесов на берегах Оки древнее угро-финское племя м у р о м а. Потом пришли сюда славяне — и растворились коренные жители среди более многочисленных и сильных пришельцев. И лишь название города хранит память о них.

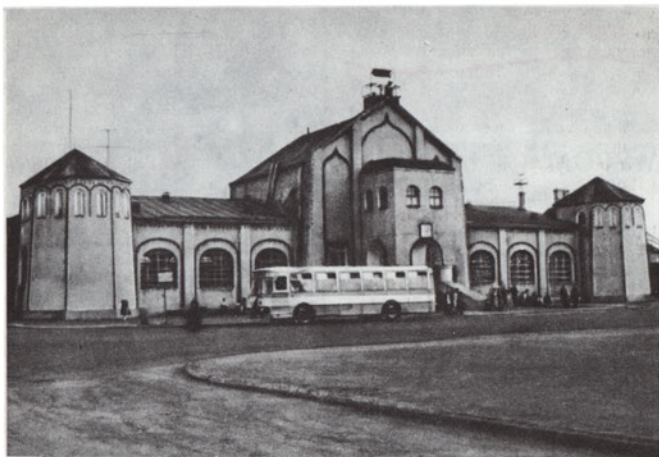
Долгое время Муром был окраинным городом Древней Руси, играл важную роль в обороне русских земель от вражеских набегов. Может быть, именно поэтому с городом и было связано имя одного из самых популярных былинных богатырей, охранявших родную землю? Легенда же поселила в муромских лесах и

Словья-разбойника, того самого, который был побежден Ильей Муромцем.

Великий киевский князь Владимир, ко времени которого былины относят подвиги «старого казака» Илья Муромца, отдал Муром на княжение своему сыну Глебу.

Когда началось феодальное дробление Древней Руси, Муром вначале попадает под власть черниговских, а затем могущественных владимиро-суздальских князей. Некоторое время он и сам был столицей небольшого княжества, но самостоятельности это княжество не имело и во всем зависело от более могущественных соседей.

Батый сжег и разграбил город в 1239 году. Многие жители были уведены в плен. В конце XIII столетия Муром еще дважды подвергался опустошительным набегам татар, и, хотя уцелевшие жители всякий раз восстанавливали родной город, набеги и последующие княжеские междоусобицы мешали его развитию и подорвали прежние

Вокзал.

политическое значение. В XIV веке Муром одним из первых русских городов вошел в состав Московского княжества.

Московские князья превратили Муром в мощную по тем временам крепость с высокими земляными валами и крепкими рублеными стенами. Каменного кремля город никогда не имел, но и деревянные укрепления надежно защищали его. Кроме того, сама природа помогала здесь обороняться от вражеских набегов: холмистая местность, глубокие овраги, а главное — Ока были серьезными препятствиями на пути врага.

Не раз отражали муромские воины вражеские нападения. Участвовали они и в дальних походах московских государей. Самым памятным был Казанский поход царя Ивана Грозного. Именно в Муроме готовился Грозный в июле 1552 года к выступ-

лению против одного из самых опасных своих врагов — казанского хана. У муромских стен царь устроил последний смотр своему войску и отсюда выступил в поход.

В те давние времена в честь военных побед сооружали памятные храмы. После взятия Казани Иван Грозный соорудил множество таких памятников-храмов по всей стране. Самый знаменитый из них — собор Василия Блаженного в Москве (более правильное название этого храма — Покровский собор). В Муроме же в память о его особой роли в Казанском походе царь распорядился выстроить четыре храма. Но только два из них, да и то в перестроенном виде, дошли до наших дней. Остальное время не пощадило.

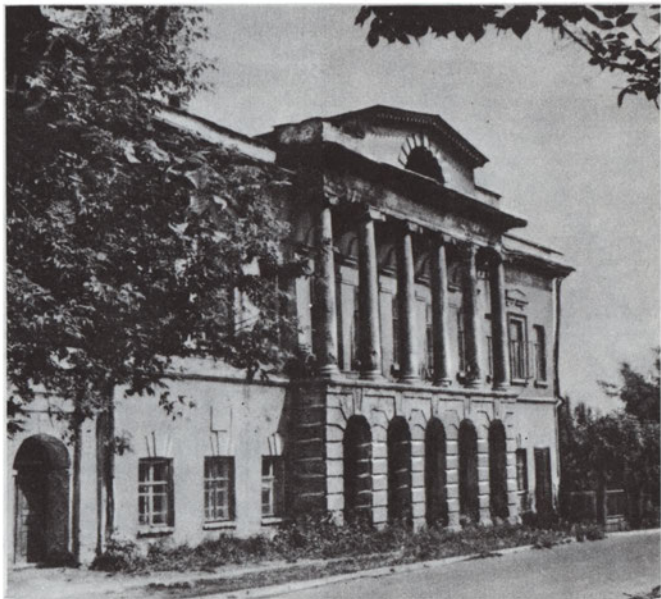
При Иване Грозном границы Русского государства отодвинулись далеко на восток, вражеские набеги

уже не угрожали стране с этой стороны, и поэтому необходимость в муромской крепости отпала. Может быть, и совсем замерла бы здесь жизнь, если бы не Ока — крупный торговый путь, по которому постоянно шли суда с хлебом, промышленными товарами. Торговали и богатели муромские купцы. Об их богатстве напоминают сегодня выстроенные ими каменные храмы и особняки.

Однако и в Муроме в XVIII—XIX веках развивалась промышленность, в основном кожевенная и полотняная. Рос и муромский пролетариат. В 1903 году в городе была соз-

дана организация РСДРП. Советская власть провозглашена в Муроме 12 ноября 1917 года.

За годы Советской власти Муром развивается быстрыми темпами. Создаются новые отрасли промышленности, прежде всего машиностроение. Велика была роль трудового Мурома в годы Великой Отечественной войны. Предприятия города, помогая фронту, внесли свой вклад в общую победу. Собранный муромскими рабочими бронепоезд «Илья Муромец» прошел боевой путь по фронтам войны. Сегодня он поставлен как монумент Победы на

Дом Каратыгина.

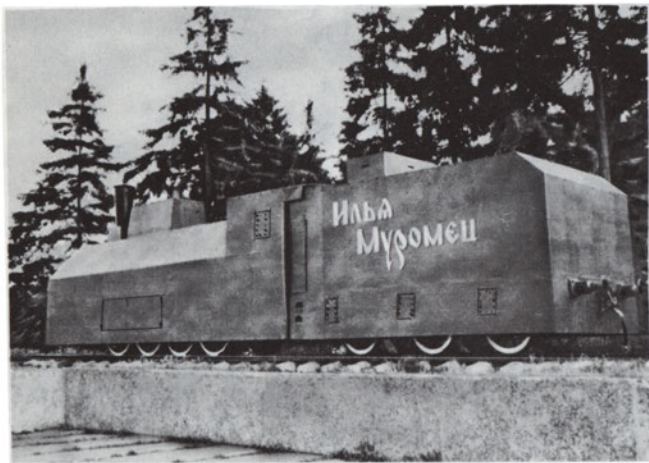

Памятник Герою Советского Союза
летчику Н. Ф. Гастелло.

вечную стоянку у въезда в город со стороны Москвы.

Как и у многих городов, стоящих по берегам больших рек, архитектурный облик Мурома лучше всего воспринимается с Оки. Особую живописность городской панораме придают архитектурные памятники и ансамбли XVI—XVII веков.

Если плыть по Оке вниз по течению, то первым из муромских ансамблей вы увидите комплекс Спасского монастыря, главный собор которого стоит со времен Ивана Грозного. Чуть правее почти у самой воды находится церковь Космы и Демьяна, выстроенная на том самом месте, где, по преданию, находился царский шатер во время последнего смотра войск перед началом Казанского похода. Церковь — выдающееся произведение русской архитектуры XVI столе-

Собранный муромскими рабочими бронепоезд «Илья Муромец» прошел боевой путь по фронтам войны.

тия. Предполагают, что ее строили создатели храма Василия Блаженного Барма и Постник. К сожалению, еще в XIX веке обрушилось ребристое шатровое завершение церкви, что обединило ее облик.

Над церковью Космы и Демьяна на горе возвышается колокольня Смоленской церкви (памятник начала XIX века). Правее же, среди зеленых холмов, расположен ансамбль центральной части города, каменные купеческие особняки, бедеющие церкви, среди которых выделяется шедевр градостроительного искусства — ансамбль Троицкого и Благовещенского монастырей, сооруженных в середине XVII столетия. Этот ансамбль можно по праву назвать жемчужиной русской архитектуры. По своим формам и убранству он превосходит многие современные ему сооружения Москвы.

Приглядитесь к украшениям на стенах монастырских зданий — и вы удивитесь богатой фантазии их создателей. Здесь декоративные орнаменты из фигурного кирпича, арха-

турно-колончатые фризy, пояски из цветных изразцов, ярусы полукруглых-кокошников. Выразительны по силуэту завершающие главки и стройные шатры колоколен. Ансамбль монастырских построек придает поистине музыкальное звучание архитектурной форме. Подобное убранство люди XVII века называли «дивным узорочьем». Лишь несколькими годами позднее появились подобные сооружения в Москве.

В муромском музее, расположенном в красивом, похожем на дворец купеческом особняке, можно увидеть богатую коллекцию древней русской живописи и декоративно-прикладного искусства, рисунки и полотна выдающихся художников — А. А. Иванова, К. П. Брюллова, А. К. Саврасова, В. И. Сурикова, В. Д. Поленова и других.

Долго будет вспоминать древний русский город Муром каждый побывавший здесь путешественник — вспоминать своеобразный облик его, прекрасные произведения русского искусства.

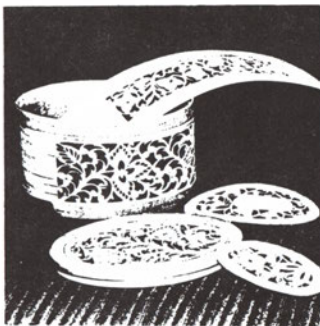

ГОРОД, КОТОРОГО ДОЛГО НЕ БЫЛО

В XVIII веке, когда в южных степях России и в Таврии (Крым) строились новые города, многим из них давались названия греческого происхождения. Так появились Севастополь (город, достойный поклонения), Симферополь (Пользоград), Ставрополь (крестовый город), Никополь (город победы), Мелитополь (пчелиный город). Впрочем, история возникновения Мелитополя несколько сложнее. Дело в том, что название города, который должен был по замыслу Екатерины II появиться в Таврической степи, долгое время существовало только на бумаге. Город так и не был построен, и в 1841 году это название присвоили слободе Ново-Александровской, расположенной довольно далеко от Крыма.

А. Гостомыслов

ШЕМОГОДСКАЯ РЕЗЬБА ПО БЕРЕСТЕ

НАРОДНЫЕ РЕМЕСЛА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО РОССИИ

Речной причал в Котласе на высоком берегу. За рекой болотистая низина с чахлыми кустиками. На ее дальнем краю деревня с луковичным куполом старой деревянной церкви. За деревней лес без конца.

А на этом берегу город. Виден элеватор. К длинной пристани пришвартовываются сухогрузы, портальные краны резво кланяются — разгружают и загружают трюмы.

Чтобы воспользоваться услугами скоростного флота, надо спуститься по широкой каменной лестнице, потом по длинной деревянной и сбегать по трапу. Захрустит под ногами крупный речной песок с галькой, с шорохом лизнет вода гладкий берег, охватит тебя речная сырость.

Из-под обрывистого берега тянется якорная цепь, в ее последнее звено продета веревочная петля и закреплена березовым поленом. Полено удерживает на приколе скоростное судно, которое уткнулось квадратным носом в берег. На скошенном стекле надпись: «Котлас — Устюг».

Рядом с дверью на палубе палка с пучком веревочных концов — морская швабра. Концы собраны с большим тщанием. Судно ухожено и блестит. Чтобы больше увидеть по дороге, я спросился в рубку к капитану.

Сначала пошли легонько, как босиком по воде побежали. Прошли городские строения, элеватор, мельничный комбинат, и — судно вздрогнуло — капитан включил большую скорость: 25, 30, 35 километров в час. Шум мотора, пена, брызги, жесткие удары волн по днищу, будто на кабелях по камню мчимся.

Я смотрю на приборную доску и не вижу главного прибора всех морских судов — компаса.

— Нет его, — смеется капитан. — В море мы не ходим, там нас волна разобьет. А реку всю наизусть знаем. Берег — вот он.

А берег — отвесная коричневая стена метров сто в высоту. Наверху ручеек, вода вниз падает белой пеной, как водопад. Сверху вниз к реке вертикальная из досок лестница, как штурм-трап. Рядом с лестницей

на длинном канате лодка на ветру покачивается.

На берегу темной стеной густой северный лес стоит.

— Я из журнала, интересуюсь берестяным промыслом, — говорю капитану. — Где-то в этих лесах деревня Шемокса. В ней резали по бересте знаменитые шемогодские узоры.

— Ты ровно на сто лет опоздал, — смеется капитан. — Тогда был самый разгар берестяной резьбы — и в Париж на выставку возили, и втридорога продавали. А сейчас серьезным делом занимаемся — лес сплавляем.

По реке бревна плывут — молевой сплав. А молевой — потому, что у истока река мелкая, плот не свяжешь. В Котласе бревна выловят, свяжут в плоты и буксиры потянут их в Архангельск.

Река становится уже, а бревен все больше. Капитан опытный, маневрирует. Бревна пошли уже целыми эскадрами. Длинные, неохватной толщины, они выставляли вперед грозные комли. Вот бревна заполнили всю реку от берега до берега. Как же мы пройдем между ними? Капитан не сбавляет скорости, несемся прямо на них.

Что он делает?!

И вот мы уже мчимся прямо по бревнам!

Дык!.. дык!... дык!.. — ударяют комли по днищу и встряхивают судно. Ух-х... ух-х... ух-х... — всхлипывают концы бревен, высовываясь из воды. Оказывается, у судна водометный движитель, а под плоским днищем — стальные ребра для прочности. Боятся капитан только бревен, у которых один конец сильно намок и уперся в дно, а другой конец на плаву. Если наткнешься на такое бревно — беда.

По обоим берегам Вычегды лес... лес... лес... Издавна здешние деревни кормились лесом. По реке плывут

бревна. Попытался выглядеть березу с ободранной корой для теска и не смог. Подумал: может, чепухой занимаюсь? Страна строит заводы, города, целые территориально-промышленные комплексы. Страна живет делом — сплавляет лес деловой, на доски, на бумагу...

В некотором унынии сошел на берег.

ИВАН ВЕПРЕВ

Седенький киоскер, у которого я купил свежую районную газету, сказал: «У промыслов своя, иногда нам, людям, неподвластная жизнь» — и посоветовал попытаться разузнать про Ивана Вепрева, который в свое время сильно прославил шемогодскую бересту.

В Шемогодской волости стояла деревня Курово-Наволоок. Все жители ее носили фамилию Вепревых. Когда подросток один из них, Иван Вепрев, отец дал ему ружье да топор. Пошел Иван в лес, остановился на земляничной полянке и сказал: «Прошу тебя, лес-батюшка, корми меня, как отца моего и как деда. Я же обещаю лишней веточки зря не ломать, невинной птахи зря не губить...»

Ничего не ответил ему лес. Начал Иван валить деревья, дома рубить, резьбой их украшать, на охоту ходить, зверя и птицу бить — кормиться.

Лес кормил не голодно и не сытно.

Пришел срок, срубил Иван и себе дом, сам печь сложил, стол смастерил, в чулане полки навесил. А что ставить на них?

Подумал и опять в лес пошел. Свалил березу, распилил на чураки. С чураков снял бересту целиком, потом из кругляшков напилит донышки. Из самых больших чураков получились ведра. К ним приладил ручки из ивовых прутьев. Из чураков поменьше получились крынки для

молока, туески для сметаны и соли. И даже стаканы для чая смастерил. И так научился донышки подгонять да прилаживать, что ни единой капельки не протекало.

Заставил стол берестяной посудой. Солнце в оконце глядит, береста ласковая, теплая, сама в руки просится. Как тут не улыбнуться?

И так ему понравилась береста, что решил ее рисунком украсить. Смастерил в сенях верстак, на нем разложил топор, пилу, нож, стамеску да рубанок.

Что же вырезать на бересте? Знал он знак, который оберегает от дурного глаза, от болезней, от нечистой силы, — трилистник. И стал вырезать на бересте три листика, а стен-

ки на туесках делать из двойной бересты.

И еще: ухитрился в кузнице выковать штамп-трилистник. Закалил его хорошо. Бересту, чтобы мягче была, разварит в кипятке, наставит штамп, хлоп молотком — и вот уже на бересте красуются три выдавленных листика.

А вокруг в ста десяти домах деревень Шемогодской волости сто шестьдесят человек работало бересту. Мужики друг перед другом старались и не заметили, как в Курово-Наволоке новый мастер вырос.

С упоением, без роздыху работал Иван. Поднималась слава шемогодской бересты, а Иван Вепрев — лучший резчик. Дошла слава его до Москвы.

В 1882 году предложили ему послать свою работу в Москву на промышленную выставку.

Убрал Иван с верстака туесочки с трилистником. Задумался: что вырезать на поделке?

Всю жизнь он в лесу провел. Ничего не знал красивее. Направился Иван по знакомой тропинке, крутит головой, высматривает. И тот же самый лес, да каждый день будто новый. Сейчас, в полдень, рыжие сосны отливают золотом, вороненые ели опутаны сухим мхом, кустистые рябины вздрагивают узкими рублеными листьями... Но как их положить в берестяной рисунок? Наверное, выйдет мелко и коряво.

Ничего не высмотрел. Солнце голову напекло, ветки лицо исцарапали. Добрел до земляничной полянки, упал ничком. Дышит — не надышаться. Открыл глаза — божья коровка ползет по стебельку. Медовая лесная трава в такой узор сплетена, что только в сказке описать. И сквозь нее спелая земляника гроздьями алеет.

Может, это и есть его, Ивана, узор? Погудел Иван в берестяной рожок, подражая крику оленя.

Берестяная посуда.

Олень вышел на поляну. Из своей захоронки сквозь траву рассмотрел его Иван. Литые, раскидистые рога сплелись с травяным узором, и казалось, будто олень вырос из земляничной земли.

Олень почуял человека, скакнул — и нет его. А Иван куда ни посмотрит, всюду видится ему олень, окруженный травяным узорочьем.

И все это само просилось на бересту! Может, это и есть заветный рисунок северной, шемогдской земли?

Заторопился Иван по лесу, выбирал березы, чтобы не старые были и не молодые, чтобы не тонкие, чтобы было им по 15 лет. Осторожно подцеплял на сучке бересту, надрезал и снимал верхний слой. Природа одарила березу двумя слоями бересты.

Был Иван осторожен, старался не повредить второй слой. Береза поболтает, но останется жить.

Собранная береста норовила скрутиться, он ее выпрямил, сложил ровной стопкой и перевязал. Принес домой, убрал в чулан. Осень, зиму и весну она должна храниться в сухом, прохладном месте.

Из чулана вынул прошлогоднюю стопку бересты, положил на верстак. Стал сортировать, чтобы береста ложилась ровная, без наростов, иголочки черные берестяные поменьше. Если береста толстая и иголочки по ней толстые — плохо, для резьбы не годится. На растопку ее.

Выбрал ровный лист, отслоил внешнюю, неровную часть. Отщипнул несколько слоев и, когда она стала совсем тоненькой, начал ее тереть, полировать. Была береста желтая, а сделалась белая, гладкая. И можно резать.

Придвинул струганую березовую доску, твердую, на ней хорошо рису-

нок прорезается. Расправил бересту на доске, обрезал в размер. Смотрит на нее, а перед глазами земляничная поляна и сквозь переплетенную траву удивленный олень глядит.

Тупым шилом стал Иван рисунок намечать. По кругу орнамент, в середине олень в травяных узорах.

Нож для резьбы длинный, круглый, как кнутовище. Лезвие короткое и узкое, как плоская игла. Приноровиться надо к такому ножу. А если научился руководить ножом, то он уж послушен, перекачивается в пальцах, поворачивается на ходу, любые извивы выписывает, да так ловко, что Иван потом и сам изумляется.

Когда резьба была готова, достал Иван блюдо из темного мореного дуба, чтобы фоном было и форму дал, приклеил бересту.

На промышленной выставке в Москве в 1882 году Иван Афанасьевич Вепрев был награжден Большой медалью. В следующем, 1883 году на Вологодской сельскохозяйственной выставке ему присудили серебряную медаль. На Всемирной выставке в Париже он награжден дипломом с похвальным отзывом. К нему стали приходить заказы из-за границы. Он уже не успевал их выполнять, пришлось засадить за работу всю семью.

Когда Иван Афанасьевич составил и почувствовал, что немного осталось жить, взял из дому кусок хлеба, щепотку соли, захватил лучшее резное блюдо и пошел на свою земляничную поляну.

Была холодная осень, и по размытой тропинке с трудом добрал старик до полянки. Присел на поваленное ветром дерево, выставил блюдо, насыпал в него собранной по дороге алой рябины, сверху положил хлеб с солью. Благодарил он лес за то, что жили в мире много лет, обещал, что дети его, тоже резчики, станут беречь лес и лишней веточки зря не сломят.

ПУШКИ ИЗ БЕРЕСТЫ

Ну а что стало с промыслом потом?

Александра Маркова родилась и выросла в самой Шемоксе. В 1941 году ее отец ушел на фронт. Писал в письмах, что сражается под Москвой. Бьются они изо всех сил, а гитлеровцы прут и прут, пушек у них много.

Было Александре 11 лет, осталась она с мачехой, и сильно хотелось отцу помочь. Целыми ночами думала, плакала, а придумать ничего не удавалось. И вот случайно узнала, что в мастерской режут бересту. Она идет за границу, там ее покупают за доллары, и на эти деньги наши военные приобретают оружие, которое по ленд-лизу привозят из Америки. Разбираться в тонкостях некогда. Главное, что береста шла в расчет за оружие.

Александра сразу пошла в мастерскую, быстро научилась работать ножом и трудилась каждый день по двенадцать часов. Из мастерской ее приходилось выгонять. Очень хотелось, чтобы за ее берестяные туеса купили хорошую пушку и отправили отцу. Она даже во сне эту пушку видела, сама стреляла из нее и все время попадала.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОМЫСЛА

В голодное послевоенное время мыкался берестяной промысел от одной фабрики к другой. Было людям не до него. Наконец бересту совсем резать перестали, а мастеров распустили. И Александра Маркова приобрела другую специальность.

Когда я собирал материал для очерка, то вдруг подумал, что мы, люди, не так уж и властны над старинными промыслами. Промыслы ведут себя довольно независимо и, если видят, что нам не до них, уходят куда-нибудь в глубинку и затаиваются. И могут ждать долго, ничем не

Береста ласковая, теплая, сама в руки просится.

напоминая о себе. Бывает, и совсем забудут про нас. А если вдруг почувствуют, что стали нужны, то могут напомнить о себе и вернуться.

И вот берестяной промысел напомнил о себе дедушкиными табакерками, бабушкиными солонками, ларцами, туесками — промысел решил вернуться.

В Великом Устюге на фабрике Художественных кистей затеяли возродить цех по ажурной резке бересты.

Но где взять мастеров?

После долгих поисков нашли Александру Егоровну Маркову.

— Что вы! — испугалась она. — Я уж немолода, дело у меня ответственное, семья на руках.

— Больше некому, — убеждали ее. — Ведь нужен не просто резчик. Нужен настоящий мастер.

Наотрез отказалась Маркова.

А через месяц пришла сама.

Ей создали специальную группу в ПТУ, и за год она обучила резьбе тридцать девушек.

Для фабрики построено новое большое здание, но я был еще в старом двухэтажном деревянном доме.

Александра Егоровна сначала привела меня во двор и распахнула ворота сарая. Там ровными слоями сложена береста. На год фабрика запасает 20 тонн бересты. Бересту, наружный ее слой, собирают осторожно, чтобы деревья не гибли, и только на тех участках, которые лесничие выделяют под вырубку.

Деревянный огромный дом похож на терем, в нем много лестничек, переходов, комнаток. Во всех комнатах пахло деревом, берестой, столярным клеем. И в каждой комнатке работали люди, мастерами шкатулки, выжигали на них узоры, плели из бересты солонки, сувенирные лапо-

точки, украшали рисунками кухонную деревянную утварь, а молодая художница Татьяна Лабутина вырезала из кости медведей, собак, оленей, пастухов на нартах.

За длинными деревянными столами резчицы. На белых березовых досках расправляют приготовленную бересту, по линейке обрезают в размер тусека.

Я сел на скамью рядом с молодой художницей фабрики Татьяной Вязовой и стал смотреть, как рождается тусенок с клубничкой. Тупым шилом Татьяна очертила круг, наметила основу рисунка. Взяла нож, похожий на школьную указку, и, выдумывая на ходу, стала резать стебли, листья, клубничку. Она резала так легко, что я решил: это просто. Мне дали кусок бересты, но через две минуты я понял, что нож меня не слушается, — руководить ножом вовсе не так просто, как это кажется со стороны.

Прошел вдоль стола и заметил, что у каждой резчицы свой рисунок, своя манера.

Мне рассказали, что резать одно и то же хотя бы три дня невозможно, рука не пойдет. Поэтому девушки все время хоть чуть-чуть да изменяют рисунок, где что заметят интерес-

ное — несут в рисунок. Лучшие свои работы на свободные темы отправляют на выставки. И сама Маркова три диплома на выставках получила. Но силу свою видит в учениках.

«Хочется, чтобы берестяной промысел не отмирал», — сказала она.

На прощание мне подарили берестяной рожок, чтобы оленя подманить и увидеть его на свободе, в настоящем северном лесу.

Я знал, что весной олени всегда вызывают друг друга криком на одиночек, выехал в лес и стал реветь в рожок изо всех сил. К моему удивлению, олень откликнулся. Все ближе, ближе — и из чащи вышел... егерь, у которого в руках был точно такой же рожок. Егерь отругал меня как следует, потому что принял за браконьера. Потом увидел, что без ружья, и успокоился. И чтобы я не сильно расстраивался, рассказал, как однажды в уссурийской тайге вот в такой же берестяной рожок подманивал оленей, чтобы пересчитать. Один олень откликнулся довольно близко, в соседней ложбине. Егерь заглянул туда и обомлел. За кустами, поджав задние ноги, обнажив клыки, к прыжку готовился тигр, который тоже кричал по-оленьи, подманивая к себе жертву.

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

Каракуль — озеро в северной части Памира, в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Площадь озера 364 квадратных километра, длина — 28,3 километра, наибольшая ширина достигает 23,3 километра. Озеро расположено в котловине, окруженной высокими горами, на высоте 3910 метров над уровнем моря.

Каракуль — бессточный водоем, он питается водами горных рек. Вода в озере на вкус солоноватая. При сравнительно небольших размерах озеро довольно глубокое. Глубина в западной части достигает 238 метров, поверхность озера выглядит как темное зеркало в оправе заснеженных гор. В переводе с таджикского Каракуль и означает «черное озеро».

Академик Владимир Афанасьевич Обручев прошел Сибирь и Среднюю Азию, Крым и Кавказ, Северный Китай и Центральную Азию, Монголию и Джунгарию. Он автор научно-фантастических и приключенческих романов: «Плутония», «Земля Санникова», «Золотоискатели в пустыне», «В дебрях Центральной Азии». Имя Обручева носят горный хребт в Тувинской АССР, гора в верховьях реки Вишим, одна из вершин в Русском Алтае, ледник в Монгольском Алтае, оазис в Антарктиде...

В. Пулькин

ВЕПСКИЕ ОРНАМЕНТЫ

НАРОДЫ СССР

«Так ведь мы эта самая чудь и есть», — сказал белоголовый де-душка и повернул кран самовара. Зажурчал самовар, как родничок, тугая серебряная струя забила в моей синей чашке.

Вот так же, бывало, чаевничая, записывал я предания и в нежном нашем Заонежье, и в суровом Поморье. Сквозь лесные дали Пудожского края пришел я в сказочно живописное Каргополье, где в меловых скалах струится лебединая река Онега, пошел дальше, навстречу утренней заре. И всюду встречались мне легенды о «чуди белоглазой». То это были робкие подземные жители, то свирепые воинственные великаны. А там, за Уралом, в селении зырян-оленьеводов, молодой зоотехник поведal мне о чуди—чудо-мастерах медного литья. Отлитые ими фигурки воинов с головами лосей еще находят на местах древних городищ.

Поморы — прославленные русские северные мореходы — рассказывали мне о недавних якобы нападениях

чуди, вооруженной луками, стрелами с костяными наконечниками, на корабельных людей, сошедших на берег, вот, пресной воды у родничка набрать!

А тут ласковый с льняной бородкой старичок на мой вопрос о легендарном северном народе подвигает мне голубую с золотистым ободком чашку: «Мы вепсы, чудь, так нас называли еще на моей памяти... Топленого молока хочешь?»

Ученые-этнографы установили, что предками современных вепсов была летописная «весь», упоминаемая в первом своде русских летописей — «Повести временных лет» — как дружественный, союзный славянам народ.

Вепсские воины принимали участие в походах князя Олега...

Вепсы ныне небольшая народность. Живут они в сопредельных местностях северо-восточной части Ленинградской и на северо-западной окраине Вологодской областей. В Карелии вепсские села — Шокша, Шелтозеро и Рыбрека расположены

на юго-западном побережье Онежского озера.

Места здесь красивые и привольные: вечнозеленые боры, синее Онего, золотые пески побережья да розовые скалы...

Дорога в глубь страны вепсов, потомков летописного древнего племени, стелется все вверх по уступам огромной Шокшинской возвышенности, что расположена на водоразделе озер Ладожского и Онежского. Я еду из Петрозаводска на юг, и гудящее под колесами машины шоссе алеет, как разостланное на десятки километров полотнище кумача. На обочинах, в сырой тьме елей, ало полыхают скалы, горят валуны, угольками тлеют малые камни. Так и просятся они в руки доброго, взыскательного мастера! Недаром издавна славятся вепсы как шлифовщики камня и резчики-«словорубы».

Здесьняя деревня — это гул тесового настила под ногами, высокие дома в седине узорчатой резьбы. Это и морозный блеск железной поковки на дверях: узорных петель-жиковин, накладных замков с просечным орнаментом, поблескивающим подложенной под кузнечное узорочье слюдой.

Вепсы невысоки ростом, светловолосы и голубоглазы. Старики здесь ласковы и любопытны, как дети, а застенчивые ребятишки молчаливо ловят каждое слово, когда дед или бабушка заговорят о таинственном и многоцветном, как сказка, прошлом.

Вепсский язык сродни карельскому, особенно южным его говорам. Предания, былички рассказаны мне по-русски.

Характер русской речи здешних сказочников — инверсии, вкрапление «чуждских» слов-жемчужин — я сохранил в этих сказках, написанных по мотивам услышанных в вепсских деревнях легенд.

1. О ЧЕМ КЛИЧУТ ЖУРАВЛИ

«Клинг! Клинг...»

Когда высоко в небе кричат журавли, грустно становится людям. Почему это? Бабушка наша забыла счет своим годам, но про журавлей — знала!

— Деда наших дедов пахали землю помягче этой. Солнце над ними было поласковей. Хорошо родилась рожь на песчаных запольях, греча на пожогах, горох да бобы на глинистых местах. Летом — уследи! — кувшинки поднимутся на воду: пора сеять ячмень на раскорчеванных лесных нивках. Шесть недель прошло — запирай ячмень в закрома. А там и кузнецик застрекотал, — значит, рожь поспела. Вот и овес усы отрастил — снова на пороге осень.

Совсем доспел в то давнее лето ячмень. Но увидел однажды мужик: примяты колосья! Рассердился: «Я лес корчевал, нивья пахал... Словлю вора!» Пошел с сыном.

Заря вечерняя сокрылась. Сумерки пали. Рыба повернулась к озеру головой, к берегу хвостом — полночь! Тут плесканье крыльев раздалось,

щелканье клювов: села на нивья хлебные станица журавлей. Притихли мужик с мальчонкой-сыном, затаились. Стали журавли по полю гулять, стали ячмень клевать. Пляшут, хороводы водят — как девушки плывут-переступают, как парни притоптывают, вот диво-то! Нагулялись, наклевались — головы под крылья положили, спят...

У мужика страх-наваждение прошло. Кидает сыну конец веревочный: «Держи крепко-накрепко!» Сам журавлей вяжет — одного за шею, другого за ногу, третьего... а седьмой-то, старый вожак, он не спал! Крылами всплеснул, клювом щелкнул: «Просыпайтесь, вольные!» Кинулся было к сыну мужик, да куда там. Крепко держал веревку мальчик. Высоко в поднебесье несли его птицы. Глядит паренек-то этот, горемычная голова: лесá внизу все темнее, поженьки и пашни все меньше. Машут крылами журавли! Несут паренька в подсиверну сторонушку.

Вот завиднелось желтое морошковое болото, зазелело клюквенное.

Пали птицы наземь. Зашагали меж кочек на длинных ногах. Отвязал паренек веревку. Топор у него за поясом, нож в ножнах. Близ nonешней Сороковой горы было его жительство. Рукодельный паренек, ничего, хоть и невелик возрос. Ячень со всходов, человек с рождения виден: каков родится, такой и поднимется, это как колос... Выстроил он и избу себе: топором дерево срубил, ветки обрубил-окарзаает. Вережкой бревно обмотает — к горе Сороковой выволочет. От тех колосьев, что вырвал, за былую родную землю держась, что и на чужбину принес, он и поле завел: в лесу росчисть расчистил, пенья выкорчевал, сжег, ячемнем засеял, на другой год — втрое больше. Он еще мальчишкой был, а у него борода взошла. Ведь не от годов — от забот борода растет!

Вот опять лебеди потянулись на юг, опять белая зима идет. И эту зиму скоротал. Однажды по весне пошел паренек к речке — умыться. Глядь, а к берегу волной валеk прибило, каким бабы белье колотят, когда его полощут, песни припевая. «Хумбар» по-нашему. Длинный такой валеk — и уточка на ручке вырезана. Не то валеk — хумбар, не то весельшко — айр!

Глянул паренек-то этот, победная голова, на утицу вырезанную, а та его, будто живая, крылышком воды зачерпнувши, обрызгала, сама по речке поплыла. Паренек — за ней. Видит: у берега прялица под резной лопаской, будто челнок под парусом, покачивается, а на берегу девушка лен треплет. Одежка на ней легкая, серебристая. Льняная! А на парне — сорочка нежных беличьих мехов, поверх сорочицы — медвежья шкура. Вот он девушку крылом медвежьего плаща укрыл. Она ему рубаху жаркими узорами вышила: солнце на ней, травы цветные и утицы плывут, крылышками волну тревожат. Свадебный наш обычай не от того ли

первого дарения идет. Ведь это первые ижанд и эми, первые муж да жена на бережку стояли рука об руку возле узорной прялки с веселышком-айр!

Так и жить стали: рука в руку, душа в душу.

Жена работающая — так и муж не пляшет: то на охоте, то пашет.

Когда звонко кличут в золотом небе журавли: «клинг, клинг!», задумываются, сутулясь, старики: память о старопрежней родине приходит к человеку в старости. «Раньше, — рассказывают, — мы жили не здесь, а там!» — и плещут рукой, словно крылом. Туда, на юго-восток, за Онего наше...¹

ВЕЛЛЬ

— Говорят, дивный сын родился у молодых, первых ижанда и эми. Он родился — и на ноги встал, как лосенок лесной. Лыняную рубаху мать вышила ему узорами — цветами и травами, следами зверей и птиц. Отец пел сыну охотничьи суровые песни. Мать сказывала ласковые сказки. Знал малый голоса птиц, говор деревьев, шепот лесных духов. Но сам — молчал. У него не было языка, такой родился.

Есть летом день, когда потайным цветом зацветает Лесной цветок. Пошел отец — так далеко ушел он, что и охотничьим чутким ухом не слышно ему пение петухово. Искал Лесной цветок черной ночью, с заклинаниями. А как нашел, вырыл его крепкий сладкий корень. Только поднес сын волшебный корень ко рту — заговорил, запел мальчишка! Удивился отец: «Не родник ли это плещет в ночи? Не Онего ли поет?» Поднял

¹ В этом предании, возможно, сохранилась память о продвижении вепсов на север, а также реальный факт родства современных вепсов Прионежья с древней летописной вепсю, которая обитала в районе Белоозера.

голову: «Не журавли, не лебеди ли это кличут?» Сладка, с голосами леса схожа речь сына.

«Как это зовут? Как назвать то?» — указывали мать и отец и на ромашку в поле, и на звезду в небе, и на лосося в стремнине вод. Все называл сын, всему давал имена. Новые, звонкие ковал он слова.

Он имя отцу дал — Бард!¹ С малолетства носил отец широкую бороду. И матери дал имя — Айри: по малому весельишку-айр нашел ее когда-то отец, наш мудрый прадед Бард.

Он братьев учил звонким словам, сестер. Он и песни, сказки придумал, чтобы люди не забывали начало своего народа, чтобы от сердца гово-

рили — как в сказках говорят, как поют в песнях.

Тогда спросили его: «Как называть нам тебя?» И он сказал: «Я — Велль»².

Потом он вырезал из ели звонкий короб, натянул певучие струны. Сказал: «Это — кантеле наше. Лучше ничего не придумаю, чем сладкозвучное кантеле — гусли. Остальное пусть придумают и дадут вам другие». И он, усталый от множества дел, умер.

Пройди по вепсской деревне. Увидишь: узорчатые наличники увенчаны резными фигурками из дерева. Кто они? Наверно, это праотец Бард, праматерь Айри. Конечно, это живет память о Велле...

II. ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

Ведет, зовет меня дорога по вепсской земле. Вьется проселком, оборачивается тропкой лесной...

Вот высокий дом на горке-краже. Под горушкой у речки — баня. Рядышком с крыльцом — крохотная часовенка с предместьем, с луковкой над крутой низенькой кровлей. Обычная вепсская усадьба. Во дворе я приостановился и принялся зарисовывать старинной работы детскую коляску — «лапсентелегайне», — расписную, с точеной оградкой кузова. Белоголовый малыш гулял неподалеку.

Молодой вепс вышел на крыльцо с двустволкой, одной рукой поднял ружье и выстрелил не целясь. По ветвям березы прошумел и грянулся оземь большой серый ястреб.

«Терве! — поздоровался со мной стрелок. — Вишь, над цыплятами кружил, разбойник... А за мальца

ты напрасно испугался. Наши ребята сызмалу выстрелов не боятся».

Да, вепсы — настоящий лесной народ. У карелов, у русских северян бытуют предания о силачах, удачливых охотниках. Стал я искать такие рассказы у вепсов — и здешние старики вспоминали охотничьи обряды, приметы. В деревне Горнее Шелтозеро я познакомился с Иваном Дмитриевичем Федосеевым. Много было услышано от него — охотника и памятливого человека.

ОНДРЕЙ СИЛУ ОКАЗЫВАЛ

В деревне Сюрье жил у отца с матерью молодой Ондрей. Вот уж стеснительный был — девушка красная! При нем лишнего слова не скажи. На крещенский праздник разыгрались ребята, толкнули его — не ворохнулся. Стоит, смеется. Стали с разбегу толкать здоровенные мужичинья — стоит, как, скажи, столетняя

¹ Бард — борода.

² Велль — брат.

сосна! Глазами хлопает, сам себе удивляется. Ондрей силы своей и меры не ведал.

Было: с Ошты до Вознесенья ехал купец. Тройкой коней гордился, чванился: «Берегись, зашибу!» Ондрей мимо проходил. «А буде хочешь, так сдержу лошадей». Богач по тройке вперхлест кнутом ударил, сапогом по земле чертит: «Ах-ха-ха! Сдержи!» Остервенел, бьет по кореннику и раз, и другой раз. Держит тройку Ондрей, в дорогу по колено врос. Рассыпались сани — у Ондрея в руках только спинка санная осталась. Ондрей стоит, тонкую роспись санную рассматривает. Понимал в красоте. А тут из синь-сугроба крик и зык: «Охти мнешенько-о» — «Ну! запуталась курица в отрепьях». Пришлось Ондрею тащить купца из сугроба. Тоже, знаешь, подвиг немалый: купчина-то был многопудовый.

Ондрей — славутный охотник. На медведя с рогатиной ходил. Наша вепская рогатина — копье с граненым наконечником. У шейки рожна — стальная поперечина, а то ведь достанет зверь охотника когтистой лапой. С таким копьем еще на нашей памяти в лес хаживали. А Ондрей зверя не колол, он шкуру медвежью жалел. Он перед зверем повинится: прости-ко, мол, батюшка! — да и обоймет его накрепко, копье за медвежьим хребтом перехватит, принажмет — из зверя и дух вон, вот што, парень...

Вот, случилось! Ондрей лося убил. Не совсем убил — насмерть ранил. Лось далеко бежал, Ондрей за ним неотступно на лыжах. Ондрей ведь такой был: поест и уйдет на много суток в лес, с собой еды не берет. Спит в лесу, у нодьи. Нодья у нас — костер охотничий: два бревна берут, подтесывают их, одно к другому кладут. Щепки меж бревен запалят, смолье зажгут — так целую ночь и живет огонь. Охотник на хвое нежится.

Старики, которые охотники, похвлялись: мы-де любим огонь живой, не запертый, нам-де в избе маятно, душно, тошно!

И Ондрей так: день бежит за лосем-то, а ночью у ноды спит. Потом опять по следам бежит, поспешает. Лежки лосиные видит. Вот за Кушлегой пошли леса незнанные, места чужие.

Стал Ондрей лося настигать. Видит: за ближним синим ельничком будто холм стоит, а это лось пал, огромный, матерый зверь! Вышел на полянку Ондрей — а к лосю уж целая барская охота летит. Народу, собак, гомону! На ружьях — замочки резные, кафтаны шелком шитые, в руках у барских псарей рога золоченые...

Ондрей — зипунишко старенький, ружьишко веревочкой перевязано, а не заробел! «Мой лось!» — говорит.

Барину посмеяться желательно: «Твой лось — дак бери скорей! А не возьмешь, дак, стало быть, не твой! Ох-хо-хо!»

Ондрей ляжки лосиные отрубил, в кошель покла. Тушу в охапку — и на плечи! Ему только на лыжи встать — он дома будет.

Барин, челядь — аж задубенели. Стоят — рты отворены. Очнулись, кинулись догонять Ондрея, порох на полки ружей сыплют, псов натравливают.

Как же, догонишь! Да и опасаются, не шибко бегут-то! Сила такая в человеке... ведь зашибет!

Ондрей домой пришел — за стол сел. Ему жена калиток дает. Его мера такая: «Съем, сколько в охапку влезет!» А ручищи — сам понимаешь... Вот он калитки ест и молоком запивает. А тут соседи на порог: «Сказывают, ты лося добыл, Ондрейшко?» — «На повети туша лежит — отруби, сколь надо тебе».

Он даром мясо отдавал, все село, бывало, накормит.

ОХОТНИЧЬИ ПРЕМУДРОСТИ

На охоте Ондрей вспоминал охотничий обычай и свычай.

Он ружье свое по весне омывал горячей сорочьей кровью. На иванов день, говорят, находил волшебный папоротников цвет, оттого открыт ему был язык зверей и птиц, понимал он.

На белку Ондрей капканы вбивал в ствол дерева, наживлял их пахучими сушеными грибами. На кунису — знал! — надо в капкан сунуть сорочье гнездо. На выдру идешь — и ты капкан в воде обустрой. Но хитрее всего ставил Ондрей капканы в снег! Подсмотрели наши старичонки из-за горелой лесины: вот он, Ондрей, ямку лопаткой выроет, капкан наставит, насторожит и снегом присыплет. Да поверх того снега другим концом лопатки следы понаставит. Вот бежит красная лиса, умненько поглядывает, думает себе: «Ну-к! Безопасной мне тут, зверю, ход! Другие пробегали этим путем-дорогою, следы пооставляли, сем-ко и я пробегу!» Да и попадется... «Охти, — заверешит. — Перехитрили меня Ондрей-охотник!» А куда денешься?

Зверь ранит — ведь всякое бывает на охоте — Ондрей глину на простокваше замесит, меж двух ольховых листьев положит. Выздоровеет кряду.

Расцветает в лесу дивная травка — петров крест, и деды ее знали. Отыщет ее Ондрей, на уду к грузилу привяжет. Самые крупные лососи уж его.

Вот еще знатье Ондреево: в лесу, на озере ли, на пашне тоже — остерегись, не скажи худого слова. Ты заругаешься нечестно — себе горя делаешь: заболеешь от воды, от земли, от леса. Это — знали и держали себя строго.

Ондрей загодя ведал, какого зверя много будет. Ему все приметы кладут заметы. Ну, это и мы знаем. К приме-

ру, сей год шишек урожай и я в Петрозаводск съездил, договор заключил. Ноне стану белок промышлять, шкурки сдавать.

ОНДРЕЕВА ПУГОВИЦА

Шел Андрей, видел: под ногами, под толстым льдом, метались куницы. С осени высокая вода была, потом ударили скорые морозы. Тут и встал меж деревьями лед, подо льдом — высокие хрустальные хоромы: чисто, пусто, воздух попадает через трухлявые старые пни. Андрей идет, слышит, куницы подо льдом радуются: хорошо хонько, мол! Живы будем. Ноне все лето белки плыли озером с пудожского берега на нас, куниц, войной. Да здесь им нас не достать. Пусть себе порскают, покуда их Андрей-охотник не добудет. Они — пудожские. Ондреева зная не ведают!

Тут Ондреева собака белку и облаяла. Выстрелил охотник, не попал. Несвычно такое Андрею! Он и в другой раз приложился, он и в третий... дело нечисто: пули, не долетая, падают! Один только заряд и остался. А белка — вот она: дразнится, зубки скалит, будто смешно ей до ужаси. Еще и шишками кидается. Голосенко тоненький, как паутинка, но до чего же слова обидные верещит! «Ха-ха, — пищит, — глянь-ко, дедушко, на неудалого стрелка! Того не ведает, что тебя простая пуля не берет, а только медная, серебряная или золотая!»

А Андрей-то наш — ведь он звериный язык зна-ал! Догадался кряду: это леший невидимой рукой белку обороняет. Андрей медную пуговицу на камешке сплющил, в ствол ее шомполом загнал. «Погоди уж!» — выстрелил. Пошел по лесу стон, гул... Белка наземь пала. По лесу стари-

чонка — бела шляпа, черны поля! — поскакал, рукой трясет.

«Я не шутки шучу! — Андрей ворчит. А самому жалко и совестно: знакомый лесовик-то! — Ну, ништо, дедушко. Залижут тебе зайцы лапу-ту...»

МЕРА ОНДРЕЕВОЙ СИЛЫ

Мужики сидят на кряжике. Промеж них — разговор: «Нету меры Ондреевой силе!» — «Есть мера». — «Нету...»

Поспорили. Сговорились Ондреву силу испытать. Нагрузил это мужичонка полон воз снопов. Нивья-поля у него в низинке, рига на горе. Лошадь и не тянет. Вот он Андрея жалостно кличет: «Помоги, Ондреюшко!»

Андрей силы своей не жалел: со всей охотой плечом к возу приналег. Сосед вожжи на дышло намотал — коню и деваться некуда, конь вспять идет...

«Худ конишко-то у тебя, ничего не тянет». — «Ох, худ, что делать, ав-вой...» Мужик глаза прячет.

Ну конечно, коня выпрягли, Андрей сам в оглобли встал. Мужики за ольхами сидят, опять толкуют: «Нету меры Ондреевой силе!» — «А зная Ондреву мера есть!»

Видят уж, конечно, что мужик спромыслил. Он сзади встал, в спицы колес тележных черенок вил вставил! Андрей до земли склонился, Андрей кровавый пот ронит. За телегой борозда, как за сохой... уж колеса не вертятся дак! Взошел с возом на кряж Андрей. Повернулся, домой чуть жив побрел, дома на лавку пал... Вот мужики вышли из-за ольх, промеж себя согласились. «Нет меры Ондреевой силе. Нет меры доброте его и кротости. А и нет меры мужицкому нашему неразумию...»

III. МЫ — ПУСТОШКИНЫ

Надтреснутые долбленые лодочки-однодеревки. («Рухты!» — называл мне их старичок с коромыслом — сказал, как кашлянул. Торопился он, расплескивая колодезную яркую воду.) В зеленые холмы вросли столетние цвета старого серебра избу, переливались перелески красками июля. Сюда, в Горнее Шелтозеро, я шел по знойным, пахнущим переспелой земляникой и молодой малиной полям.

— Чаю пить! — торжественно пригласил меня белоголовый дедушко. Тот самый, что только что озабоченно пробегал с коромыслом.

Я закрыл этюдник. На огромном семейном столе в просторной, пустой избе разводил пары крохотный самоварчик. В дедовых глазах совсем детская плескалась радость.

— Вижу — человек идет. И — за водой! Мой самовар скорее всякого другого в деревне поспевает — литровый! Это моя Шултаполай! — хвастался столетний. — По-русски сказать — Шутливая Пелагея... шутница!

Крохотный самоварчик в этот день кипел не переставая. Вскоре я протоптал кратчайший — по крапиве! — путь на колодец. В избу постепенно набежало всякого — старого и молодого — народа. Это здесь было слы-

шано про незапамятную легендарную старину, про бородатого мальчика Барда и его светлокосую Айри, про мудрого Велля и про обыкновенную жизнь хозяина дома, Георгия Федоровича Зайцева.

— Ты к Дмитрию Ивановичу зайди, о нем напиши, вот што! — напутствовал меня старик Зайцев. — Знаткой он, Дмитрий Иванович, памятливей!

— А на што тебе она, старина-то! — искренне изумился крепкокукий, веселый Дмитрий Иванович. — Вот ежели про свою фамилию рассказать?

Фамилия наша, извиняюсь, Пустошкины. Мне говорят: «Сменяй, неподходящее это тебе название. Ты работной мужик, у тебя все есть!» А я отвечаю: «Эта фамилия мне от деда осталась, должен я ее и сам носить, и внучкам передать. Это мой предбывший дед провинился!»

Про то я вот как слышал. Дедушко уж вовсе старый был, на печи безотлучно жительствова. Вот бабка его к соседке на супрядки умелась, молодые пали в сани, на ярмарку улетели. Лежит дед, покряхтывает: «Никуда не гожд ноне стал... А кабы со мной была старопрежняя девушка, с которой молодецвал, я бы — ого!»

Только подумал эдак-то, а на повети сова скричала! С печи кот прыгнул — старый котище, глаза как площадки, лапой морду моет и россмежается... Вот дедушко ветошьем на кота замахнулся: какого, мол, лешего намываешь, какие тебе гости?! Только, откуда ни возмись, плятятся через порог девки, бабы простоволосы. Они деда вертели, уж они его волочили, плясали старопрежни кадрили. Повертели, бросили и корытом прикрыли.

Молодые — невестки с сыновь-

Долблено-резные кошки.

ямы — вернулись. Нет дедушки! Бабка с посиделок притащилась — и она догадалась. Лохань приподняла.

«Охти, глупой ты дедко! Вспомнил прежнее, досюльнее, молодое — да один-одинешенек вспоминал! — запричитала. — Ведь про бывалое-то можно, конечно, кому молодому рассказать, а сам с собой — дак шутка ли!»

Стал с той поры наш дедушко задумываться. Было: вышел он за порог вечером, а так холодно было, росно! Вот шел дедко да на нивья и приплелся. Глядь, а на меже старушка сидит! От росы трава бела, а она сидит. «Уйди, бабушка, не сиди здесь, ночь ведь. Ну, чего ты!» — «Скоро, скоро узнаешь, зачем я здесь сижу!» Вот она девкой обернулась, хлопнула в ладоши и улетела — только коса по ветру заваялась. Дед догадался: это судьба приходила у него на меже посидеть. Он уж и в первый раз видел: была между бабами, просто-волосками тогда, в избе — в аккурат такая, с какой молодой гулял. И опять она...

Судьба!

Дедушко наш побелел. Зубы выпали. Стал совсем старик. «За мной уж судьба приходила дак...» Он хозяйству своему был хозяин неложный, а уж тут ото всего отошел, на печи лежал не встаючи. Тут-то у нас все и запустошилось. Дождь велик пал, водяная мельница была — поломало, унесло. Дом от молоньи занялся. Мы не в этой — в другой деревне жили. Сюда пришли. «Это которые строятся?» — про нас разговор. «А это у которых все запустошилось. Пустошкины!» Так нас и знать стали.

Побеседовали и чайку попили.

Дмитрий Иванович повел меня в свой сад. Опускаясь по крутой лестнице своего высокого дома, дед рассказывает, лукаво посмеиваясь:

— Невестка у меня — ух, бедовая! Как лето — сейчас на юг угребется. Отдыхать ей желательно. «Что на юге этом нашла больно хорошего-то?» — вопрошаю. «Хоть яблочк вволю поем — прямо с дерева сорву! И домой привезу — чемодан!» А ты не вози-ко чемодан яблочк! Привези кулек семян. И сам, как яблоко послаще, я сейчас же семечки соберу, отложу. Зато теперь — вот! — простер руку дедушко и ногой притопнул, открывая воротца — калитку в свой сад.

Сад молодой — выпестованные с семечка яблоньки, частый вишеник — в янтарной смолке стройные стволы. Ветвистые сливовые деревья. Рядышком стали и вовсе ближние, лесные гости — юная липа и, кажется, все солнце вобравший в повернутые к свету листья решительный орешник! Тысячью черных глаз поблескивает пахучая смородина, а там, на грядках, за кустами малины, — лесная земляника, куманика, клубника.

— А это что за посадки у вас, Дмитрий Иванович?

— Не признал? Огораживал сад, чтоб козы не лазали, — так и колья ольховые принялись, да еще какие густые ветки выбросили! Нет, у меня не запустошится. Я думаю, как наперед жить, чтобы от наших мест людей не тянуло на сторону. Хочу, чтобы и я мог внуку яблоко с ветки сорвать. Я знаю, когда можно старое вспомнить, — вот, если молодые слушают...

ЛЕНИНСКИЕ ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА В ЛЕНИНГРАДЕ

ПО ДОРОГИМ МЕСТАМ

Проспект К. Маркса, 18 (бывший Б. Сампсониевский проспект, 16). Здесь в квартире С. И. Радченко между 14 и 17 февраля 1897 года состоялось совещание членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В совещании приняли участие В. И. Ленин, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков и другие.

Проспект Энгельса, 92 (бывшее Выборгское шоссе, 106). Здесь в квартире М. И. Калинина между 10 и 16 (23 и 29) октября 1917 года В. И. Ленин встретился с членами ЦК РСДРП(б). Обсуждался вопрос о подготовке вооруженного восстания.

Мемориальный Музей-квартира В. И. Ленина на Сердобольской улице в доме № 1. В этом доме в квартире М. В. Фофановой 6(19) июля 1917 года состоялось совещание членов ЦК РСДРП(б) с участием В. И. Ленина по поводу июльских событий. Здесь В. И. Ленин жил с начала октября до 24 октября (6 ноября) 1917 года. Отсюда вечером 24 октября (6 ноября) он направился в Смольный, чтобы возглавить вооруженное восстание.

Финляндский вокзал (старое здание), угол Финского переулка и Симбирской улицы (ныне площадь Ленина). Здесь, на площади, 3(16) апреля 1917 года рабочие Петрограда, солдаты и матросы встречали В. И. Ленина.

«ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ...»

Фотоочерк Н. Демидова и Ю. Муравина

Дальний Восток... Это более трех миллионов квадратных километров советской земли, более одной шестой части РСФСР. В состав Дальнего Востока входит 6 административных единиц: Приморский и Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Сахалинская и Магаданская области. В СССР 11 временных поясов, и 5 из них приходятся на Дальний Восток.

Удивительна природа этого края. В южных районах — теплолюбивая растительность, лианы, обвивающие стволы елей. Рядом с ними мирно уживаются растения тайги и тундры, северный олень встречается с уссурийским тигром. На севере воздух, выдыхаемый человеком, на лету превращается в кристаллики льда, а летом в иных районах температура бывает, как в Крыму.

Необычайно красив Дальний Восток. Приполярная тундра по красоте спорит со знаменитой Долиной гейзеров, величественность Золотого Рога — с неповторимостью Амура. Недаром те, кто попадают в эти края хотя бы ненадолго, стремятся приехать на Дальний Восток еще и еще раз. А если кому выпадает долгое время жить здесь, тот уж никогда не поменяет этот край на другой.

Дальний Восток — это, прежде всего, море. А если море, значит, рыба. Дальний Восток зовут рыбным цехом нашей страны. Ведь на его долю приходится более трети добычи рыбы и морепродуктов. В состав рыболовецкого флота входят мощные сейнеры, траулеры и специальные суда-холодильники. Сейчас во многих морях-океанах ведут добычу суда, порты приписки которых находятся на Дальнем Востоке. Сельдь и камбала, треска и морской

окунь, терпуг и палтус, хек и сайра — вот далеко не полный список той рыбы, которую привозят они в порты.

А знаменитая красная рыба — лосось, горбуша, чавыча, нерка... Ее тоже «поставляет» Дальний Восток. Но как говорится, «не рыбой единой...», креветки, кальмары, морские гребешки, даже осьминоги тоже продукция морей Дальнего Востока.

Лес, наверное, второе по значимости богатство этого края. Особенно много его в Приморье, Хабаровском крае, в Амурской и Сахалинской областях. Самыми ценными считаются даурская лиственница, аянская ель, сибирская и корейская пихты. Из их древесины делают целлюлозу, лаки, краску, клей. В судостроении и машиностроении используется ясень, которого тоже много здесь. Только в этих местах растет амурский бархат. Линолеум, между прочим, делается из него.

За годы Советской власти на Дальнем Востоке практически заново создано машиностроение. История его начинается с постройки в Хабаровске завода «Дальдизель». Теперь это гигантское предприятие с самым современным оборудованием. Дальневосточный завод в Хабаровске выпускает машины для химической промышленности и газовые турбины. На заводе «Амурлитмаш», что в Комсомольске-на-Амуре, производится горное, транспортное и литейное оборудование.

Было время, когда картошку, морковь, капусту на Камчатку привозили только морем с материка, а помидор считался не меньшей редкостью, чем ананас. Теперь же по всей стране известна знаменитая белокочанная

камчатская капуста, а если хозяйки где-нибудь в Костроме узнают, что картофель сахалинский, немедленно становятся за ним в очередь. Нелегкий характер у природы Дальнего Востока. Жестокие морозы сменяют проливные на долгие недели дожди, потом может наступить тропическая жара, а за ней шквальные ветры. И ничего, растут здесь и пшеница (кстати, очень известная — «приморская»), и соя, и яблонни, и рис, и арбузы не хуже астраханских. Надо только любить эту землю, понимать ее, как любят и понимают ее дальневосточники. И она щедро платит им в ответ.

В свое время московские и петербургские красавицы платили огромные деньги, только бы показаться на балу или приеме в наряде из дорогого дальневосточного соболя или голу-бого песца.

На много дней уходят в тайгу промысловики-охотники и возвращаются оттуда с богатой добычей. Но важно уметь не только добыть пушного зверька, необходимо и сохранить его поголовье. А потому сейчас на Дальнем Востоке существуют специальные звероводческие хозяйства.

Всегда Дальний Восток был интересен для ученых. И понятно: ведь

именно здесь есть уникальный растительный и животный мир, мощнейшая в мире вулканическая цепь, Тихоокеанский рудный пояс, наконец, самый большой и богатый из океанов — Тихий. Огромны богатства Дальнего Востока, и все они требуют самого тщательного изучения. На Камчатке находится единственный у нас в стране Институт вулканологии Академии наук СССР. А лаборатории его — вот они: вулканы Авача и Асача, Крашенинникова и Ключевская Сопка, знаменитая на весь мир Долина гейзеров. Проблемами жизни морей и океанов занимаются Тихоокеанский океанологический институт, Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии, Научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии и другие. Почти половина всех институтов Дальневосточного научного центра изучают Землю. Это Северо-Восточный КНИИ в Магадане, Институт вулканологии в Петропавловске-Камчатском, Дальневосточный геологический институт во Владивостоке, Сахалинский КНИИ и так далее.

Так что недаром зовут Дальний Восток краем большой науки.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Первая в СССР самоподъемная буровая установка «Оха». С ее помощью добывают нефть на шельфе острова Сахалин, точнее, из морского дна. Не только добывает «Оха», но и ищет нефть.

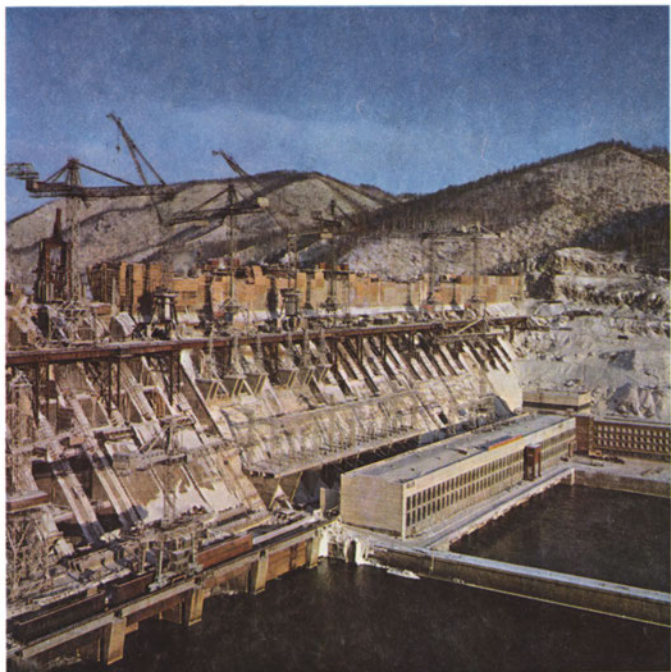
Не только рыбаков или нефтяников можно встретить в дальневосточных морях, но и ученых. Ведь море — лаборатория для всех представителей всех отраслей науки. Это геофизики ведут исследования.

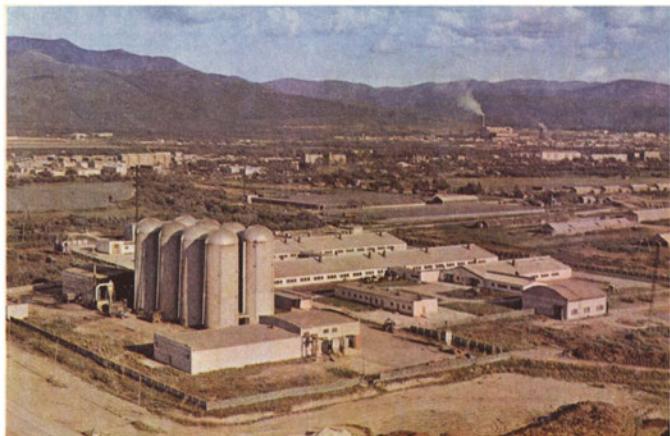
А это — знаменитый приморский фарфор. Да-да, хоть и сравнительно недавно начали выпускать его в Приморье, однако он быстро завоевал славу далеко за пределами края. Это и неудивительно, а впрочем, посмотрите сами...

Сахалин — остров, то есть часть суши, со всех сторон окруженная водой. И было время, когда связь его с материком осуществлялась только при помощи самолетов. Но погода здесь, на Дальнем Востоке, часто бывает нелетной... И вот появился паром. Переправа Ванино — Холмск стала надежной дорогой с острова на Большую землю. Это большое и красивое судно и есть тот самый паром.

Быстро развивается на Дальнем Востоке энергетика. И на берегах его многочисленных рек одна за другой вырастают гидроэлектростанции. Это одна из них — Зейская ГЭС в Амурской области.

А это — Сахалин. Совхоз «Комсомолец». Было время, когда сюда завозились практически все продукты животноводства. Теперь же остров не только обеспечивает себя, но и «экспортирует» свою продукцию в другие районы Дальнего Востока. На этом снимке вы видите крупнейший животноводческий комплекс «Березняки».

Сурово Чукотское море. Но и ему приходится покориться человеку. Давно уже стали не страшны его льды мощным ледоколам. Вот один из них — «Владивосток» спокойно и уверенно ведет проходку там, где раньше казалось немислимым появление какого-нибудь судна.

Восточный порт. Его зовут морскими воротами БАМа. Тихий океан стал как продолжение магистрали. Отсюда поток грузов пойдет на северо-восток нашей страны, где нет железных дорог.

Отсюда же пойдут грузы и в страны Тихоокеанского бассейна.

Уголь занимает далеко не последнюю строку в списке природных богатств Дальнего Востока.

Более того: он пока основа топливного баланса края.

Практически все процессы добычи высокомеханизированы, оснащены самым современным оборудованием.

Фермы есть разные: животноводческие, звероводческие, птицефермы. А есть и подводные. Как вот эта — в Приморье. Первая в стране, она предназначена для выращивания морского гребешка.

Надевая водолазный костюм
и... собирай урожай!

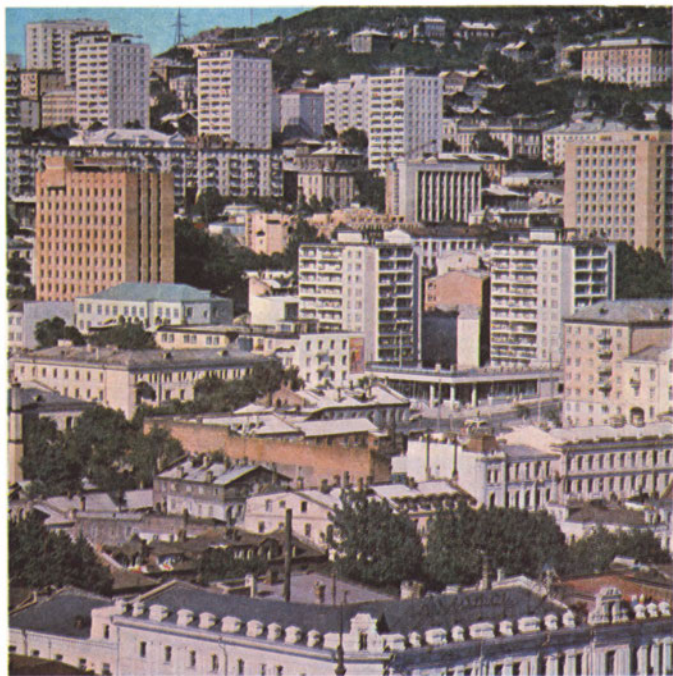
Днем и ночью, в любое время года ведут дальневосточные рыбаки лов.

Многие дни и недели проводят они в море, но, когда возвращаются в родные порты,

трюмы их кораблей всегда полны.

Порт Находка, один из крупнейших в нашей стране. К его причалам швартуются суда всех стран мира. Значит, грузооборот его весьма велик. А раз так — надо с максимальной скоростью принять корабль и «обслужить» его. Процессы грузообработки судов здесь полностью механизированы.

Новые жилые районы Владивостока.

Камчатка —
страна огнедышащих гор.

Советская Гавань. Хабаровский край. Океанские сейнеры выходят на промысел.

К фотоочерку Н. Демидова и Ю. Муравина «Широка страна моя родная...».

Е. Матвеева

«ЗВЕРЬ, НА ЗЕМЛЕ НЕВИДАННЫЙ...»

НАРОДЫ СССР

Уэлен — крохотное селение на самом северо-востоке Чукотки. Единственная его улочка вытянулась вдоль узкой галечной косы — небольшой полоски суши, с трех сторон окруженной холодным Чукотским морем.

Издавна уэленцы — чукчи, эскимосы — славились как отважные морские охотники, бесстрашные добытчики моржей.

В давние времена от удачной охоты зависела жизнь северного народа.

Морские животные давали пищу, жир для жирников. Кожей моржа накрывали яранги и обтягивали байдары. Из кишок шили непромокаемые плащи. Из клыков мастерили наконечники к стрелам и копьям, костяные очки с узкими прорезями, которые защищали глаза от сверкания снега. Из зуба вытачивали рыболовные крючки, острые иглы, гребни для женщин.

Нынче все необходимое можно купить в магазине. Но морская охота по-прежнему насущная потребность:

печень, мясо зверей, обитающих в море, содержат много ценных, полезных для организма человека веществ, витаминов.

Шкуры, в первую очередь нерпичьи, высоко ценятся на мировом рынке, моржовый клык, расписанный мастерами Уэленской косторезной мастерской, с удовольствием приобретают для своих коллекций знаменитейшие музеи мира.

Вот почему охотники испокон веков самые уважаемые люди в селе. Вот почему древний промысел и сегодня одно из основных занятий северян.

«Хочешь побывать на моржовой охоте? — спросил меня старый эскимос Тагьёк. — Завтра пойдем».

Но мне не повезло. Ночью, откуда ни возмись, на побережье приполз туман. К утру все вокруг: село, море, прибрежные скалы — было окутано белой плотной пеленой. Почти неделю висела она потом над Уэленом. Почти неделю охотники не выходили на промысел. Невидимое в тумане, тяжело вздыхало море. Вряд ли

кто-либо ждал ясного дня с большим, чем я, нетерпением: уж очень хотелось побывать на морской охоте!

Каждый день приходила я к Тагбёку в косторезную мастерскую. «Коо» — «Как знать», — отвечал он на мой вопросительный взгляд. И кивал на окно, за которым в густом молоке тумана нельзя было разглядеть даже соседний дом. Тагбёк чувствовал себя виноватым. Будто от него зависело, какой погоде быть нынче на самом северо-востоке Чукотки. Он смущенно качал головой, провожая меня до двери. На несколько минут задерживался на крыльце, прислушивался к вздохам моря и снова повторял свое: «Коо». Вот уж правду говорят: «Терпение — главная добродетель путешественника на севере...»

Туман исчез так же неожиданно, как появился. Незванный гость, спутавший планы, столько дней портивший настроение, убрался восвояси, словно его и не бывало.

Чуть свет я прибежала на берег. И оказалась, вовремя: охотники, помогая себе криками, сталкивали вельбот на воду. Удивительная особенность у этих людей: никогда чукчи и эскимосы не договариваются заранее о времени выхода на охоту — они чувствуют нужный момент и, как по команде, собираются на берегу.

Уэлен еще спал, когда вельбот, разрезая носом тугую воду, вышел в море, направляясь к мысу Дежнева, традиционному месту охоты.

Сейчас, когда впечатления улеглись и оформились, думаю: само это путешествие вдоль северного берега не менее волнующе и памятно, чем охота, ради которой мы отправились в путь.

Был конец августа. Время бархатного сезона на теплых южных морях. Здесь же чувствовалось: скоро зима, в любой день в воздухе могут закружиться белые хлопья. Дул не силь-

ный, но холодный ветер. И если бы не заботливый Тагбёк, который прихватил для меня тулуп, плохо пришлось бы мне под леденящими порывами.

Не знаю, какие чувства испытывают немногословные, невозмутимые уэленцы, ежедневно видя мрачную, дикую красоту чукотского побережья. Меня же она потрясла и очаровала. Хаос камня, головокружительные отвесные скалы, глубокие узкие ущелья, пенные стремительные водопады... Должно быть, немало поработали и вода, и ветер, чтобы придать северному берегу такой — одновременно пугающий и восхищающий — вид. В распадах лежал снег, не успевший растаять за короткое полярное лето. Кое-где скалы отступили от берега, и зеленые волны лизали гальку превосходных пляжей. Но купаться тут не решится никто: ледяная вода Чукотского моря не для купания.

Огромный птичий базар, расположившийся на прибрежных черных скалах недалеко от Уэлена, прямо-таки оглушил нас криками тысяч птиц. Потрясенные шумом моторов, они слетели с насиженных мест и, опустившись на воду, что есть сил колотили крыльями, крича на разные голоса. Брызги летели во все стороны, сияли и переливались в лучах солнца. Вельбот быстро миновал птичье царство, и его возмущенные хозяева успокоились, вновь заняли на скальных выступках свои наблюдательные посты.

Я еще не успела прийти в себя от увиденного, а уж новое зрелище: на небольшом песчаном пятке, зажатом среди гигантских валунов, лежбище моржей.

«Зверь, на земле невиданный и облика дьявольского», — писали о морже английские моряки, впервые увидев его. Станным покажется их мнение. Где он, «облик дьявольский»? Добродушнейшее животное. Усатая пучеглазая морда удивленно-

наивна. Большущая жирная туша — иные особи достигают 4 метров в длину, а весом бывают до 2 тонн — бесполезно и неповоротлива. Но в момент опасности он и впрямь производит устрашающее впечатление. Вмиг подбираются все мышцы, рыхлая расплывающаяся туша становится сбитой, крепкой, как монолит. Круглые небольшие глазки наливаются кровью, воинственно подняты острые клыки. Вид у животных в такие минуты весьма свирепый.

На лежбище же они чувствуют себя в безопасности. Издали увидела я рыже-буро-коричневые туши, лежащие вплотную друг к другу. Пожалуй, тот самый случай, когда яблоку негде упасть. Мы видели, как выбравшемуся из моря могучему моржу, чтобы расчистить себе место, пришлось пустить в ход длинные мощные клыки. Потревоженные им звери ткнули обидчика такими же сильными, как у него, клыками, рывнули и опять уснули, уронив головы на бок соседей. Заметила я и ма-

ленького моржонка, задумавшего пробраться к воде прямо по спинам сородичей. Не повезло ему: разбуженная неуклюжим малышом сердитая моржиха шлепнула его ластом. Он, обиженно хрюкая, зашпешил к матери, которая на мелководье шелушила ластами ракушки, доставая из них моллюсков. Неподалеку два молодых моржа спорили за право улечься у большого черного камня.

Вельбот резко повернул в открытое море. Охотятся местные жители гораздо дальше. Берегут покой лежбища, чтобы не испугать животных шумом. Иначе уйдут моржи и не вернутся сюда никогда — не будет ценного зверя в прибрежных водах. Старожилы Чукотки могут припомнить такие случаи. Мне рассказывали, как на мысе Шмидта по вине молодого вертолетчика, из любопытства слишком низко пролетевшего над лежбищем, погибло много животных. Испугавшись громкого треска, они в панике бросились к воде, давя друг друга. На суше остались

десятки погибших зверей, а те, которые спаслись, покинули это место навсегда...

Вельбот шел быстро и легко. Тагёк в бинокль выматривал добычу. Его друг, загорелый, черный от полярного солнца эскимос Вакат, сидел на руле — вел наше судно по нужному курсу. Тагёк и Вакат — потомственные охотники. Оба родом из древнего эскимосского селения Наукан. В 50-х годах жители переселились в более крупные, удобно расположенные села, где легче было налаживать новую жизнь. Но память о Наукане жива. И не только среди тех, кто там родился, жил. На Чукотке знают: из селения вышли лучшие косторезы, сказители, танцоры — основатели национального искусства. Науканцы издавна слыли опытнейшими добытчиками зверя на всем побережье. Это они в давние времена стали зачинателями морского промысла.

Мы проплываем мимо оставленного селения. Диву даешься, как жили люди на такой крутизне, на почти отвесном скалистом склоне! Говорят, зимой они приделывали к обуви специальные крючки-«кошки», иначе на скользкой круче ходить было невозможно. Да и ветер запросто мог снести в море.

С грустью смотрели Тагёк и Ва-

кат на берег. Там еще остались следы землянок — «нымлю», — в которых они жили. На прежнем месте стоят гигантские ребра гренландского кита. На крохотной площадке возле них собирались науканцы в ответственные минуты жизни, когда надо было всем селением принимать какое-либо решение.

В начале века рядом с Науканом русские моряки поставили деревянный крест в память о Семене Дежнев, открывшем для России эту суровую и прекрасную землю. Позднее был сооружен маяк и бюст первопроходца. Памятники и маяк видно издадека. Суда, идущие Великим Северным морским путем, подают на траверзе Наукана короткий приветственный сигнал-гудок: благодарные потомки помнят о доблести первооткрывателей.

Кроме Ваката и Тагёка в лодке два молодых зверобоя — Михаил Гоном и Леонид Анос. Им повезло с наставниками. Всю дорогу парни внимательно следили за действиями стариков. Но и собственные обязанности не забывали — обеспечивали бесперебойную работу моторов. Тагёк, отрываясь от бинокля, нет-нет да и поглядывал в их сторону. И улыбался своим мыслям. Наверное, он думал о том, что совсем скоро придет в отпуск сын Яков и, конечно же, первым делом отправится с ними на промысел. В письмах он часто вспоминает те годы, когда с отцом ходил в море за зверем. Хороший получился бы из него охотник. Но вышло так, что профессия у Якова другая. Он артист. Солоист чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон». Объездил весь мир. Кстати, и сам Тагёк танцор каких-то поисков. Даже автор нескольких танцев, исполняемых различными национальными ансамблями Чукотки. Лет пять назад выступал на сцене Кремлевского Дворца съездов в концерте участников художественной самодея-

тельности страны. Танец «Охота на байдаре» тогда очень понравился зрителям. Любят его и односельчане. Неудивительно: ведь танцевальная картинка — точный, захватывающе интересный рассказ о морском промысле, о зверобоях. Кто лучше Тагьёка может поведать об этом! Яков тоже исполняет сочинения отца. Скорее бы приезжал — то-то будет радость многочисленному семейству Тагьёка! Мать — старая Аяя — уже сшила ему новый охотничий костюм. Есть в чем выйти в море.

Михаил Гоном и Леонид Анос — ровесники Якова. Тагьёк и Вакат относятся к ним, как к сыновьям, с доброжелательной строгостью. По мелочам не опекают, указаний не дают, но в нужный момент всегда придут на помощь — поддержат,

научат. Несмотря на большую разницу в возрасте, эти четверо охотников похожи между собой: спокойны, неторопливы, дружелюбны. Сочетание опыта и молодости. Удача постоянно сопутствует бригаде — никогда не возвращается она в родное селение без добычи. Впрочем, я убедилась: у подобной удачи немало составных.

К примеру, охотники отлично знают берег — каждую скалу, расщелину, выступ: где особенно большие птичьи базары, где самый сильный прибой, где может неожиданно сойти лавина, начаться камнепад... Поэтому так уверенно вел вельбот Вакат. Его мастерство сыграло во время охоты немаловажную роль. Таков лишь один штрих к удаче. Вообще же их премного.

Мне необыкновенно интересно было наблюдать за происходящим вокруг. Низко над нашими головами проносились утиные стаи. Впередсмотрящий — Тагёк — вдруг широко улыбнулся и показал рукой на берег: «Умка!» В распадке между сопками бродил белый медведь.

Полно жизни и море. То ближе, то дальше время от времени появлялся китовый фонтан, даже несколько — киты играли, шли вдаль своей китовой дорогой. Неожиданно у самого борта выныривала любопытная нерпа...

Как тут не вспомнить сказки бабушки Эмун, одной из старейших жительниц Уэлена! По ним выходит, что морские животные — родственники, братья северного народа. Чукчи и эскимосы испокон веков так и считали и всегда очень заботливо относились к животному миру холодных морей.

«Был один человек, — слышался мне глуховатый, как бы надтреснутый, голос Эмун. — Много нерпы брал. Не надо ему, а стрелял. Жадный. Верхние люди (боги. — Е. М.) наказали его. Забрали жену. Везде искал охотник. Не находил. Раз голос слышит: «Иди на припай — там твоя жена». Прибежал. Видит: нерпы вылезли из моря — дышат воздухом. Понял охотник: одна из них — любимая жена. Спрятал стрелы. Больше никогда не добывал лишнего. Верхние люди сжалились — вернули жену».

Нравоучительную сказку о жадном охотнике знают в Уэлене все. И четко выполняют ее заповедь: лишнего не бери.

Нет у морских охотников азартной страсти — подстрелить любого зверя, попадающего в поле зрения. Охота для них не потеха — работа, четко спланированная с учетом потребностей селения.

Ежегодно приезжают в Уэлен зоологи, чтобы изучать жизнь животных, наблюдать их в естественных условиях. Местное население оказывает ученым большую помощь.

Настороженный жест Тагёка, сигнал: внимание! Прямо по курсу вельбота, чуть покачиваясь на волнах, высунув из воды усатую клыкастую морду, спал морж. Выключив моторы, пошли к нему на веслах.

Ох и хитрым оказался этот старый матерый морж! Быстро проснулся, почувствовав приближение людей, ушел вглубь. Но Вакат, безошибочно угадав его движение под водой, направил вельбот туда, где он через несколько минут вынырнул. Этому охотники учатся с детства: здесь нужны и наблюдательность, и знание повадок обитателей моря — именно так обеспечивается удачный промысел.

Загребели выстрелы. Тагёк стремительно метнул гарпун.

Все произошло очень быстро. Постороннему человеку покажется: без труда. В действительности взять моржа на воде чрезвычайно сложно. Мастерство гарпунера заключается в том, чтобы загарпунить животное моментально — как только прозвучали выстрелы, ни секундой позже.

Следующему моржу в море удалось от нас уйти. Зато сразу же на берегу заметили другого. Огромный зверь лежал недалеко от воды на гальке, подставив солнцу рыжий с сиреневым оттенком бок и жирный загривок, весь в шишках-нашлепках.

Вельбот неслышно ткнулся носом в берег. Но морж-«шишкарь» услышал. Вскинул голову, выставил вперед мощный длинный клык. Вместо второго торчал обломок. Видно, не единожды клыки были его оружием, не раз спасали ему жизнь. С поразительной для гигантских размеров и веса легкостью зверь бро-

сился к спасительной воде. А когда охотники отрезали дорогу к отступлению, он, издав страшный гортанный крик, вдруг стремительно повернул к ним. Михаил и Леонид, оказавшиеся прямо перед разъяренным зверем, не растерялись. Меткими были их выстрелы. «Тэгмечинки» — «Очень хорошо», — похвалили старики — Вакат и Тагёк.

После того как добыли еще одного моржа, Тагёк подвел итог. «Неплохо оморжились», — сказал, цепляя очередную тушу к вельботу.

В языке у эскимосов нет понятия «убить зверя». По поверью, их не убивают — они сами приходят к человеку в гости. Про охотника говорят: «онерпился», «оморжился», «омедведился».

Раньше после удачной охоты полагалось выполнить особый обряд. Приходил глава семьи с промысла, хозяйка встречала у яранги с ковшиком воды. Вначале «поила» убитого зверя, потом пил охотник,

остатки воды выплескивались в сторону моря — на удачу. С убитым животным были ласковы, его просили не сердиться, бросали в море или в тундру клоч шерсти, кусок мяса, приговаривая: «Ты погостил у меня, теперь возвращайся к себе, но меня не забывай — заглядывай почаще».

Сделав остановку, разделали моржей. Причем очень быстро. И, напившись крепкого, почти черного чая, взяли курс на Уэлен. За чаем говорили о том, какой смертельно опасной была охота в море несколько десятилетий назад. На промысел выходили на кожаной весельной байдаре. С единственным оружием — гарпуном. Часто охотники не возвращались домой. Теперь у них есть вельботы с мощными моторами, надежное огнестрельное оружие. И все же опасность сопровождает их постоянно. Вспомнить хотя бы свирепого моржа, которого подстрелили Михаил и Леонид. Охотники рассказывали другие, похожие истории.

Но особенно опасна встреча с одиноким моржом — кеглючином. О нем на Чукотке ходят страшные истории. Злобный, хищный зверь сеет вокруг себя смерть — убивает и сородичей, и людей, нападая на вельботы. Он жесток и коварен. А все оттого, что в детстве остался без матери, — то ли она потеряла его, то ли ее убили охотники. Печень кеглючина ядовита. У него огромные мощные клыки. Даже белый медведь, самый сильный зверь северных широт, боится его.

Вот почему сила, ловкость, мужество, хладнокровие — главные достоинства охотника. Эти качества чукчи и эскимосы развивают у своих детей с малолетства. Заставляют мальчишек взбегать на холм, держа в руках тяжелый железный лом, бегать по прибрежной гальке, волоча за собой на ремне какой-либо груз. Учат долго обходиться без воды, пищи, быть терпеливым к холоду. Так воспитывается будущий морской охотник.

Обратный путь занял больше времени: вельбот сидел в воде низко, двигался медленно. Я, как и охотники, с нетерпением ждала, когда покажется Уэленский маяк.

Возвращение охотников с большой добычей всегда волнующее зрелище. Давно повелось: встречать их на берег приходят не только родственники — все, кому нужно мясо, кожа. Прошли те времена, когда благополучие чукчей и эскимосов зависело от удачи на охоте. Но обычаи сохранились. Нас тоже уже ждали...

На следующее утро события минувшего дня казались мне каким-то невероятным приключением. Должно быть, так они будут вспоминаться долго.

Погода окончательно прояснилась.

Правда, синоптики обещали ее скорое ухудшение. Поэтому все, кому нужно было выехать из селения, срочно собрались в дорогу, благо и оказия подвернулась: ночью на рейде Уэлена встал теплоход «Чернышевский», который доставил сюда свежий картофель, к вечеру он ушел в бухту Лаврентия.

Засобирались и я. Времени оставалось в обрез. А мне хотелось еще раз повидать охотников — пожать им на прощание руки, пожелать удачи.

Искать их долго не пришлось: на берегу моря они осматривали вельбот и тепло, дружески простились со мной. «Приезжай, — пригласил Тагёк. — Весной приезжай. Лед будет. Хорошая охота опять будет. Понравится».

Через час я смотрела на Уэлен с борта теплохода. Размышляя о судьбе удивительного селения, о своих новых знакомых, полюбившихся мне людях, наблюдала извечную для этих мест картину: со стороны мыса Дежнева медленно шел вельбот, на берегу ждали односельчане. Женщины, приставив руку козырьком к глазам, следили за его приближением. Мужчины, сидя на корточках, курили, наметанным взглядом определяя на расстоянии размер добычи. Даже неугомонные мальчишки побросали свои дела, прибежали встречать зверобоев. И конечно, привели с собой чуть ли не всех сельских собак.

«Морскими охотниками были деды и прадеды уэленцев, — подумалось мне. — Морскими охотниками становятся их дети и внуки, выбирающие из многих профессий эту трудную, опасную работу. Значит, во все времена будет идти по побережью слава об отважных добытчиках морского зверя за Берингова пролива».

В. Тюрин

НЕКРАСОВ В ЧУДОВСКОЙ ЛУКЕ

ПО ДОРОЖИМ МЕСТАМ

Небольшой городок Чудово раскинулся на северо-западе Новгородской области по берегам реки Керести — левого притока былинного Волхова. История Чудова уходит в далекие времена. А название его связывают с племенем «чудь», когда-то заселявшим южные берега Финского залива. Отдельные селения чуди доходили до реки Керести. Некогда ямское село на тракте Петербург — Москва, а с открытием в 1851 году Николаевской железной дороги — станция, позднее рабочий поселок, теперь Чудово — один из промышленных центров Новгородской области, крупный железнодорожный узел.

С появлением железной дороги чудовские крестьяне лишились своего основного ямщицкого промысла. Земля кормила плохо. Болотистая, неплодородная глинистая почва, суровый климат: ранние холода, оттепели зимой, частые градобития — все это было причиной убогих урожаев, да и земли у крестьян было мало. И крестьяне нищали, влачили

полуголодное существование. Одни, чтобы вырваться из нужды, уходили в Петербург на заработки, другие подкармливались дарами леса. В лесах и болотах Новгородской губернии было много грибов и ягод и изобилие дичи и зверя. Это были прекрасные места для охоты. И многие местные крестьяне ради заработка становились егерями.

Этот чудовский край Некрасов хорошо знал и любил. Здесь в 1871 году он приобрел дачу. Знакомство поэта с чудовской округой началось еще задолго до покупки дачи, на заре 50-х годов. Будучи страстным охотником, Некрасов стремился вырваться сюда. Поездки в Ярославскую губернию требовали много времени, и Некрасов с появлением «чугунки» все чаще выезжает на охоту в чудовские места, где он арендовал охотничьи угодья.

Охота для поэта была не только отдыхом, но и способом близкого знакомства с крестьянами и их жизнью. «Охотник и поэт слитно и нераздельно жили в Некрасове», —

вспоминает его сестра А. А. Буткевич. Богатый материал для размышления о судьбах народных давала и «глушь новгородская».

«Я охотился по железной дороге, — пишет в 1852 году Некрасов И. Тургеневу, — эта дорога как будто нарочно пролегает через такие места, которые нужны только охотникам и более никому: благословенные моховички с жидким ельником, подгнивающим при самом рождении, идут на целые сотни верст — и тут-то раздолье белым куропаткам... <...> Унылая сторона, бедная и невероятно дикая». Слова Некрасова об «унылой стороне» словно первые, начальные «заготовки» для стихотворения «Пожарище». «Каждый подрядчику должен остался...» «Грабили нас грамотей-десятники...» По доносам приказчиков и десятников офицеры корпуса жандармов

отдавали сотни жестоких приказов. Однажды в чудовской деревне Борки было подвергнуто экзекуции 80 землекопов, которым «всыпано по 80 розг». Некрасов хорошо знал эту деревню, в окрестностях которой он часто охотился. И появилась в стихотворении горькая строчка:

Секло начальство, давила нужда...

Невыносимо тяжелой была жизнь строителей. Рабочие голодали, жили в ужасных условиях:

Жили в землянках, боролись с голодом, Мерзли и мокли, болели цингой.

Узнается и «новгородская» деталь, вписанная в обобщенную картину русской природы: «И кочи, и моховые болота, и пни».

В письмах поэта встречается немало имен чудовских мужиков,

Излучина реки Керести.

помогающих ему на охотах. Имя одного из них, егеря-медвежатника Сергея Макарова, Некрасов ввел в незавершенную пьесу «Как убить вечер», в основу которой положены охотничьи сцены и картины типично новгородского пейзажа.

Как охотник, Некрасов страстно любил собак. В Чудове у него их насчитывалось до десяти, среди которых были и необученные. На охоте под Чудовом поэт познакомился с охотником Федором Ивановым, большим мастером по дрессировке охотничьих собак. Он оказался очень полезным Некрасову, который поручал ему выучку своих собак.

Охота для Некрасова была и способом знакомства с метким русским словом, «какого не придумаешь, хоть проглоти перо». Некрасов писал: «Я услышал одно новое словечко паморха. Это мелкий-мелкий, нерешительный дождь, сеющий, как сквозь сито, и бывающий летом. Это слово Новгородской губернии». В своем творчестве Некрасов использовал немало новгородских словечек, подслушанных им у крестьян Чудовской Луки. Это такие, как «кричане», — так называли в этих местах загонщиков, облавщиков, привлекаемых для охоты на медведя. Находим мы в его стихах и словечко «нуткосе», которое выражает сожаление, и «спозниться», что значит в позднее время добраться до ночлега. Понравилось поэту и новгородское определение неспорной, неряшливой хозяйки — «неурядливая». Использовано и местное название бани — «байня» или уменьшительное — «баенка».

Усадьба Некрасова располагалась в версте от станции, в деревне Чудовская Лука, на излучине речки Керести. Это был деревянный двухэтажный дом с флигелем, кухонной избой, конюшней, скотным двором, большим садом с аллеями дубов и лип.

В доме было несколько комнат. Внизу были устроены спальня, гостиная, столовая и кабинет. Кабинет Некрасова был обставлен скромно: письменный стол, несколько стульев и шкафы для книг и журнала «Отечественные записки». Здесь же находились и охотничьи принадлежности: ружья, патронташи, пороха, дробь, патроны, ягдташ, манок и тому подобное. Верхние четыре комнаты предназначались для гостей. Вблизи усадьбы простирались нетронутые леса, полные всякой дичи.

Полюбились Некрасову чудовская дача, и он приезжал сюда каждое лето, а иногда весной, осенью и даже зимой.

Здесь поэт не только отдыхал и охотился, но и много работал.

Особенно плодотворным было лето 1874 года. Впервые в это лето в Луку Некрасов приехал 6 июня и пробыл здесь до 6 сентября. Охота в этот раз была на втором плане. Это был трудный год для «Отечественных записок». Правительство преследовало лучший передовой журнал России. Подъем демократического движения в стране вызвал ответный полицейский террор. Цензура усилила свои репрессии. В мае подвергся преследованию пятый номер «Отечественных записок». Он был запрещен, а тираж уничтожен. И в Чудове Некрасов упорно, соблюдая теперь максимальную осторожность из опасения получить новое «предостережение», работал над следующими книжками журнала. С трудом удалось провести через цензурные рифы седьмой и восьмой номера журнала. А вот весь тираж девятого номера был уничтожен. Приходилось для защиты журнала ездить в Петербург. Сил на борьбу с цензурой уходило много.

Чудовское лето 1874 года — время наиболее интенсивной и плодотворной работы поэта.

Были годы, когда из-под его пера

Скульптура «Некрасов с ружьем и собакой» работы П. М. Кривоуцкого.

не выходило ни одного стихотворения (1849-й, 1869-й) или же всего одно, четыре, восемь в год. А только в одно это лето (с 6 июня по 6 сентября) — «чудовский» цикл из тринадцати стихотворений. Это «Путешественник», «Уныние», «Ночлеги» («На постоялом дворе», «На погорелом месте», «У Трофима»), «Отъезжающему», «На покосе», «Смолкли честные...», «Страшный год», «Н. Г. Чернышевский», «Горе старого Наума», «Элегия», «Поэту» — 977 строк, не считая черновиков и набросков!

Читая стихи «чудовского» цикла, мы не найдем красот чудовской природы — белоствольных берез и иссиня-зеленых сосен, утренних зорь

и вечерних закатов, пения птиц и плеска играющих в реках рыб.

Потому что трудно жил чудовский мужик. Нередко здесь вспыхивала эпидемия чумы и сибирской язвы, которая заносилась гуртами скота, прогоняемого из других губерний в Петербург. Погибало много скота, и чудовские крестьяне лишались последней надежды вырваться из нужды. А летом 1872 года здесь была еще и страшная засуха, погубившая надежды на долгожданный урожай.

Поэт глубоко переживал горе местных крестьян, которых считал своими земляками.

Этими событиями подсказаны строки некрасовского «Путешественника» — стихотворения, раскрывающего крестьянскую драму:

— Как у вас хлебушко? — «Нет ни ковриги!»
— Где у вас скот? — «От заразы подох».

Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?

Об этих мрачных фактах Некрасов узнавал от своего управляющего, который писал ему: «Нечем Вас обрадовать. Лето нынче не совсем утешительно... здесь свирепствует сибирская язва. В окрестных деревнях пало больше ста лошадей, немало рогатого скота и овец, также во многих местах подвергаются ей и люди. У нас в Луке пало пять лошадей, несколько коров и баранов».

Использовал в своем творчестве Некрасов и рассказы чудовского жителя Трофима, который был его проводником во время охот, о дореформенных временах. Отголоски этих горьких воспоминаний мы найдем в стихотворении «У Трофима»:

Бороню,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,
Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею,
Шея, веришь ли, трещит!

Дом-музей Н. А. Некрасова.

Не лучше стала жизнь Трофима
и в 70-е годы:

И теперь в квашне солома
Перемешана с мукой.

Как и раньше, в «чудовском» цикле Некрасов вновь обращается к теме пожаров русских деревень, вконец обездоливающих и до того нищие селения. В стихотворении «На погорелом месте» показаны уже даже не бедность, а нищенство и отчаянная безнадёжность:

Погорельцы разбили тут стан,
К нам навстречу ребята бежали:
«Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да пропали!»

В «чудовском» цикле стихов Некрасов развенчивал легенды о правительственном попечении о благе

народа. И в картинах созидательного труда у Некрасова больше горечи, нежели радости. Поэт высказывает свое гневное отношение к освобождению крестьян от земли и в стихотворении «На покосе»:

Сын с отцом косили в поле,
Дед траву сушил.
«Десять лет, как вы на воле,
Что же, братцы, хорошо ли?» —
Я у них спросил.
«Заживили поясицы», —
Отвечал отец.
«Кабы больше нам землицы», —
Молвил молодец...

Отвечая на упреки в однообразии его тематики, Некрасов в стихотворении «Элегия» подчеркивает, что «страдания народа» для него не «старая тема», а его вечная боль. И здесь впечатления от радости крестьян-

Бывшая сельскохозяйственная школа (ныне детская районная библиотека).

ского труда омрачаются трагически неразрешимыми вопросами: «народ освобожден, но счастлив ли народ?», «сносней ли стала ты, крестьянская страда?»

Выражал поэт и уверенность в изменении участи народа:

Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ...

Наступил август. Некрасов из Чудовской Луки отправляет А. Н. Еракову письмо, где пишет: «...посылаю тебе стихи; так как это самые мои задушевные и любимые из написанных мною в последние годы, то и посвящаю их тебе, самому дорогому моему другу». Это был текст «Элегии», которую знает каждый из нас с детства. Поэтические строчки из «Элегии» «Я лиру посвятил народу своему» могут служить эпиграфом ко всему творчеству поэта.

В начале сентября 1874 года Некрасов покинул чудовскую усадьбу. В черновике «чудовского» стихотворения «Уныние» есть строки:

И в сентябре в столицу возвращаюсь
С запасом сил, здоровья и стихов.

Бывал на своей чудовской даче поэт и в 1875—1876 годах, но это уже были не частые и короткие выезды.

Поэт был уже тяжело болен. Все реже он брал в руки ружье: охота теперь не доставляла прежнего удовольствия да и становилась подчас не под силу.

Лето 1876 года — последний приезд Некрасова в Луку. Но болезнь не сломила духа поэта. В год смерти он выпустил последний сборник — «Последние песни». 8 января 1878 года поэта не стало.

В завещании Некрасов предоставил усадьбу Лука жене, Зинаиде Николаевне, и брату Константину Алексеевичу. Свою часть усадьбы Зинаида Николаевна потом уступила сестре поэта Анне Алексеевне Буткевич, а брат завещанное продал частному лицу. В 1882 году А. Буткевич передала свою часть усадьбы и деньги, полученные от издания

стихов поэта, новгородскому земству, чтобы оно открыло в Луке в память Некрасова сельскохозяйственную школу для крестьянских детей. Школа была открыта только в 1892 году, но уже в 1906 году ее закрыли. Усадьба была заброшена. О создании музея крамольного поэта в те времена не могло быть и речи. Дом Некрасова стоял под замком и медленно разрушался. Единственным добровольным сторожем был егерь Иван Васильевич Миронов. Он же был и первым «экскурсоводом» редких посетителей усадьбы.

После Великой Октябрьской социалистической революции усадьба была отремонтирована. Были намечены планы увековечения памяти великого поэта. Но осуществить их помешала война. Во время Великой Отечественной войны фашистские оккупанты принесли Чудову страшные разрушения. В усадьбе поэта гитлеровцы устроили казарму, уничтожили столетние дубы и липовую аллею.

После войны восстал из руин старинный русский городок Чудово. Лука слилась с городом. Главной улице города, в конце которой стоит дом поэта, присвоено имя Некрасова. На доме установлена мемориальная

доска. С 1971 года — времени празднования 150-летия со дня рождения великого поэта — здесь был открыт музей, где в четырех комнатах развернулась литературно-мемориальная экспозиция. Во дворе дома установлена скульптура «Некрасов с ружьем и собакой» работы П. М. Кривоуцкого.

Свято чтут память великого поэта советские люди.

В 1983 году в Доме-музее Некрасова восстановлена старинная планировка комнат. Музей пополнился предметами быта прошлого века, новыми документами и материалами, подлинными вещами поэта. Ныне здесь мемориальный кабинет Некрасова, комната Зинаиды Николаевны, гостиная, комнаты для гостей и проходная. В двух комнатах расположены материалы, рассказывающие о связях поэта с Новгородским краем. В здании бывшей сельскохозяйственной школы разместилась Чудовская детская библиотека.

По перспективному плану развития музея предстоят работы по воссозданию усадьбы Некрасова в том виде, какой она имела при его жизни.

Не забыт поэт народом, которому он посвятил свою лиру.

ЦЕЛЕБНОЕ ОЗЕРО

Во всех энциклопедиях мира упоминается знаменитое Мертвое море, вода которого настолько солона, что в нем практически невозможно утонуть. Но мало кто знает, что и в нашей стране есть озеро, по солёности не уступающее своему известному собрату.

Это озеро находится в Тувинской АССР и называется Дус-Холь, что в переводе с тувинского и значит — «солёное озеро». На его по-

верхности может лежать даже человек, совершенно не умеющий плавать, горько-солёный рассол (рапа) с высоким содержанием брома не позволит телу погрузиться в воду.

Озеро обладает и ещё одной необычной особенностью: в придонном слое вода значительно теплее, чем у поверхности. Это явление называется геотермией.

Врачи считают, что по лечебным свойствам воды, микроклимата степного района, в котором расположено озеро, Дус-Холь не уступает знаменитому крымскому курорту Саки.

2

**ПО
ВСЕМУ
СВЕТУ**

В. Ткачев

ДОРОГА В РОССИЮ

К 115-й годовщине
со дня рождения В. И. Ленина

Прошел целый месяц, как отгремела Февральская революция, и наконец, в теплый весенний день 27 марта 1917 года, В. И. Ленину удалось вырваться из Швейцарии, где он провел последние годы эмиграции. Дорога была не близкой. Шла война, и возглавляемой Лениным группе политэмигрантов пришлось добираться в Россию кружным путем через Германию и Швецию. Остался позади Цюрих, последние рукопожатия друзей и проклятия недругов. И вот за окнами обладающего правом неприкосновенности вагона — Германия. Здесь на всем лежала печать войны. Маленькие городки и села казались давно покинутыми. На начинающих зеленеть полях — одинокие фигурки женщин и детей. Миновали Франкфурт-на-Майне, Эрфурт, Гале, и везде на перронах, где раньше шумела пестрая толпа, серый мышиный цвет солдатских шинелей, усталые, изможденные лица.

«Ильич прав, — говорили между собой попутчики Ленина, — чтобы добиться мира и покончить с голодом и разрухой, нужна мировая социальная революция, и как можно скорее».

Поезд шел медленно, дорога была забита воинскими эшелонами. В Берлине оказались только через два дня. Германские власти загнали вагон в тупик и только через несколько часов присоединили его к составу, идущему в портовый город Засниц. Здесь, на берегу Балтийского моря, эмигранты утром 30 марта пересели на паром «Королева Виктория», доставивший их в тот же день в Швецию. Из порта Греллеборг — в Мальме. Короткая остановка, отдых в кругу шведских друзей — и снова в путь. В пятницу 31 марта, пасмурным холодным утром, на стокгольмском вокзале Ленина встретила небольшая группа русских эмигрантов и шведских корреспондентов. Стокгольмские товарищи предложили Владимиру Ильичу отдохнуть несколько дней в Швеции, но Ленин очень спешил и задержался в Стокгольме только на несколько часов, чтобы узнать последние новости из России и провести совещание с остающимися пока в эмиграции товарищами по партии. 31 марта вечером путь был продолжен на север, через всю Швецию к Финляндии. За окном мелькали покрытые снегом

леса, горы, маленькие городки с незнакомыми названиями: Крильбю, Стурвик, Булнес, Брэкке, Лонгселе, Меллансель, Вэннес, Буден. Прошло более суток, прежде чем утром 2 апреля путешественники оказались на шведской границе в Хапаранде. На санях-вейках перебрались через реку Торнео и очутились почти что дома — в Финляндии. Неласково встретила эмигрантов «революционная Россия». Хозяинничавшие на пограничном пункте Торнео английские офицеры подвергли всех унижительному обыску.

Владимир Ильич вышел из помещения таможни и с твердой уверенностью сказал своему товарищу Михе Цхакая: «Наши испытания, товарищ Михе, окончились. Мы на своей земле, и мы им покажем, что мы достойные хозяева будущего».

И снова в дорогу, но уже под надзором выделенной комендантом Торнео охраны. В полдень 3 апреля на узловой станции Рихимяки вагон с эмигрантами прицепили к поезду № 12, следующему на Петроград. Среди его пассажиров преобладали солдаты. Каким-то образом они узнали, что в поезде едут революцио-

неры и среди них вождь большевиков Ленин, упростили солдат охраны поговорить с ними. В одном из вагонов завязались оживленные беседы, споры.

Владимир Ильич говорил, доказывал, объяснял, но больше слушал, старался понять настроение солдат, вникнуть в то, как понимают они происходящие события.

Владимиру Ильичу было ясно, что многие солдаты обмануты мнимой свободой, обещанной буржуазным правительством, и не понимают, что власть капиталистов не даст трудящимся ни мира, ни хлеба, ни свободы, ни прав на землю. Партии большевиков предстояла долгая и трудная борьба за умы и сердца, за сознательное понимание солдатами этих проблем.

За беседой незаметно пролетели последние часы путешествия — и вот наконец Россия.

В Белоострове Ленина уже ждали боевые товарищи, члены ЦК и ПК РСДРП(б), сестрорецкие рабочие, а впереди был Петроград, площадь, броневики и слова: «Да здравствует социалистическая революция!»

ДВУУСТАЯ РЕКА

Неподалеку от Ленинграда Карельский перешеек с запада на восток пересекает река **Вуокса** (от финского vuoksi — прилив, поток, течение). В старинных русских летописях она называлась Воксой, Вокшей. Свое начало река

берет в Финляндии, вытекая из озера Сайма. Здесь, неподалеку от границы с СССР, река образует живописный водопад Иматру, после чего бурный водный поток попадает в узкое гранитное ложе. Вуокса впадает в Ладожское озеро двумя рукавами, удаленными друг от друга на довольно значительное расстояние. Северный рукав — Якисальми (финское — Кукушинный пролив) соединяется с Ладогой около города Приозерска, а южный через протоку Бурную впадает в озеро к югу от Приозерска. Длина реки 165 километров.

Ученые предполагают, что в далекие времена здесь была протока, соединявшая Ладогу с древним Литориновым морем.

А. Исаев

ДОЖДЬ В НАЧАЛЕ СЕЗОНА

Народному Вьетнаму 40 лет

Сверху кажется, что самолет делает посадку среди стеклянных крыш бесконечных теплиц. Так выглядят затопленные квадраты рисовых полей, уходящих к самому горизонту. На севере страны одни делянки пустовали, другие зеленели молодыми побегами. На юге же вовсю шла уборка нового урожая. Асфальтовые ленты дорог были сплошь засыпаны просыхающим зерном. Здесь трудно найти клочок сухой земли, и крестьяне прилегающих к автострадам районов обмолачивают рис и сушат зерно на горячем полотне дорог. Осадки выпадали все реже и реже: сезон дождей завершался. Вода в Красной реке и Меконге еще свивалась мутно-коричневыми жгутами, однако сила ее шла на убыль. Природа и люди готовились к встрече бархатного сезона.

Сегодняшнему Вьетнаму 40 лет. Возраст, прекрасный во всех отношениях, — расцвет физических и духовных сил, счастливая пора творчества и созидания, претворения в жизнь самых дерзновенных мечтаний.

Именно этому всеми средствами хотели помешать «поборники» демократии и прав человека. Детство моих вьетнамских сверстников, ровесников Августовской революции, отняла семилетняя война с французскими оккупантами, отрочество и юность прошли в борьбе с американскими агрессорами и их марионетками. В Ханое я встретился с группой молодых прозаиков и поэтов. Те Хань, член правления Союза вьетнамских писателей, большой поэт, известный и в Советском Союзе, представляя их, прежде всего отметил, что начали они писать в годы войны США против Вьетнама. Почти каждый принимал участие в освободительной борьбе, не помышляя вначале о писательской стезе.

«Вьетнамцы — нация поэтическая, — говорила Фан Ньян. — С малых лет писала я стихи, для себя, конечно. Когда американская авиация начала бомбардировку страны, мы с подругами поступили в ударный отряд помощи фронту. Помогали восстанавливать дороги, уничтожать неразорвавшиеся бомбы, выполняли другие задания. Там я встретила

девушку очень интересной судьбы. До прихода в отряд она была монахиней. Война пробудила в ней патристические чувства. Она стала героиней моей первой опубликованной поэмы «Большая любовь». Вместе с ней и я вошла в литературу».

Удивительно молодо выглядят вьетнамцы. На юную школьницу похожа Ле Минь Кхюэ. Но и она прошла долгую и суровую школу в ударном отряде. Один из ее рассказов, «Далекie звезды», опубликован в советско-болгарском журнале «Дружба». Кхюэ, как и Ньян, не надо было искать героев для своих произведений, они были рядом с ней, ее боевые друзья и подруги. Усталые, изможденные работой (засыпали воронки), оглохшие от разрывов бомб,

падающих сверху и подорванных на земле (девушки были и взрывниками), вечером при свете далеких звезд 17 — 18-летние подруги пели песни, вспоминали отчий дом, мечтали о будущем. Даже раненные, они старались оставаться в строю.

Банг Виет, признанный во Вьетнаме поэт, хотел стать юристом, учился в Советском Союзе. Война сделала его фронтовым корреспондентом. Тогда он написал первые стихи, достойные печати.

Многих людей я встретил на дорогах Вьетнама, и почти у всех судьбы сложились не так, как мечталось. Но они не жалеют об этом: между своей судьбой и судьбой родины не выбирают. В городе Хошимине в течение нескольких дней меня сопровождал комсомольский работник Лэ Чонг Дык. Скупое рассказывал он о своей партизанской и подпольной деятельности на юге Вьетнама, больше говорил о борьбе Союза Коммунистической Молодежи имени Хо Ши Мина за новую жизнь, о вовлечении в его отряды сотен тысяч молодых людей. Он был корректен, скромный, задумчив. А перед моим отъездом как-то преобразился, не мог скрыть и не скрывал радости: скоро приезжают — навсегда! — его жена и дочка, которых он очень давно не видел. Им дают квартиру! И тут он рассказал мне, что за тринадцать лет супружества вместе они прожили не более года. По призыву Национального фронта освобождения Южного Вьетнама сельский учитель Дык при первой возможности пришел в партизанский отряд. Там спустя много времени узнал о рождении дочери. Лишь через несколько лет он увидел ее, забежав на часок домой, когда отряд проходил вблизи села. Дочка же вообще не скоро увидела отца. Тогда ночью она крепко спала. А потом, после Освобождения? И потом не вдруг выбрался в село, было много неотложных дел...

Дома на воде.

Дык умолчал лишь об одном: ему, бывшему партизанскому комиссару, работнику ЦК СКМ имени Хо Ши Мина, предлагали комнату вскоре после освобождения Сайгона, а он отдал ее вдове подпольщика, жившей в трудных условиях с двумя детьми и старой матерью.

30 апреля 1975 года вьетнамский народ освободил страну от ига чужеземных «цивилизаторов» и местной реакционной буржуазии. Миллионы молодых коммунистов и комсомольцев, окрыленные победой, с энтузиазмом приступили к мирному строительству. Их лозунг — «Молодежь там, где это необходимо родине, молодежь там, где есть трудности». Несмотря на недостаток машин и механизмов, продуктов питания, одежды и обуви, электроэнергии и много другого, вьетнамский народ добился замечательных успехов в строительстве социалистического общества. Если прежде в страну ввозили подавляющее большинство товаров, начиная с иголок, то теперь предприятия СРВ выпускают тепловозы и вагоны, металлорежущие станки и электрические приборы, строительные конструкции и различные инструменты. Всюду видны башенные краны. Растут кварталы жилых домов, школы, больницы, Дома пионеров, детские сады и ясли, техникумы, институты.

Возродить экономику СРВ помогает Советский Союз, все страны социалистического содружества. Вьетнам — полноправный член СЭВ. За годы сотрудничества СССР непосредственно участвовал в строительстве большинства крупных народнохозяйственных объектов. Нерушимыми памятниками дружбы стали оловянный комбинат Тиньтук, Ханойский механический завод, ГЭС Тхакаб, угольная шахта Хейтам, теплоэлектростанция Фалай, политехнический институт...

Страна-новостройка. Это не мета-

Ханой. Дом правительства СРВ.

фора. Здесь все надо было возрождать из пепла. Чуть ли не со дня образования ДРВ без малого тридцать лет французские и американские империалисты крушили все, не утруждая себя выбором цели. Следы варварства буквально на каждом шагу. Наверно, нет ни одной детали фермы знаменитого творения Эйфеля — ханойского моста Тханглонг («Вытянувшийся дракон»), не пробитой осколками. Другие мосты вообще не уцелели, лишь одинокие опоры напоминают, что когда-то здесь были современные капитальные сооружения. Набожные пентагоновские пилоты, отправлявшиеся в разбой с неперменной молитвой на устах, разбомбили около тысячи католических храмов и буддийских пагод. Незадолго до своего бегства из Вьетнама американцы возвели (во искупление грехов?) на высоком мысе Окап в курортном городке Вунгтау, где располагалась их военноморская база, исполинского (рост 30 метров, размах рук 20 метров) железобетонного Христа с венцом в виде колючей проволоки. Отверну-

шись от паствы, воздев руки к небу, он скорбно смотрит в сторону моря — туда, откуда прибыли заокеанские конкистадоры XX века, полные желания «вбомбить в каменный век» страну и ее народ, и куда потом с позором удрали эти «Христовы дети», предварительно отправив багажом 56 тысяч цинковых гробов... Ночью, когда свет луны падает на каменное лицо «пастыря», кажется, что по нему текут слезы. Трагичен вид бога, стоящего спиной к людям, во всей стране. Кстати, это обстоятельство несколько не смущает вьетнамцев. У них очень много дел сугубо земных, человеческих.

Трудно поверить, но это действительно так: к 1975 году южнее 17-й параллели 80 процентов населения было неграмотным. Эту цифру Дык привел, чтобы сообщить новость: недавно ЮНЕСКО наградила Почетным дипломом имени Н. К. Крупской ряд южновьетнамских общин, добившихся больших успехов в деле народного просвещения. В моем друге по-прежнему живет учитель. Да, ему есть чем гордиться: Вьетнам — первая в Юго-Западной Азии страна, покончившая с неграмотностью. Замечу, что к социалистическому строительству Северный Вьетнам приступил, имея 95 процентов неграмотного населения. В Южном, освобожденном позже, положение было еще хуже. Колонизаторы и их марионетки создали там деревни-резервации и суперсовременные тюрьмы — целую систему физического и морального рабства человека. Системе же национального образования места не нашлось. Вернее, было сделано все, чтобы ее не существовало. Ведь знания — это сила, когда ими владеет народ.

Во Вьетнаме встают рано и взрослые и дети. Тропическая ночь еще не думает отступать перед рассве-

том, а улицы Ханоя уже заполнены людьми, спешащими по своим мирным делам, — кто на работу, а кто в сады и школы. Кстати, в утренние часы, «по холодку», на занятия бегут самые маленькие. Первоклассники здесь 6-летние, в 6 утра они уже на подходе к школе. Они спешат расти...

В провинции Канто, что в 200 километрах южнее Хошимина, мы побывали в средней школе уезда Олсон. Зашли в пятый «А» класс. Здесь предельно скромная обстановка: дощатые столы, скамейки, черная доска. Само помещение — легкая веранда без окон и дверей. Учительница Тхай Тхи Хонг Ха, молоденькая девушка, недавно окончившая училище, вела урок вьетнамского языка. Сорок учеников склонились над тетрадками. Чистые, хотя и довольно поношенные рубашки (непреречно белые), на большинстве ребят — красные пионерские галстуки. Тетради у всех разные — и в клетку и в линейку. И пишут кто чем: простым карандашом, шариковой или обычной ручкой. Но какое прилежание, аккуратность! Ни помарки, ни разорванной страницы. Бережное отношение к бумаге, учебникам, школьному имуществу — характерная черта вьетнамских школьников.

Дети Вьетнама... Я думаю, повзрослев, они полной мерой оценят усилия партии и правительства, которые в неимоверно трудных условиях выкраивали в государственном бюджете немалые средства на их воспитание, учебу, организацию отдыха. Вот красноречивый факт: в период эскалации американской агрессии правительство СРВ отменяет плату за учебу и обеспечивает учащихся бесплатными учебниками! Ассигнования на образование и просвещение растут из года в год.

И вот наш путь — в один из ударных отрядов, на целинные земли. — Разве во Вьетнаме есть невозделанная земля? — спросил я.

Ханой. Школьники.

Сам термин «целина» удивил меня тогда, и вот почему. На Севере по дороге в Лангшон я обратил внимание, что склоны многих сопок опоясаны террасами.

— Там сеют кукурузу, — пояснил мой спутник Хоэ.

Присмотревшись, я увидел крестьянина. Он стоял посреди крутого ската, опершись на мотыгу, и смотрел вверх, куда уходили поперечные полосы посевов. Там тоже были люди. Крестьянин походил на старого букиниста, стоявшего на стремянке у гигантской книжной стенки. Кажется, оступись он — вмиг скатится к подножию горы.

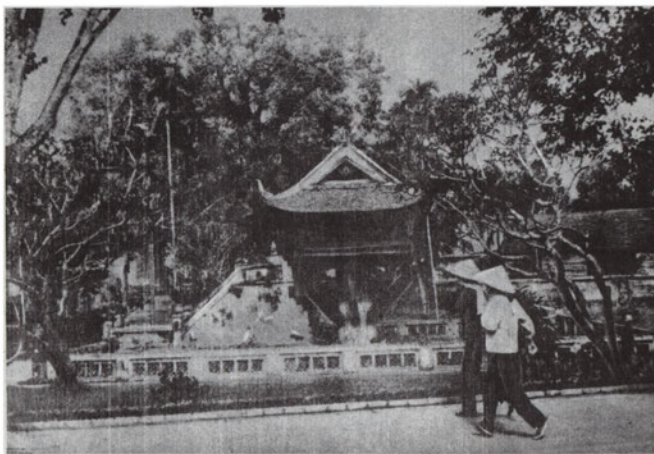
— Мало земли, вот и приходится... — сказал Хоэ.

На Юге, оказывается, до сих пор немалые площади целинных и залежных земель. Американцы уничтожали ирригационные сооружения, поля

и леса заражали химическими веществами, плодородные земли выходили из оборота. Теперь настал черед их освоения. На целину направляются ударные отряды.

Через час езды мы уже были в расположении отряда. Вокруг простиралась степь, местами покрытая густым жестким кустарником. По одну сторону дороги раскинулись рисовые делянки госхоза имени Фам Ван Хая, героя вьетнамского народа, погибшего здесь от рук американских агрессоров. Вовсю шла уборка риса. Урожай выдался хороший, крестьяне спешили убрать и обмолотить рис.

Встретившая нас заместитель командира отряда Во Тхи Бак Туэт (женщины на командирских должностях здесь не редкость) развела руками: в лагере, кроме нее, никого нет. Большинство ребят на уборке риса, другие прокладывают ороси-

Живописный уголок Ханоя.

тельные каналы, третьи высаживают в грунт рассаду ананасов.

Отряд невелик — всего 1,5 тысячи человек в возрасте от 18 до 25 лет. Занят он подготовкой плантаций под ананасы. Их будут отправлять на экспорт. Земли здесь достаточно, но для ее возделывания надо вложить немало труда. Главное — пробить каналы, подвести воду. Задача проста на первый взгляд. Но людей требовалось организовать, создать условия для труда и отдыха. Работать приходится вручную, техники почти нет.

— Как вы с этим справляетесь?

Бак Туэт (имя ее звучит неожиданно для юга — Белый Снег) — организатор решительный, смелый. О полном освобождении страны она узнала, когда распахнулись ворота сайгонской тюрьмы, куда была брошена за подпольную работу среди

студентов. Этот вопрос ей задают не впервые.

— Ударные отряды, — сказала она, — созданы и действуют по образцу колоний Макаренко. Он ведь справился, справимся и мы. Может быть, нам даже легче. Дисциплина в отряде строгая. Воспитанники видят, что все делается во имя их будущего. Через три года работы они выходят из отряда совершенно иными людьми.

На плантации (это бесконечные 5-метровой ширины обводненные гряды) шла высадка рассады ананасов, как будто сажали капусту. Они на удивление непримотливы — была бы вода в достатке.

Узнав, что у них в гостях советский журналист, ребята взяли меня в кольцо — улыбки, дружеские приветствия: «Льен Со!» — «Советский Союз!» Они охотно рассказывали

о своей жизни, у каждого зреют планы на будущее. Об СССР готовы слушать без усталы. Так было, кстати, везде.

Многие бойцы стали мастерами, ударниками труда. Выйдя из отрядов, отлично работают на производстве, учатся в техникумах и институтах. Можно сказать, они первыми открыли ударные молодежные стройки на юге страны. На знамени ударных отрядов — два ордена Труда.

В Центральном штабе мне подали книжку «Дождь в начале сезона». Это второй сборник стихов и рассказов воспитанников ударных отрядов.

«Как дождь, прошедший вовремя, питает почву и оживляет природу, —

объяснил смысл названия книги один из руководителей штаба Хунх Суан Луй, — так участие в отрядах одухотворяет молодых людей и пробуждает в них любовь к новой жизни».

Возвращались мы затемно. Солнце в тропиках садится ровно в 6 вечера. Центр Хошимина был забит велосипедистами и мотоциклистами. После трудового дня, немного отдохнув, молодые люди любят покататься по центральным площадям и улицам. Делают это обычно парами. Удивительно, как только они не сталкиваются в такой круговерти! Часам к десяти город пустеет, погружаясь в темноту душной тропической ночи. Электроэнергию здесь тщательно

Целинные земли Юга. Высадка ананасов.

Художники мастерской лаковой живописи города Вунчта обсуждают новые работы.

экономят. Но одно огромное здание на нашем пути светилось изнутри и снаружи. Это Дворец молодежи. Его специально освещают ярче других, приглашая таким образом сюда молодежь. Зашли и мы.

До Освобождения здесь был так называемый Центр культуры и творческой деятельности молодежи. Однако не каждый мог прийти сюда заниматься. Центр был создан для развлечений буржуазной молодежи Сайгона. Сейчас он открыт для всех.

Дворец стал одним из крупнейших центров культурно-просветительной работы.

Директор Дворца Нгуен Вань Шань пригласил пройти в один из классов. Это было для меня сюрпризом. При нашем появлении тридцать человек, поднявшись, дружно, широко улыбаясь, отчеканили: «Здравствуй-те!» С ребятами мы объяснялись по-русски. Почему они стали изучать (причем не бесплатно) русский язык? «Хочу поехать в СССР учиться», «Хочу больше знать о Советском Союзе», «Язык своих друзей надо знать», — отвечали ребята.

Сколько человек изучают русский язык? Ответ прозвучал неожиданно: создано семь групп, в каждой по тридцать человек!

Согласитесь, ведь необыкновенно приятно за тысячи километров от дома услышать, что молодые люди, которые делают первые шаги в самостоятельную жизнь, выкраивая крохи из скромного заработка, стремятся изучить язык твоего народа и таким образом прийти в духовный мир твоей страны! И делается это по искреннему движению сердца. После встречи во Дворце молодежи мне стали более понятны огромные очереди у кинотеатров на советские фильмы, искренние приветствия: «Льен Со!»

Конскими широтами называют области Южного и Северного полушарий (между 30—35° с. ш. и ю. ш.) во внутренних частях субтропических океанических антициклонов со слабыми ветрами и частыми штормами.

Название получили во времена парусного мореплавания: корабли, шедшие в Восточную Индию, встречали здесь безветрие (штиль), вынуждавшее мореплавателей делать длительные остановки, во время которых из-за недостатка пресной воды часто приходилось выбрасывать за борт взятых для перевозки и различных видов работ лошадей.

В. Возгрин

АФГАНСКИЕ МОТИВЫ

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО НАРОДОВ МИРА

Афганистан... Страна величественных, выжженных солнцем гор и цветущих долин, ослепительно синего неба и мрачных, сырых ушей, современных жилых кварталов и древних крепостей. Широко раскинувшаяся в самом сердце Азии страна, занимающая площадь, равную Франции, Нидерландам, Бельгии и Дании, вместе взятым, населенная 15 миллионами свободолюбивых, гордых людей, говорящих на 30 различных языках, но имеющих общую цель — победить в борьбе за новую жизнь, за счастливое будущее для своей родины. Народ Афганистана, взявший в апреле 1978 года власть в свои руки, был един в стремлении сломать прогнивший строй, освящавший феодальную отсталость, засилье помещичьего землевладения, давление иностранных монополий, эксплуатацию рабочих и крестьян, нищету, безграмотность, племенную и национальную рознь — все, что мешало естественному развитию страны.

Борьба эта продолжается и сегодня.

Однако, ведя наступление на пережитки феодализма, афганцы, свято чтящие древние культурные традиции своего народа, любовно сохраняют ценнейшее наследие, оставленное им предками. Это памятники искусства: чудом уцелевшие в бесчисленных войнах крепости, мечети и дворцы, старинная живопись, уникальные по колориту и тонкости исполнения миниатюры старых рукописей, древние статуи, высеченные в скалах Гиндукуша на заре человеческой истории. Более того: победа Апрельской революции вдохнула в традиционное искусство новую жизнь, впервые сделала его доступным для народа, обогатила современным содержанием.

Исторически Афганистан располагался на стыке трех великих культур древности — иранской, индийской и китайской, а это не могло не сказаться на его искусстве. Через Афганистан шел знаменитый «шелковый путь», и везли по нему не только шелк, пряности и слоновую кость, но и предметы искусства из Китая,

Индии, Цейлона, Бутана и других далеких и близких стран. В обратном же направлении устремлялся со времен античности поток разнообразнейших произведений живописи, скульптуры, графики, прикладного искусства, созданных мастерами Греции, Рима, Египта. Часть их, оседая в лавках местных торговцев, широко распространялась среди населения, служа образцом для афганских художников. Но было бы ошибкой считать, что мастера слепо копировали чужеземные шедевры. От поколения к поколению переходило лишь то, что отвечало представлениям афганского народа о красоте. Так возникал драгоценный сплав многих искусств воедино, и процесс этот не искажал, но обогащал местную, афганскую традицию, приобретавшую со временем все большее своеобразие.

Удивительно, что в Европе вплоть до XX века и не подозревали о богатейшем культурном наследии страны, укрывшейся за отрогами азиатских горных цепей. Открытие произошло,

как это нередко бывает, случайно. Агент кайзеровской разведки О. Нидермайер, посланный в годы первой мировой войны в Афганистан, был настолько поражен уникальной архитектурой этой страны, что истратил весь запас дефицитной пленки на объекты явно невоенного характера: его курьеры стали доставлять в Берлин снимки полуразрушенных крепостей, статуй Будды, многокупольных мечетей и тому подобного. Эти фото стали подлинной сенсацией — и одновременно первым шагом в исследовании мировой наукой истории замечательного искусства древней страны.

Раскопки, а еще более изучение старых хроник и памятников культуры позволили установить, что афганское искусство прошло несколько чрезвычайно интересных и отличающихся друг от друга периодов. Крепости, украшенные фризами здания, фрески и керамика, характерные для древнего общества страны, приобретают после завоевания Афганистана Киром в VI веке до новой

эры черты иранского (так называемого ахеменидского) стиля. Затем последовали походы Александра Македонского, построившего недалеко от современного Кабула целый город Александрию — естественно, в греческом стиле, — а потом еще двадцать городов, которые современникам было нелегко различить, так как все они носили то же имя (ныне это Герат, Мерв, Кандагар и другие города). Затем греческое влияние сменилось заметным воздействием искусства государства Селевкидов, а с IV века до новой эры вплоть до III века новой эры большая часть страны находилась под властью Индии — от этого периода сохранилось множество памятников индуистской культуры.

Но вот в V веке страну затопили орды кочевников — гуннов и скифов — и расцвет искусства сменился глубоким, длившимся два столетия упадком. Таким образом, искусство Афганистана более многих других было подвержено влиянию соседних — и не столь близких — народов, принадлежащих к различным культурам, от самых развитых до крайне примитивных.

Новый расцвет наступил в VII веке, когда страна вошла в состав халифата. Арабы познакомили писцов Герата и Кабула с тонким искусством каллиграфии и миниатюры, с мавританской архитектурой и исламским орнаментом. Культура эта была настолько богатой, а ее традиции — такими устойчивыми, что стереть следы ее не смогли ни разгромившие страну в XIII веке монголы, ни завоевавший ее веком позже Тимур. Более того: сами завоеватели восприняли высокие каноны афганского искусства, и если ранее «сияющим средоточием Земли» считался Самарканд, где «железный хромец» концентрировал лучшие созидательные силы эпохи, то уже в XV веке слава эта переходит к Герату. Сюда

перебираются выдающиеся поэты, писатели, художники, скульпторы, ученые. Равного ему художественного центра Средний Восток не знал до XVI века.

До сих пор поражают воображение постройки этого периода — мечети, бани, крытые сводами рынки, медресе. Но и при жизни гениальных строителей Герата их мастерство ценилось по достоинству: по созданным

ими шедеврам учились зодчие всего мусульманского мира, а такие мастера, как Кавамеддин, создавали целые художественные направления и школы. Творения гератских мастеров легко узнать по пропорциональной соразмерности зданий, стройности тонких, «вонзающихся в небо» минаретов, мозаичным плоскостям, сверкающим как самоцветы даже в пасмурный день, — века оказались не в силах погасить звонкую яркость их колорита.

Известно, что ислам запрещает изображать живые существа. Поэтому с его установлением совершенно утрачивается искусство скульптуры, фигуры человека и животных покидают страницы книг. Однако просвещенные афганцы слишком высоко ценили эстетическое воздействие свободного искусства — и оно победило мертвые догмы религии: эти мотивы не были изгнаны из монументальной живописи дворцов, а потом герои любимых народом сказаний вернулись и в книжную миниатюру.

Как и повсюду в средневековом

мире, книга в Афганистане считалась величайшей ценностью, произведением высокого искусства. Одному мастеру изготовить ее было не под силу, обычно книгу создавали пятеро: каллиграф, оформитель, миниатюрист, позолотчик и переплетчик. Каллиграфия и миниатюра достигли в Герате XV века невиданного совершенства: листы знаменитых мастеров коллекционировались — их ценили наравне со старинным оружием, картинами, фарфором. Альбомы листов с образцами афганской каллиграфии того времени — «муррака» — и сейчас ценятся собирателями чрезвычайно высоко.

Особенно высокого расцвета достигла гератская миниатюра. Ее основные черты — небывалая до тех пор декоративность, насыщенность цвета, тонкость и изящество рисунка, великолепная композиция. Несмотря на некоторую условность изобразительного языка (плоскостная перспектива, локальный цвет), сохраняется высокий реализм — вплоть до портретного сходства пер-

ИЗ ВЬЕТНАМСКОГО ДНЕВНИКА

Город Хошимин. Классическая веерная пальма в городском зоосаде.

Обмолот риса в Южном Вьетнаме.

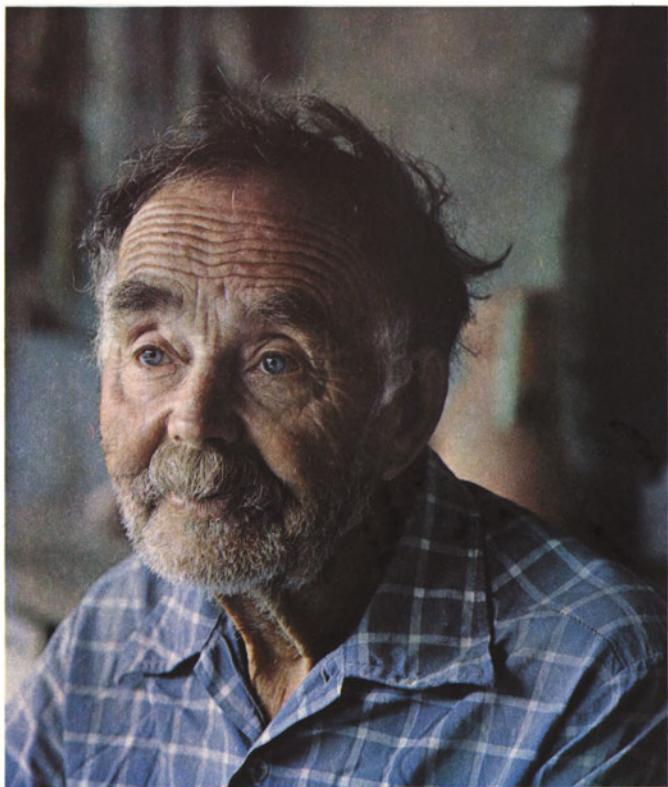
Северный Вьетнам. Провинция Лангшон. В дело идет каждый клочок земли.

Город Хошимин. Сувенирная лавка.

К очерку А. Исаева «Дождь в начале сезона».

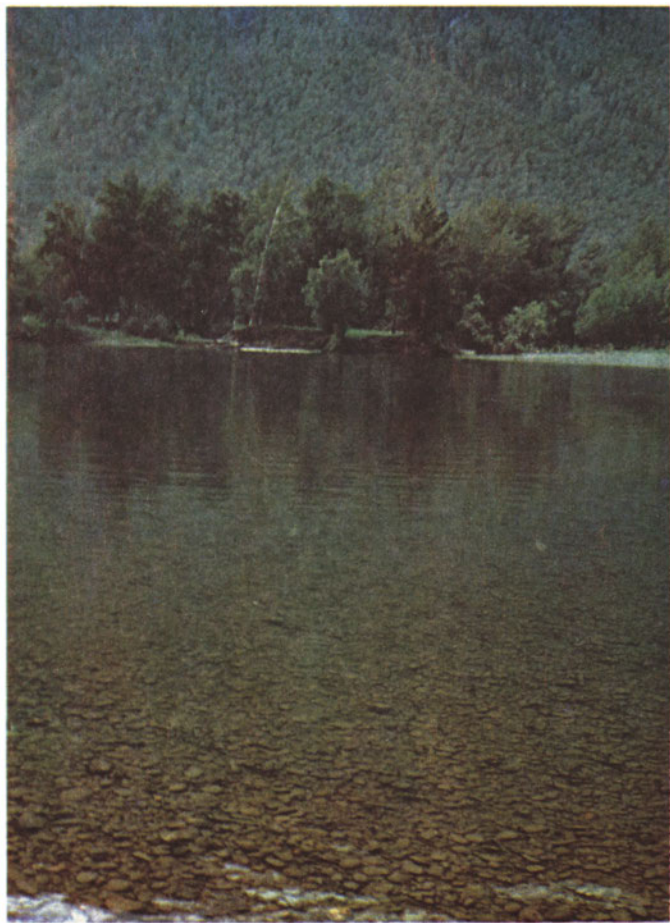
САД НИКОЛАЯ СМИРНОВА

Николаю Павловичу Смирнову, создателю сада на Телецком озере, в августе 1985 года исполняется 84 года...

Золотое озеро — Алпын-Кѣль — грозно в пасмурную погоду.

Вода в реке Гульшман студеная, чистая, прозрачная.

Земля цветущая — дело рук человеческих.

К очерку Г. Горышина «Сад Николая Смирнова».

сонажей. Крупные произведения, как, например, серия иллюстраций к рукописи «Шахнаме», ценны и для историка: здесь правдиво воспроизведены давно разрушенные крепости и храмы, бытовые сцены, сражения на суше и на море, церемониал шахских приемов и так далее.

Крупнейшим живописцем XV века был Бехзад, чье творчество отмечено обостренным вниманием к человеку, стремлением осмыслить события эпохи, природные процессы. Поэтому его произведениям свойственны совершенно необычные для той эпохи полнота жизненного содержания, глубокий философский подтекст. Рисунок Бехзада виртуозен, линии сильны и упруги, в нем нет ничего второстепенного, что могло бы отвлечь внимание от главной темы. На хранящейся в Ленинградской Публичной библиотеке миниатюре с изображением льва спокойная поза зверя удивительно контрастирует с его внутренним напряжением, хищным прищуром глаз — и таких шедевров у Бехзада тысячи. Творчество гениального гератского мастера — достояние общечеловеческой культуры, ибо отражает лучшие надежды и идеалы народов Востока.

С XVI века искусство Афганистана медленно угасало. Причиной тому было вначале подчинение части страны династией Великих Моголов, потом, в XIX веке, — экспансия Великобритании. В эти годы чужеземного засилья были прочно забыты богатейшие традиции и приемы живописи, графики, архитектуры, декоративно-прикладного искусства.

Новый расцвет культуры древней страны начался лишь в 1919 году, когда была завоевана независимость от Англии. Молодым афганским художникам приходилось заново восстанавливать утраченные было традиции и на их основе строить новое, современное искусство. Основанная Гулямом Мухаммедом первая Аф-

ганская художественная школа воспитала группу талантливых мастеров. Самым известным из них стал Брешна — художник, посвятивший свою кисть народу. Его реалистическому творчеству свойственны глубокое внимание и любовь к человеку. Те же черты отличают его талантливых современников А. Сафи и Б. Карим-шаха. Напротив, такие мастера, как Гамаюн Иттиади, тяготеют к

традициям более условной средневековой миниатюры, стремясь возродить ту чистоту тонов и декоративность, обогащенную мотивами народного орнамента, что когда-то прославили гератскую школу миниатюры. Есть и третье направление, в котором более заметно влияние европейской культуры. Так, непринужденный, мягкий и живой мазок, цветовое богатство палитры, игра светотеней на картинах С. Шукур-Вали выдают знакомство их создателя с лучшими достижениями французских импрессионистов.

После более чем тысячелетнего перерыва в независимом Афганистане вновь расцветает искусство скульптуры. Такие мастера, как М. Хайдар и М. Кандалари, в чьих работах мощно звучит тема простого народа, получают признание и за рубежом. Вообще в 1950—1960 годах афганское искусство снова выходит на международную арену — впервые с тех пор, как угасло золотое сияние Герата.

С творчеством мастеров соседней страны познакомились и советские

люди: в 1961 году в Москве состоялась выставка современного изобразительного искусства Афганистана, имевшая большой успех.

Наконец, в самые последние годы в традиционных жанрах появляются качественно новые черты. С момента своего возникновения Демократическая Республика Афганистан должна была отстаивать право на существование. Поэтому в живописи становится популярной и военная, патристическая тематика, отражающая непосредственно современную историю страны. Возникают и новые, ранее неизвестные здесь жанры, — например, жанр политического плаката. Афганские графики, умело пользуясь богатыми выразительными средствами плаката, в яркой, эмоциональной манере передают в своих произведениях новые, прогрессивные, революционные идеи. Популярность этого жанра заключается в немалой степени в том, что он высоко актуален именно теперь, когда афганский народ ведет трудную борьбу за независимость и суверенитет своей родины.

БЕРЕГИТЕ ЗМЕЙ

В индийском городе Мадрасе среди множества парков есть и «Змеинный парк». Его питомцы размещаются в хорошо оборудованных вольерах, в специальных бассейнах за стеклянными ограждениями. Всякого, кто входит в парк, встречает надпись: «Не убивайте

змей!». И посетителю дают понять, что дело тут не в милосердии, а в понимании того неопровержимого факта, что змея, как и другие представители земной фауны, — необходимое звено в вечном, сбалансированном круге жизни.

В мире 2500 видов змей, в Индии — более 250. Они служат человеку, уничтожая грызунов и давая материал для ценнейших лечебных средств. Вот почему великолепная королевская кобра длиной 18 футов, вызывая холодок вполне понятного страха, невольно внушает и уважение к себе: она нужна человеку.

Учреждение «Змеинного парка» в штате Тамиланду — одна из мер индийского правительства по охране и изучению животного мира. Средства, необходимые для его создания, были предоставлены государством.

Ю. Лукин

ФЬОРД НА АДРИАТИКЕ

Когда слышишь или читаешь слово «фьорд», мысленно переносишься на север Европы в страну фьордов — Норвегию. Однако природа в районе Средиземноморья, а точнее, в южной части Адриатики сделала исключение.

В результате затопления рельефа образовался единственный на юге Европы фьорд под названием Бока Которская («бока» — «бухта», названа по самому крупному городу в ней — Котору).

Адриатическое море перед бухтой самое широкое — 211 километров, однако и этой ширины как будто ему оказалось мало. Оно врезалось через три узких прохода в глубь материка и образовало четыре красивых залива: Херцеговский и Тиватский составляют внешнюю часть бухты, Которский и Рисанский — внутреннюю.

Высокие горы Орьен (1895 метров) и Ловчен (1749 метров) и многочисленные горные вершины (до 1300 метров) не позволили морю углубиться больше чем на 40 километров. Протяженность береговой черты всех заливов и узких проходов составляет 106 километров.

Горы, окружившие Боку с севера и запада, защищают ее от холодных ветров и способствуют мягкому и теплему климату вдоль ее берегов.

Бока Которская по своей красоте, роскоши и разнообразию рельефа представляет собой один из самых интересных уголков Балканского полуострова. На побережье Боки Которской природа создала хорошие условия для проживания людей с самых ранних времен. Благодаря теплему климату, обилию средиземноморской флоры и фауны этот край был заселен давным-давно.

С древнейших времен на территории Боки жили иллирийцы. Они владели краем до II века нашей эры. Затем римлянам удалось покорить Иллирийское государство и завладеть бухтой. Пятивековое господство римлян привело к изменению национального состава населения Боки: ее заселяли теперь романизированные иллирийцы, исповедующие христианство.

После раздела Римской империи в конце IV века нашей эры хозяином бухты, вплоть до XII века, стала Византия. Это было время (VI—VII века), когда на территорию Адриати-

Бока Которская по своей красоте, роскоши и разнообразию рельефа представляет собой один из самых интересных уголков Балканского полуострова.

ки, и в том числе Боки Которской, пришли славяне. Славянизации края способствовало то, что с XII по XV век Бока входила в состав Сербского государства. Вслед за этим почти четыре века бухтой владела Венеция.

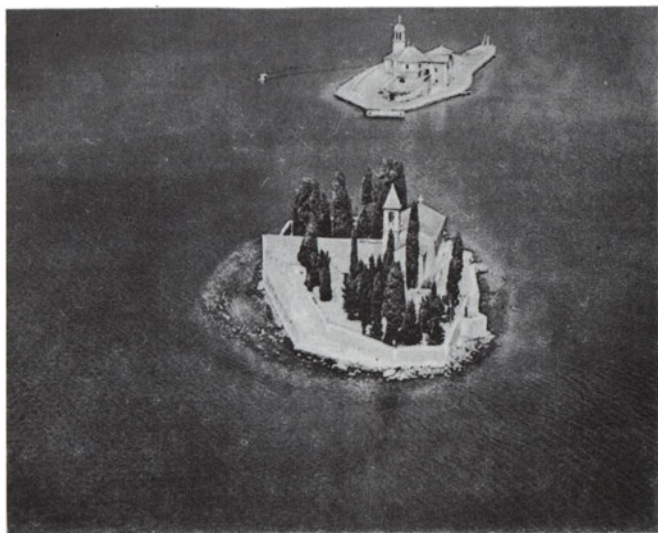
Горы, окружившие Боку с севера и запада, защищают ее от холодных ветров и способствуют мягкому и теплomu климату вдоль ее берегов.

Последние два века господства Венеции представляют собой период расцвета края и особенно мореплавания. После падения Венеции в 1797 году территория Боки Которской переходит к Австрии, которая владеет ею с небольшими перерывами вплоть до 1918 года. Перерывы эти относятся к 1806—1807 годам, когда Бокой владела Россия, и к 1807—1812 годам — времени французского господства над бухтой. Бока знаменита богатейшей историей народов, населявших эти места в течение тысячелетий, мировой известностью бокельского мореплавания, замечательными архитектурными памятниками, тесными связями своих моряков с Россией начиная с времен Петра I, революционными традициями, своими природными красотами.

Давайте и мы войдем в Боку через узкий проход шириной в 3 километра между материком и полуостровом Луштица и совершим прогулку по ее проливам и заливам. Ознакомимся с прошлым городов, расположенных

по берегам фьорда, и узнаем, как бокельцы живут сегодня. Минуя островок Мамула, стоящий как сторожевой пост на морском просторе, войдем в Херцеговский залив. Название он получил по городу Херцеговни, расположенному на восточном берегу залива. Херцеговни всегда первый стоял на пути завоевателей или пиратов, стремившихся к захвату бухты, ограблению ценностей ее городов, будь это с моря или с запада по суше. Это был город-форпост. Следуя дальше в глубь бухты через Кумборский пролив, заходим в самый большой по площади залив — Тиватский. Площадь и глубина его позволяли находиться здесь на якорю одновременно десяткам судов, как

парусных, так и паровых. Это был главный рейд бокельского флота. Минуя его, входим в самое узкое место бухты шириной всего 350 метров, протяженностью 2,3 километра, под названием Вериге («вериге» — «цепи»). Жители Боки для защиты внутренней части бухты от нападения пиратов самую узкую часть пролива закрывали железной цепью. Отсюда и название. Это было в старину. А мы без препятствий войдем в Рисанский залив и подойдем к городу Рисан, уютно разместившемуся в самой северной точке залива. Здесь до наших дней сохранилась мозаика римлян I—II веков нашей эры, представляющая собой драгоценный памятник античного искусства.

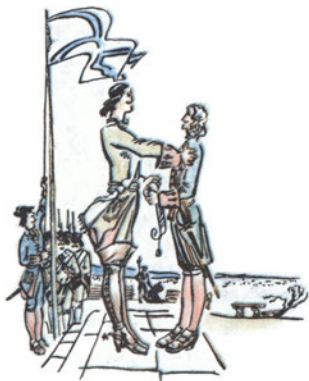

Бока знаменита богатейшей историей народов, замечательными архитектурными памятниками.

Недалеко от Рисана, напротив прохода Вериге, находится городок Пераст. В прошлом это город патрициев, судостроителей, моряков и капитанов, город бокельской морской славы, достигший своего величия в XVII—XIX веках.

В течение веков самые яркие страницы в истории края написаны его поморами. Которский флот, старейший в Югославии, насчитывает уже двенадцать веков. В документе 809 года упоминается существовавшая в Боке «мореходная организация». В XIV веке в Перасте была создана судостроительная верфь. В 1512 году один Пераст имел около 60 больших парусников, плавающих по Средиземноморью; в течение XVII века более 300 галер, каравелл и других судов которского флота плавало по всем морям, омывающим Европу.

В 1637 году в здании, сохранившемся до сих пор, начала работать морская школа, из стен которой вышли десятки и сотни выдающихся людей не только Боки. Среди них капитан Марко Мартинович (1663—1716).

В 1697 году Петр I обратился к сенату Венеции с просьбой принять и обучить морскому делу группу молодых князей и бояр. Руководители сената, зная о школе в Перасте (Бока в это время подчинялась Венеции), поручили обучить будущий командный состав создававшегося русского флота известному морскому капитану, судостроителю, математику и педагогу, жителю Пераста Марко Мартиновичу. Переход из Венеции в Пераст на паруснике Мартиновича был первым морским «крещением» слушателей перастской школы — князей: Бориса Ивановича Куракина («пасынка царя»), братьев Голицыных — Петра, Дмитрия и Федора, Андрея Ивановича Репнина, бояр: Аврама Федоровича Лопухина («брата царицы московской»), Владимира Шереметьева, Никиты Ивановича Бутурлина, Михаила Матюшкина и других. Обучение длилось восемнадцать месяцев. Теоретические занятия сочетались с морской практикой — плаванием по Адриатическому и Средиземному морям. Когда учеба была закончена, Мартинович представил своих учеников венецианскому сенату. В торжественной обстановке каждый выпускник получил диплом.

За успешное обучение русских сенат Венеции наградил капитана Мартиновича пожизненной пенсией. В музее Пераста выставлена старая картина неизвестного художника, изображающая занятия в школе капитана Мартиновича. На картине можно прочесть имена некоторых из семнадцати воспитанников.

Другой известный житель Пераста — знаменитый адмирал Матия Змаевич (1680—1735), сын перастского капитана, судовладельца и председателя общины. После окончания мореходной школы Матия служил в венецианском флоте.

В 1710 году русский посланник в Константинополе П. А. Толстой пригласил Змаевича поступить на службу в российский флот. После двухлетней службы Змаевича при русском посольстве в Константинополе П. А. Толстой рекомендовал 30-летнего капитана Петру I, который после того, как лично проэкзаменовал Змаевича и оценил его способности, издал в 1712 году указ: «Объявляем сим патентом нашим всем, кому о том ведати надлежит, что пожаловали мы Матвея Змаевича, который в службе нашей в морском флоте с 1712 года, и повелели ему быть в капитанах-командорах».

Экзамены проходили в Чехии, в Карловых Варах, где Петр I находился на лечении.

Прибыв в Петербург, Матия принял не корабль, а целый отряд галер Балтийского флота, а спустя два года командовал галерным флотом. За успешные боевые действия по руководству правым крылом российского флота в битве против шведов при Гангуте Змаевичу в 1719 году присвоено звание контр-адмирала. По окончании Северной войны он стал вице-адмиралом. С 1721 года — член Адмиралтейств-коллегии, руководит строительством галерной гавани в Петербурге. Петр I высоко ценил его флотоводческие способности, отвагу, бесстрашие и наградил золотой медалью и орденом. Змаевич оказал немалую помощь преобразователю России в его стремлении «в Европу прорубить окно».

С 1725 года, после смерти Петра I, Змаевич командовал галерным флотом и являлся главным командиром Петербургского порта. Екатерина I в этом же году производит его в адмиралы и награждает орденом Александра Невского.

Как драгоценную реликвию сохраняют в музее Пераста адмиральский флаг русского флота, подаренный Петром I Змаевичу в знак призна-

ния его храбрости, флотоводческого искусства и вклада в разгром шведов. Рядом с ним — шведский флаг, принадлежавший одному из судов, которое было взято в плен галерами под командованием Матии Змаевича.

Кроме адмирала Змаевича в создании русского флота участвовали и другие бокельцы. Известно имя Матии Мелада, математика, строителя морских портов и причалов. Было немало жителей Боки на службе у России. Среди них Мазарович Шиме — посол России в Персии. За вклад в укрепление русско-персидских отношений он награжден персидским шахом высоким орденом. Три брата Ивелича — Марко, Симеон и Ивеля — были генералами в русской армии. Первый из них, Марко, граф и сенатор, отличился в русско-турецких войнах 1768—1774 годов и 1787—1791 годов.

Сын Марко, Ивелич Петр, пошел по стопам отца. Служил в русской армии, участвовал в войне со Швецией 1808—1809 годов. В 1812 году в

звании генерал-майора командовал пехотной бригадой в армии Барклая-де-Толли. Был ранен под Бородином. Его портрет находится среди 332 портретов героев Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже.

Капитан из Пераста Петр Смекия первым из жителей Адриатики на своем судне «Коронованный лев» вошел в 1740 году в Балтийское море и установил связь с его портами.

Отправляясь от Пераста на восток, заходим в Которский залив, самый узкий из заливов бухты. Высокие отвесные скалы ограждают фьорд с двух сторон. Грозно нависают они над голубой гладью. Плавая по заливу, видишь вверх только узкую полосу неба. Залив производит впечатление зажатого горами озера, в глубине которого расположился город Котор. Окружают его гора Ловчен и отроги других гор, а также огромная, хорошо сохранившаяся крепостная стена. Длина ее более 4 километров, высота — 20 метров, а ширина — 10 метров.

Котор — это город-памятник. Удивительна его архитектура. Жемчужиной города является кафедральный собор, построенный в 1166 году. В 1326 году в Которе была аптека, при которой работали

два лекаря. С XIII века в городе работает школа, в XIV веке открылся театр. Перечень исторических сокровищ города очень большой, хотя многочисленные войны и особенно землетрясения уничтожили многое из того, что здесь было создано. Самыми разрушительными для города и окружающих его населенных пунктов были четыре землетрясения: в 1537-м, 1563-м, 1667 и 1729 годах. Многие беды они принесли, но после каждого из них усилиями всех жителей Боки город отстраивался заново.

Одна из самых ярких страниц в истории Боки написана ее народом совместно с русскими воинами из эскадры адмирала Д. Н. Сенявина в течение 1806—1807 гг. Это было время, когда моряки России, осуществляя освободительную миссию, помогали бокельцам отстоять свою свободу и независимость от посягательств Наполеона. Французские войска, покорившие Италию и оккупировавшие большую часть адриатического побережья Балканского полуострова, подошли к важнейшему стратегическому центру — Боке Которской. Население бухты решило ни в коем случае не допускать французов. Бокельцы обратились за помощью к черногорцам, с которыми

веками жили в дружбе и неоднократно воевали вместе против общих врагов.

Владыка Черногории Петр I Петрович Негош во главе своего отряда вступил в Боку. Русский представитель в Цетине С. А. Санковский обещал черногорцам и бокельцам довести до адмирала Д. Н. Сенявина, стоящего с эскадрой у острова Корфу, их просьбу о помощи. В Которе было создано русское консульство, во главе которого был А. О. Мазуревский.

Встреча черногорцев и русских с жителями Боки Которской была исключительно радушной. Старейшина бухты от имени ее народа преподнес Д. Н. Сенявину благодарственный лист. Приход русских круто изменил всю обстановку. Вновь разгорелось пламя борьбы за воссоединение Боки с Черногорией. Повсеместно народ вооружался. Каждый из четырнадцати городков создал свой боевой отряд, а суда присоединялись к русскому флоту для оказания помощи при ведении войны на море. Вот что донес Д. Н. Сенявин русскому послу в Вене о своих впечатлениях от пребывания в Боке: «На днях я сам был там и лично удостоверился искренней приверженности тех народов к России. Жители той провинции имеют до четырехсот судов, которые почти все сильно вооружены артиллерией, и до пяти тысяч славных матросов. Оруженосцев имеется до 12 000 и храбрость их довольно известна. Они готовы пожертвовать не только собственностью, но и жизнью, и верить им можно в том несомненно».

5 июня 1806 года произошло первое сражение с французами недалеко от города Рагуза (ныне Дубровник). Бои в горах были ожесточенными. Черногорцы и бокельцы совместно с русскими экспедиционными силами не только сдерживали наступательный порыв французов, но часто и

успешно проводили контратаки. Меткой стрельбой и бесстрашными атаками черногорцы наводили ужас на французскую пехоту. Участник этого боя, морской офицер В. Броневский, писал: «Русский штык и дерзость черногорцев повсюду торжествовали». Поражение не успокоило французов. Наполеон требовал взять Боку. 21 сентября развернулось новое сражение, длившееся три дня, на этот раз сухопутно-морское. Проиграв и этот бой, французские войска побросали все снаряжение и семь пушек, чтобы побыстрее налегке добраться до Рагузы.

Очень умело руководил боевыми действиями своего отряда владыка Петр I Негош. По свидетельству очевидцев, Д. Н. Сенявин полностью ему доверял и высоко ценил его боевой опыт — умение командовать бойцами и хорошо использовать в ходе боя специфические местные условия. Это был храбрый воин, достойный кавалер ордена Александра Невского, которым был награжден еще в 1798 году.

Мужество черногорцев воспел А. С. Пушкин в стихотворении «Бонапарт и черногорцы».

Главная арена войны с французами была далеко на севере, и блестящие успехи, достигнутые адмиралом Д. Н. Сенявиным вместе с черногорцами на Адриатике, не смогли повлиять решающим образом на ее исход. 25 июня 1807 года был заключен между Россией и Францией Тильзитский мир. Согласно его условиям, Бока должна была быть передана французам. Можете себе представить, с какой грустью жители Боки провожали русских и с какой тревогой ожидали прихода вчерашнего неприятеля.

Одна из секретных статей Тильзитского мирного договора гласила: «Его величество император французов, король италийанский соглашается ни прямо, ни косвенно не под-

вергать взысканиям и не преследовать черногорцев за какое бы то ни было участие во враждебных действиях против французских войск».

Это было на бумаге, а на деле французские солдаты мстили местному населению, как только могли.

Получив Боку, французы старались привлечь на свою сторону Черногорию. Характерен разговор между наполеоновским генералом Мартоном и владыкой Черногории Петром I Негошем. На вопрос генерала: «Какое дело вам до русских?» — Негош ответил: «Прошу, генерал, не трогайте моей святыни. Русские единоверные и единоплеменные нам братья, которые имеют к нам такую же горячую любовь, как и мы к ним. Мы, славяне, полагаем нашу надежду и славу только на единоплеменных братьев — русских, ибо падут без них и все остальные славяне, а кто против русских, тот также и против всех славян».

Французы владели Бокой до 1812 года. Как только Наполеон, собрав под свои знамена почти всю Европу, двинулся на Россию, Петр I Негош во главе своего отряда вошел в Боку и прогнал оттуда французов. Однако и на этот раз празднование победы было непродолжительным. Судьба Боки опять решалась далеко за ее пределами.

На Венском конгрессе в 1814 году союзники — Россия, Австрия и Англия — договорились, чтобы Бока Которская отошла к Австрии.

20 мая 1814 года Александр I из Парижа написал Петру I Негошу: «Приглашаю вас, ваше преосвященство, для общей пользы не только не препятствовать австрийским войскам в занятии крепостей и возвратиться с храбрыми вашими черногорцами в пределы ваши, но и употребить влияние ваше к склонению жителей Боки непрекословно повиноваться постановлению союзных держав».

Негош влияние свое в пользу Австрии, конечно, не употребил, но требованию вернуться в Цетине повиновался.

Населению Боки под властью Австрии не жилось свободно. Трижды — в 1848 — 1869 и 1882 годах — народ был вынужден браться за оружие против порядков, вводимых австрийскими властями.

Каждый раз совместно с восставшими выступали черногорцы. Однако главную задачу — присоединение к Черногории — осуществить не удалось.

В начале 1918 года эхо Великого Октября — залп Авроры докатился и до Боки Которской, которая была главной базой австрийского военноморского флота. Здесь базировалось около сорока боевых кораблей. 1 февраля на броненосце «Святой Георгий» вспыхнуло восстание, которое тут же распространилось на все корабли, находящиеся в бухте. Залп с броненосца означал начало восстания, в котором участвовало более 6 тысяч матросов. На мачтах кораблей взвились красные флаги, а над гладью залива звучала мелодия революционной «Марсельезы». Восстание в Боке Которской — это первый в Европе боевой отклик на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. На каждом корабле был создан революционный комитет, во главе восстания стал Центральный ревком. Ревком потребовал от правительства Австро-Венгрии немедленного заключения мира на условиях, предложенных Советами. В Москву восставшие матросы отправили приветственную радиограмму. Однако революционная власть продержалась на флоте недолго, всего несколько дней. Восстание было жестоко подавлено. Последнее красное знамя было спущено с «Святого Георгия», на котором находился ревком.

Около 800 участников были аресто-

вано, более половины из них отдано под суд. Четыре руководителя восстания — Мате Брничевич, Франтишек Раш, Ерко Шижгорич и Антон Грабарь были расстреляны. На суде Франтишек Раш сказал: «На восстание нас подняло то, что произошло в России. Там взошло новое солнце, которое будет светить не только славянам, но и всем народам земного шара, и оно принесет им с собой мир и справедливость».

Восстание на флоте в Боке Которской потрясло Австро-Венгрию и способствовало ее распаду.

С образованием в 1918 году Королевства сербов, хорватов и словенцев жители Боки приобрели наконец свободу. Однако и на этот раз ненадолго. Наступил грозный 1941 год. В это время Бока Которская была главной базой югославского военно-морского флота. Профашистское правительство Югославии ничего не сделало для организации сопротивления врагу и фактически передало страну гитлеровцам. Аналогично поступило и командование военно-морским флотом. Самостоятельно, вопреки приказу штаба флота, покинули Боку одна подводная лодка и два торпедных катера и прибыли на остров Мальта к союзникам. Героический поступок в эти трагические дни совершили старшие лейтенанты Милан Спасич и Сергей Машера. Когда команда эсминца «Загреб» покинула корабль, они взорвали его и погибли вместе с ним, но не сдали «Загреб» фашистам. После победы Родина высоко оценила их подвиг. Им обоим присвоено звание «Народный герой Югославии».

17 апреля 1941 года Боку Которскую оккупировали итальянцы.

Призыв Центрального Комитета Коммунистической партии Югославии: «Рабочие, крестьяне, горожане, молодежь Югославии! В бой! В бой против фашистских оккупантов. В бой, ибо настало время сбросить

Которцы в национальном наряде.

оккупационное фашистское ярмо. В бой, потому что это наш долг перед советским народом, который борется и за нашу свободу» — дошел и до патриотов Боки.

Успешное общенародное вооруженное восстание в Черногории 13 июля 1941 года ускорило развитие вооруженной борьбы в Боке, где к концу года были созданы и действовали два партизанских отряда. Не было покоя итальянским фашистам ни в 1942-м, ни в 1943 годах.

После капитуляции фашистской Италии в сентябре 1943 года освободительная борьба в Боке развернулась еще больше. Созданы новые отряды, которые действовали против немецких фашистов как на территории, прилегающей к бухте, так и в соседней Черногории. К ноябрю 1944 года западная часть бухты была

Лазурное море, а вдоль берега — белокаменные дома с красными черепичными крышами. Все дома, поселки и городки повернуты к морю, потому что с ним связана жизнь всех поколений, населявших этот край в течение тысячелетий.

освобождена, восточная — нет. Фашисты упорно держались за полуостров Луштица под защитой мощных укреплений, созданных еще Австро-Венгрией. В этот период перед Народно-освободительной Армией Югославии стояла задача не допустить ухода фашистов на север, где они могли бы продолжить борьбу против Красной Армии. Действовавший в районе Боки 1-й батальон морской пехоты военноморского флота (политкомиссаром которого был автор настоящего очерка) успешно решил эту задачу в отношении гарнизона Луштицы. Из более чем 250 фашистов, покинувших укрепления, до Котора дошло 170 военнопленных, остальные были убиты или ранены в ходе боя.

22 ноября 1944 года Бока Котор-

ская была полностью освобождена и вошла в состав Народной Республики Черногорин.

Жители Боки с достоинством встретили освобождение, так как внесли для победы посильный вклад. Более 4 тысяч партизан, 4 народных героя Югославии дал этот край.

После Великой Победы прошли десятилетия. Как сегодня выглядит этот удивительный уголок земли? Для ответа на этот вопрос совершим повторно прогулку по знакомым нам городкам фьорда.

Приукрашивается древний Герцеговни. Город и прилегающие к нему спутники-местечки стали курортно-оздоровительным и туристическим центром Боки. Рано начинающийся купальный сезон предоставляет возможность объединить два вида от-

дыха. Когда в горах еще лежит снег, можно с утра покататься на лыжах, а во второй половине дня искупаться в теплом море. Герцеговни стал излюбленным местом встреч деятелей культуры и науки, здесь часто проводятся международные конференции, симпозиумы и семинары.

Недалеко от Герцеговни, в горах, в деревне Црквике, находится маленькая, однако знаменитая метеостанция. Она отмечает самое большое в Европе количество осадков в году. Это своеобразный «полюс дождей», так как в районе станции выпадает в среднем 5 тысяч, а в отдельные годы и до 7 тысяч миллиметров осадков.

Побережье в глубь фьорда от Герцеговни до Вериге представляет собой очень красивый уголок земли. Представьте себе лазурное море, а вдоль берега — белокаменные дома с красными черепичными крышами. Все дома, поселки и городки повернуты к морю. Это символично, ибо именно с ним, с морем, с заливом, связана жизнь всех поколений, населявших этот край в течение тысячелетий. Между домами зеленеют сосны и кипарисы, маслины и пальмы, миндаль и цитрусовые, инжир и виноград. На расстоянии 300—500 метров от береговой черты начинают возвышаться горы, на вершинах которых часто белеет снег, а над ним ясное голубое небо.

Проходя Вериге, мы опять подошли к Перасту, а следовательно, наступило время рассказать о современном морском торговом флоте Боки.

За годы народной власти осуществилась мечта потомков мореходов бухты: возродился которский флот. В настоящее время он располагает двадцатью судами общим водоизме-

щением около 628 тысяч тонн, плавающими по всему Мировому океану.

И вот наконец Котор. Его значение как кузницы морских кадров возросло. С 1959 года работала Высшая морская школа, которая в 1980 году стала факультетом мореходства и туризма Титоградского университета. Более 350 студентов навигационного, механического и радиотехнического отделений обучаются на этом факультете.

В Боке проживает около 50 тысяч жителей. Как и прежде, их главные занятия — мореплавание, судоремонт и рыболовство; к ним прибавилось обеспечение туризма.

Рассказ о Боке Которской будет неполным, если не совершить путешествие по одной из самых интересных автомобильных дорог Европы, высеченной в скалах, ведущей из Котора на гору Ловчен и дальше в старую столицу Черногории — Цетине. Удивительна эта дорога. Чтобы доехать до перевала на высоте 1000 метров, необходимо проехать 42 поворота, многие из которых вызывают и страх, и восхищение одновременно. А когда преодолеешь последний из них — Крстац, взору открывается величественная и незабываемая панорама Боки. Сверху фьорд предстает перед тобой как чарующее озеро, которое постоянно меняет цвет в зависимости от дневного света, облачности или окраски окружающей природы: то синее, как глубокие воды Адриатики, то зеленоватое, как окружающая его растительность, то синеватое, как горы, поднявшиеся высоко в небо с самого дна залива. И всегда тихое, прозрачное и удивительно привлекательное. Такова она, Бока Которская, единственный фьорд на юге Европы, в прошлом и настоящем.

В. Рыбин

В КРАЮ ЗАМБЕЗИ

(Путевые заметки)

В детстве я взахлеб читал записки путешественников. Конечно же, и сам мечтал отправиться с какой-нибудь экспедицией в джунгли Амазонки, в Гималаи или на Северный полюс. Увы, с годами та детская страсть поухлила, и я занялся делом, далеким от романтических приключений. Я стал учителем.

И все же судьба оказалась ко мне благосклонной: я совершил путешествие. Длилось оно два года. Ровно столько вместе с другими советскими учителями я работал в Африке, в Республике Замбии, обучал замбийских детей математике и физике.

Краем Замбези называют иногда эту страну — знаменитая река Замбези 1000 километров петляет по ее территории. Замбези и дала название стране.

Удивительный край Замбези! Удивительна его природа, люди, обычаи. Многое мне пришлось здесь повидать и испытать. Подумалось: а хорошо бы рассказать об этом уголке Африки советским ребятам.

Так появились эти записи, которые я назвал путевыми заметками.

БРОСКАЯ МЕДЬ ЛУСАКИ

В аэропорту замбийской столицы сияет огромная, выкованная из меди карта Африки. Журчит фонтан, отделанный медными брусками. Весь первый этаж — сплошь магазинчики с медными сувенирами. Гигантские светильники из меди будто сосульки застыли на потолке и на стенах. Медные чеканки на фронтоне здания... Иногда ловишь себя на мысли, что весь аэропорт медный — слеплен из гладких, рифленых, чеканных красно-желтых полосок. Вот так, медью, встречает Лусака своих гостей. И медью приветствует, куда бы они ни зашли.

Украшение Лусаки — здание ФИНДЕКО, государственной корпорации финансового развития. Фасад здания выложен медными пластинками. Тысячи пластинок...

В солнечный день тысячи зеркалец пускают зайчики окрест ФИНДЕКО.

На других лусакских зданиях, между прочим, тоже хватает меди, но такое богатое убранство позволил себе только ФИНДЕКО.

Медная посуда в гостиницах, медные украшения на офисах и женщинах, медные таблички на особняках...

Медные плошки для денег у бродяг и уличных художников, медные бляхи на ремнях столичных модников и модниц, медные монеты...

Медь в Лусаке на каждом шагу. Как напоминание, что ты — в столице «медной державы».

Богатство Замбии — медная руда. Вот и шеголяет Лусака медным нарядом.

УТРО НА КАЙРО РОУД

Если захотите узнать, где в столице «медной державы» больше всего меди, первый же встречный не задумываясь назовет Кайро роуд.

Кайро роуд — Каирская улица — главная улица Лусаки. Как улица Горького в Москве или Невский проспект в Ленинграде.

На главной улице Лусаки торговцев больше, чем муравьев в муравейнике. Прямо на тротуарах ремесленники раскидывают свои лотки и скатерки с поделками. Сквозь горы медной мишуры едва проглядываются фигурки из слоновой кости, маски из знаменитого черного дерева, нитки украшений из малахита, аметиста, изумруда... Купить просят настойчиво и уж расхваливают, расхваливают, расхваливают товар, что не устоишь...

Есть еще одна примета у Кайро роуд — полчища малолетних торговцев-мальчишек.

Торгуют ребята сувенирами и пристают к прохожим до тех пор, пока те испугу не «отоварятся». Впрочем, в приставаниях у мальчишек есть свой кодекс.

Во-первых, не каждому они предложат товар. Выбирают на вид клиента побогаче, чаще европейца.

Во-вторых, товар у всех разный.

Никакого, так сказать, дублирования.

В-третьих, улица у ребят поделена на участки и каждая группа эксплуатирует только свой участок. За нарушение границы можно схлопотать по шее.

Не успевает турист отойти от лотка, как его окружают четверо мальчишек.

И... пошла карусель.

— Купите, сэр! Купите браслет! Всего тридцать квач¹.

— А у меня бусы. Малахитовые. Недорого, сэр! Купите, они понравятся вашей жене...

— Браслет, браслет, браслет...

— Бусы, бусы, бусы...

Мальчишки устраивают такую круговерть, что турист не успевает от них увертываться.

Нехотя турист лезет в карман. Покупает первое, что сует ему в руки самый настырный из мальчишек.

Исчезают ребята так же внезапно, как и появились. Озадаченный турист вытирает с лица пот, вертит в руках покупку — браслет из слоновой кости.

Браслет ничего, симпатичный, только вот потрескался кое-где... Если бы знал, что за свою покупку он вдвое переплатил бойким торговцам, не раз чертыхнулся бы. Но турист не знает, а потому успокаивается и идет дальше. И не подозревает, что через 20—30 метров будет атакован мальчишками. Но уже другими. А предложат ему какой-нибудь перстень с сомнительным изумрудом или эбонитовую фигурку слона, от которой пахнет гуталином...

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ ЗАМБИИ

Медный пояс — такое же знаменитое в Африке место, как Рур и Си-

¹ К в а ч а — денежная единица в Замбии. 1 квача равна примерно 1 рублю.

лезия в Западной Европе или Детройт в Северной Америке. Медный пояс — это индустриальное сердце Замбии.

Рассказывают, что много лет назад на месте нынешних рудников, заводов и городов Медного пояса простиралась дикая саванна. Тысячи антилоп, стада слонов и жирафов, полчища львов, шакалов, носорогов топтали эти земли.

Отменное место было для охоты.

Однажды один из охотников остановился на привал у подножия какого-то холма. Его внимание привлекли лежащие повсюду камни с золотистыми искрами. «Не золото ли это?» — подумал охотник. Он захватил камни с собой и показал их знакомому геологу.

Камни оказались не менее ценным минералом, чем золото, — медным концентратом.

Именно так, утверждают, в начале нынешнего века, в гряде холмов, протянувшихся с севера на юг на 200 километров, было обнаружено месторождение медной руды. Гряды та будто пояс охватывала Замбию в средней, самой узкой ее части. Отсюда и пошло название Медный пояс.

А на месте того холма, где удачливый охотник нашел руду, вырос город Ндола.

Теперь это главный город провинции Коппербелтх.

Много примет у Медного пояса, по которым сразу отличишь этот район от любого другого в Замбии.

Вот, например, воздух. Воздух здесь совсем не тот, что в остальных провинциях. Едкий, горький, каким и положено ему быть при таком скоплении металлургических заводов! Один мой знакомый, впервые попав в Медный пояс, сказал: «Я однажды смогил лыжи в бане, так чуть не угорел... Ваш Медный пояс — та же баня, только лыжи здесь смолят тыщи людей!»

А вот другая примета — грузовики. Огромные двадцатитонки, день и ночь спящие из карьеров на медеплавильные заводы. Будто муравьи ползут они по дорогам Медного пояса, перенося на своих спинах горы медной руды. Когда встретишь такой грузовик в Замбии — на проселке или бетонной автостраде, — знай: ты вступил во владения его величества Медного пояса.

ПАРАД АЛЮМИНИЕВЫХ ВЕЛОСИПЕДОВ

Лишь только минуешь город Кабве по автостраде Лусака — Ндола, по обе стороны от шоссе начинают попадаться рядки велосипедов.

Велосипеды необычные. Сделаны они из алюминиевой проволоки. На десятки метров тянутся иногда «стоянки» алюминиевых велосипедов — от крошечных, размером со спичечный коробок, до великанов, которые вполне бы мог «оседлать» 5—6-летний ребенок. Только ездить на таких велосипедах нельзя. Не рассчитаны они на езду.

Появившись впервые лет десять назад, алюминиевые велосипеды понравились туристам.

Сейчас они стали такими же традиционными сувенирами, как поделки из меди. Нигде, кроме Замбии, не делают в Африке алюминиевых велосипедов.

Ну а в Замбии велосипедных дел мастера живут в Медном поясе. Алюминиевые велосипеды тоже примета Медного пояса.

...На окраине Ндолы у самой автострады притулилась хибарка, слепленная из кусков картона, жести и фанеры. Хибарка — мастерская братьев Лонгу — Кеннета и Матулы. Они делают велосипеды. И продают их здесь же. Недорого продают. За 5—6 квач можно купить целое семейство алюминиевых безделушек разной величины и формы.

Братьям Лонгу по 13 лет. Они близнецы, учатся в школе во втором классе. После уроков бегут сюда, в мастерскую. Делать велосипедики их научил отец. Раньше, когда отец был безработным, только и жили этими сувенирами. Два года назад отец получил работу и велосипедное производство целиком перешло в руки Кеннета и Матулы. Можно ли прожить без велосипедиков? Можно, конечно. Но не такая уж богатая семья Лонгу, чтобы отказаться от дополнительного заработка. У Кеннета и Матулы четыре сестры. Старшая скоро пойдет в школу, а значит, и расходов прибавится.

Обычно велосипедные мастера не посвящают посторонних в тайны своего ремесла. Но я так настойчиво просил Кеннета и Матулу, что мальчишки сдались. Правда, взяли с меня клятву, что сам я никогда не буду делать велосипедики по их методу.

В мастерской-хибарке прохладно. В углу на земляном полу мотки проволоки и резины. Посреди мастерской — стол и две табуретки. На столе железные тиски, молоток, плоскогубцы, обрезки проволоки, кусок водопроводной трубы.

Вот и все хозяйство.

Здесь Кеннет мастерит колеса и багажник, Матула — руль, раму, педали.

Велосипедик хоть и маленький, но должен повторять все детали настоящего велосипеда.

— А тормоз у вашей машины есть?

— Есть, — кивает Кеннет. — Вот тросик, колодка, рычажок.

— И насос есть?

Братья переглаживают.

— Нет, насоса нет.

Я улыбаюсь.

— Про насос мы, пожалуй, забыли, сэр, — говорит Кеннет и хитро смотрит на меня, — но покупатели насос не спрашивают. Наверно, без него обходятся.

Возле мастерской тормозит зеленый «фиат».

Кеннет и Матула оживляются: покупатель приехал.

Покупатель, высокий тучный замбиец, осматривает велосипедики. Выбирает два. Долго не может решить, какому отдать предпочтение. Покупает оба.

— Сыну подарок на день рождения. Давно просил... — говорит мне владелец «фиата». — И обязательно просил купить из тех, что у Ндолы. Ндольские велосипеды — самый шик!

Покупатель уезжает.

— Не надоело одно и то же мастерить каждый день? — спрашиваю у братьев.

— Почему одно и то же?! — удивляется Матула. — Мы делаем разные модели. Сейчас, например, туристские. Недавно закончили серию детских, трехколесных. А скоро возьмемся за гоночные. Специально для любителей велоспорта!

МИР ТВОЕМУ ДОМУ

Люди здороваются по-разному. Одни пожимают друг другу руки,

другие обходятся кивком головы, третьи вскрикивают что-то вроде «Привет!» или «Салют!», четвертые хлопают по плечу, пятые... В общем, культа из приветствия мы не делаем. Здравствуемся как придется.

В Африке все наоборот.

В Африке приветствия — это целый ритуал.

Своя процедура «здорования» у чиновника с подчиненными, у человека имущего с бедняком, у мужчины с женщиной, у детей...

Посмотришь иногда, как здоровается замбиец, и многое о нем узнаешь.

Жаркий полдень. По обе стороны от шоссе снуют люди.

Полная женщина в ярко-красной одежде не спеша возвращается с базара домой. На спине посапывает подвязанный полотенцем малыш. На голове — плетеная корзина с покупками.

Вдруг женщина останавливается, подгибает колени и начинает прихлопывать в ладоши. На лице — радостное удивление.

Метрах в десяти от нее, по другую сторону шоссе, таким же манером подогнул колени худой длинноногий мужчина. В костюме, при галстукке, в шляпе. Хлопки его звонче и энергичнее, на потном лице — и радость, и удивление, и почитание вместе.

— Здорова ли тетушка Эльза? — спрашивает женщина, не ослабляя хлопков.

— Да, здорова.

— А сестра ее?

— Слава богу.

— А дочь у сестры, Маргарита?

— И дочь здорова.

— А муж у сестры?

— Здоров муж.

— А брат его, тот, что в Муфундире живет?

— И брат здоров. Женился недавно.

— Э-э?!

Корзина на голове женщины качнулась, но она ловко выравнивает ее...

Мимо проносятся автомобили, бредут люди. Голоса, шум, гудки сливаются в басовую ноту. Но эти двое ухитряются расслышать друг друга, и никакого дела им нет до уличной суеты.

Настал черед мужчины спрашивать.

Родственников у женщины оказалось тридцать! Всем им мужчина передал привет.

Хлопки, как по команде, слабеют. Мужчина и женщина выпрямляются.

— Мир твоему дому! — говорит мужчина.

— И твоему дому мир! — отвечает женщина.

Приветствие закончено.

Всяк идет дальше в своем направлении.

Из разговора я понял, что мужчина служит курьером в городском совете. Зато женщина — жена вождя селения Мутенья, откуда родом мужчина.

А вождь и его жена — люди почитаемые в провинции. Потому так подобострастно здоровался мужчина, потому так звонко прихлопывал в ладоши...

Чуть поодаль здороваются двое подростков.

Сначала пожимают друг другу ладони, потом большие пальцы рук и снова ладони. Лица серьезные. Наверное, ребята знакомы давно, ведь пожимание большого пальца — знак особого доверия к человеку.

На автобусной остановке здороваются два старичка, увешанных узлами и корзинками. Осыпают друг друга вопросами о здоровье родственников, желают благополучия и... пристукивают по груди сухонькими шоколадными кулачками.

«НЕТ ЛИ РАБОТЫ, СЭР?»

Этот вопрос я слышу каждое утро. Каждое утро в любую погоду нашу улицу обходят двое босоногих мальчишек лет тринадцати-четырнадцати и спрашивают одно и то же: «Нет ли работы?» Получив отказ, идут к другому дому, стучат в дверь...

Их все знают. К ним давно привыкли. Зовут мальчишек Пит и Грег. На них — шорты лилового цвета и футболки, рваные и застиранные. Мальчишки приходят в наш городок издалека и весь день бродят в поисках работы. Авань повезет.

Но везет редко. У людей с достатком есть садовники, а бедняк в хозяйстве обходится собственными руками. От случая к случаю Питу и Грегу перепадает вскопать чей-нибудь огород, выстирать белье или выкосить траву вокруг дома. Заработка едва хватает на хлеб.

В каждом бомо¹ найдутся десятки таких мальчишек. За несколько квач в неделю они согласны на любую работу. Даже на грязную и муторную, от которой откажется взрослый. Ничего не поделаешь: нужда.

В замбийских семьях по шесть—восемь детей. Как прокормить такую ораву? Хорошо, если глава семейства работает. А если нет? Если он болен, калека или безработный?

Вот и приходится старшим детям подрабатывать, а иногда просто выпрашивать милостыню.

НШИМА

— А ншиму вы умеете готовить? — спросил меня однажды учитель-замбиец Готфрид Гондве, когда мы шли с ним из школы домой.

¹ Так называют замбийцы провинциальные города.

Увы, прожив в Солвези полгода, я не только не умел готовить — не пробовал ншими! Хотя наслышан был о ней немало.

Гондве даже расстроился, выслушав мои путанные оправдания.

— Это же известное блюдо! Да ншимой половина Африки питается, представляете? Неужели вам неинтересно?..

— Интересно, конечно, — горячо уверил я Готфрида.

— Раз так, приглашаю ответить! — обрадовался он. — Идемте ко мне. На ншиму!

Гондве жил с 12-летним братом Фредом, учеником нашей школы.

— А ну-ка, Фред, свари нам ншиму, — распорядился Готфрид, лишь только мы переступили порог его дома. — Да покажи гостю, как все это делается...

Во многих замбийских семьях дети слышат отменными поварами, потому я не удивился просьбе Гондве-старшего. Пристроившись на табуретке в углу кухни, я стал наблюдать за Фредом.

Фред принес большую кастрюлю, налил в нее воды и поставил на плиту. Пока закипала вода, он вытащил из кладовой пакет с кукурузной мукой и просеял муку над столом. На пакете стояла надпись синими буквами: «Мили-Мили». Кукурузную муку можно купить во всех здешних магазинах, в разной упаковке. Но особо ценится вот такая, в бумажных пакетах с синей надписью. Лучшего, как я понял, помола.

МИНИ-СЛОНЫ

О негритянских племенах пигмеев, которые живут в джунглях Центральной Экваториальной Африки, ученым давно известно. Но вот что в тех краях обитают карликовые представители фауны, удалось установить только теперь одной из зоологических экспедиций.

— Самое главное — хорошо размешать ншиму, — пояснил Фред. — И остудить надо умело...

Вода закипела. Фред смахнул со стола в алюминиевую кружку муку и медленно высыпал ее в кипяток, непрерывно помешивая варевое деревянной ложкой. Затем снял кастрюлю с огня, добавил в получившуюся кашу немного растительного масла и снова стал помешивать.

Белую, укутанную паром массу Фред вывалил на блюдо и вынес во двор в тень. Охлаждаться.

Здесь у него был свой ритуал. Фред ходил вокруг блюда и непрерывно обмахивал его полотенцем. Каша таким образом охлаждалась и затвердела равномерно.

Наконец ншима готова. Созрела, как сказал Фред. Он нарезал ее большими белыми кусками и разложил по тарелкам. Сверху в каждую тарелку положил помидоры, лук, укроп, петрушку и все это обильно полил жутко острым соусом пири-пири, от которого через минуту у меня ручьем потекли слезы.

Но это еще полбеды!

Когда я поднялся из-за стола, то почувствовал такую тяжесть в желудке, будто его загнували. Будто я проглотил в один присест кило сырого теста...

Прощаясь и глядя на мое кислое лицо, Фред засмеялся. А мне, признаться, было не до смеха. Только к вечеру следующего дня я пришел в себя.

Но это с непривычки, конечно.

Исследователи обнаружили в джунглях стадо слонов-пигмеев, ранее совершенно не известных науке. Рост самого крупного из них — 74 сантиметра. Вес около 60 килограммов.

До этого времени считалось, что зоологами изучены все виды слонов: азиатские, цейлонские и африканские.

И. Труфанов

ГИГАНТ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ

В Западной Африке, в бассейне нижнего течения реки Нигер, лежит Нигерия— самая крупная по численности населения африканская страна. Нигерия—это зелень влажных тропических лесов, мангровые заросли и опустыненные саванны, масляные пальмы и развесистые баобабы. Это вулканические конусы обширного плато, голубая даль Атлантического океана, уникальные памятники человеческой цивилизации. Это легенды и мифы, бесценные древности, созданные народами этой страны.

1 октября 1960 года в нигерийских городах и сельской местности царил приподнятое праздничное настроение. Под громкие звуки барабанов тамтамы люди пели и танцевали, их лица озарялись улыбками, а на ярких разноцветных одеждах часто мелькали написанные крупными буквами слова: «Независимость», «Мир», «Процветание».

В тот день Нигерия — бывшая британская колония, — став свободной, вошла в семью равноправных стран Африканского континента. В ее столице — Лагосе высоко в небо взметнулся бело-зеленый флаг ново-

го суверенного государства. И это было символично. Независимая Нигерия как бы подвела окончательную черту под 1960 годом, вошедшим в историю человечества как год Африки.

С тех пор прошло двадцать пять лет. За этот период Федеративная Республика Нигерия прошла большой и сложный путь.

Нигерию называют гигантом Тропической Африки. В этой стране сформировался самый многочисленный на Африканском континенте рабочий класс, идущий во главе всех революционных преобразований.

Нигерия, площадь которой составляет 924 тысячи квадратных километров, расположена в тропической зоне, в бассейне нижнего течения реки Нигер.

Ее северная оконечность проходит у южного края пустыни Сахары, а южная близко подходит к экватору. На западе и севере ее граница соприкасается с государствами Бенин и Нигер, на северо-востоке и востоке — с Республикой Чад и Объединенной Республикой Камерун, а на юге она омывается водами Гвинейского залива.

Еще в древнейшие времена Нигерия была местом обитания человека. В конце 1-го — начале 2-го тысячелетия нашей эры на ее территории появились государства, достигшие высокого уровня развития. Населяющие их народы обрабатывали медь, олово, железо и золото, вели оживленную торговлю с соседними странами. Большую известность тогда получило «бронзовое» литье в таких городах, как Бенин и Ифе. Специалисты утверждают, что фигуры и скульптуры, отлитые в этих городах, достойны сравнения со знаменитыми древнегреческими произведениями. Нигерию по праву называют страной легенд и сказаний. В ней действительно можно услышать много преданий глубокой старины одно увлекательнее другого, увидеть неповторимые памятники, пережившие века, — молчаливых свидетелей расцвета или упадка культуры, сложной судьбы народа.

В 1472 году в устье реки Бенин высадились португальцы и основали там факторию. Затем на страну одна за другой как волны накатывались другие экспедиции «первооткрывателей» — англичан. В годы работорговли за людьми там охотились, как за дикими животными. Побережье нынешней Нигерии обезлюдело, получив печальное название Невольничий Берег. В 1914 году было официально объявлено о снятии северного и южного протекторатов, и с этого времени политический контроль Великобритании был закреплен во всей Нигерии.

Население Нигерии не примирялось с иноземным господством. Национально-освободительное движение приняло особенно широкий размах после Великой Октябрьской социалистической революции, указавшей путь к свободе всем народам, находившимся под колониальным игом. Многолетняя борьба нигерийцев за политическое освобождение

увенчалась успехом. В 1960 году Нигерия стала политически независимой. Однако на пути самостоятельного развития Нигерия вновь столкнулась с противодействием империалистических сил.

В 1967 году подстрекаемые крупными империалистическими государствами восточно-нигерийские сепаратисты заявили об отделении от Нигерии и даже провозгласили так называемую республику Биафра. Началась изнурительная междоусобная война, продолжавшаяся два с половиной года и стоившая более миллиона жизней. Советский Союз, опираясь на свой огромный международный авторитет, способствовал прекращению братоубийственной гражданской войны в Нигерии. Нигерийскому народу удалось сохранить единство страны, и он смог приступить к ее преобразованию.

«ОДНА СТРАНА — ОДНА СУДЬБА»

Сейчас численность населения Нигерии перевалила за 100 миллионов человек. В стране насчитывается около 200 национальностей, народностей и племен, говорящих более чем на 200 различных языках и диалектах. На севере живут народности хауса, фульбе, канури и тив, а на юге — йоруба, эдо, ибо, эфик, ибибио и иджо. Свыше 60 процентов нигерийцев говорят на языках хауса, йоруба, ибо, но государственным языком является английский. Такой пестрый этнический состав населения Нигерии определил ее федеративное устройство. Республика состоит из 19 штатов.

Патриотические силы Нигерии прилагают усилия к тому, чтобы сплотить все народы страны, защитить территориальную целостность республики, создать необходимые условия для хозяйственного и культурного строительства. Они выдвинули отвечающий интересам каждого нигерийского трудящегося лозунг: «Одна страна — одна судьба».

Природа наделила Нигерию большими богатствами, плодородными землями, солнцем и теплом. В ее недрах таятся природный газ, олово, железная руда, каменный уголь, уран, марганец, свинец, цинк... Но главным ее богатством является нефть, по добычке которой она выдвинулась на одно из первых мест в мире.

Начиная с 1970 года, то есть с момента окончания гражданской войны, большое внимание уделяется политике деколонизации, модернизации экономики страны. Строятся металлургические, нефтеперерабатывающие и нефтехимические предприятия.

Усиленная добыча нефти привела к упадку не связанных с нею отраслей народного хозяйства. В особенно трудном положении оказалось сельское хозяйство. Когда-то Нигерия обеспечивала себя полностью продовольствием, но затем ей пришлось ввозить многие продукты питания. Вот почему в стране развернулась кампания под лозунгом: «Сами кормим себя».

Ее суть состоит в осуществлении «зеленой революции», то есть созда-

нии такого сельскохозяйственного производства, продукция которого могла бы обеспечить население собственными продуктами питания. В Нигерии распространены такие продовольственные культуры, как ямс, маниока, сорго и просо, кукуруза и бобовые (фасоль, бобы, горох), сахарный тростник и тропические фрукты, потребляемые в самой стране. Кроме того, возделываются культуры, вывозимые за границу: масличная пальма, какао и земляной орех. В значительных количествах также экспортируется хлопок, каучук и кунжут. Некоторые районы Нигерии могут быть использованы для животноводства. В прибрежных районах вылавливаются морские и пресноводные рыбы.

Для многих районов Нигерии характерна одна общая черта — быстрое обновление. Особенно это

свойственно для нигерийской столицы — Лагоса. Он отличается стремительным темпом жизни, в его центре красочно и нарядно выглядят витрины универмагов, поднялись ультрасовременные здания, соседствующие с убожеством окраин, строятся великолепные автомагистрали. Днем и ночью не снижается трудовое напряжение в его морском порту. Могучие шен кранов без усталости склоняются к трюмам сухогрузов, глухо гудят насосы, перекачивающие нефть из хранилищ в танкеры, снуют автопогрузчики.

В наше время одной из самых важных задач всего человечества является сохранение мира на земле, предотвращение новой мировой войны. И в этом вопросе Нигерия поддерживает усилия СССР, направленные на благородное дело упрочения безопасности всех народов нашей планеты.

В проводимой ею внешней политике выражен миролюбивый курс, она выступает на стороне народов юга Африки, борющихся за искоренение расизма и национального угнетения, за ликвидацию остатков колониализма.

При техническом содействии Советского Союза в Нигерии был пущен в эксплуатацию трубопровод протяженностью более 900 километ-

ров, предназначенный для транспортировки нефти и нефтепродуктов. Успешно реализуется соглашение о строительстве крупнейшего в Тропической Африке металлургического завода в районе города Адажакута.

В советских высших учебных заведениях получили образование свыше 1000 молодых нигерийцев. Они стали высококвалифицированными специалистами в различных сферах народного хозяйства, науки и культуры и приносят сейчас своей родине большую пользу.

Опыт нашей страны, накопленный в процессе коммунистического строительства, оказывает большое влияние на сознание трудящихся Нигерии. Генеральный секретарь Центрального Комитета Социалистической партии трудящихся Нигерии Ибидано Фатогун, выступая на XXVI съезде КПСС, сказал: «Наша партия разъясняет массам, что единственный путь к процветанию народа и государства — это социалистический путь развития. Свидетельством правильности этого пути служат славная история КПСС и замечательные успехи Советского Союза».

За четверть века в этой стране произошли события, открывшие широкую перспективу социального и экономического прогресса. Дующие над Нигерией ветры перемен свидетельствуют о росте национального сознания ее населения, о его крепнущей решимости идти по пути подлинно независимого развития.

СФИНКС ТЕРЯЕТ ГОЛОВУ

Гигантский каменный сфинкс у подножия известной египетской пирамиды тяжело болен и нуждается в серьезном лечении. Специалисты обнаружили, что в результате постоянной эрозии более всего пострадала шея сфин-

кса. Если этот процесс не приостановить, то сфинкс потеряет голову.

Кроме того, корпус огромной статуи пропитывается влагой из почвы, и ему тоже угрожает разрушение. Чтобы спасти уникальный памятник, необходимо участие ученых из многих стран.

А. Дридзо

У ПОДНОЖИЯ БОЛЬШОГО ПИТОНА

Спросите любого школьника: что он знает о Карибском море?

«Странный вопрос, — услышите вы в ответ. — Там же находится Куба!»

Верно. Но Куба не единственный остров в голубых карибских водах. Она принадлежит к группе Больших Антильских островов, сюда входят еще Гаити, Ямайка, Пуэрто-Рико.

Но раз есть Большие Антилы, то, наверное, есть и Малые?

Естественно. Именно они — самые многочисленные.

Чтобы убедиться в этом, попробуем выяснить, сколько же всего островов в архипелаге.

Тут возможны два ответа. Если считать только обитаемые острова, то их в Вест-Индии чуть больше четырех десятков. А если брать в расчет и те, где никто не живет, включая самые маленькие, то эту цифру придется увеличить. И на много — до 7 тысяч.

Так вот, из сорока с лишним обитаемых островов на долю Малых Антил приходится тридцать шесть, а из всех 7 тысяч островов, островов, скалистых утесов, еле заметных

на поверхности моря, — почти... 7 тысяч.

А теперь внимательно взглянем в карту.

С востока Карибское море замыкает довольно густая цепочка островов. Выгибаясь, как туго натянутый лук, тянется она от Пуэрто-Рико к северным берегам Южной Америки. Это и есть Малые Антильские, точнее, часть их — Наветренные острова. Еще одно название, требующее пояснения...

Антилы были открыты и колонизованы задолго до появления паровых судов. А для парусников главное было поймать попутный ветер. Отсюда и название «наветренный», то есть расположенный там, откуда дует ветер. И второе — «подветренный», то есть находящийся там, куда он дует. Подветренными островами назвали северную часть той островной цепочки, о которой мы говорим. Наветренными — южную.

Однако любой моряк вам скажет, что ветры-то в этих водах северо-восточные и восточные. А первый же взгляд на карту покажет, что острова расположены совсем не так.

Ошибка? Но неужели моряки «парусных времен» не понимали, откуда ветер дует?

Понимали, конечно, иначе не было бы им пути. Но для них был важен не просто ветер и даже не просто попутный ветер. Важно было, чтобы дул он туда, куда лежит их дорога. Были направления, которые моряков не интересовали. И были другие, имевшие самое большое значение.

Главной английской колонией в этих водах был остров Барбадос. Вот потому-то северная часть Малых Антил и стала «подветренной»: она находится там, *куда* дует ветер от Барбадоса. А южная? Она там, *откуда* дует ветер к матерiku Южной Америки.

Эти названия долгое время не сходили с карт, хотя всем давно уже было известно, насколько они ошибочны. И только недавно картографы решились все-таки внести исправления.

Наветренной стала как раз вся та цепочка, о которой мы говорим, а Подветренными остались только острова у побережья Венесуэлы — Аруба, Кюрасао, Бонайре и некоторые другие.

Лучше всего Малые Антилы знают, наверно, филателисты. На каждом из этих островов ежегодно выпускаются новые и новые серии марок. Чего только нет на этих марках — раковины, пальмы, тропические пейзажи, многоцветные флаги. И карты островов, потому что их не так легко отыскать не только в учебном атласе, но и в самых подробных картографических изданиях. А если и отыщешь какую-нибудь крохотную точку в морских просторах, то уж никаких подробностей на этой точке не разглядишь: для них просто не нашлось места.

А островов этих немало. Мартиника и Гваделупа, например, принадле-

жат Франции (и официально даже называются не колониями ее, а «заморскими департаментами»), Кюрасао, Аруба, Бонайре, Саба, Синт-Эустатиус и половина острова Синт-Маартен—Нидерландам. Остальные были колониями Англии, но большая часть их уже добилась независимости: Барбадос — еще в 1966 году, Доминика, Сент-Люсия и государство Сент-Винсент и Гренадины — в 1979 году, государство Антигуа и Барбуда — в 1981 году, а самое молодое — Сент-Кристофер и Невис — в 1983 году.

Об одном из них — Сент-Люсии — и пойдет у нас речь сегодня.

Прежде всего — снова к карте.

Самый южный из Наветренных островов — Гренада. На северо-восток от нее уходит в море цепочка совсем мелких островков — Гренадины. За ними остров побольше — Сент-Винсент. А следующий — тот, который нам нужен: Сент-Люсия. Некоторые считают, что в известном смысле ему не повезло. Почти о каждом острове Вест-Индии можно точно сказать, когда, как и при каких обстоятельствах он был открыт. Как и большинство Антил, Мартинику открыл Колумб 15 июня 1502 года во время своего четвертого путешествия. А Сент-Люсию он почему-то обошел... Правда, там надеются, что Колумб и его спутники могли с Мартиники через неширокий пролив хотя бы увидеть соседний остров.

Зато в другом плане Сент-Люсии, видимо, принадлежит вест-индский, а может быть, и не только вест-индский рекорд. За два века — XVII и XVIII — этот остров переходил из рук в руки, по одним подсчетам, десять, а по другим — даже четырнадцать раз! Испанцев быстро вытеснили оттуда англичане, и дальнейшая борьба за остров происходила между ними и французами; появлялись здесь и голландцы,

но им Сент-Люсию не удалось захватить ни разу.

Однако захватчикам пришлось сражаться не только между собой. У них был еще один, и грозный, противник — местные индейцы карибы, которые отчаянно защищали свою свободу. Иногда они применяли не только луки, стрелы, копья, дубинки и мечи, но и другое оружие. В 1641 году, например, карибы разожгли костры у стен британского форта, а когда огонь разгорелся, щедро сдобрили его черным перцем. Обрушившееся на англичан ядовитое облако заставило их поспешно покинуть остров.

К концу XVIII века, однако, сопротивление индейцев было сломлено и остатки их истреблены.

Колонизаторы завели на острове плантации сахарного тростника, а для работы на них начали ввозить рабов из Африки. Довольно скоро африканцы и их потомки составили большинство населения Сент-Люсии. Такое положение сохранилось и до сих пор.

Большую часть рабов ввезли в годы французского владычества. Именно тогда на карте острова появилось множество французских названий. Французский язык сохранился как разговорный и после окончательного перехода Сент-Люсии к англичанам в 1803 году. Плантаторы говорили на литературном французском, негры постепенно перешли на местный его диалект; на Сент-Люсии и ряде соседних островов он называется «патуа» (по-французски «наречие»). Этот диалект также сохранился по сей день, хотя уже скоро двести лет официальный язык здесь английский и в школах учат только по-английски (по радио, правда, есть и французские передачи). Дома, на улице, на рынке — везде, где местные жители общаются друг с другом, даже и в наше время почти все они говорят на патуа, а еще недавно при

колониальной администрации были даже переводчики с этого диалекта на английский (и с английского — на диалект).

На патуа звучат и сказки негров Сент-Люсии. Многие в них напоминают народное творчество африканцев. И действуют в этих сказках часто такие животные, которых на островах Вест-Индии нет и никогда не было. Недавно в нашей стране вышло новое издание «Сказок дядюшки Римуса» американского писателя Джозеля Харриса. Сказки негров Сент-Люсии очень на них похожи. Это неудивительно: и те, и другие были созданы рабами-африканцами, не забывшими в далекой Америке фольклора своих предков...

Таково прошлое Сент-Люсии. А разговор о настоящем лучше, пожалуй, начать с цифр.

Итак: площадь 616 квадратных километров. Не 616 тысяч и не 6016,

а просто 616. Не стоит спрашивать, много это или мало. Но попробуем сравнить эту площадь с чем-нибудь, что нам уже известно.

Вряд ли найдется много государств, которые были бы еще меньше. Впрочем, в Вест-Индии такие острова есть. Но Вест-Индия далеко, а вот если взять Европу...

Ну и что же, не только Монако или Сан-Марино, но и более крупные маленькие страны уступают Сент-Люсии по площади: Мальта вдвое меньше ее, Лихтенштейн — даже втрое, а Андорра — на добрую сотню квадратных километров.

Но может быть, лучше взять для сравнения что-нибудь понагляднее? Скажем, площадь нашего города — Ленинграда. Она вдвое больше, чем территория острова, о котором мы говорим!

Что же можно увидеть на этом островке, если наше путешествие

по нему ограничено его длиной — примерно 43,5 километра, а в самой широкой своей части он не «толще» 22,5 километра. Вспомните, что наши пригородные электрички проходят эти расстояния меньше чем за час и полчаса.

У меня на столе лежат несколько книг о Вест-Индии. Это рассказы о путешествиях по ее островам. На множестве фотографий сияет синевой антильское небо, сверкают голубые воды Карибского моря, всеми оттенками зеленого переливаются леса, парки, сады. Горы, причудливо изрезанные берега, золото пляжей, сохранившиеся старинные здания... Вест-Индия очень красива, этими фотографиями можно любоваться без конца. Но прочитайте подписи под ними — и вы узнаете: самый живописный остров на Антилах — это Сент-Люсия.

Вот как сказано о нем в одной из этих книг: «Обрывистые склоны густо разветвленных гор и холмов, и кое-где сады — признак цивилизации, и аромат постоянно меняющегося бриза, что овеивает прохладой столицу...»

Как и многие соседние острова, Сент-Люсия — вулканического происхождения. Покрытый лесами горный хребет пересекает ее наискось. Отроги этого хребта во всех направлениях тянутся к морю. Но на юго-западе картина меняется. Здесь, у самого берега, путешественников встречают два конических пика — Большой и Малый Питон. Высота Малого приближается к 75 метрам, Большой — чуть повыше. Эти горы тоже обязаны своим происхождением вулканической деятельности. Под камнями на Питонах прячутся ядовитые копьеголовые змеи.

Сохранился рассказ о попытке английской воинской части подняться на один из Питонов. Ни один солдат не вернулся назад: укус копьеголовой змеи смертельно опасен

для тех, кто не знает, как его обезвредить. Это, конечно, знали карибы: они рассекали укушенное место зубом грызуна агути и затем высасывали яд, — но вряд ли они делились с врагами своими секретами...

Копьеголовые змеи водятся на Сент-Люсии повсюду, и, что бы ни предпринимал человек для борьбы с ними, результаты были незначительны. Не помогло и объявленное в начале XIX века вознаграждение за каждую убитую змею. Тогда решили ввезти из Южной Америки пару птиц-секретарей, которые питаются змеями. Однако они не прижились на Сент-Люсии и вскоре погибли.

У английского писателя Р. Киплинга есть рассказ «Рикки-Тикки-Тави». Герой его — мангуст — хищный зверек, известный как истребитель змей. И лет сто двадцать назад на Сент-Люсию завезли мангустов. Но оказалось, что зверьки эти питаются крысами и другими грызунами, ящерицами, мелкими птичками, очень не прочь полакомиться курятиной... А змеи? Ну, если ядовитая змея нападет на мангуста, тот, конечно, станет защищаться.

В общем, пришлось задуматься над тем, как бороться не только со змеями, но и с мангустами.

А лет пятнадцать назад специалисты выяснили, что копьеголовые змеи острова, оказывается, встречаются только на Сент-Люсии и больше нигде. Раньше считалось, что они такие же, как на соседней Мартинике, но оказалось, что нет. Сыворотка, помогающая от укусов martinikских змей, не помогает укушенным змеей с Сент-Люсии. Да и окраска у них не совсем одинаковая...

Так что не будем подниматься ни на тот, ни на другой Питон, а прицелим к берегу как раз у подножия Большого. Здесь, у залитого морем кратера давно потухшего вулкана, раскинулась столица государства — город и порт Кастри. И здесь встре-

тят нас герб независимой Сент-Люсии с девизом «Надежная гавань для кораблей» и ее флаг. Поле этого флага — голубое, оно символизирует Карибское море. На голубом поле — три треугольника: золотой, напоминающий о солнце Антильских островов, и еще два — черный и белый. Они говорят о том, что большинство 125-тысячного населения Сент-Люсии — потомки африканцев, но есть и жители, чьи предки были из Европы. А по форме своей эти два треугольника напоминают Большой и Малый Питоны.

Кастри — небольшой городок (около 40 тысяч населения), однако на Сент-Люсии это крупнейший центр — экономический, политический, культурный... но не архитектурный: старых зданий здесь практически не осталось. Последние из них уничтожены пожарами 1927-го, 1948-го, 1951 годов. Самым страшным был пожар 1948 года, обративший в пепел четыре пятых столицы. Восстанавливался город по амери-

канским образцам и своеобразие, как считают те, кто в нем побывал до пожаров последних десятилетий, безвозвратно утратил. Можно, пожалуй, сделать здесь только две оговорки: во-первых, трущобы — неременная принадлежность вест-индского (и не только вест-индского) капиталистического города — возрождались после каждой катастрофы и сохраняются до сих пор. Во-вторых же...

Центральную площадь Кастри украшает гигантское дерево. С востока на запад крона его простирается более чем на 10 метров, с севера на юг — почти на 8. Существует рассказ, как только что приехавший на остров англичанин остановил проходившего мимо негра и спросил, указывая на это дерево: «Как оно называется?» Негр не понимал английского, он говорил только на патуа. На этом диалекте он и ответил: «Массав» — «Не понимаю». Англичанин вернулся домой и там опубликовал статью о... «дереве массав».

Это название сохраняется до сих пор...

Но что же это за дерево на самом деле? Ботаники знают его под индейским названием «саман». Оно растет по всей Латинской Америке, от Мексики до Бразилии. Что крона у самана очень велика, мы уже знаем. Его часто высаживают на плантациях, чтобы деревья кофе и какао росли в тени.

Не надо думать, что небольшая площадь острова позволит быстро и легко весь его обойти или даже объехать. Отроги главного хребта длинными пальцами тянутся к берегу, преграждая путь машине, а кое-где даже и человеку; в гористой «глубинке» острова есть места, куда может пробраться лишь опытный скалолаз, а есть и такие, куда пока никто еще не сумел проникнуть!

Мы уже знаем, что Сент-Люсия — вулканический остров. Но можно ли увидеть на нем вулкан?

Вполне. Для этого даже не надо удаляться от столицы. У подножия одного из Питонов расположен небольшой городок Суфриер (на некоторых соседних островах, например на Сент-Винсенте, тоже есть вулканы того же названия), а вулкан (того же имени) находится непосредственно за его окраиной. Название это говорит само за себя: в переводе с французского «сернистый». Действительно, кратер Суфриера покрыт отложениями серы. Здесь непрерывно хлопочет во множестве источников сернистая вода; а время от времени в воздух вздымается фонтан этой воды, и запах она имеет такой, что можно и задохнуться. Расположенные поблизости сероводородные источники имеют лечебное значение.

Островитяне гордятся своим вулканом. Они уверяют, что кратер его так низок, что до него можно доехать на машине. Это правда. Но правда ли то, что Суфриер в этом смысле единственный в мире, как считают

на острове? Нет. Около Неаполя тоже есть вулкан — Сальваторе ди Паччиоли, — до которого можно добраться подобным образом. Он к тому же намного больше Суфриера. Но вот в Вест-Индии (да, пожалуй, и во всей Америке) у сент-люсийского вулкана соперников, действительно, нет.

Почвы острова плодородны, климат благодатный. Его иногда называют жемчужиной Антил, зеленым раем. Вот несколько строк из рассказа путешественника, не так давно посетившего Сент-Люсию. Отправившись в гости к знакомому плантатору, он «подошел к рабочему, втыкавшему в землю палки там, где в из-

городи из цветущих деревьев были пустые места. Рядом с ярко-зелеными листьями и бледно-розовыми цветами эти палки выглядели жалкими и голыми. «Успокойтесь, — сказал плантатор. — Это глирисидия. Надо только отрезать от нее ветку, заострить конец, воткнуть где хочешь в землю, и скоро появится чудесное цветущее дерево — или забор, если их посадить в ряд. Не пройдет и нескольких месяцев, как вы их не отличите от остальных».

Север и центр Сент-Люсии заполняют банановые и кокосовые плантации, выращивают здесь и кофе, и какао, и мускатный орех. Когда поспевают апельсины, ямс (это растение образует съедобные клубни до 50 килограммов), плоды хлебного дерева и, главное, манго, наступает то время года, которое здесь называют «время переворачивать горшки»: в пищу идут все эти дары тропиков, и ни варить, ни жарить многие из них не надо.

«Рай да и только, — умиляются туристы, щелкая фотоаппаратами. — Ведь все эти плоды и фрукты кушать так полезно...»

Конечно, не вредно. Но ими одними сыт не будешь. Нужно мясо, нужны жиры. Да и хлеб...

Главная отрасль экономики на Сент-Люсии — сельское хозяйство. А проще — остров живет на то, что выручит за свои бананы (они составляют 85 процентов вывоза). Их надо вырастить, дожидаться покупателя... А если цены на лондонском рынке вдруг пойдут вниз? А если неурожай? А ураган (кстати, даже само это слово, вошедшее во многие языки мира, происходит из языка вест-индских карибов — они называли это грозное явление природы «куракан»)? А если слишком большой урожай?..

Полезных ископаемых на острове нет. Заводов и фабрик (кроме занятых переработкой продуктов сель-

ского хозяйства) — тоже. Крестьяне идут в города — прежде всего в Кастри, — но там нет работы. Есть, правда, еще одна отрасль экономики — обслуживание туристов. Но и там много народу не требуется...

Жители рады любой работе, а те, кто эту работу могут им дать, стараются взять от них побольше, а заплатить поменьше.

Поэтому, когда наступает день вывоза бананов, когда за этим зеленым грузом в порт Кастри приходят суда, туда устремляется большая часть женского населения острова. Не надо только думать, что местные жительницы очень любопытны, что они никак не желают упустить интересное зрелище: как грузят бананы на подошедший пароход.

Все гораздо проще. Существует правило: с того момента, как гроздь бананов срезана на плантации, до того, как ее уложат в трюм-холодильник, должно пройти не более тридцати шести часов. К порту подгоняют грузовики, и между ними и пароходом, не останавливаясь, снуют грузчицы. Да, именно грузчицы: на Сент-Люсии грузят суда только женщины.

Когда подходит очередь, женщина приближается к открытому борту машины. Двое мужчин ставят ей на голову обернутую пластиком банановую гроздь, и она устремляется к сходням...

Путешественник-американец, впервые увидевший такую картину, обратился с вопросом к представителю английской фирмы, принимавшему бананы. Тот охотно все ему разъяснил:

«Судно принимает груз через четыре или пять люков, и женщины загружают в каждый по 1000-1200 гроздей в час. Каждая получает по 3 местных цента (меньше копейки. — А. Д.) за гроздь. За день они переносят на головы до тысячи тонн.

Это единственное место в Вест-Индии, где суда загружаются подоб-

ным образом. Так повелось, еще когда Кастри был важной угольной гаванью. Тогда женщины носили на борт в корзинах уголь. Работа это трудная, но женщина за несколько часов заработает здесь больше, чем на плантации за неделю».

Но если это трудная работа, а погрузить бананы надо быстро, то почему же не привлечь грузчиков-мужчин? И американский путешественник, и его британский собеседник хорошо понимали, каков ответ на этот вопрос. Он однозначен: мужчинам ведь надо платить дороже...

Как видим, стоит присмотреться к «зеленому раю», и жизнь в нем оказывается не такой уж райской. Вдумчивый наблюдатель заметит на улицах Кастри не только яркие тропические цветы и беззаботно смеющихся девушек, но и лачуги, которые, кажется, вот-вот рассыплются от первого же порыва ветра. Он, этот наблюдатель, обратит внимание и на молодых парней, сидящих весь день, прислонившись к стене

какого-нибудь дома. «Безработные», — ответят ему, если он спросит.

Много еще проблем у молодого, только что вступившего на путь независимости государства. Сент-Люсия больше не колония. Еще в 1967 году она добилась автономии, а в феврале 1979 года — независимости.

Однако к власти на острове пришли реакционные силы. Первое время они маскировались, но затем, установив тесные связи с США, открыто выступили в союзе с ними. Правительство Сент-Люсии запятнало себя активным участием в интервенции против революционной Гренады. Сент-Люсия становится центром провокационных военных маневров в Карибском море, организуемых Соединенными Штатами Америки.

...Все так же размеренно бьют городские часы Кастри. И бой их напоминает о том, что время рассчитано не на тех, кто удерживает сейчас власть над островом. Решающее слово о судьбе своей родины скажут простые люди Сент-Люсии.

Л. Семенов-Спаский

К СЕВЕРУ ОТ РИО

1

...Обнаружена шлюпка с тремя людьми на борту, подающими сигналы красным флагом. 10.40. Объявлена тревога «Человек за бортом». 11.00. Люди и шлюпка подняты на борт. (Из вахтенного журнала теплохода «Павлоград»)

Дождь привязался к нам еще на Мадагаскаре и почти полтора месяца неотступно следовал за судном, как верный пес за хозяином. Дождь то лениво шелестел по палубе и надстройкам, погружая все вокруг в серую неприглядную пелену, то klokokotal и оглушительно барабанил по стеклам иллюминаторов, и не было слышно за ним ни стука двигателя, ни голосов ветра, ни долгого шороха волн, разбивающихся о корпус «Павлограда». Порою казалось, что нет в мире ничего, кроме дождя и тоскливой безбрежности зимнего океана да редких чаек, зависающих над мачтами.

Сантус был последним портом погрузки. Отсюда начинался путь

домой, в родное Северное полушарие. Судно направлялось из зимы в лето, еще не зная, что ему суждено вернуться назад.

Над Южной Америкой и океаном вертелись циклоны, рожденные, должно быть, в ледяных пустынях Антарктики, и несли с собой дожди, штормы и холода.

Утро 26 августа 1984 года было штормовым. Видимость то падала до 2-3 кабельтовых, то увеличивалась до нескольких миль. Вереницы 8-метровых водяных холмов катились с запада и деловито перебрасывали через фальшборт длинные пенистые гребни. Океан валял тяжело груженный «Павлоград» с борта на борт, как детскую игрушку ваньку-встаньку, и окутывал его дождями.

Ночью прошли траверз Рио-де-Жанейро и легли курсом на восток, все дальше удаляясь от берегов Бразилии. Подхваченное попутным течением судно резво уходило от свирепого шторма, разразившегося в южных районах Атлантики.

— Еще двое-трое суток — и мы выскочим из этих гиблых мест и войдем в зону штилей и теплого солнца, — мечтательно проговорил ка-

питан, разглядывая ходовую карту на штурманском столике. — И до самого Гибралтара будем отогреваться.

Это был его первый капитанский рейс. Капитану Чебаненко 39 лет, большая половина из которых отдана морю.

— В Гамбурге должны быть числа десятого-одиннадцатого. Двое суток на выгрузку — и Ленинград.

Очевидно, его морская судьба складывалась счастливо. В 18 лет — матрос 2-го класса, в 39 — капитан.

— А там и отпуск. Вы, доктор, тоже в отпуск?

— Пора прощаться с морем навсегда, Леонид Александрович.

Занятый своими мыслями, он не услышал меня, перебросил страницу вахтенного журнала и молча вышел из рубки. Часы на переборке показывали половину одиннадцатого.

Во время шторма судно всегда кажется пустынным, вымершим — безлюдные палубы, закрытые двери кают, ни души в коридорах. Шторм останавливает время и погружает людей в немоту. Говорят, причиной тому химические сдвиги в крови.

Вахтенный штурман на мостике угрюмо молчал, уткнувшись лбом в смотровое окно.

Полубак судна окутывался белым облаком брызг. Разбиваясь о надстройку, поскуливал ветер. Клубящееся небо висело низко над морем и растворяло горизонт.

Телефонный звонок был внезапен, как выстрел. Вахтенный штурман прижал к уху трубку и мгновенно насторожился. Схватив бинокль, он выскочил на крыло мостика. Хлопнула дверь: в рубке появился капитан.

— Они машут красным флагом! — прокричал с крыла штурман, впившись в бинокль.

— Не упускайте их из вида! — быстро распорядился капитан, кладя ладонь на ручку машинного телегра-

фа. — Ни в коем случае не упускайте их из вида!

Я глядел в бинокль, но ничего, кроме беспорядочной толчеи волн, обрамленных всклокоченной пеной, не видел.

— Лодка прямо по корме! — громко доложил вахтенный. — В лодке трое!

И тут я увидел ее. Она на секунду взлетела на гребень — желтая и крохотная, как спичка, — и, окутанный пеной, исчезла в ревущем океане.

— Лево руль! Объявить тревогу «Человек за бортом»! — гремел всегда спокойный голос капитана. — Шлюпку левого борта к спуску!

— Есть!

Кренясь влево, судно сбавляло ход. Я вглядывался в то место, где только что видел лодку, но там ничего, кроме сталкивающихся волн, не было.

Звонки громкого боя захлебнулись в своей металлической трели — тревожной, как набат, — и наотмашь ударили по барабанным перепонкам. Казалось, волны от неожиданности ослепенели, остановившись на бегу, и в гребне одной из них вспыхнул красный флажок.

Я не заметил, как на крыле мостика появились с биноклем первый помощник капитана и штурман Георгий Георгиевич.

— Лодка слева на траверзе! — донесся с крыла голос Георгия Георгиевича.

— Шторм-трап с левого борта! — крикнул капитан.

Мой взгляд замер на белой массивной стрелке кренометра. Она неотвратимо приближалась к отметке «50». «Крен пятьдесят градусов!» — мелькнуло в мозгу. — Десять тысяч тонн стали сместились к борту...» Мысль оборвалась.

Судно лежало на боку. На его палубу рушилось море. Пальцы, вцепившись в поручень, побелели.

Стрелка кренометра прилипла к самой крайней отметке шкалы. Время остановилось. Все происходящее казалось сном, в реальность которого трудно поверить. Белый лист ходовой карты, соскочивший со штурманского столика, был похож на волшебный ковер-самолет.

— До лодки пять-шесть кабельтовых!

По палубе в ликующей бесшабашности разгуливали волны и, сталкиваясь, взметали вверх белые смерчи брызг. Ветер выл на одной ноте, леденящий душу, как предсмертный крик раненого исполина.

Стрелка кренометра вздрогнула и упала на несколько делений вниз.

— Лодка сорок пять по левому борту! — крикнул с крыла Георгий Георгиевич.

Я понял маневр капитана. Рискуя, он выполнял циркуляцию на малом ходу, чтобы не потерять лодку из поля зрения.

Судно тяжело выпрямлялось, сбрасывая с себя многотонную тяжесть воды.

— Лодка пятнадцать градусов по левому борту!

«Павлоград» вставал на киль. Матросы в ярко-оранжевых нагрудниках бежали по палубе.

Шторм-трап полетел за борт.

Через минуту-две лодка была видна уже и без бинокля. Она то пропадала в разломе волн, то скорлупкой взлетала на гребень. Одна из фигурок в лодке без усталости размахивала красным флажком на длинном древке. С верхнего мостика судна лодка казалась такой крохотной,

такой хрупкой, что было непонятно, почему до сих пор ее не поглотил бушующий океан.

Маневрируя, «Павлоград» прикрывал лодку своим большим телом. Она была уже у самого борта, и в бинокль я различал лица людей. Бородач в соломенной шляпе сидел на корме, держа обеими руками румпель, рыбак в черном комбинезоне размахивал флагом, третий стоял на носовой банке и что-то кричал.

Подошедшая волна подбросила лодку вверх, оголяя красное днище, и в ту же секунду с палубы полетела выброска. Рыбак на носу ловко поймал ее, прижал к груди и, потеряв равновесие, свалился на туши акул, лежащие на дне лодки. Второй рыбак отбросил «флаг» — это была рубашка на бамбуковом шесте — и при-

нялся быстро выбирать выброску. Пригнувшись, один из матросов бежал к кабине крана. Боцман пытался завести петлю под нос лодки.

Бородач на корме удерживал свое суденышко у высокого борта «Павлограда».

Прыжок! И один из рыбаков повис на раскачивающемся шторм-трапе. Через секунду несколько рук подхватило его и перенесло через фальшборт на палубу. Это был мальчишка лет пятнадцати. По его лицу струилась вода. Он сделал шаг, другой и бессильно упал.

— Доктор, — обернулся ко мне капитан, — очевидно, нужна ваша помощь.

— Вижу.

Когда, захватив в каюте свою медицинскую сумку, я выскочил на па-

лубу, все трое рыбаков были уже на судне. На выведенной за борт стреле раскачивалась желто-красная лодка «Луанда».

Потом капитан расскажет мне, как была замечена «Луанда»: «Я зашел в радиорубку, машинально посмотрел в иллюминатор, и мне показалось, что в гребнях волн мелькнула лодка прямо на траверзе судна. И тут же мне подумалось: «Что же может делать в штормовом море и так далеко от берега малюсенькая лодка?» Я внимательно взгляделся в море и еще раз увидел ее и позвонил вахтенному штурману. Остальное вы знаете...»

2

...Спасенные — граждане Бразилии: Элма Соари, Сума Барбоса, Анулар да Сильвио. (Из вахтенного журнала теплохода «Павлоград»)

У спасенных рыбаков ни переломов, ни серьезных ушибов не оказа-

лось, хотя состояние самого младшего из них — 16-летнего Анулара да Сильвио — меня настораживало. Мальчишка был бледен, как простыня, которой его накрыли после теплой ванны. Зубы мелко постукивали. Слабый пульс частил. Нижнее давление не прослушивалось. Анулар неподвижно лежал на койке, уперев взгляд в подволоку. Погруженный в полубытье, из которого его не вывели даже болезненные инъекции, он почти не реагировал на мои вопросы. Я готовил капельницу.

Рыбак в комбинезоне, ожидая своей очереди в ванну, привалился спиной к теплему калориферу и заснул.

Бородач казался бодрым.

— Где мы находимся? — спросил он. — Я забыл прочитать название судна.

— На советском теплоходе «Павлоград».

Он глубокомысленно промычал, сбрасывая мокрую насквозь одежду, пощелкивал серебряный крестик на черном шнурке.

— Русские, значит?

— Русские, сеньор Элма.

— Как далеко от берега вы подобрали нас? — Голос бородача был силп, но энергичен.

— До берега чуть более двадцати миль.

— А вы не ошибаетесь, доктор? — Он закутался в шерстяное одеяло, потянулся к кружке с горячим бульоном, недоверчиво хмыкнул.

— Таковы расчеты вахтенного штурмана.

Руки, держащие кружку, дрожали.

— Мы трое суток в море. Я так думаю, что мы трое суток в море. — Его красные от бессонницы и ветра глаза остановились на мне. — Сегодня двадцать шестое, — уточнил он. — Так?

— Так, сеньор. Шкипер «Луанды» — вы?

Он кивнул.

— Я владелец и мотобота, и сетей. — Он попытался улыбнуться, но улыбки не получилось. — Сетей, которые взяло море... Если мы так недалеко от берега, значит, нас носило по кругу.

— На корме мотобота написано: «Кабо-Фрио». Это что? Порт приписки?

— Так, сеньор, называется наш поселок.

Рыбак в комбинезоне сдавленно вскрикнул во сне и открыл глаза. Я указал ему на дверь, ведущую из лазарета в ванну. Он понял и засмеялся, но неожиданно смолк и поднял глаза на шкипера.

— Ступай, — лениво разрешил бородач.

Я сунул градусник под мышку Анулару и поинтересовался:

— Вам не трудно говорить, сеньор Элма?

— Ничуть, сеньор Леонидо! — небрежно ответил он, переименовав мое имя. — Спрашивайте, пожалуйста. Я здоров. И не в таких пределах бывал. — Он откинулся на спинку кресла, прижал кружку к щеке.

— Итак, трое суток тому назад вы вышли в море?

— Трое полных суток и одну ночь, — уточнил он, ставя кружку на стол. — Мы вышли вечером, с приливом. — Он размял заскорузлыми пальцами сигарету. — К расвету мы намеревались вернуться в Кабо-Фрио, как обычно.

За дверью, в ванне, плескалась вода. По стеклам иллюминаторов стучал дождь.

— Шторм внезапно налетел. За полчаса буквально. Восьмисильный движок не выгребал против волн. Мотобот начало заливать.

Бородачу было лет сорок, может быть, немногим больше. Его костистое горбоносое лицо казалось восковым и жестким. Очевидно, он был властным шкипером.

— Мы привязались к сетям и дрей-

фовали. Сети удерживали нас на волне, как плавающий якорь. Горючее я берег на всякий случай. Сначала нас несло на восток, прямо в океан. Видимость была не больше кабельтова — дождь хлестал. Потом ветер зашел к северу, и нас поволокло на юг. — Он ткнул окурочку в пепельницу и тут же закурил следующую сигарету, жадно затягиваясь. — Да, так оно и было, сеньор Леонидо.

В лазарет заглянул первый помощник капитана с кипой новеньких роб в руках.

— Пускай переоденутся, — сказал он и положил роботы в изножье кровати. — Сейчас ребята обувь подберут. Что-нибудь нужно?

— Да нет, Владимир Васильевич. Все необходимое в наличии.

— Лоцманскую каюту подготовили. Пускай кто-нибудь перебирается.

В лоцманскую каюту я решил поселить шкипера. Он не нуждался в моей помощи.

— Куда мы плывем? — спросил неожиданно Элма. — В Россию?

— В Рио-де-Жанейро, в ближайший порт.

— До Рио сколько?

— Восемьдесят миль. Почему, сеньор Элма, у вас не оказалось пресной воды?

Он поморщился.

— Мальчишка плохо принятовал анкерок, и его смыло волной в первый же день дрейфа. Продуктов у нас с собой тоже не было.

— В лодке я видел двух небольших акул.

— Мы их только сегодня поймали. На блесну. — Шкипер ткнул дымящейся сигаретой в сторону койки. — Он, Анулар, поймал. У акул очень мягкие десны и вкусные, доктору Леонидо, особенно когда в брюхе пусто. — Он осклабился, обнажив крепкие зубы. — Сегодня мы перекусили.

Его босые ноги в моих войлочных

шлепанцах уперлись в калорифер, взгляд нетерпеливо скользнул по двери ванны.

Я еще раз сосчитал пульс Анулара, закрепил манжетку тонометра и поставил капельницу.

Элма вяло наблюдал за моими действиями, и лицо его, кроме усталости и тупого равнодушия, ничего не выражало.

— Хорошо, что «Луанду» удалось поднять на борт, — зевнул он. — Без лодки — гроб.

— Хорошо, что вас спасли, сеньор Элма.

— На то была воля божья. Она послала ваше судно.

Я промолчал, регулируя капельницу.

— Мимо нас за эти трое суток прошло, как минимум, штук двадцать больших судов. А вчера панамец прошмыгнул — верьте мне, сеньор, — прямо в кабельтове от мотобота и даже хода не сбавил — зачем капитану лишние хлопоты? — Он кивком указал на капельницу. — Вы думаете, Анулар заболел?

— Сильное нервное потрясение. Переохлаждение организма.

— Да, холодновато было, — согласился он. — Зима. — И, привстав, заглянул в иллюминатор, за которым ничего, кроме штормового моря, не было видно.

— Думаю, мальчику придется посидеть на берегу. Возможно, понадобится помощь врача-психиатра.

— А кто его кормить будет? — грубо спросил шкипер, не оборачиваясь. — Или вы думаете, у него есть добрый дядюшка с мешком кружевро? Будет ходить в море, как раньше. Подыхать с голоду никому неохота, доктору, — заключил он, опускаясь в кресло.

Я положил к ногам Анулара грелки, накрыл его одеялом. Мальчик благодарно улыбнулся, что-то тихо промычал и попытался приподнять голову.

— Отца Анулара забрало море, и теперь Анулар — кормилец семьи, и поверьте мне, сеньор, я даю ему возможность хорошо заработать. Люди должны помогать друг другу, сказано в Писании.

— Горек ваш хлеб, сеньор Элма.

— Хлеб свой насущный человек добывает в поте лица своего, — серьезно ответил он, морщина лоб. — Всякий честный хлеб труден.

Качка усиливалась и становилась резче. Гребни волн взметались до иллюминаторов лазарета. Судно шло обратным курсом, навстречу циклону, гигантским волчком вертящемуся над океаном.

Шкипер заснул на полуслове, уронив голову на грудь. Руки его крепко сжимали подлокотники кресла, как всего лишь час тому назад румпель «Луанды».

Всхлипывая во сне, спал Анулар...

К вечеру моему больному стало лучше. Нормализовался пульс, и поднялось кровяное давление. Борясь с желудочными спазмами, он осилил кружку куриного бульона. Сознание Анулара было ясным, но страх, застывший в глазах, не таял, и я знал, что против него бессилен весь мой фармакологический арсенал.

Переодетый в робу с синей эмблемой Министерства морского флота, шкипер Элма чинно восседал в Красном уголке в окружении матросов и о чем-то рассказывал жестами. Из его дремучей бороды торчала сигарета. Вторая запасливо была заткнута за ухо.

«Павлоград» входил на внешний рейд Рио-де-Жанейро.

3

...Внешний рейд порта Рио-де-Жанейро. В течение вахты судно испытывало сильную смешанную качку от волн и

зыби. Крен достигал 40 градусов на оба борта.
(Из вахтенного журнала теплохода «Павлоград»)

В 22 часа капитан связался по УКВ с радиоцентром.

«Рио-радио, Рио-радио! Я советский теплоход „Павлоград“».

Ветер стихал, но с океана шла крупная зыбь и раскачивала судно, кладя его почти на 40 градусов. Вдали, над городом, мерцало электрическое зарево. В очистившемся от туч небе прыгали крупные, как блюда, звезды.

«У меня на борту спасенные бразильские рыбаки».

Вахтенный оператор Рио-радио был вежлив.

«„Павлоград“, вы обратились не по адресу. Вам следует связаться с дежурным офицером военно-морского отдела».

«Рио-радио, десять часов тому назад мы отправили вам радиограмму».

«Возможно, капитан, но сегодня воскресенье. До связи, „Павлоград“».

«А я чем могу вам помочь?» — спросил на плохом английском дежурный офицер военно-морского отдела, очевидно не поняв капитана.

«Нам не требуется никакой помощи. Снимите с «Павлограда» своих соотечественников».

«Хорошо, сэр. Часа через два-три я выйду на связь с вами, но предупреждаю заранее, что все это весьма сложно».

Воскресный Рио-де-Жанейро, отдыхающий ко сну, ничем не желал себя утруждать.

— Мы не знаем, что с нашим грузом, — проговорил капитан, нервно расхаживая по мостику. — Но в такую болтанку опасно посылать людей в трюм.

«Павлоград» удерживался на якоре в полутора милях от скалистого острова Ильха-Роса.

Ночь переваливала на вторую свою половину, капитан не уходил с мостика.

Офицер вышел на связь во втором часу ночи.

«Из-за шторма не можем к вам выслать ни лоцмана, ни спасательного катера, но, если вам угодно, вы можете следовать на внутренний рейд самостоятельно».

«Я не вправе рисковать людьми и судном!» — сказал капитан.

«В таком случае, если вам угодно, вы можете следовать своим курсом и сдать рыбаков в порту Витория или Сальвадор».

«„Павлоград“ идет в Европу, в Гамбург! При чем же тут Сальвадор?»

«Ничего большего я вам сообщить не могу, но, если вам угодно, вы можете ждать, пока утихнет волнение, и мы сможем выслать к вам лоцманский катер».

На ходовом мостике было слышно, как тяжело вздохнул дежурный офицер, выговорив столь длинную фразу.

Капитан сунул трубку радиотелефона в гнездо.

— Будем ждать, пока стихнет зыбь. Именно так нам угодно! — сказал он и, зло хлопнув дверью, ушел с мостика.

Я спустился на свою палубу. Держась за поручень, добрался до лазарета. Дверь была на штормовом крючке. В лазарете горел свет.

Рыбаки не спали. Очевидно, шкипер, смолкнувший при моем появлении, держал совет.

— Что нового, сеньор Леонидо? — спросил он. — Когда нас снимут?

Улыбающийся Анулар сидел на корточках, привалившись спиной к калориферу. От его болезни не осталось и следа.

— Как дела, Анулар?

— Спасибо, сеньор. — Он показал большой палец. — О'кэй! — И беззаботно засмеялся, запрокидывая голову.

— Зыбь, сеньор Элма. Спасательный катер не может подойти к борту. Шкипер кивнул.

— Одним словом, снимать нас не торопятся. — Он подавил зевок, затряс головой, сгоняя сон. — И действительно, зачем им торопиться из-за каких-то рыбацков из Кабо-Фриу?

— Вот если бы, доктору, вы спасли яхту миллионера... — вступил в разговор третий рыбак.

— Ха-ха-ха, — деланно рассмеялся шкипер, трясая бородой. — Миллионера спасли бы сами бразильцы и урвали бы хороший куш за спасение. А что с нас возьмешь?! Сколько крузейро мы стоим?!

— Человеческая жизнь, сеньор Элма, не измеряется в крузейро.

— Ха-ха-ха, — снова рассмеялся он, и смех его был неприятен и неуместен, как на похоронах. — Человек стоит ровно столько, сколько у него на счете в банке. Или вы не знаете этого, доктору? Или вы только вчера родились?

Рыбаки засмеялись.

— Не обижайтесь, сеньор Леонидо. Я пошутил. — Он сбросил шелчок пепел с сигареты, потянувшись. — Я понял: до утра можно спать спокойно и никто нас не потревожит.

— До утра наверняка, сеньор Элма. Но зыбь стихает.

— Знаю...

4

...12.50. Внутренний рейд п. Рио-де-Жанейро. Машина в полной готовности. На борт поднялись представители властей для оформления снятия потерпевших. Экипаж судна начал дополнительное крепление груза листовыми стали в пакетах в связи с частичной его подвижкой.

(Из вахтенного журнала теплохода «Павлоград»)

Утро 27 августа было серым: серое небо, серое море, серый хребет Ильха-Роса, серые корпуса судов, укрывшихся от шторма на внешнем рейде, серые строения города вдали.

Шторм в океане выдыхался, и волны, катящиеся к борту, едва достигали 6-7-метровой высоты. Качка становилась плавной и не столь изматывающей, как ночью.

Мы знали, что к нам уже вышел лоцманский катер. Для снятия людей и мотобота портовые власти решили ввести «Павлоград» на внутренний рейд, в бухту Гуанобара, хорошо защищенную от непогоды высокими берегами и цепью гор.

Капитана волновало состояние груза: впереди был долгий переход через беспокойную Атлантику.

— Формальности оформления прихода и отхода судна, снятия рыбаков займут несколько часов, — сказал он, поднявшись на мостик. — Это время необходимо использовать для подкрепления груза. Боюсь, такой возможности в океане у нас не будет.

Несмотря на бессонную ночь, Чебаненко не выглядел усталым. Подтянутый, в ладно сидящей форменной тужурке с золотыми шевронами, он был похож на человека, собравшегося нанести официальный визит высокому начальству.

— Штормовые сутки не могли не сказаться на креплении груза. Очевидно, придется объявить аврал.

Старпом, раздувая щеки, делал понимающее лицо и кивал головой в пляжную кепке.

— Сделаем, Леонид Александрович. Все будет сделано...

Шкипер Элма осматривал свой мотобот, принаитованный к крышке третьего трюма.

— Вижу лоцмана, — сообщил вахтенный штурман, опуская бинокль. — Справа по корме.

Красно-белый катерок нырял в волнах, окутанный косматым обла-

ком брызг так, что его почти не было видно. Он подскочил к судну кабельтова на полтора, резко развернулся и подбежал к берегу, захлестываемый зыбью, как бабочка сачком.

— Не рискнул, — холодно констатировал капитан, проводя катер биноклем.

— Во всех трех трюмах груз нуждается в подкреплении, — доложил второй штурман, появляясь на мостике. — Ослабли крепежные концы. Некоторые пакеты сместились.

— Что и следовало ожидать, — уронил капитан, опуская бинокль. — Как наши рыбаки? — обернулся он ко мне. — Мальчишка как?

— В медицинской помощи не нуждается.

— Отлично!

Ветер, сменивший направление, гасил зыбь. В небе проклюнулся краешек тусклого солнца. Греческий танкер, штормующий по соседству, снялся с якоря и ушел в море.

Около полудня на горизонте появилась темная точка. Это был лоцманский катер. Ловко прыгая с гребня на гребень, катер направлялся к «Павлограду».

— Подготовить штурм-трап с левого борта для приема лоцмана, — распорядился капитан.

Палуба мелко задрожала: вахтенный механик запустил двигатель. Пробегая в клюзе, застучала якорная цепь. Судно разворачивалось.

— Ну вот, кажется, через час мы и расстанемся с вами, доктору, — сказал Элма. — Спасибо за все.

Анулар тронул меня за рукав.

— Как вы думаете, сеньор Леонидо, наши в Кабо-Фрио знают, что мы живы?

— Конечно! Радиограмма отправлена еще вчера вечером. Думаю, ваши близкие уже приехали в Рио.

— Да, тут недалеко, — поддержал меня Элма, разглядывая наплывающий город. — Всего три часа на рейсовом автобусе.

Судно входило в бухту Гуанобара. С левого борта, хорошо видная в бинокль, тянулась узкая полоска знаменитого пляжа Капакабана, теснящая к воде грядой высотных зданий. По ажурной арке моста, перекинутой через бухту, без усталости бежали автомобили, сливаясь в бесконечную пеструю ленту. Над мачтами «Павлограда» гудел порывистый ветер, а вода бухты казалась тихой, как в реке, да и сама бухта была похожа на неторопливую извилистую реку, стиснутую обрывистыми берегами. Загрохотал якорь, и тут же к борту приткнулся полицейский катер.

Элма усмехнулся, громко прищелкнул пальцами и ушел с палубы.

Еще минут через пять к нам подвалил щеголеватый катер капитана порта и на судно поднялись усатые сеньоры в модных костюмах. Весело переговариваясь и смеясь, они направились прямо в каюту капитана, пронося по трапам запах одеколона и дорогого табака.

Матросы спустили на воду мотобот. Элма прибуксировал его к полицейскому катеру, махнул на прощание соломенной шляпой.

Через полчаса отошел от парадного трапа и второй катер с раскрасневшимися и еще более веселыми сеньорами.

В тот день мы еще раз увидели наших рыбаков. После ужина кто-то включил в Красном уголке телевизор, и во весь экран выплыло бородастое лицо шкипера «Луанды». Хмурясь, Элма что-то говорил в микрофон, но слов не было слышно. Потом оператор крупным планом показал лодку, вытащенную на берег, и пожилую женщину в черном, прижавшую к груди Анулара. Женщина плакала.

Раскачиваясь, «Павлоград» ухлдил в море. По иллюминаторам снова барабанил опостылевший дождь, и торопливо шумели волны, разбиваясь о корпус судна...

Ю. Чубков

САМБА ДУ БРАЗИЛ

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО НАРОДОВ МИРА

То было прекрасное и жестокое время. Безжалостное время. Время великих открытий и величайшей подлости...

С высоты второй половины XX столетия мы можем со снисходительной улыбкой посматривать на предшествующие поколения. Как же! Они не знали многого из того, что знаем мы, не знали наших скоростей, не ведали, что такое электричество, радио, телевидение, не при них человек вышел за пределы планеты. Где-то нам даже их жалко немного.

Но осторожнее, не жалеть — благодарить нам надо предшествующие поколения, ибо знаниями своими мы обязаны тем, кто по крупницам собирал их на протяжении веков и донес до нас, не расплескав по дороге.

Представьте тысячелетие мрачного средневековья. Церковь царит в Европе, и инквизиция — ее карающий меч. Мир для человека ограничен тем пространством, куда он может доехать на лошади, доплыть на ненадежном суденышке. А дальше все сомнительно и непонятно. Ходят

нелепые какие-то слухи, будто есть где-то другие страны и в странах тех люди все безголовые, или рогатые, или вовсе с собачьими головами. Неужели с собачьими? Да как же они меж собой-то разговаривают! Не разговаривают, а лают по-собачьи. И едят не ложками, а лакают, как собаки. Ну и дела!

А земля плоская. Дойдешь до края, а дальше мрак, ничего нет. Только до края до того никто еще не доходил. Еще говорил падре с амвона, будто земля на трех слонах стоит, а слоны на черепахе, черепаха же в океане плавает. Спроси-ка у падре, на чем тот океан держится. Не дай бог! Еще в ереси обвинит.

И то верно. Намедни сожгли вон Марию Терезу. Так ей, ведьме, и надо. Не будет порчу на свиней напускать. Ох, беда! Кругом ведьмы, черти — нечистая сила.

А еще говорили люди, будто у тех, собачьеголовых, золотишко водится. И серебришко. И пряности, что ничуть не дешевле золота. Эх, добаться бы до них!

И так тысячу лет. Представляете?

Сейчас трудно судить, только ли жажда наживы заставила человека отвернуть свои корабли от привычного глаза берега и направить их в открытый неведомый океан. Наверно, было там и любопытство. А может быть, прежде всего любопытство. Просто не мог больше человек пребывать в тисках незнания.

Был одним из таких людей Педро Алварес Кабрал.

О нем в источниках говорится очень лаконично: «22 апреля 1500 года Педро Алварес Кабрал открыл Бразилию».

Неизвестно, имел ли Кабрал инструкции португальского двора искать новые земли на западе Атлантики, или корабли его случайно отклонились к западу на своем пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды, и если случайно, то случаю этому он обязан тем, что имя его вошло в историю Великих Открытий.

В тот день после долгой и утомительной, изматывающей душу и тело непогоды ветер неожиданно стих; еще клубились тучи, размазывая по небу синь и белизну, еще неистовствовала вокруг водная хлябь и волны взмахивали пенными гребнями — был похож океан на разъяренное стадо быков, разбежавшееся во всю ширь до самого горизонта, — но между туч уже проглянуло солнце. Кабрал вздохнул с облегчением. Корабли эскадры разметало бурей, и мачты их едва различимы были среди белых гребней. Напряжение последних дней спало, повеселели лица матросов и офицеров, но Кабрал знал: это на время. Когда потянутся спокойные и однообразные дни, когда на размышления останется больше времени, тогда в души людей вновь прокрадется червь сомнения и недовольства и мучить будет вопрос: куда?

— К черту в лапы! — неожиданно

для себя самого проворчал Кабрал и оглянулся. Никто, однако, не обратил внимания.

Если бы сам он знал куда и зачем, если бы мог растолковать людям! Кабрал мелко оглядел горизонт и пошел прочь с мостика. Но едва ногой, обутой в высокий ботфорт, ступил на ступеньку трапа, воздух прорезал отчаянный, сорвавшийся на визг голос:

— Земля-а-а!!!

Сигнальщик на марсе, вцепившись одной рукой в ванты, другой махал куда-то за горизонт. Поспешно Кабрал вскинул подзорную трубу и отыскал горбатую полосу, высвеченную солнцем, и от той полоски никак не мог оторваться. Что там? Остров? Материк? За спиной его сгрудились офицеры и матросы, кто-то плакал от радости, кто-то молился, кто-то смеялся.

К вечеру, когда с востока наполнили уже сумерки, подошли к неизвестной земле и стали на якорь в 2 кабельтовых от берега. Высаживаться ввиду надвигавшейся ночи не решились, и до рассвета не спал никто, слышались на палубе топот ног и приглушенный говор, матросы столпились у правого борта, вглядывались напряженно в темноту чужой ночи — не мелькнет ли огонек? Но тих и нем был берег.

А с первыми лучами солнца отряд в сто человек, вооруженных мушкетами и закованных в латы, высадился на неизвестную землю. Разделившись на три группы, тщательно обследовали берег и прибрежные заросли. Земля оказалась обитаемой: видели на песке следы босых ног, при их появлении мгновенно рассыпались и исчезали в зарослях диковинных деревьев немногочисленные толпы полуголых людей, наткнулись в лесу на небольшую деревушку в несколько тростниковых хижин, но никого в деревушке не оказалось — только дымились еще остатки костров.

Решив, что открытая земля не представляет никакого интереса, Кабрал назвал ее Землей Святого Креста, приказал воздвигнуть на берегу деревянный крест в знак присоединения ее к Португалии и отправился дальше. Вскоре обнаружилось, что открытая Кабралом земля лишь часть огромной страны. Эту страну сегодня называют Бразилией.

Однако в Португалии сообщение Кабрала не вызвало того воодушевления, какими восемь годами раньше были отмечены открытия Колумба. Португалия в то время основывала свои первые колонии в Индии, расширяла владения в Африке, откуда в королевство лился сказочный поток богатств. Разумеется, не могла с ними сравниться открытая в далекой Америке земля, с ее пустынными берегами, где не было найдено ни золота, ни других драгоценных металлов, ни драгоценных камней. И заселена та земля была редкими первобытными племенами, живущими исключительно рыболовством, охотой и собиранием корней, неспособными обрабатывать землю.

И все же предприимчивые люди, может быть, из тех, кому не улыбнулось счастье на востоке, кое-что нашли ценное и в этой полуобитаемой земле: распространенный здесь вид дерева «пау-бразил» — красный сандал, из которого добывался краситель. Отсюда пошло и название страны, закрепившееся за ней уже в XVII веке.

Чем крепче привязывался предприимчивый португалец к новой земле, тем щедрее она становилась. Вдруг оказалось, что условия в Бразилии чрезвычайно благоприятны для выращивания сахарного тростника. А сахар в Европе очень ценился в те времена. Фигурировал даже в списках приданого принцесс. Так было: за такой-то принцессой столько-то голов сахара. Попробуй король слухавить, дать за дочерью сахарных

голов меньше, чем обещал, — оскорбленный жених еще, чего доброго, сбежит от принцессы.

И вот стал северо-восток Бразилии, теперешний штат Баия, на целых полтора столетия основным поставщиком сахара. Но для возделывания сахарного тростника и производства сахара требовалась рабо-

чая сила. Немногочисленное индейское население не желало работать на пришельцев, да и не были индейцы привычны к непосильному рабскому труду.

Тогда стали ввозить рабов из Африки. Впервые они были доставлены в 1530 году на кораблях специально для этого организованной экспеди-

ции. Работоторговля оказалась делом прибыльным. И потянулись от берегов печального Черного континента к не менее печальным берегам Америки печальные «корабли смерти».

Где-нибудь в знойной саванне Африки или в девственном буше жили люди в небольших тростниковых деревушках, мужчины охотились и ловили рыбу, женщины обрабатывали землю, вели домашнее хозяйство. И вдруг среди бела дня врывается отряд вооруженных людей, стариков и малолетних убивали, а кто покрепче — связывали и уводили на побережье. Под жгучим африканским солнцем, скованные общей цепью, тянулись вереницы еще недавно свободных и жизнерадостных людей на невольничьи рынки, где белые капитаны покупали их за бесценок, как скот, сгоняли в душные трюмы своих кораблей. Так начиналось многовековое мучительное путешествие в рабство. Отныне становились рабами их дети, внуки, правнуки...

Постепенно приручали белые пришельцы неподатливую землю. Осваивали юг и северо-восток, захватывали обширные участки, основывали плантации. Остатки индейских племен уходили в глубь страны, в величайшие в мире тропические леса, недоступные для белых захватчиков. Сейчас, по очень приблизительным подсчетам, осталось индейцев в Бразилии не более 100 тысяч.

Новые хозяева усаживались на земле основательно: возводили настоящие крепости — так называемые каза гранди — с обязательной церковью, помещичьим домом и жилищами для рабов. Жизнь замкнутая, своеобразная протекала в этом доме-крепости. Здесь собирались представители трех континентов, представители различных этнических расовых, религиозных групп, со своими обычаями, образом жизни, верованиями, сказаниями и культурой. И как бы далеко эти группы ни от-

стояли друг от друга по своему социальному положению, время — великий разрушитель, оно же и создатель — делает свое дело: изменялись и сближались нравы, обычаи, верования.

Португалцы принесли с собой сказочные сюжеты европейского происхождения. Здесь и всем нам знакомая Красная Шапочка, и Золушка, и красавица принцесса, и заколдованный принц в облике чудовища. Вечерами перед сном рассказывали детям эти сказки бабушки и няни, к ним прислушивались, а потом на свой лад передавали знакомым слуги — негры и мулаты.

А в это вечернее время в хижинах рабов зажигаются костры, на них готовили негры скудный свой ужин, около костров залечивали раны от палки или кнута надсмотрщика, со слезами вспоминали далекую Африку, где они, еще свободные и жизнерадостные, вот так же усаживались у костров после трудового дня, когда наступало приятное время отдыха и бесед, тогда обязательно отыскивался рассказчик, хранящий в памяти уйму историй и сказок.

Отыскивался такой рассказчик и здесь, вдали от родины. Жизнь берет свое — как ни тяжело, а жить надо. Забывались боль и обиды, велись неторопливые рассказы о хитроумном Кролике, о разумнице Черепашке, о подлой Гиене, о предках, ушедших на небо и обожествленных, о злом духе Лингумбенгумбе — обо всем, что создавала веками богатая фантазия африканцев. Постепенно начали вплетаться в эти рассказы элементы сказок европейского происхождения, христианской религии из проповедей падре в церкви.

Вдруг тихий голос рассказчика обрывался ритмичным и ясным боем тамтамов. Это у одного из костров собралась молодежь потанцевать и попеть. И над притихшей усадьбой, под затухающим небом Американ-

ского континента, далеко разносят тамтамы голос родной Африки, голос африканской саванны, африканского буша. Выходят в круг парни и девушки, и начинается танец — неистовый, самозабвенный африканский танец. Гремят тамтамы, то рассыпаясь дробно, то ухают глухо — выбивают сложный и завораживающий ритм, а танцоры, слившись воедино с этим ритмом, каждым мускулом чувствуют малейшие его перипетии, и голые их тела, будто отрешившись от разума, только этому ритму отдаются.

А в светлых комнатах господского дома к ритму тамтамов прислушиваются белые люди, внезапно столкнувшиеся с грозной и таинственной природой тропиков. Прислушивались к нему и индейцы-батраки, и бедные арендаторы, осевшие около белых и принявшие христианство. И, оказавшись в чуждых им условиях, пришельцы из благообразной Европы, приспособляясь к ним, легко перенимали красочные обряды африканцев, для которых тропики были родной стихией. Входили в их быт африканские и индейские поверья о лесном духе Курупире, о прекрасной Царице Вод, о страшном Кибунго, пожирающем детей. Так одновременно со слиянием различных расовых групп в единое население страны шел непрерывный процесс образования общего духовного склада. Зарождалась культура будущей нации.

Шли дни с их ежечасными заботами, дни слагались в годы, годы — в десятилетия, десятилетия — в века. Каждый век в истории человечества отмечен своими, ему присущими чертами, а непрерывный процесс развития — новыми открытиями.

В конце XVII века было найдено в Бразилии столь милое сердцу европейца золото, а в начале XVIII — алмазы. Из захудалой сельскохозяйственной провинции она становится колонией первостепенной важности.

Португальцы армиями, отрядами или даже поодиночке вторгаются в Бразилию, с тем чтобы что-то найти и захватить. Им не всегда удавалось вернуться домой, а те, кому это удавалось, не всегда становились богаче. Началось заселение страны. Оно происходило в основном вдоль Амазонки — этого естественного доступа к сердцу Бразилии, — а также вдоль побережья, поскольку близость океана всегда была жизненно важной.

Происходило становление нации. Жоржи Амаду однажды заметил: «У нас нет расовой проблемы по той простой причине, что все мы — мулаты». Вряд ли следует воспринимать это высказывание буквально. Расовая проблема была в Бразилии, она существует и поныне. Скорее всего Амаду, видевший в единении людей всех цветов и оттенков кожи залог жизнеспособности общества, этой фразой хотел уязвить тех, кто кичится своей голубой кровью. Сам писатель остро ставил эту проблему в своих произведениях. И все же расовый вопрос в Бразилии никогда не был таким острым, как, например, в США или ЮАР, потому что чрезвычайно велик афро-негритянский элемент в культурной и духовной жизни страны.

Фасад современной Бразилии — белоснежные небоскребы, фешенебельные магазины, рестораны, кинотеатры, густой поток автомобилей, белозубые улыбки смуглых красавиц на морских пляжах и реклама, реклама. «Посетите», «Купите», «Получите массу удовольствий». Одним словом, все хорошее и дурное, порой навязчивое до оскомины, что впитала в себя бывшая захудалая колония от западной цивилизации.

Но отвернитесь от фасада, пройдите стороной фешенебельные кварталы городов Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Порто-Алегре и прочих, туда пройдите, где меркнет блеск, где жилища людей — «фавелы» —

сколочены из жести, фанеры, картона — из того материала, что бесплатно достается беднякам от шедрот большого города; посетите базар, дешевый ресторанчик — там вечерами вы услышите бой тамтамов и звонкие звуки маримбы — африканского ксилофона, пандейро¹, гитары; в тесных двориках в мятущемся пламени костров вы увидите отплясывающих, как пятьсот лет назад, юношей и девушек — светлокожих, темных, коричневых, желтых — отплясывающих капоейру — ангольский танец-игру.

Зайдите в лавку сантейро — резчика по дереву, вырезающего фигурки святых. Если вы знакомы с африканской скульптурой, вам несомненно покажутся знакомыми эти фигурки, ибо заключены в них манера и стиль исполнения далеких народов

из Мозамбика, Анголы, Гвинеи-Бисау, Танзании, Сенегала, племен маконде, йоруба и других. Приглядитесь: не у каждого святого благостное выражение лица, приличествующее римской апостольской церкви, что-то языческое проскальзывает в них. Смешались в них черты христианских апостолов, африканских богов Шанго, Иеманжи, Огуна, индейских мифических героев Тупа, Журупари, Сейуси.

А неподалеку, прямо под открытым небом, на ящике из-под кока-колы пристроился старый мулат. Из шкуры змеи, из конского волоса, из зубов крокодила мастерит он фетиши, амулеты, предназначенные, по африканским поверьям, оградить человека от колдовства и злого умысла. Рядом, черная, морщинистая, как высушенный плод, сидит знахарка в окружении различной величины калебасов — сосудов из высушенных тыкв. В тех калебасах хранятся зелья от всех недугов. Знает старая колдунья каждую травинку, каждый корешок, что вред приносит, что пользу, любую болезнь может вылечить. Если займетесь вы специально вопросами народной медицины, корни ее уведут вас в Африку, к знахарям, колдунам — выразителям и хранителям многочисленных африканских религий, народных поверий, богатой фантазии, в дебри африканского буша, в джунгли, в саванну, где бог есть сама природа.

Пройдите по улицам города Оуру-Прету, зайдите в старую часть города — и среди стандартных современных домов, среди обветшавших построек колониального периода вам вдруг откроется красота неописуемая — церковь Сан Франсиску — изящнейшее сооружение с двумя круглыми башнями по сторонам фасада, украшенного разорванным фронтоном и изысканным лепным узором. И остановитесь вы пораженный, и захотите узнать имя

¹ Пандейро — ударный инструмент.

зодчего. Построил ее А. Ф. Лисбоа (1730—1814), сын белого и рабыни-негритянки, прозванный Алейжадинью, что значит Хроменький. Ему же принадлежит парадная лестница церкви Бон-Жезус-ди-Матозиньус в Конгоньяс-ду-Кампу. Для этой лестницы он создал каменные статуи пророков, а часовни в саду украсил деревянными скульптурами на тему «страстей господних», где отрицательным персонажам придал портретное сходство с чиновниками-португальцами.

А может быть, вам повезет, вы упадете в Бразилию в дни карнавала. Все-таки будни есть будни, они бесцветны и однообразны. Человек поглощен работой или поисками таковой. Озабоченный человек не терпит праздного любопытства, и вам вряд ли удастся составить истинное впечатление о народе, основываясь лишь на его повседневных заботах.

Иное дело карнавал — праздник веселья и музыки. Тогда, расцветшая всеми красками, выплескивается на улицы душа народа и забываются мелочные заботы и жизненные неурядицы.

В городе царит самба. Самба ду Бразил — бразильская самба. Родившаяся в недрах народного фольклора, в предместьях, там, где тесно прилепились друг к другу жестяные и фанерные хижинки, она впитала в себя элементы танцев и песен обитателей тех хижин — людей всех цветов и оттенков кожи. Слышится в ней протяжная португальская фад¹, ритм африканского батук² и захватывающе простенькая мелодия индейского рожка.

Самбу танцуют все.

Она не португальская, не негритянская, не индейская, она — бразильская. Самба ду Бразил.

В день карнавала с утра воцаряется в городе торжественная и веселая, даже слегка лукавая тишина.

Каждый район города готовится к карнавалу задолго до его начала. Вернее, подготовка эта не прекращается никогда. Кончается один карнавал — начинается подготовка к следующему.

И каждый район должен иметь свою самбу. Сам собой как бы организовывается комитет по ее созданию. Входят в него и всеми уважаемый маэстро, лауреат, может быть, международных конкурсов, и бродячие музыканты, и местные поэты, завсегда там кабачка какой-нибудь донны Изабеллы, и самый последний портовый забулдыга, если и он может внести свою лепту.

Самба. В эти дни самба у всех на устах.

Самба должна иметь пандейро, Самбу танцевать должна мулатка.

Наша самба будет всех лучше, поразит всех, даже бесстрастных членов жюри.

И вот лукавая тишина разражается еще далекими ритмами самбы. Летит она к главной площади со всех концов города, вот ближе, ближе — и оглушают зрителя вырвавшиеся из всех улиц и переулков звуки музыки, ослепляет яркий, красочный поток людей. Каких только нет здесь костюмов! Мельтешат домино, пираты, гвардейцы французского короля, вон проехал Наполеон на белой лошади, Афродита рождается из пенного гребня, вон на платформе скрытого грузовика едет республика Палмарес — республика беглых рабов-негров — сюжеты карнаваловых представлений самые разнообразные, на темы исторические и современные.

И весь карнавал танцует самбу.

Танцует портовый грузчик и почтенный бизнесмен, сапожник и учитель. Школы — весь город высипал на улицы. Удивительное зрелище.

¹ Ф а д о — португальская народная песня.

² Б а т у к е — африканский танец.

В. Сидоров

ИСТОРИИ — ВЕРИТЬ, ИСТОРИЮ — ТВОРИТЬ

ПАРУС В ОКЕАНЕ

Еще есть на свете чудеса. Еще стоит в них верить: удивляться новому, радоваться неожиданному, вглядываться в невероятное. Еще нужны человеческому сердцу приключения в поисках неизведанного и недосказанного... Казалось бы, в наш век, когда из страны в страну самолеты переносят человека за несколько часов, когда космонавты облетают планету за девяносто минут, когда пассажирские суда нам кажутся слишком тихоходными, чтобы быть средством сообщения, уже неоткуда взяться приключениям.

И порою жизнь как будто подтверждает это.

Мне рассказывал Андрей, знакомый семиклассник, о том, как он вместе с родителями пошел на большом пассажирском теплоходе в круиз по городам Прибалтики. Играла музыка, в капитанской рубке стояли рулевой и вахтенный, за кормой бурлила вода, над судном носились чайки... И даже шторм, настоящий шторм на Балтике довелось испытать Андрею.

И все же рейс казался ему чем-то

ненастоящим. Всеобщая восторженность морским походом даже корбила его. Может быть, ему не нравилась девчонка из соседней каюты, которая уж слишком преувеличенно всего боялась? Или задели сказанные после шторма слова пожилой пассажирки в очках: «Вот и ты, мальчик, приключение испытал...»? А может быть...

Да, так оно и было. Однажды утром Андрей вышел на палубу. Шла крутая балтийская волна, но уже нестрашная большому судну. Над горизонтом стояли тучи. И на их фоне ослепительно белел маленький треугольник. Его то скрывали волны, то возносили на самый свой гребень. Там, в дальней дали, кто-то шел под парусом. И сразу Андрею стало неловко мощи и надежности судна, на котором он плыл, неловко тех надежд на приключения в пассажирском круизе, что будоражили его еще накануне. «Вот оно, испытание себя, — промелькнула мысль при виде далекого паруса, — быть может, это спортсмены ставят рекорд на пределе возможного или ученые слушают море, а с теплохода под шум гребных винтов его никогда не услышишь...»

Семиклассник, он неожиданно понял, что на приключения билет не покупают. Они сами находят тебя, если ты занят серьезным делом. Такие мысли нельзя не оценить. И я протянул ему книгу Тура Хейердала «Экспедиция „Кон-Тики“».

«А кто он, Хейердал?»

В самом деле: кто? Писатель? Ученый? Мореход? Наверное, и то, и другое, и третье, а может быть, и нечто четвертое. Его книги о плаваниях по морям и океанам на бальсовом плоту, папирусных и камышовой лодках удивительно увлекательны и понятны читателю любого возраста и любой профессии. И соседствуют с ними книги сугубо специальные, доступные только высокообразованным историкам, этнографам, археологам, географам, палеоботаникам и так далее, и тому подобное. А автор все тот же — Тур Хейердал. Уже есть книги и о самом докторе Хейердале — норвежском путешественнике, ученом-теоретике и экспериментаторе, большим романтике нашего времени. О знаменитом норвежце спорят и у нас, и за рубежом: что сделал он в науке, что смог доказать и что опровергнуть. Спорят страстно, взыскательно оценивая не только его науч-

ные гипотезы и теории, но и сами факты, добытые им в мореплаваниях и на археологических раскопках. Поэтому что очень много вопросов, неясного, недосказанного оставила нам история человечества.

Как известно, Тура Хейердала волнуют загадки далекого прошлого: когда и при каких обстоятельствах возникли на нашей планете цивилизации, как они влияли друг на друга. Еще из школьного учебника мы узнавали о древних культурах Египта, Месопотамии, Индии. Мы читали о египетских пирамидах и шумерских зиккуратах, финикийских кораблях и статуэтках из Мохенджо-даро. Но все, о чем мы читали и слышали, как бы замыкалось на огромном Евразийском континенте: здесь происходили важнейшие события истории, здесь формировались культуры, что легли в основу всей современной цивилизации.

Шли столетия, менялись эпохи, возникали и гибли государства. И вот однажды, 12 октября 1492 года, Колумб открыл новый материк — Америку. Но... Да, здесь-то и начинаются те многочисленные «но», над которыми многие годы размышляют ученые, над которыми думает и Тур Хейердал:

«Никто никогда не отнимет у Колумба его заслуги, это он распахнул ворота Америки для всех нас... Но мы, европейцы, как-то уж очень легко забываем, что на берегу его встречали тысячи людей. Что на континенте гостей ждали высокоразвитые государства... Его встретили высокообразованные люди. Они сами делали книги из бумаги, изучали астрономию, историю, врачебное искусство. Они читали и писали, пользуясь собственным письмом. У них были настоящие школы и научные обсерватории... Сложный календарь этих людей был точнее того, который знали в Европе во времена Колумба... Просвещенные и непросвещенные гражд-

дане жили в выстроенных по плану городах с ровными улицами, водостоками, канализацией, рыночными площадями, спортивными площадками, школами и дворцами... А золотые и серебряные изделия здешних ювелиров технически и эстетически стояли так высоко, что испанские «открыватели», потеряв от радости голову и совесть вместе с ней, схватились за меч...»

Приношу извинение за столь большую цитату, но лучше Хейердала об этом не скажешь. Сегодня он один из компетентных знатоков истории древних культур.

А что было в Америке или Океании до европейской эпохи Великих Географических Открытий? Развивались ли там цивилизации сами по себе, или были между ними какие-то контакты через океаны? Из Америки или Азии пришли на острова Полинезии люди? И на чем пришли, ведь не было у них кораблей, подобных колумбовской «Санта-Марии»? Почему в Полинезии и Древнем Египте солнце называлось одинаково — «ра»? Почему в Перу, долине Нила, на далеком тихоокеанском острове Пасхи сооружались пирамиды, одинаково строго ориентированные по солнцу? Что это, случайные совпадения или общие корни?..

Подобных вопросов хватило бы, наверное, на несколько страниц.

Конечно, личность Тура Хейердала неотделима от всех этих вопросов, и говорить о нем, не задаваясь ими, просто невозможно. Тем более что многие из них побудили однажды 33-летнего норвежца поднять парус с изображением инкского бога Кон-Тики. Было это 28 апреля 1947 года.

В этот день Тур Хейердал стал знаменитым.

Теперь уже трудно кого-либо удивить дальним мореплаванием на примитивных судах: после «Кон-Тики» шесть плотов повторили его путь от

Южной Америки до Полинезии. Океаны пересекают на маленьких яхтах и лодках, в одиночку и небольшими группами. Порою это нас удивляет, чаще — не очень, потому что подчас возникает подозрение: а не совершаются ли эти походы ради самих походов? Но совершенно определенно, что для Хейердала морские экспедиции самоцелью не были никогда. Он никого не пытался поразить рискованной затеей. Никого, кроме тех ученых, которые упорно твердили, что из Южной Америки никакие переселенцы древности не могли добраться до удаленных островов в Тихом океане: не было у них кораблей, а плоты, простите, — это несерьезно. Но оказалось, что плот, сделанный по древнеинкскому образцу из бальсовых бревен, более совершенен, чем было принято думать, более приспособлен к плаваниям в открытом океане: на многие тысячи морских миль, чем предполагал даже веривший в него Хейердал.

Потом выяснилось, что и папирусные лодки пригодны к сверхдальним переходам, если правильно их строить и верно управлять ими. Значит, и обитатели Средиземноморья еще до

наступления новой эры могли достичь берегов Америки. Конечно, «могли» и «достигали» — разные понятия. И еще не все здесь ясно, не все доказано, но парус был поднят. Парус поиска истины. Небольшой, скроенный по меркам далеких тысячелетий, он оказался на виду у всего мира. И все увидели высокого, сухощавого норвежца, верящего в себя, друзей, науку, верного своим идеям и привязанностям.

И как тут не вспомнить слова, вырезанные на деревянном кресте над антарктической могилой известного полярника Скотта, слова, повторенные потом Каверинным в «Двух капитанах»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

Таков он издала, капитан «Кон-Тики», «Ра», «Тигриса» — смелый и настойчивый в своих дерзаниях человек.

«МАЛЬДИВСКАЯ ЗАГАДКА»

«Кто-то из местных жителей обнаружил каменную голову. Мальдивские власти пришли к выводу, что эта голова должна быть старше восьмисот лет...»

Так начал свой рассказ Тур Хейердал. Это был он, человек, которого знают во всем мире. И сидел он напротив меня в самом центре Ленинграда, в номере гостиницы «Европейская». Говорил ровным строгим голосом, тщательно формулируя мысли, потому что рассказывал о том, что еще не опубликовано им, не до конца осмыслено.

О, если бы была возможность, я привел бы в этот гостиничный номер всех мальчишек, с упоением читающих книги доктора Хейердала, мечтающих о дальних странствиях и удивительных открытиях!

Вблизи, на расстоянии одного метра, он был совсем не таким, каким рисовался со страниц книг: ничего от «морского волка», незаметны следы тропического загара, свойственного тем, кто у экватора долгие месяцы проводит под открытым небом. Доведись встретиться с ним не в гостинице, а на ленинградской улице, среди разноязыкой толпы интуристов, — боюсь, что не узнал бы Тура Хейердала: увидел бы высокого подтянутого джентльмена, чем-то похожего на представителя деловых кругов и вряд ли — на путешественника.

И все-таки это был он. Последние годы Тур Хейердал вел большие археологические раскопки на Мальдивских островах, что в Индийском океане. Островов в архипелаге около 1200, протянулись они цепочкой до самого экватора.

Итак, на одном из этих островов была найдена каменная голова — обломок большой статуи. Тур Хейердал был приглашен на раскопки.

«Да, эта голова должна быть старше восьмисот лет, потому что восемьсот лет назад на Мальдивы прибыли мусульмане, которым по религии запрещено изображать человека, — продолжил Хейердал. — Когда я увидел находку, то мне стало ясно, что это обломок буддийской скульптуры. Зашел и в местный краеведческий музей порыться в запасниках. И с удовольствием обнаружил еще одну сделанную на этих же островах находку, индуистскую скульптуру — голову фантастического существа с торчащими клыками, высунутым языком, удлинёнными мочками ушей. Следовательно, по меньшей мере две цивилизации существовали на этих островах до того, как в тысяча сто пятьдесят третьем году пришли туда арабы.

Я увидел в музее письменность, чем-то напоминающую сингалскую, однако разобраться в ней никто не

может. Увидел бронзовые статуэтки, будто бы занесенные из Индии... Короче говоря, я понял, что есть смысл заниматься на островах раскопками, как и предложил президент этой островной республики.

Но ведь тысяча двести островов! Какой из них выбрать? Это низкие коралловые острова высотой не более двух метров. Даже самые большие из них настолько низки, что, не будь барьерного рифа, их захлестнула бы океанская волна. Мой опыт мореплавателя подсказывал, что надо отправляться к экватору, через который древние могли пройти, чтобы обогнуть южную оконечность Индии. К тому же я знал, что первые мореплаватели были солнцепоклонниками, — вот и еще один довод в пользу того, чтобы сосредоточить все наши усилия именно на экваторе, там, где солнцепоклонники должны были строить свои храмы.

Я высиделся на небольшом острове, поросшем густым лесом. Рыбаки проводили меня вглубь, где, по их словам, крылось что-то такое, к чему никто из них не решался подойти...»

Тур Хейердал заговорил о загадочном, еще ждущем своего научного объяснения. Он рассказывал о лесной чаще, укрывшей тайное, о своих друзьях — археологах и этнографах, приехавших с ним на Мальдивы и радовавшихся каждой неожиданной находке, хотя она и ставила их в тупик... Он рассказывал, и я снова видел перед собой капитана «Кон-Тики», неунывающего и энергичного. И не гостиничный паркет застыл под его ногами, а ходкая палуба древнего судна, и не тишина номера окружала его, а ветер странствий наполнял неугомный парус над головой!

На дворе стоял октябрь 1984 года. Хейердалу исполнилось 70. Это был седьмой его приезд в нашу страну. Сначала предполагалась довольно обширная программа: не только

Москва и Ленинград, но и поездка на археологические памятники, и среди них — на ставший недавно знаменитым Диринг-Юрях в Якутии. Но обстоятельства у самого Хейердала сложились так, что от Якутии пришлось отказаться да и время, отведенное на встречи в Москве и на берегах Невы, значительно сократить.

В Ленинграде Тур Хейердал выступил с лекциями о морских связях древних цивилизаций. Были у него и содокладчики, известные советские археологи В. М. Массон и Ю. А. Мочанов. Вадим Михайлович Массон рассказывал об изучении древних цивилизаций советскими учеными, а Юрий Алексеевич Мочанов — о находке в Диринг-Юряхе. И если связь докладов Хейердала и Массона очевидна, то связь сообщения Мочанова с тем, что говорил гость нашей страны, вызывала некоторое недоумение, потому что Юрий Алексеевич обнаружил в Якутии следы жизни человека древнекаменного века, которые сегодня датируются 1,5—2 миллионами лет. Что общего между находками Мочанова и историей первых цивилизаций, которые датируются 3 тысячами лет до нашей эры?

«Находки Мочанова убедили меня, — ответил мне Хейердал, — что человек разумный на нашей планете появился значительно раньше, чем это принято думать. Значит, и первые цивилизации могли возникнуть гораздо раньше, чем это считается сейчас. Мне всегда казался очень подозрительным внезапный, почти одновременный расцвет цивилизаций в долинах Инда, Нила, Тигра и Евфрата за три тысячи — три тысячи сто лет до наступления нашей эры. А что было до того? Пока вразумительного ответа я не слышал. И коль скоро мочановские находки удревняют историю рода человеческого, можно предположить, что раньше, значительно раньше начали возникать ци-

вилизации. И нам многое еще предстоит открывать для себя удивительного!

А если уж мы заговорили о находках Массона, — тут, чувствовалось, доктор Хейердал, что называется, сел на своего конька, — то следует рассказать о том, какие удивительные открытия совершены в Туркмении и на Мальдивах: и там и там раскопаны остатки зиккуратов, подобных месопотамским. Значит, древние мигрировали не только по суше, но и по воде — через пустыни, горы и океаны».

Вот, оказывается, что скрывал скромный холм на плоском мальдивском острове!

Родина зиккуратов — Месопотамия. Подобно древнеегипетским пирамидам, они высились над обожженными солнцем равнинами. Их строили почти 5 тысяч лет назад! И если строительство зиккурата на территории Туркмении наводит на размышления об огромных просторах, на которых жившие там ощущали влияние культуры междуречья Тигра и Евфрата, то обнаружение зиккурата на Мальдивских островах заставляет решительно переоценивать возможности мореплавания в столь отдаленные от нас времена.

«Море отнюдь не бездна, которая разделяла людей в веках, — убеждает Хейердал. — С самого возникновения цивилизации моря и океаны участвовали в контактах, создавались новые средства транспорта, которые позволяли людям торговать, обмениваться культурными ценностями, общаться друг с другом. Так было и с Мальдивскими островами. Но сначала давайте о том, что мы раскопали».

...Перед исследовательским отрядом Хейердала высился курган, от подножия до макушки заросший могучими деревьями. Раскорчевывать площадку под археологические раскопки трудно, тем более в душном

тропическом лесу. По словам моего собеседника, это чем-то напоминает пребывание в сауне, но только в одежде и с топором в руках.

Холм обнажился. Исследователи увидели, что под ним действительно крылось какое-то сооружение. На его 9-метровую высоту шел пандус. У подножия кургана обнаружили остатки кладки, некогда облицованной. Но облицовка, как кощунственная, была уничтожена средневековыми мусульманами. Зато удалось найти специфические скульптуры, родственные древнеиндийским. Как ни были готовы археологи к таким находкам, а все же удивились: ведь ближайшая материковая суша от этих островов более чем в тысяче километров пути!

Там же было найдено изображение быка в камне, которое некогда служило украшением зиккуратоподобной башни. Но ведь львы и быки — традиционный мотив в искусстве Вавилонии. Словом, новые находки — новые вопросы.

Тур Хейердал показывает слайды: «Взгляните на этот — на нем остатки красивых колонн, по которым мы можем судить, что здесь и впрямь была высокоразвитая цивилизация: настолько они пропорциональны и легки... Нам следует все время помнить, — чувствовалось, что Тур Хейердал заговорил о самом главном, — что речь идет о двух высокоразвитых цивилизациях, пришедших сюда с мореплавателями, которые, видимо, постоянно общались со своей древней родиной. И было это задолго до Васко да Гамы, который приплыл на Мальдивы из средневековой Испании, и даже задолго до арабов, осевших на этих островах в тысяча сто пятьдесят третьем году. Сюда в седой древности пришли солнцепоклонники. Мотивы солнечных символов в их архитектуре явно преобладают. Потом эти орнаменты были замаскированы штукатуркой: последующая

цивилизация не нуждалась в чужих символах, но все мегалитические постройки использовала для своих целей».

Немало находок, которые указывают на связь с Индией разных эпох. Это изображение индуистского бога вод Макары. Это бусы, сделанные из агата, и украшения из горного хрусталя. Ни агата, ни горного хрусталя на коралловых островах быть не может. Есть вещи, удивительно созвучные тому, что когда-то было раскопано в Мохенджо-даро. А ведь Мохенджо-даро — чрезвычайно ранняя, еще во многом загадочная и неизученная цивилизация. Значит, были контакты людей на большие расстояния в самые разные времена! Да, на Мальдивах побывали не простые рыбаки, а люди, наделенные обширными познаниями и навыками в ремеслах и искусствах.

«Понятно, что находки, созвучные с образцами культуры Мохенджо-даро, нас интриговали особенно. — При этих словах мне показалось даже, что я услышал в голосе Хейердала волнение. — Мы раскопали несколько ритуальных бассейнов каменной кладки. Кладка абсолютно совершенная — нельзя втиснуть в щель лезвие ножа. До сих пор чемпионами такой кладки считались хетты и доинкские народы, но мальдивские примеры превосходят все. Итак, бассейны... Как только мы углубились достаточно глубоко в грунт, появилась пресная вода, большие резервуары которой, как выяснилось, кроются под коралловыми островами. Мы убедились, что конструкции бассейнов совершенно идентичны бассейнам в Мохенджо-даро: и размеры, и лестница на восточной стороне, и каменные скамейки для купающихся...»

Раскопки позади, но уже ясно, что они оставили множество вопросов, проблем, еще ждущих своего разрешения. Доказать родство удаленных друг от друга цивилизаций, доказать

контакты между ними через океан — это много, но далеко не все. Что за люди жили на Мальдивах, на каком языке говорили, какие события волновали их, какое влияние оказали они на наследников и соседей? И кто знает, может быть, изучение истории Мальдивских островов прольет свет на таинственную культуру Мохенджо-даро? Да, глазам всех, кто любит историю, интересуется ею, открылась очередная загадка, которая, будем надеяться, найдет когда-либо свое разъяснение.

А Тур Хейердал пишет новую книгу, которую так и назвал: «Мальдивская загадка». Капитан «Кон-Тики» не опускает свой парус.

«ПОКА НАШ ПЛОТ НА ПОВЕРХНОСТИ...»

Хочу напомнить, что эта беседа с Туром Хейердалом состоялась в октябре 1984 года. Как раз в те дни отмечалось 40-летие освобождения Северной Норвегии от фашистских захватчиков советскими войсками совместно с норвежскими войсками, среди которых был и 30-летний лейтенант Хейердал. Об этом можно прочитать в отличной книге А. Якоби «Сеньор Кон-Тики», поэтому свой вопрос я сформулировал так: «Что из тех далеких дней вам вспоминается более всего?»

«Прежде всего, я постоянно думаю, что война — это безумие. И надо сделать все, чтобы предотвратить ее повторение. А среди моих самых светлых воспоминаний — встречи в Финмарке сорок лет назад с боевыми соратниками. С двумя из них я только что встретился вновь. Встреча, не улыбайтесь, состоялась... в сауне. Мы очень тепло говорили, приятно вспоминалось, как в далекие годы молодости после боев на жестоком морозе вот так же хорошо отогревались в бане. Отогревались наши души, и мы находили

общий язык. Им были ненависть к общему врагу и надежда на то, что никогда больше не будет войны.

Очень часто я вспоминаю военное рождество. У норвежцев принято его отмечать. В тот раз пришел к нам советский офицер. И мы большой компанией говорили о нашей дружбе, о мире. За это мы сражались, теряли боевых друзей и побеждали!»

«Какую роль может сыграть в борьбе за мир ученый-гуманитар, интересующийся проблемами истории?»

«Я считаю, что ученые не просто могут что-то сделать для того, чтобы отстоять мир, они обязаны для этого сделать все. Историки знают, насколько обманчиво спокойствие под прикрытием якобы мощного оружия. Люди забывают, что противная сторона в состоянии придумать или столь же совершенное оружие, или того лучше. И так было на протяжении тысячелетий. Кто-то изобрел лук и стрелы. Это изобретение тотчас присвоил и противник. Потом кому-то в голову пришло использовать в качестве орудия смерти порох. Другая сторона воспользовалась этим же оружием. Однажды был изобретен динамит. Автор изобретения — Нобель — был убежден, что с появлением динамита возможность войны исключается... Мы знаем, как эта тенденция продолжалась в области разработки атомного оружия. И по-прежнему мы во власти неверных представлений о том, что надо изобретать все более совершенное оружие, чтобы обеспечить вечный мир.

Мы, люди, знающие историю, должны убедить всех, что это бесцельное занятие, что в будущем оно ничего хорошего не принесет. Мы все живем на единственной обитаемой планете Солнечной системы, и мы должны сделать все, чтобы сохранить полученное нами наследство всеобщей человеческой культуры.

Я все время говорю, что наша планета подобна плоту, только очень большому. И пока не поздно, пока наш плот на поверхности, мы все должны утуться на нем».

«Значит, надо не только изучать историю — надо и творить ее?»

«Да! Истории надо верить, ее надо творить. Люди должны перестать прятаться за дальнобойным оружием — надо выйти вперед, встретиться с так называемым противником и убедиться в том, что он такой же человек, как ты сам».

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ НАУКА ЭТНОГРАФИЯ

Люди и обычаи! Как много стоит за этими двумя словами. Действительно, люди могут быть с черным, белым, желтым цветом кожи, жить в снегах и льдах Арктики или во влажных тропических лесах Африки, да мало ли где еще. Есть среди них рослые белокурые красавцы и совсем маленькие круглолицые пигмеи. Их письменная история может исчисляться тысячелетиями или наоборот только делать свои первые шаги. Но при всем этом все они — братья, ибо все люди. В их жизни много разного, но немало и общего для всех.

Изучением обычаев и нравов, верований и обрядов народов земного шара занимается сравнительно молодая наука — этнография. Это греческое слово станет гораздо понятнее, если перевести его на русский язык — «народоведение». Этнографов интересует, например, почему у племен, живущих на одном материке, подчас рядом друг с другом, резко отличаются обычаи. Так, на юге Африки, в племени героро, появление на свет близнецов считалось событием, сулящим большую удачу их соплеменникам. Но в той же Африке, там, где сейчас находится государство Того, близнецов, не колеблясь, убивали, так как считали их недобрим предзнаменованием. А порою ученые обнаруживают у народов, разделенных морями и океанами, похожие обычаи.

Чем же объяснить сходство или различие в образе жизни народов? Конечно, законами общественного развития, присущими человеческому обществу. Подробнее об этом можно узнать из книги, которую представляет один из крупнейших советских этнографов профессор С. А. Токарев. Она называется «Люди и обычаи» (1976), а написали ее два автора — А. Дриздо и А. Минц. И может быть, больше всего вас увлечет ее последняя глава, где авторы рассказывают о том, что и в нашем, XX, веке, когда расстояния измеряются часами полета, а не сутками или месяцами пути, некоторые люди на земле все еще живут в каменном веке. Эти «белые пятна» в науке ждут своих исследователей, одним из которых быть может станет тот, кто прочтет эту книгу.

Алжир — столица Алжирской Народной Демократической Республики — расположен на холмистом берегу живописной бухты Средиземного моря. Этот арабский город вырос на развалинах более древних поселений во 2-й половине X века. Тогда от небольшого мыса в море тянулись 4 острова. Острова (по-арабски — ал-джазаир) и определили название города. Оно закрепилось не только за прибрежным поселением, но и распространилось позднее на всю страну. В искаженной европейской передаче Ал-Джазир превратилось в Алжир (кстати, на разных языках это название звучит не совсем одинаково). А самих островов уже давно нет. Еще в XVI веке их соединили дамбой между собой и с берегом, на ней построили Адмиралтейство. Дамба отгородила от бухты первоначальный алжирский порт, где теперь стоят яхты, небольшие каботажные суда, рыбачьи лодки и баркасы. Однако старая гавань помнит и другие времена, когда здесь царило постоянное оживление. Ее выбрали своим пристанищем пираты, наводившие ужас на торговые корабли. Галеры пиратов ходили и под парусами, и на веслах, на которых сидели невольники. Захваченную добычу и пленников продавали на площади у самого моря.

А. Кондратов

БЕРИНГИЯ — «МОСТ» В АМЕРИКУ

Десять тысяч лет назад Берингова пролива не было. На его месте, и не только на месте пролива, а на месте огромных пространств Берингова и Чукотского морей, простиралась обширная суша, связывавшая северо-восточную оконечность сверхматерика Евразии и северо-западную часть Нового Света. Эту затонувшую землю называют Берингией. А реконструкцией ее занимается особая научная дисциплина — берингиология.

Как же представляют себе ученые облик этой затонувшей земли? Какие у них есть доказательства в пользу того, что эта суша действительно существовала на месте Берингова пролива? Обратимся к фактам, собранным различными науками, но говорящими об одном — о Берингийской суше.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ОКЕАН

Десять — двенадцать тысяч лет назад окончился ледниковый период. В течение нескольких тысяч лет медленно, но верно таял великий ледник, покрывавший огромные про-

странства Северного полушария. И по мере того как таяли льды, повышался уровень Мирового океана. Этот уровень повышается и по сей день. По подсчетам океанографов, он возрастает ежегодно приблизительно на 1 миллиметр.

Величина, конечно, ничтожная: 10 сантиметров — за столетие, 1 метр — за тысячу лет. Однако прежде этот процесс был более стремительным: льды таяли быстрее, быстрее повышался и уровень океана. Приблизительно шесть тысяч лет назад уровень океана установился почти таким же, каким он является ныне. Эта дата не вызывает споров. Зато споры ведутся о том, на сколько же метров был ниже уровень Мирового океана в эпоху оледенения, по сравнению с нынешним.

Сначала считалось, что льды скопировали массу воды, способную понизить уровень океана на 90 метров. Затем, когда удалось точно оценить массы льдов, покрывающих Антарктиду, достоверной стала считаться величина в 110 метров. Последние исследования показывают, что уровень океана мог понизиться не на 110, а на 120—135 метров. Наконец,

есть гипотезы, согласно которым уровень океана во время максимума последнего оледенения был ниже нынешнего на 180 метров!

Спор об этих величинах имеет важное значение. Ведь исходя из них мы можем рассчитывать контуры суши, которая существовала в эпоху последнего оледенения на месте нынешних мелководных участков морей и океанов, в том числе и Берингии. Карта мира покрыта голубой краской в тех районах Земли, где океан имеет глубины в 100 и 200 метров. Для каждого моря составлены свои, более подробные карты с обозначением глубин. Одинаковые глубины соединены линиями — изобатами. По какой же изобате должны мы восстанавливать контуры затонувшей Берингии? Чтобы ответить на этот вопрос, одним лишь данных о таянии льдов и повышении уровня Мирового океана мало. Надо учитывать еще один фактор — движение земной коры. Ведь оно может вносить существенные поправки в наши реконструкции затонувших земель.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ДНО МОРСКОЕ

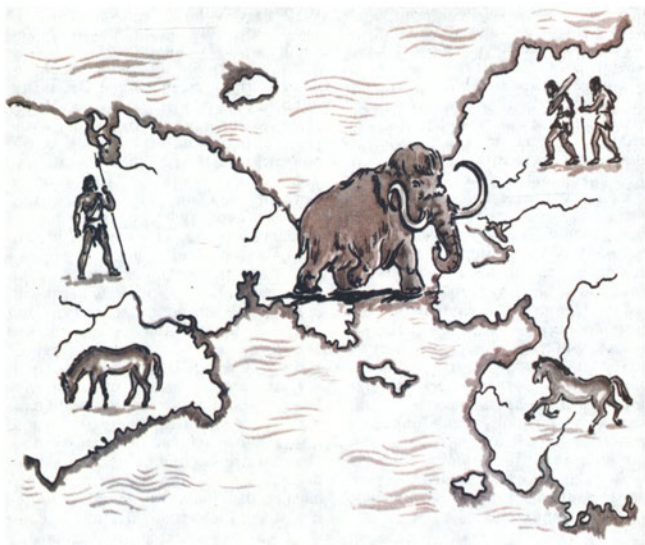
Возьмем, к примеру, Балтийское море. На севере его суша поднимается гораздо быстрее, чем идет наступление вод Мирового океана: на метр за столетие! Но чем дальше на юг от Ботнического залива, тем скорость роста земной тверди меньше. В районе латвийского порта Лиепая она равна нулю, а еще южнее берега Балтики, наоборот, не растут, а опускаются (например, в районе Копенгагена опускание это идет со скоростью 1 миллиметра в год). Таким образом, наступлению океана может противостоять поднятие суши. Или, наоборот, опускание суши вместе с нашествием вод Мирового океана может привести к тому, что твердь земная уйдет на

глубину в 200 и более метров (в Охотском море она опустилась на глубины до 1,5 километра).

Значит, чтобы надежно восстановить контуры затонувшей Берингии, надо обратиться не только к Мировому океану и росту его уровня после таяния ледников, не только к карте, показывающей глубины Берингова моря с изобатами 90, 100 и более метров, — нужны данные о самом дне, его структуре, осадках, покрывающих это дно. Там следует искать следы затонувшей суши, с ее горами и долинами, продолжениями русел рек, текущих по земле, береговыми линиями, ныне погруженными под воду. И несомненные следы былой суши удалось обнаружить. Прежде всего — на дне Берингова пролива.

Пролив этот мелок: средняя глубина его равна 45 метрам, а наибольшая не достигает и 60 метров. Вне всякого сомнения, в эпоху последнего оледенения на месте пролива была суша, ведь уровень Мирового океана был ниже нынешнего минимум на 110 метров. Толщина слоя осадков, поднятых со дна Берингова пролива, равна 6 метрам. Осадки эти накопились за недолгое существование пролива. А под ними лежит прочное скальное основание. Сложно оно гранитами, такими же, что образуют цепочку островов в Беринговом проливе — последних обломков Берингии.

На дне Берингова пролива удалось найти холмы и долины, когда-то бывшие не подводными, а надводными. Обнаружили под водой и контуры древнего озера, связанного с разветвленной системой рек, также затопленных. Подводные речные долины найдены и на дне Чукотского моря, так же как и другие следы затонувшей суши — подводные холмы. И что самое главное — на дне Берингова и Чукотского морей обнаружены четкие следы береговой линии, отмечающей контуры затонувшей

земли. И не одной такой линии, а нескольких, которые позволяют проследить сокращение размеров Берингии после окончания последнего оледенения и наступления океанских вод на сушу.

Участки Берингова моря, которые ныне лежат на глубине 120 и более метров, по всей видимости, оставались под водой и в эпоху последнего оледенения. Зона шириной от 90 до 300 километров была в ту эпоху районом мелководья. А береговая линия лежала на тех участках Берингова и Чукотского морей, которые на современных картах обозначены изобатой в 90 или 100 метров. Она-то и определяет границы Берингской суши во время максимума последнего оледенения — огромной страны протяженностью почти в 1,5

тысячи километров с севера на юг, от нынешнего острова Врангеля (который является северным обломком Берингии) до дуги Алеутских островов, большинство из которых также в ту пору были не островами, а частью затонувшей земли.

Другая древняя береговая линия обнаружена на глубине в 38 метров. Расчеты показали, что она обозначает контуры Берингии примерно тринадцать тысяч лет назад. Размеры Берингии сильно сократились, и наметились контуры Берингова пролива. Еще одна древняя береговая линия найдена на глубине в 30 метров. Она отмечает границы Берингии около одиннадцати тысяч восьмисот лет назад. Очертания Чукотского полуострова в ту пору почти такие же, как и сейчас. Но раз-

меры Аляски превосходили нынешние. Ибо сушей тогда были многие ее заливы, а с материком соединялись отдельные острова.

Помимо этих древних береговых линий, на глубинах в 20 и 10 метров также найдены следы бывших берегов Берингии, существовавших в более позднее время. Шесть тысяч лет назад сухопутный «мост», связывавший Старый и Новый Свет, исчез окончательно.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ РЫБЫ

Таким образом, мы можем проследить историю Берингии на протяжении нескольких десятков тысяч лет: от той поры, когда ее размеры были максимальными (в максимум последнего оледенения), до той поры, когда ее последние остатки исчезли под водой.

Но ведь оледенение на нашей планете было не одно! И между великими оледенениями существовали теплые периоды, когда уровень Мирового океана был равен нынешнему и даже превосходил его. Значит, и Берингия была не одна: «мост» то соединял Азию с Америкой, то вновь уходил под воду. Ученые пытаются сделать реконструкцию не только последней, существовавшей во время последнего великого оледенения Берингии, но и более древних «мостов» между Старым и Новым Светом. Причем, как это ни удивительно, делать эту реконструкцию позволяют данные не только наук о Земле и океане, но и науки, казалось бы, далекой от них — ихтиологии. «Немые» рыбы оказываются красноречивыми свидетелями, говорящими об истории Берингии.

Проблема расселения рыб в реках, впадающих в Тихий океан, на протяжении нескольких десятков лет интересовала Георгия Устиновича Линдберга, выдающегося советского

ученого-ихтиолога, крупнейшего в мире знатока пресноводных рыб. Сначала, совсем еще молодым исследователем, он попытался решить загадку пресноводных рыб, живущих в реках, впадающих в Охотское море, и точно таких же рыб, которые живут в реках острова Сахалин. Каким образом ухитрились не переносящие морской воды пресноводные рыбы материка пересечь Татарский пролив и оказаться на Сахалине?

Чтобы ответить на этот вопрос, Линдбергу пришлось обратиться к расселению пресноводных рыб Дальнего Востока, затем Восточной Сибири, Северной Америки, Западной Европы. А чтобы найти ключ к загадкам расселения этих рыб, ученому пришлось фундаментально поработать в морской геологии, океанографии и многих других науках, на первый взгляд не связанных с его основной профессией ихтиолога.

Линдберг обратил внимание на то, что пресноводные рыбы, живущие в реках, впадающих в северную часть Тихого океана, весьма немногочисленны: они представлены всего пятью семействами, в каждом семействе — лишь по одному роду, а в каждом роде, по существу, по одному виду. Причем почти все азиатские рыбы имеют своих «двойников» на Американском побережье. «Сибирская форель», рыба хариус, очень близка хариусам, что водятся в реках Северной Америки. Черная рыба — дальлия — одинакова по обоим берегам Берингова пролива, на Чукотке и Аляске. Рыба чукучан, живущая в бассейне Колымы, — подвид американского чукучана. Шуки из сибирских рек Анадырь и Пенжина — близкие родичи шук, водящихся в американской реке Юкон. И только в верховьях рек Анадырь и Ола обитает рыба голянь, последний, пятый представитель пресноводных рыб северной части Тихого океана, — голянь не водится в других реках

Азии и отсутствует в бассейне рек Америки.

По всей видимости, голянь — самый поздний пришелец на Тихоокеанском побережье Азии и Северной Америки. До Нового Света он не сумел добраться, потому что Берингийская суша уже исчезла. Когда кончилось оледенение, голянь из бассейнов рек Сибири через их верховья добрался только до Анадыря и Олы. А самый древний житель — черная рыба, даллия.

Массами встречается она в мелких речках, озерах и тундрах полуостровов Чукотка и Аляска. Даллия крайне неприхотлива и живуча. В течение недель эта маленькая рыбка может вмерзать в лед и вновь оживать с наступлением тепла. Нигде более, как на Чукотке и Аляске, черная рыба не встречается. Видимо, как вид, как род и как отдельное семей-

ство рыб даллия сформировалась в этом районе. А так как формирование не только семейства, но и отдельного вида требует очень много времени, то, очевидно, черная рыба благодаря своей стойкости к холоду смогла пережить последний ледниковый период. Остальные же рыбы или вымерли, или мигрировали в более теплые края.

Даллия обитает по обе стороны Берингова пролива. Расселиться эта пресноводная рыба смогла лишь благодаря «мосту» суши между Чукоткой и Аляской — Берингии. А так как черные рыбы на обоих полуостровах одинаковы, это верный знак того, что разрыв сухопутного моста произошел недавно, по окончании ледникового периода.

Такой «морозоустойчивый» вид, как даллия, свободно мог расселяться по системам мелких речек, озер и болот, существовавших на территории Берингии в эпоху последнего оледенения. То же самое можно сказать и о щуке, неприхотливой и выносливой. Но такое объяснение нельзя применить ни к «сибирской форели» — хариусу, ни тем более к чукучану, жителю горных рек и ручьев. Между тем и хариусы, и в особенности чукучаны по обеим сторонам Берингова моря представлены очень близкими видами, у них должны быть одни и те же предки. И в тоже время в отличие от черных рыб чукучаны и хариусы Старого и Нового Света не полностью сходны... В чем же тут дело?

Разгадку Линдберг видит в том, что даллии расселялись через последнюю Берингию, а хариусы и чукучаны через «мосты» суши, существовавшие в более давние времена. В конце третичного периода между Азией и Америкой существовал огромный массив земли. Его территория захватывала не только Чукотское и Берингово моря, но и часть Тихого океана. Начало четвертич-

ного периода и последовавшее в ту эпоху наступление океана и опускание суши уничтожило древнейшую Берингию.

Но вот примерно в середине четвертичного периода материка и океаны вновь стали менять свои очертания. Океан отступил, поднялась суша — и родилась древняя Берингия, Берингия-2, размеры которой были меньшими, чем у ее предшественницы: в Тихом океане рождались глубоководный Алеутский желоб и впадина южной части нынешнего Берингова моря. Однако реки Анадырь и Юкон относились к одному бассейну, а «мост» был достаточно широк, чтобы через него шел мощный обмен фауной и флорой между Старым и Новым Светом. Очередное наступление вод и опускание суши уничтожили Берингию-2. А в эпоху последнего оледенения, около тридцати тысяч лет назад, образовалась последняя Берингия — Берингия-3, ушедшая под воду после того, как уровень океана стал близок к современному, около шести тысяч лет назад...

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ЛИСТЬЯ, ПТИЦЫ, ЗВЕРИ...

О том, что сухопутный мост суши соединял Америку и Азию неоднократно, говорят данные и других наук: ботаники, зоологи, палеонтологи. «Флора Северной Америки изобилует сибирскими растениями. Они настолько сибирские, что иногда американские ученые не могут определить их по материалам, которыми располагают, — пишет академик А. П. Окладников. — Профессор Д. Хопкинс, например, в 1973 году привозил в наш Академгородок собранную им на Аляске коллекцию широк ископаемой лиственницы и листьев ископаемых ив. Растения эти американские специалисты опре-

делить не смогли, они только указали, что это не американские, а сибирские виды, и посоветовали обратиться за помощью к советским коллегам. Что Д. Хопкинс и сделал».

Сходную картину можно наблюдать, если обратиться и к фауне Сибири и Северной Америки, современной и древней. Из 89 видов птиц, живущих на Аляске, 71 распространен и на северо-востоке Сибири. По данным орнитологов, обмен различными видами птиц между Старым и Новым Светом происходил в течение всего четвертичного периода. Причем одни родственные виды относятся к началу этого периода, другие — к середине, а два родственных вида птиц свидетельствуют о совсем недавнем обмене. Проанализировав древние остатки курапаток, венгерский ученый Д. Яноши пришел к выводу, что первое переселение семейства тетеревиных из Старого Света в Новый Свет через Берингию произошло еще в третичном периоде, около десяти миллионов лет назад. Второе же переселение было связано с наступлением ледникового периода, когда в Америку из Азии вселились привыкшие к суровому климату тундровые курапатки.

В третичном периоде грызуны Старого Света проникли в Северную Америку и распространились по континенту. Но в Южную Америку они не попали, ибо она была отделена от Северной проливом на месте нынешнего Панамского перешейка (на месте же Берингова пролива был сухопутный мост, древнейшая Берингия). Через Берингию проникли в Новый Свет и лемуры, предки обезьян, хотя Южная Америка для них также осталась недоступной из-за «Панамского пролива».

Вслед за переселением мелких животных вроде грызунов и лемуров последовали переселения из Азии в Америку и более крупных зверей. И не только из Старого Света в Но-

вый, но и в обратном направлении. Предки слонов, небольшие животные, лишенные хобота и бивней, найденные в Египте, имеют возраст порядка пятидесяти миллионов лет: видимо, территория Африки была той колыбелью, где формировались различные ветви «слонового дерева»: слоны, мастодонты, мамонты. Все эти группы пускались в далекие странствия, с удивительной быстротой добирались до северо-востока Азии, а оттуда через Берингию (а точнее, через Берингию-1, Берингию-2, Берингию-3) почти все появлялись в Новом Свете, причем не только в Северной Америке, но и в Южной.

А вот родиной носорогов была, по всей вероятности, Америка. Оттуда по Берингскому «мосту» различные представители носорожьего племени заселили Азию, Европу, Африку. В Европе и на своей родине, в Америке, носороги вымерли, а в Африке и на юге Азии доживают свой век последние представители этого древнейшего вида млекопитающих. Родиной верблюда также была Америка, но верблюды здесь не сохранились, найдя вторую родину в Ста-

ром Свете, куда они попали через Берингию. Однако все-таки большинство видов переселялось из Старого Света в Новый, а не наоборот: бизоны и мускусные быки, олени и лоси, горные козлы и бараны, тапиры и сайгаки, волки и медведи, лисицы и пещерные львы...

Многие из этих животных вымерли повсеместно, например мастодонты и мамонты, саблезубые тигры и пещерные львы. Другие, исчезнув в Новом Свете, сохранились на территории Старого: таковы дикие лошади, носороги, верблюды. Третьи, наоборот, исчезнув в Старом Свете, обрели новую родину в Северной Америке, где дожили до наших дней: это современные овцебыки, широколобые лоси, бизоны.

За животными, являвшимися главной дичью для охотников древнекаменного века, палеолита, должны были двигаться люди. Они-то и были первыми колумбами, совершившими величайшее географическое открытие всех времен — открытие Америки. И открытие это было сделано не мореплавателями, а одетыми в звериные шкуры и вооруженными орудиями из камня людьми, прошедшими Берингским «мостом» из Старого Света в Новый.

КТО ОТКРЫЛ АМЕРИКУ?

«Поиски пришельцев» — так можно было бы назвать увлекательную повесть о самых разнообразных гипотезах и «адресах», которые назывались в течение последних четырех веков, с тем чтобы разрешить загадку происхождений жителей Америки и ее высоких цивилизаций, варварски уничтоженных завоевателями-конкистадорами. Древние египтяне — и не менее древние жители Двуречья, шумеры; жители побережья Атлантики, баски, — и живущие на противоположном

конце Евразии японцы; кочевники-гунны — и мореплаватели-финикияне; скифы, норманны, персы, кельты, греки, кхмеры, индийцы, китайцы, африканцы, критяне, «монголы на слонах», наконец, легендарные атланты... кто только не был «кандидатом» на то, чтобы считаться предком коренных обитателей Нового Света!

Поток этих фантастических гипотез не иссякает и поныне. Но большинство ученых полагает, что вопрос о происхождении индейцев Америки можно считать в общих чертах решенным: первобытные колумбы пришли в Новый Свет из Азии. Именно пришли, а не приплыли, потому что заселение Америки происходило в ту пору, когда еще была Берингия.

Однако не решен до конца вопрос о том, через какую именно Берингию заселяли люди Новый Свет и из какого района Азии они двигались: из Якутии, с Камчатки, из Приморья, Японии, Центральной Азии. Древность человека в Новом Свете вызывает жаркие споры среди специа-

листов. Одни полагают, что люди попали в Америку в период последнего оледенения, через последнюю Берингию. Но есть и другая точка зрения: за несколько десятков тысяч лет до этих колумбов в Новый Свет через древнюю (а не последнюю!) Берингию попали первобытные люди, самые ранние представители «человека разумного», освоившие Сибирь.

Кто прав, покажут будущие исследования. Исследования, которые проводят геологи и океанологи, зоологи и ботаники, археологи и антропологи, ихтиологи, изучающие рыб, и гляциологи — специалисты по льдам и оледенениям. Берингия, с ее ролью в древнейшем расселении человечества, обмене фауны и флоры между Старым и Новым Светом, стала своеобразным испытательским полигоном, где сталкиваются интересы самых разных наук, где высказываются гипотезы, порой совершенно несогласуемые. Тем не менее эти гипотезы позволяют идти к общей цели ученых.

Цель эта — поиск истины.

ОСКОЛКИ ГОНДВАНЫ

Среди ученых давно обсуждается гипотеза о существовании в древности на земле гигантского материка Гондваны. Новым подтверждением этой гипотезы служат исследования аргентинского палеонтолога Мариа Агирре Уретта. Ученый тщательно изучил останки древних морских животных мелового периода, найденных на крайнем юге Латинской Америки и на восточном побережье Южной Африки, и обнаружил, что они имеют множество общих признаков. Таким образом Агирре Уретта подтвердил с позиций палеонтологии то, что уже раньше доказывали геологи и геофизики: в палеозое Африка, Южная Америка, Антарктида, Индия, Австралия и Мадагаскар были единым суперконтинентом Гондваной, которая раскололась примерно 100—120 миллионов лет назад.

ЗАТОНУВШИЙ ГОРОД ИЗ ЛЕГЕНДЫ

У перуанских и боливийских индейцев, населяющих берега озера Титикака, сохранилось множество легенд, связанных с происхождением этого водоема. В одной из них говорится, что в незапамятные времена боги разгневались на людей и наслали на них болезнь, голод и землетрясение. А в довершение всего затопили столицу индейцев. Так возникло озеро Титикака.

Долгое время легенда оставалась легендой, пока боливийские кинооператоры, проводившие подводные съемки, не обнаружили на дне озера предметы древней культуры. Археологи, изучив находки, предположили, что в основу легенды о затонувшем городе легли реальные события. Ученые надеются в ближайшее время разгадать до конца эту тайну.

3

ЗЕМЛЯ И КОСМОС

А. Томили

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА — ЗВЕЗДА ВЕЧЕРНЯЯ

По вечерам, когда солнце заходит и край неба еще пылает от его неистовых лучей, появляется первая, самая яркая звезда. Древние народы связывали с нею самые лучшие свои надежды и потому называли ее прекрасной.

Но что интересно: в другое время такая же яркая звезда провожала по утрам меркнувшие звезды и смело встречала дневное светило. Она одна рисковала оставаться на посветлевшем небе, весело купаясь в лучах разгорающейся зари. Бывали времена, что эта звезда и днем оставалась видной на голубом небе, неподалеку от солнца. И за столь неукротимый блеск люди прозвали ее светоносной.

И вот оказалось, что обе звезды — утренняя и вечерняя — не что иное, как одно и то же «блуждающее» небесное тело — планета. В честь богини любви получила она название Венеры.

ЕСЛИ КОПЕРНИК ПРАВ...

Вы ведь помните, долгие годы люди считали, что Земля — центр Все-

ленной, а Солнце и Луна и все остальные планеты облетают нашу Землю вокруг. Именно такую схему устройства мира описал великий астроном древнего мира Клавдий Птолемей. Она полностью соответствовала тому, что видели люди с поверхности Земли, и потому выглядела весьма правдоподобной.

Христианская церковь утвердила эту картину мира и зорко следила, чтобы никто в ней не начал сомневаться. А сомнений со временем накапливалось все больше.

Польский астроном Николай Коперник первым отважился сказать, что Птолемей не прав! Не Земля, а Солнце находится в центре, и все планеты по разным орбитам кружатся вокруг него на разных расстояниях.

Коперник осторожно высказывал свою мысль в виде теоретического предположения. Но чтобы его гипотеза стала теорией, требовались доказательства. А как это доказать?..

Видели вы Луну на небе? И также наверняка замечали, что наш естественный спутник то круглый, как блин, то — ломтиком, а то и вовсе не появляется на небе. Почему так?

Посмотрите на рисунок, и вам сразу станет все понятно: когда Луна заходит за Землю, солнечные лучи освещают всю повернутую к нам ее половину. В это время Луна — блин. Но стоит ей оказаться сбоку от Земли, как мы видим уже только ее четвертушку — ломтик. А когда Луна занимает место между Солнцем и Землей, для нас она вообще пропадает с небосвода. Тогда солнечные лучи освещают ее противоположную сторону. Эти изменения видимого диска Луны называются фазами.

Но если Коперник прав, рисуя свою схему, то внутренние планеты (те, орбиты которых находятся внутри земной, обращаясь вокруг Солнца, должны показывать земному на-

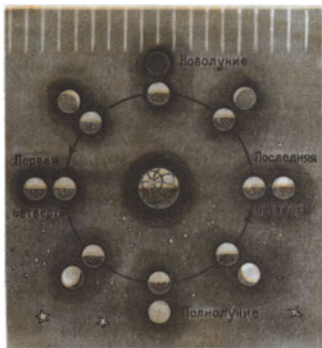
блюдателю такие же фазы, как и Луна?.. Правда, чтобы разглядеть диски далеких планет, нужен телескоп. А первым ученым, начавшим систематические астрономические наблюдения с помощью телескопа, был итальянский ученый Галилео Галилей.

«ВИДАМ ЦИНТИИ ПОДРАЖАЕТ...»

В ноябре 1610 года в Падуе было холодно и сыро. У Галилея разыгралась старая болезнь, и врачи запретили выходить ему на улицу. Но в ясные ночи ученый потихоньку нарушал рекомендации эскулапов. Закутавшись в теплый халат, он

Система мира Птолемея.

Фазы Луны.

пробирался на веранду своего дома и смотрел, смотрел в свою трубу на звездное небо, пока не начинали слезиться глаза. Каждый раз свои наблюдения он начинал с Венеры. И однажды ему показалось, что вид планеты вроде бы как-то изменился. Труба у Галилея была самодельная и по нашим меркам не очень хорошего качества. Изображение расплывалось и было мутновато, но...

В первых числах декабря сомнения стали пропадать. Едва заметная в ноябре ущербность диска Венеры с каждым днем увеличивалась. Если это так, то, значит, планета действительно обращается вокруг Солнца и ее орбита лежит внутри орбиты Земли! Галилей ликовал! Правда, как каждый настоящий ученый, он решил не торопиться с обнародованием своих результатов. Нужно было еще не раз проверить наблюдения, уточнить... А пока, чтобы закрепить за собой приоритет открытия, Галилей зашифровывает фразу о нем в виде анаграммы на латинском языке: «*Naec immatura a*

me jam frustra legentur». Означало это примерно: «Эти вещи, не оконченные и скрываемые еще от других, прочитаны мною». Стоило по определенному правилу переставить буквы, как из этой фразы должна была получиться другая, раскрывающая суть открытия.

Лишь убедившись окончательно в том, что его выводы из наблюдений полностью соответствуют истине, Галилей послал расшифровку своей анаграммы всем знакомым ученым. Выглядела она так: «*Cinthiae figuras emulatur mater amorum*», что означало: «Видам Цинтии подражает мать любви». Цинтией тогда называли поэты Луну, а «матерью любви» — Венеру. Слова Галилея говорили о том, что он видел венерианские фазы, а значит, одно из доказательств правоты Коперника получено!

«ОКРУЖЕНА АТМОСФЕРОЙ... ЗНАТНОЙ...»

В 1761 году Петербургская Академия наук наравне с другими европейскими академиями приняла решение участвовать в наблюдениях редкого явления — прохождения Венеры по диску Солнца. Два раза за сто тридцать лет можно его наблюдать. Можно себе представить, с каким усердием готовились астрономы к этому событию.

В доме замечательного русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова на специальной площадке стояла приготовленная для наблюдений труба и лежали закопченные стекла, чтобы не пострадали глаза.

Утро 5 июня выдалось отменным. Ученый засел на площадке и не отрываясь следил за ярким солнечным диском. Вот край светила сделался вроде как бы размытым. Венера проектировалась на диск Солнца в виде маленького темного кру-

Система мира Коперника.

жочка. А когда сошла с него, то кружочек был окаймлен тонким, светящимся ободком...

Большинство наблюдателей не обратили внимания на это обстоятельство. И лишь один Ломоносов правильно истолковал его как результат преломления солнечного света в атмосфере Венеры. «По сим примечаниям господин советник Ломоносов рассуждает, что планета Венера окружена атмосферою воздушною знатною, таковою (лишь бы не больше), каковая обливается около нашего шара земного».

Прекрасный вывод! Это было необычайно важное для своего времени открытие, которое показывало признак схождения одного из небесных тел с Землею, на которой живут люди.

СЕСТРА ЗЕМЛИ

Позже многие астрономы оказались в плену мнения, согласно которому Венера была очень похожа во всем на Землю. Измеренный ра-

диус лишь чуть-чуть отличался от земного, а значит, и масса и плотность. Правда, «знатная атмосфера» не позволяла глазу наблюдателя проникнуть к поверхности планеты. Но тучи могли смягчать убийственную солнечную жару. Короче говоря, в середине прошлого века утвердилось мнение, что и природные условия на Венере очень напоминают земные, только не нынешние, а... миллионы лет назад, примерно каменноугольного периода.

Художники, иллюстрировавшие популярные книжки по астрономии, с удовольствием рисовали древовидные папоротники, метровых стрекоз и гигантских ящеров, якобы населяющих поверхность «сестры Земли». И вдруг все изменилось.

Итальянский астроном Джованни Скиапарелли, славившийся исключительной остротой зрения, после ряда наблюдений пришел в 1890 году к выводу, что Венера облетает Солнце, не вращаясь вокруг собственной оси. Это было сенсационное заключение. Если с ним согласиться, то следует признать, что на Венере не может быть никакой жизни. Жаркие лучи близкого светила должны испарить воду венерианских болот и морей, превратить поверхность планеты в каменистую пустыню.

Многие не хотели верить Скиапарелли.

Фантастический пейзаж на Венере.

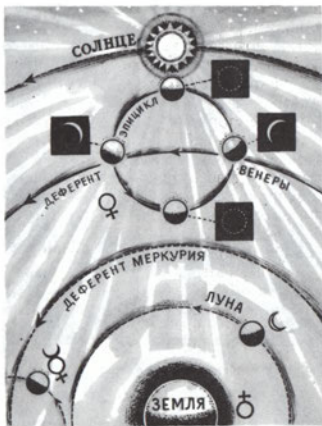
Конечно, сказать наверняка, что представляет собой соседняя планета, можно лишь побывав на ее поверхности. Но в прошлом веке, как, впрочем, и в первой половине нынешнего, о таком путешествии можно было только мечтать. Правда, можно сказать, что с Земли удалось рассмотреть некоторые особенности строения планеты Венеры. Острые лучи радиолокаторов с Земли «ошупали» планету и принесли уточненные сведения о ее размерах, форме, характере вращения вокруг оси и даже ландшафте.

Но чем больше подробностей узнавали ученые, тем больше вопросов у них возникало. Хотелось знать не приблизительный, а точный состав атмосферы, давление на поверхности. Хотелось однозначного ответа: жарко там или холодно, есть ли вода, какое у Венеры магнитное поле? Ученые — народ жадный до знаний, дай им только волю, так они зададут столько вопросов, что и за сто лет не ответишь...

Но вот наступила на земле космическая эра!

ВЕНЕРА — ПЛАНЕТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Посмотрите, на двух рисунках рядом начерчены схемы движения Венеры по системам Птолемея и Коперника. Строго говоря, Венера тоже должна иметь фазы, то есть менять для земного наблюдателя свой вид. Но характер этого изменения будет совсем другой. В птолемеевской системе планета никогда не должна иметь полного освещенного диска. В верхнем и нижнем положениях ее просто не должно быть видно с Земли, поскольку к нам обращено ее неосвещенное полушарие.

Фазы Венеры, по Птолемею.

В положениях справа и слева земной наблюдатель должен видеть серп планеты, рожками своими направленный в разные стороны.

А вот по схеме Коперника Венера должна, подобно Луне, проходить все фазы освещенности — от узкого серпа до полностью освещенного диска. Это и удалось установить Галилею. Примерно в то же время современник Галилея Иоганн Кеплер усовершенствовал систему Коперника, показав, что планеты движутся не по круговым, а по эллиптическим орбитам, в одном из фокусов которых (едином и общем для всех планет) находится Солнце. Однако эксцентриситет орбиты Венеры настолько мал, что планета движется почти по кругу, с периодом в 224,7 земных суток. Среднее расстояние Венеры от Солнца составляет 108 миллионов километров.

В нижнем соединении к Земле обращена темная, не освещенная

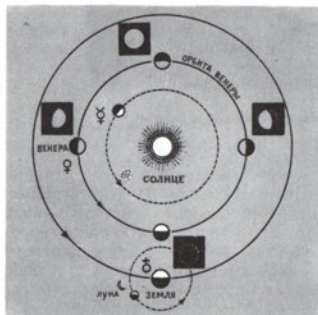
Солнцем сторона планеты, и мы ее не видим. Но даже если бы это было не так, поверхность Венеры рассмотреть нам бы не удалось, потому что она закрыта от нас плотными облаками.

Ученые уточнили величину радиуса и получили 6050 километров, что очень близко к земному (6371 км). При этом масса Венеры составляет 81,5 процента массы Земли, а средняя плотность планеты — $5,27 \text{ г/см}^3$. Плотность Земли — $5,52 \text{ г/см}^3$. Можно сказать, что по размерам, массе и плотности Венера очень близка к Земле.

Ну а какова же природа на Венере? Что там происходит под густым и плотным облачным слоем и из чего эти облака состоят?

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ВЕНЕРЕ

Наверное, к сегодняшнему дню уже многие наши читатели видели трехступенчатую космическую ракету на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. Ее длина — 38 метров, почти десятиэтажный дом.

Фазы Венеры, по Копернику.

Диаметр по стабилизаторам у самого основания — 10,3 метра. Первая и вторая ступени состоят из центрального и четырех навесных боковых ракетных блоков. Общая мощность силовой установки в полете около 20 миллионов лошадиных сил.

Подобные ракеты выводят на орбиты искусственные спутники Земли, пилотируемые корабли и отправляют в полет межпланетные автоматические станции.

Но прежде чем отправить в путь автоматическую станцию, нужно было решить целый комплекс очень сложных проблем...

1. Взаимное положение Земли и Венеры непрерывно меняется в пространстве. Нужно было прежде всего, используя законы небесной механики, выбрать, рассчитать и обеспечить такую траекторию полета, чтобы автоматическая межпланетная станция (АМС), преодолев силу земного притяжения и используя силу притяжения Солнца, попала бы на Венеру. При этом

2. Желательно, чтобы скорость в конце активного участка выведения требовалась бы возможно меньшая, что позволит при тех же двигателях ракеты отправить больше полезного груза.

3. Время полета должно быть минимальным, чтобы быстрее долететь до цели.

4. Расчетные данные межпланетной траектории должны выдерживаться особенно точно, чтобы АМС не улетела совсем не туда, куда было задумано.

5. Желательно, чтобы траектория полета была по возможности короче, тогда в пути будет меньше возможных неприятностей.

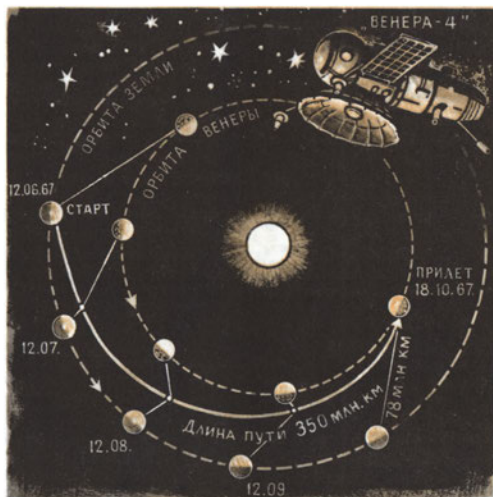
6. При подлете к Венере выбранная траектория должна обеспечить возможно меньшую скорость входа в атмосферу планеты, потому что тогда уменьшатся перегрузки и перегрев спускаемого аппарата.

Можно привести еще немало условий, но уже и из этого перечня вы видите, что даже выбор, расчет и обеспечение траектории оказываются задачами немалой трудности. Ведь удовлетворить всем требованиям одновременно невозможно.

После рассмотрения многих вариантов наши специалисты выбрали

При этом расстояние между Землей и Венерой в момент встречи будет около 70 миллионов километров, время полета станции — примерно три-четыре месяца и Солнце своим излучением не мешает радиосвязи.

По такой орбите и отправилась 12 февраля 1961 года к выбранной

Первая станция, которая сообщила сведения о Венере.

оптимальную траекторию с учетом массы станции, энергетических возможностей ракеты-носителя и длительности полета. Правда, она имела и некоторый недостаток: запуск можно было производить с Земли лишь тогда, когда наша планета опережала Венеру по угловому движению по орбите вокруг Солнца на 45 градусов.

планете автоматическая станция «Венера-1» массой 643,5 килограмма. В полете уточнялись методы вывода АМС на межпланетную трассу; проверялась надежность сверхдальней радиосвязи и управления станцией, а также проводились и исследования физических условий в космосе.

На протяжении 23 миллионов километров со станцией «Венера-1»

поддерживалась радиосвязь. В то время это был настоящий рекорд дальней космической связи.

Полтора года спустя американские ученые также попытались запустить к Венере космический аппарат «Маринер-1». Однако попытка оказалась неудачной и ракету пришлось взорвать. Месяц спустя стартовал «Маринер-2», который прошел мимо Венеры на расстоянии около 35 тысяч километров.

В 1965 году состоялись наши запуски. В путь были отправлены сразу две АМС — «Венера-2» и «Венера-3»... Астрономические часы строго определили время наилучшего старта. Счет шел не только на месяцы и дни, но и на часы, минуты и даже секунды. Одна за другой отправлялись в космос АМС. Беззвучно летели радиоволны, несли на Землю ценнейшую информацию об инопланетном мире, о неземных, труднопредставимых условиях...

В «ВОЗДУШНОМ» ОКЕАНЕ ВЕНЕРЫ — ЗЕМНОЙ ПАРАШЮТ

Первые прямые исследования атмосферы Венеры проведены советской АМС «Венера-4». 18 октября 1967 года, преодолев около 350 миллионов километров пути, станция вошла в верхние разреженные слои атмосферы Венеры. По команде с Земли спускаемый аппарат отделился от станции, погасил космическую скорость и начал спуск на парашюте, передавая на далекую Землю результаты анализов окружающей среды.

Можно себе представить волнение специалистов. Впервые в атмосфере таинственной планеты проводились научные исследования.

Результаты, поступающие в центр связи, были во многом неожиданными и устрашающими. Быстрее, чем предполагалось, лезла вверх темпе-

ратура. Гораздо быстрее поднималось давление. Из космоса летели сигналы, характеризующие плотность, химический состав атмосферы Венеры.

Рушились гипотезы, сметались предположения, и под обломками отвергнутого начинала вырисовываться истина. Но какая?.. Наземные операторы получили известие о том, что вокруг спускаемого аппарата температура достигла 462 градусов. Давление перевалило за 7 атмосфер. Прибор, который по-земному называли барометром, «зашкалило». На высоте примерно 26 километров над поверхностью планеты передатчик спускаемого аппарата замолчал.

Что там произошло, навсегда останется тайной. Скорее всего, посланец Земли был просто-напросто раздавлен венерианской атмосферой. Никто из конструкторов не знал, что нужно ожидать в чужом мире. С одной стороны, хотелось послать как можно больше научной аппаратуры. А это означало требование — максимально облегчить сам корпус спускаемого аппарата. С другой, — конечно, хотелось добраться до поверхности. Однако некоторые теоретики уверяли, что давление там будет не меньше тысячи атмосфер. Значит, посылать нужно настоящий батискаф со стальными стенками толщиной более десяти сантиметров. Да его и без приборов-то никакая ракета не поднимет...

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ АМС

В марте 1982 года в атмосферу Венеры вошли друг за другом еще два спускаемых аппарата, доставленных автоматическими межпланетными станциями «Венера-13» и «Венера-14». За несколько лет космических исследований мы узнали о природе соседней планеты больше, чем накопило человечество сведений за

всю доспутниковую эпоху о Венере. С наших с вами позиций, с позиций людей, условия на поверхности соседнего небесного тела поистине чудовищные.

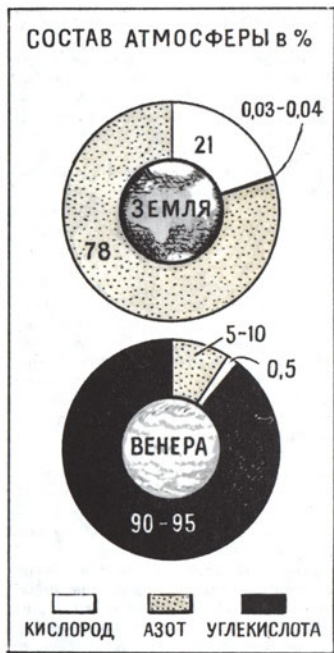
Прежде всего — давление. У самой поверхности Венеры оно оказалось примерно в 100 раз выше, чем на Земле. При этом плотность венерианского «воздуха» в 50 раз больше плотности земной атмосферы и лишь в 15 раз ниже плотности нашей воды. Если бы вы летели над Венерой на

самолете и захотели бы спуститься на поверхность, то вам для этого хватило бы обыкновенного зонтика, при условии известного упрочнения его конструкции. Впрочем, если зонт и сломается — не беда. Скорость установившегося свободного падения в атмосфере Венеры в 7 раз меньше, чем в земной. Так что не разобьетесь. Это обстоятельство позволило при посадке спускаемых аппаратов пользоваться парашютами только в облачном слое. Ниже, с высоты примерно 50 километров, аппараты свободно падали. При этом удар о грунт оказывался не сильнее, как если бы на Земле аппарат сбросили с высоты трех-четырёх метров.

Только вряд ли такой увлекательный опыт удастся когда-либо продумать. Очень уж неподходящая жара на Венере. У поверхности — почти 500 градусов по привычной нам шкале Цельсия. Пятьсот градусов — это многовато. Но уж зато если удастся когда-нибудь космонавтам побывать на Венере, их там будут ожидать сюрпризы за сюрпризами.

Помните, что такое «рефракция света»? Это искривление светового луча в более плотной среде. И если к тому времени инженеры сумеют сконструировать такие оптические аппараты, которые будут «видеть» сквозь пыль, туман и прочие помехи, то на Венере космонавты смогут наблюдать предметы значительно более удаленные, чем на Земле. В принципе, если подняться километров на тридцать пять над поверхностью, космонавт может увидеть... свой затылок. Луч света облетит планету и... Только не вздумайте впустить в свой вездеход венерианский «воздух». Увы, для всего живого, даже в остывшем виде, он ядовит. Больше всего там углекислого газа. Есть азот, есть инертные газы, а вот кислорода и водяного пара — ничтожно мало.

Густые облака, закрывающие поверхность Венеры от взглядов наблю-

Состав атмосферы на Венере.

датель, состоят, скорее всего, из... серной кислоты. Да, да, к такому выводу пришел целый ряд ученых, изучавших результаты анализов, присланные спускаемыми аппаратами как советских, так и американских станций. Откуда она может взяться в атмосфере Венеры? Наиболее вероятно — из вулканов. Сера ведь довольно распространенный в космосе химический элемент. На Земле, в стратосфере, в интервале высот от 15 до 30 километров аэрозоль тоже состоит в основном из мельчайших капелек водного раствора серной кислоты. Причем их концентрация после вулканических извержений резко возрастает.

А вот освещенность на поверхности нашей соседки-планеты примерно такая же, как и на Земле в облачный день. И если спускаемые аппараты станций «Венера-9» и «Венера-10» передали телевизионные черно-белые изображения поверхности планеты, то от станций «Венера-13» и «Венера-14» советские ученые получили цветные панорамы: рыжеватая твердь, плоские большие и мелкие камни, блестящие капли, похожие на какой-то расплав, и над всем этим странное желтое небо чужого мира... Впечатление такое, будто поверхность осветили только красным, желтым и зеленым прожекторами, забыв включить синий свет.

Время от времени эта фантастическая картина озаряется блеском молний. Потому что раз в атмосфере много аэрозолей и дует ветер, в облаках происходит разделение зарядов. Вот вам и условия для образования венерианской грозы.

Интересно, что Венера — единственная немагнитная планета в солнечном семействе. У нее нет своего магнитного поля, но есть магнитосфера, наведенная солнечным ветром. Могучий поток солнечных частиц — солнечный ветер несет с собой как бы «вмороженное» в него

магнитное поле, которое вызывает или наводит в ионосфере Венеры электрические токи. Токи создают, в свою очередь, свое магнитное поле, отражающее, как экран, поток солнечного ветра. Так и получается, что, не имея собственного магнитного поля, Венера «сама» создает себе магнитосферу методом индукции — наведения.

12 июня 1985 года, когда эта статья была уже набрана, все средства информации Советского Союза принесли людям новость: «Выполнен важный этап международного проекта «Венера — комета Галлея». 11 июня 1985 года начат принципиально новый эксперимент по изучению циркуляции атмосферы Венеры и ее метеорологических параметров»...

500 миллионов километров преодолела станция «Вега-1» за полугодовой полет, прежде чем достигла окрестностей планеты Венера. Но вот от основной машины отделился герметический шар спускаемого аппарата и направился к поверхности планеты, скрытой за густой пеленой туч.

Чуть больше часа продолжается спуск, и по специальной команде автомат раскрывает половинки теплозащитной «скорлупы». Специальный парашют уводит ту часть, в которой спрятан аэростатный зонд из кислотоупорной фторолоновой ткани с нанесенным слоем лака, в сторону. Зонд наполняется гелием, и аэростат начинает запланированный дрейф в атмосфере на пятидесятичетырехкилометровой высоте вдоль линии венерианского экватора.

В трудных условиях начинают свою работу приборы как советского, так и зарубежного производства. Посадочный аппарат совершает мягкую посадку в районе равнины Русалки. Радиосистема «Веги-1» ретранслирует на Землю его сигналы.

Через 6 суток операция по снижению повторяется. К планете Венера

прибывает автоматическая станция «Вега-2».

Пополняется копилка знаний о дальнем космосе. А пролетные аппараты станций «Вега» уже покинули ближние подступы к Венере и продолжают свой полет дальше к комете Галлея.

Четыре планеты Солнечной системы: Венера, Земля, Марс, Меркурий — образуют так называемую земную группу планет. Изучая процессы, протекающие в атмосферах Марса и Венеры, на поверхности и в глубине планет, люди лучше могут понять и уяснить себе пути дальнейшего развития собственной планеты. Сопоставляя атмосферные явления на Венере с тем, что происходит у нас, мы учимся лучше описывать и предсказывать изменения,

составлять более точно прогнозы погоды. Большое количество углекислого газа на Венере служит грозным предупреждением людям. Углекислый газ не выпускает солнечное тепло от поверхности наружу, создает так называемый парниковый эффект. На Земле с развитием индустрии количество углекислого газа непрерывно растет. К чему это приведет? И на этот вопрос ученые надеются получить ответ, изучая соседние планеты.

В космос ради Земли, ради прогресса и благополучия человечества устремляются мирные советские автоматические межпланетные станции. И в этом огромном значении той мирной программы, которую объявил и проводит Советский Союз, призывая не допустить милитаризации космоса.

АТМОСФЕРА ТИТАНА

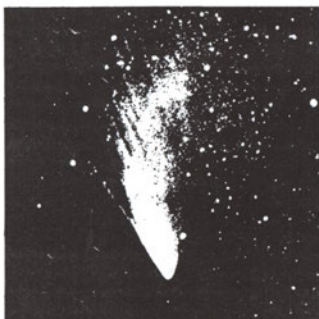
Титан — самый крупный спутник Сатурна, по своим размерам превышает самостоятельную планету Меркурий. Как и Землю, его окружает атмосфера, в основном состоящая из азота. Правда, второе место по содержанию у нас занимает кислород, а там аргон и метан. Возможно, в небе Титана плавают метановые облака, из которых сыплется снег и дождь, а метановые реки стекаются в огромные океаны. Существование такого экзотического мира еще предстоит доказать, а вот наличие сложных органических соединений, туманом висящих в атмосфере и выпадающих на поверхность этого небесного тела, серьезных сомнений не вызывает. Если учесть, что на Титане, имеющем низкую среднюю плотность, должен быть лед, а значит, и кислород, то его вполне можно зачислить кандидатом на роль носителя внеземной жизни.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ С ОРБИТЫ

Большие убытки, а иногда и человеческие жертвы вызывают внезапные разрушительные землетрясения. Вовремя предупредить о надвигающейся угрозе — значит сохранить здоровье и жизнь многим людям, спасти большие ценности народному хозяйству. Выяснилось, что спутник, летающий по орбите, может «почувствовать» приближение подземных толчков, послать своевременный сигнал тревоги. Изучение распространения радиоволн в верхней атмосфере Земли, проводившееся на международном искусственном спутнике «Интеркосмос-19», показало, что за несколько часов до землетрясения в ионосфере рождаются всплески радиоизлучений очень низкой частоты. Вызываются они разрушением горных пород перед сдвигами земных недр. Разрушения сопровождаются мощным током в земной коре, порождающим ионосферное радиоэхо.

В. Перов

КАМНИ, ПАДАЮЩИЕ С НЕБЕС

Утро выдалось на редкость ясным, тихим и безмятежным. Солнце поднялось уже высоко. По-весеннему ярко сияло оно на чистом бирюзовом небе. Было морозно, но на солнышке заметно пригревало. Шла к концу трудная послевоенная зима 1947 года.

В глухом таежном краю, в центральной части Сихотэ-Алиня жизнь текла своим чередом. Лесорубы, охотники, учителя, летчики местной авиации занимались своими обычными, будничными делами, жили как всегда, не зная и не ведая, что неожиданное уже стояло рядом, уже отметило их, ввело в историю свидетелями интереснейшего события.

Лесник Ашлабан, как ему и полагалось, был в этот день в лесу. С заготовкой древесины, а главное, ее вывозом из тайги нужно было торопиться: пойдет дружная весна — намучаешься вытаскивать по талому снегу да раскишей земле длинные, тяжелые хлысты сваленных деревьев. Смотрел лесник на свое большое и беспокойное хозяйство — и вдруг... тени расцвело, густыми синими полосами расчертившие розовый от солнца снег, раздвоились, заматались и

помчались крúгом, словно в бешеном хороводе. Вскинул голову Ашлабан, а на небе два солнца. Одно из них несло куда-то, стеля за собой дымный, красновато-коричневый хвост.

Колхозник Загляда в то утро находился на пасеке. До вылета пчел за первым взятком — еще не один месяц, а дела не ждут. Нужно готовить домины-ульи для новых семей, ладить рамки сот. За работой и голову поднять некогда — и вдруг... все вокруг залилось каким-то тревожным, мерцающим светом, и увидел Загляда ослепительный шар, который мчался по небу, раскалываясь на части. После того как шар исчез за лесом, раздался грохот такой силы, что задрожала земля, заходили ходуном стены избы.

Монтер Ефтефеев находился на своем обычном рабочем месте, на телефонном столбе. Кошки, заостренные, загнутые железные прутья, привязанные к валенкам, впились в деревянный столб, как когти, держат крепко. Цепь страховочного пояса накинута на крюки изоляторов, линия отключена — все по инструкции. Привыкшие к морозу пальцы ловко

Сихотэ-Алинский метеорит.

справляются со стылой медью проводов. Работа идет, спорится — и вдруг... среди белого дня в северной стороне неба вспыхнула яркая звезда, и почувствовал монтер резкий удар током от проводов. Не будь страховки — лететь бы ему со столба вниз головой!

Так вошло в науку и жизнь многих людей редчайшее явление природы — падение крупного метеорита, ставшего известным под именем Сихотэ-Алинского. Но прежде чем продолжить рассказ о нем, поговорим немного вообще о метеоритах, обломках вещества, залетающих к нам из межпланетного пространства.

...Я НЕ ПОВЕРИЛ БЫ СВОИМ ГЛАЗАМ»

Слово «метеорит» ведет свое начало от слова «метеор», а оно обозначает вспышку света, вызванную вторжением в верхнюю атмосферу твердой космической частицы. Правда, частицы, метеорами сверкающие на ночном небосводе, до земли не долетают. Они слишком малы, чтобы проткнуть насквозь атмосферу, и сгорают в ней. Падение метеоритов связано с явлением, которое называют болидом. Болиды — это те же метеоры, но разгоревшиеся ярче, чем светит-

ся планета Венера. Они порождаются более энергичными, более крупными частицами, иногда сопровождаются громоподобными раскатами и производят сильное впечатление на наблюдателей. С появлением ярких болидов связано множество древних легенд о драконах и огненных змеях, о божествах, сошедших с небес.

Падение метеоритов на Землю и другие планеты — явление закономерное и в масштабах Солнечной системы широко распространенное. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на изображения Луны, Меркурия, Марса и Венеры, полученные с помощью автоматических межпланетных станций. Их поверхность изрыта оспинами ударных кратеров.

Когда-то в юности Солнечной системы метеоритная бомбардировка была более интенсивной, чем в наше время, и во многом определяла внешний облик планет. На Земле метеоритные отметины стерты водой, геологической перестройкой поверхности, замаскированы растительностью. Такие же небесные тела, как

Поверхность Марса.

Луна или Меркурий, лишенные атмосферы и закончившие свою активную жизнь в давние времена, хорошо сохранили их, словно специально для того, чтобы мы могли узнать, как выглядела наша родная планета в далекие дни своей молодости.

На протяжении истории люди очень по-разному относились к камням, упавшим с неба. Было время, когда их принимали за посланцев богов, им поклонялись, приносили жертвы. Затем настали иные времена. В XVIII веке просвещенные люди дошли до такой крайности в благородной борьбе с суевериями, что стали начисто отрицать какую бы то ни было возможность падения метеоритов. Видный швейцарский естествоиспытатель А. де Люк с излишней для объективного ученого горячностью заявил: «Если бы я сам увидел падение метеорита, я не поверил бы собственным глазам».

Но несмотря на неверие скептиков, загадочные камни продолжали прилетать на Землю, заставляли поверить в свою реальность и возбудили к себе огромный научный интерес. Это и неудивительно. Ведь долгое время, вплоть до наступления эры космических полетов, метеориты были единственными образцами внеземного вещества, доступными прямому изучению.

ХВАТАЙТЕ ЗВЕЗДЫ С НЕБА!

В нашей стране сбор, хранение и организацию изучения метеоритов ведет Комитет по метеоритам при Академии наук. Это, конечно, не значит, что сотрудники этого учреждения рыщут повсюду, устремив горящий нетерпением взор в землю, как грибки в лесу. В таком поиске смысла нет. Подсчитано, что в наши дни на весь земной шар ежегодно падает около тысячи метеоритов. А если вспомнить, что боль-

шую часть поверхности планеты занимают моря и океаны, а на суше много еще неосвоенных земель и труднодоступных районов, то можно прийти к заключению, что искать метеориты, как грибы, просто-напросто неразумно. Интересно, что это утверждение однажды было очень эффектно опровергнуто. Подобное время от времени случается с так называемыми здравыми суждениями.

А произошло следующее: один из слушателей лекции в Одесском планетарии всей душой проникся важностью изучения метеоритов и решил немедленно включиться в их поиск. С твердой верой в успех он вышел на улицы своего родного и прекрасного города, прошелся по тенистым, зеленым паркам, просторному приморскому бульвару, заглянул на пляж и... вернулся назад с заветной находкой в руках. Метеориту, найденному таким удивительным образом, присвоили имя Одесса.

Основная масса метеоритов попадает в Комитет от людей, наткнувшихся на них случайно. Так в коллекции Академии наук оказался самый большой каменный метеорит, найденный в нашей стране, — Царев. О нем сообщил электросварщик Никифоров, обнаруживший на колхозном поле «большие камни ржавого цвета, очень плотные и тяжелые».

Сегодня ученым мало только случайных находок. Ведь при этом к ним в руки попадает незначительная часть находок из космоса, остальные гибнут для науки. Подумав, решили помочь систематическими наблюдениями за болидами. Казалось, что определяя путь их движения, можно точно указать место падения метеоритов. На многочисленных наблюдательных пунктах, созданных в разных странах, удалось сфотографировать тысячи болидов, и много раз была полная уверенность в том, что осколок «огненного

копья» — так можно перевести с греческого слово «болид», — как говорят, уже в кармане: пойдя, нагнись и подбери. Но увы! По этим предсказаниям найдено всего лишь несколько метеоритов. Улов болидных сетей оказался разочаровывающе скудным.

СКАТЕРТЬ, РАЗОСТЛАННАЯ ПОД ЗВЕЗДАМИ

В одном из своих произведений отважный французский летчик и прекрасный писатель Антуан де Сент-Экзюпери рассказывал, как однажды он посадил самолет в пустыне Сахара на небольшое плато. На поверхности, ровной, как стол, сложенной из мелких ракушек, летчик увидел необычный камень и поднял его. Камень был величиной с кулак, «тяжелый как металл и округлый как слеза».

«На скатерть, разостланную под яблоней, — пишет Экзюпери, — может упасть только яблоко, на скатерть, разостланную под звездами, может падать только звездная пыль...»

Найденный камень был, конечно, метеоритом.

Не знаю, писатель ли натолкнул ученых на мысль, или она возникла у кого-нибудь самостоятельно, но однажды было предложено поискать камни, свалившиеся с неба, на огромной белой скатерти льдов Антарктиды.

По расчетам, в толще льда Южного материка за долгие годы должно было накопиться много метеоритов, а в гигантском природном холодильнике они могут долго храниться не разрушаясь.

Известно, что ледник Антарктиды постоянно движется, медленно стекая в океан. В некоторых местах на его пути встают неровности поверхности, гряды скал. Здесь могут

образовываться своеобразные копилки метеоритов.

Расчеты ученых подтвердились. В Антарктиде удалось собрать внушительную коллекцию обломков внеземного вещества. Один из них оказался «древним старцем». На Земле он жил уже более 1,5 миллиона лет!

ПОРТРЕТ ГОСТЯ

Очень-очень давно, лет сорок с лишним назад, привели меня первый раз в Московский планетарий. Две вещи запомнились мне, поразили детское воображение: картина рассвета, под бой курантов и тихую музыку сменявшая на вогнутом потолке лекционного зала звездную ночь, и метеорит, показанный на небольшой выставке в фойе.

Черный до синевы, с бугристой поверхностью и фиолетовыми бликами света на неровностях, лежал он в витрине за стеклом. Большая — не охватишь и двумя руками — глыба, очень тяжелая по виду, выглядела там как-то странно, нелогично. Она, собственно, и не лежала на подставке, а словно легко и невесомо парила в воздухе, лишь едва касаясь ее. Было отчетливое ощущение, что космический гость случайно залетел сюда ненадолго и вот-вот умчится обратно в свои таинственные миры.

Я застыл перед витриной в полной уверенности, что прямо сейчас увижу его отлет. А потом, когда меня увели к другим экспонатам, я все время оглядывался назад и каждый раз был уверен, что камня на месте уже не будет.

Этот первый выход в звездный дом на Садовом кольце со временем не то чтобы забылся совершенно, а как-то потускнел в памяти: мало ли чудес на свете, особенно в жизни мальчишки? Потом, через много лет, при-

шел я в планетарий со своим маленьким сыном и вдруг неожиданно вспомнил ярко и точно тот эпизод из далекого детства. Метеорит, так же как и тогда, лежал у стены, как будто все эти годы терпеливо ждал моего возвращения. Бегом, таща за руку упиравшегося от неожиданности ребенка, я бросился на встречу своему старому знакомому. Он! Черный до синевы, с бугристой поверхностью и фиолетовыми бликами на неровностях...

Торопливо пробежал глазами текст этикетки. «Имя» камня, дата и место находки, краткое описание и в конце... слово, поставленное в скобки, — «гипс». Не метеорит, а его копия! И сразу будто по какому-то недоброму волшебству чарующий, глубокий черный с синевой цвет стал серым и невыразительным. Переменчивые, живые блики света на каменных боках превратились в тусклые пробы плохо положенной краски. Обыкновенный, невзрачный кусок скучного гипса неловко притулился в углу захватанного руками стеклянного куба. Я оторопел. Неужели это мой камень с неба? Нет, не может быть! Тот был совсем другим. Он был настоящим!

А теперь познакомимся с тем, что пишут специалисты о внешнем виде метеоритов, например известный советский ученый Евгений Леонидович Кринов: «При беглом осмотре метеориты представляются в виде более или менее угловатых оплавленных образков, покрытых обычно однообразной черной корой плавления и имеющих почти всегда хорошо заметные характерные ямки».

Очень точно и очень лаконично. Давайте-ка повнимательнее присмотримся к этому портрету. Вдруг когда-нибудь придется встретиться лицом к лицу с залетным гостем. Будет досадно, если мы не сможем узнать его и равнодушно пройдем мимо.

Итак, очень характерный отлични-

Оплавление метеорита.

тельный признак метеорита — это покрывающая его тонкая скорлупа оплавленного материала — кора плавления. У каменных метеоритов она чаще черного цвета с буроватым отливом, у железных — с синеватым или фиолетовым.

Кора обычно матовая. Иногда, правда, встречается блестящая, как бы глазированная, и уж совсем редко полупрозрачная.

Еще одна особенность — неровности поверхности. Округлые, эллипсовидные, иногда неправильные по очертаниям ямки. Похоже, будто какой-то небрежный скульптор мял камень, как податливую глину, раздумывая, что бы такое вылепить, но, так и не приняв решения, отбросил его в сторону, оставив на поверхности отпечатки своих сильных пальцев. Скульптор этот известен — земная атмосфера.

Вначале она податливо расступается перед вихрем, ворвавшимся в нее незваным гостем, потом все крепче и крепче сжимает его своими объ-

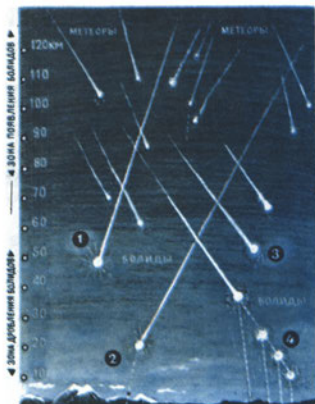

Схема возгорания метеоритов: 1 — полностью сгоревший «быстрый» болид; 2 — одиночное падение; 3 — медленный болид с падением метеоритов; 4 — метеоритный дождь.

ятиями, нагревает до тысяч градусов и безжалостно срывает верхние покровы.

Длится все это считанные секунды. Мгновения — и кусок холодного космического вещества вспыхивает яркой звездой, становится болидом и стремительно мчится, перечеркивая небо дымным хвостом, а вдогонку ему с гулом, грохотом и громом катится отставшая звуковая волна.

На высоте десять — двадцать километров атмосфера полностью укрощает пришельца, затормаживает почти до полной остановки. Здесь он остывает, перестает светиться и валится вниз с жужжащим свистом, подобно авиационной бомбе.

Редко какой гость выдерживает такую суровую встречу. Чаше всего он рассыпается на несколько кусков и не оставляет заметных следов на зем-

ной поверхности. Только достаточно массивным космическим обломкам удастся пробиться сквозь атмосферный заслон, сохраняя большую скорость. Тогда — сильный взрыв, огромный кратер, поваленные деревья и выброшенная кругом земля, перемешанная с останками пришельца.

СОЛНЦЕ НА ЛАДОНИ

Кипящим, раскаленным шаром катится наше светило — Солнце по гигантскому галактическому кругу. Мчится, увлекая за собой целую свиту спутников. Это большая компания, скитающаяся в просторах Вселенной, на редкость разнообразна. Есть в ней планеты-гиганты, огромными газово-жидкими каплями висящие в пространстве; есть планеты, вроде Земли, имеющие твердую оболочку; есть у планет спутники с самыми причудливыми свойствами. Кроме этих главных членов солнечного семейства по орбитам вокруг светила летает еще огромное множество тел самого разного размера и свойств. Некоторые из них, кометы, появляются на небе хвостатыми чудищами, наводя страх на суеверных людей, некоторые видны в телескопы неяркими звездочками — это астеронды, что означает — «подобные звездам». Большинство крохотных планеток ни в какие телескопы не разглядишь. Именно эти безвестные странники и попадают время от времени к нам в руки, чтобы стать предметом самого тщательного изучения. При умелом обращении у них можно выведать много интересного, ведь они являются участниками или по крайней мере свидетелями тех великих событий, которые называют «творением мира».

Перебирая коллекцию разных по весу, размерам и форме осколков внеземного вещества, можно увидеть, что одни состоят из силикат-

ных пород — окислов кремния, магния, железа, алюминия; другие из силикатов и железа с примесью никеля; а третьи целиком из никелистого железа. Первая группа получила название каменных метеоритов, вторая — железокатенных, ну а третья, как вы уже, наверное, догадались, — железных.

Такое деление находок на три большие «кучки», конечно, весьма приблизительно. Каждую из них можно разложить по некоторым признакам еще на несколько. Посмотрим, что представляют собой, например, каменные метеориты. Здесь следует заметить, что среди находок, падение которых удалось засечь непосредственно, каменных — заметное большинство: около 90 процентов, а железных всего около 6 процентов. Правда, в общем числе находок каменных и железных обломков примерно одинаковое количество. Объясняется это тем, что хотя железные метеориты падают реже, зато они лучше противостоят разрушению водой и атмосферой и более заметны среди земных пород.

Каменные метеориты чаще всего составлены из силикатных шаровидных частичек, иногда сплошь, а иногда вперемешку с раздробленной породой. Эти зерна ученые назвали «хондрами», что означает — «крупинки», «комки». Соответственно метеориты, содержащие хондры, называются хондридами.

Интересную особенность хондридов выявил химический анализ. Оказалось, что по набору и соотношению элементов они близки Солнцу, — конечно, если бы оно вдруг потеряло водород, гелий и другие легкие элементы. Ничего подобного ни в земных горных породах, ни в веществе Луны мы не встречаем.

Что же это означает? Чтобы ответить на этот вопрос, совершим небольшую экскурсию в замечательный и удивительный край, который

назовем страной гипотез, туда, где неизбежные истины хорошо уживаются со спорными предположениями, где строгие научные выводы соседствуют с изрядной долей фантазии, где царит и правит смелый, освещающий полет научного предвидения. Идеи, родившиеся в этой вольной стране, хоть и не всегда могут точно и во всех подробностях объяснить явления природы, но зато помогают упорным искателям истины выбирать нужное направление исследований, как хороший маяк, освещающий путь к разгадкам важных тайн мироздания.

Итак, по одной из гипотез метеориты — это остатки древнего вещества, из которого образовалось Солнце и все члены его семьи. Основной аргумент в пользу этой идеи — набор и соотношение химических элементов, схожий с солнечным.

«Позвольте! — слышим мы возражения приверженцев другой гипотезы. — А как же тогда объяснить тот факт, что вещества большинства метеоритов было когда-то нагрето, а потом остыло. Ведь это установлено точно! Да и железные метеориты. Они-то могли выплавиться только в горячих недрах крупных небесных тел!»

Что ж, возражение серьезное. Но оно снимается, если предположить, что метеориты — осколки астероидов, образовавшихся одновременно с планетами из вещества газопылевого облака — прародителя Солнечной системы. Позднее эти огромные комки сгущенной пыли и газа начали разогреваться теплом распадающихся радиоактивных элементов. Их внутренние области плавились, тяжелое железо скапливалось в центре, а более легкие силикатные породы всплывали над ним. Вещество поверхностных слоев могло и вовсе не нагреваться.

Ну а затем остается только, чтобы эти астероиды время от времени

попадали в какие-нибудь катастрофы, например сталкивались бы друг с другом, а их осколки, встретив на своем пути нашу планету, падали на нее метеоритами разного состава и свойств.

Приведенная история рождения метеоритов признана многими, может быть даже большинством ученых, но, конечно, далеко не всеми. Существуют на этот счет и иные мнения. Что ж, разногласия, споры в науке не только не вредны, но даже просто необходимы. Ведь именно в этих спорах и рождаются прекрасные истины!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛИВЕНЬ НАД ТАЙГОЙ

Наш очерк, как вы помните, начался с рассказа о падении Сихотэ-Алинского метеорита. В заключение давайте вернемся к этому «чуду природы», которое может случиться один раз в сто лет или даже еще реже.

Метеорит, о котором идет речь, упал на Землю не целой глыбой, а в виде множества обломков разного размера и формы. Подобное явление называют метеоритным дождем. Над Уссурийской тайгой пролился настоящий ливень из 100 тысяч отдельных железных кусков общей массой около 70 тонн.

Изучение этого уникального природного явления началось исключительно оперативно. Пролетевший болид увидели 12 февраля 1947 года, а в последний числах апреля в тайге уже полным ходом шли исследовательские работы.

Когда первая экспедиция, командированная из Москвы, добралась до места назначения, взорам участников предстала впечатляющая и даже жутковатая картина. Местность вокруг сильно напоминала район военных действий, на котором развернулось танковое сражение

с применением авиации и артиллерии.

Тайга на участке поперечником около километра была переломана, перекорежена и изрыта огромными воронками. Груды выброшенной земли, вывороченные с корнем деревья. Содранная кора, хвоя, сбитые ветки, перемешанные с глиной, песком и прошлогодней травой, завалили склоны огромных круглых ям и пространство между ними. Обломки разбитых, измочаленных древесных стволов, как диких зверей, клякстые звери, затаились в чащобе, повисли, намертво вцепившись в ветви кое-где уцелевших деревьев.

В этом диком хаосе, порожденном сокрушительной силой разбушевавшейся стихии, предстояло разобраться, упорно и напряженно работать, обмеряя и исследуя кратеры и воронки, отыскивая, откапывая метеориты, широко разлетевшиеся по тайге. Чтобы выполнить эту нелегкую задачу, нужно было каждый день вышагивать десятки километров по окрестным сопкам и заболоченным низинам, продираться сквозь лесные завалы, непролазный, колющий кустарник, таща за плечами рюкзаки, набитые тяжелым железом.

Обнащение первой экспедиции не давало возможности как следует заняться раскопками на месте падения основной массы обломков. Поэтому были обследованы только два крупных кратера, а также несколько средних и мелких. Другие оставлены тем, кто придет следом, работы тут было не на один год! С перерывами она продолжалась более тридцати лет.

За это время в тайге побывало в общей сложности несколько сот человек. Здесь трудились представители самых разных наук: астрономы, геологи, знатоки минералов и растений, геофизики, магнитологи, геохимики и даже специалисты по аэрофотосъемке.

Результаты работ — десятки тонн ценного взвешенного вещества, важные сведения, полученные буквально по горячим следам, об условиях падения многочисленных метеоритов, их внешнем облике, особенностях движения в атмосфере: подробные данные о картине разрушения пришельца при подлете к Земле, его прочности и химическом составе, факты биографии космического странника.

К настоящему времени основные работы на месте падения метеорита закончены. Однако этот замечательный уголок дальневосточной тайги не останется в запустении. Ввиду уникальности метеоритного Сихотэ-Алинского дождя и большого значения его для науки, место падения объявлено памятником природы. Здесь запланированы работы по благоустройству района, освоению его туристами.

Может быть, кому-нибудь из вас, дорогие читатели, доведется посетить этот край, познакомиться с экспонатами музея, который непременно будет здесь организован. Уверен, что

Большой метеорит.

экскурсия никого не оставит равнодушным. Она позволит как бы на время стать участником дальней научной экспедиции, поможет ощутить атмосферу романтического и нелегкого труда исследователей, а может быть, и позовет кого-нибудь в долгий путь по дорогам, которыми идет беспокойное племя отгадчиков таинственных и влекущих загадок, на которые так щедро окружающая нас природа.

МЕТЕОРИТЫ ПРОТИВ МЕТЕОРИТОВ

Вероятно, самая большая опасность, угрожающая будущим звездолетам, — это метеориты. Если звездолеты будут летать на скоростях, приближающихся к световой, столкновение их даже с песчинкой может окончиться катастрофой. Остроумное решение нашли ученые из Британского межпланетного общества, работающие над программой «Дедал» (проект послышки автоматического зонда к звезде Барнарда). Для борьбы с метеоритами они предлагают использовать... искусственные микрометеориты!

Защитным экраном, согласно проекту, послужит облако мельчайших частиц, летящее в 200 километрах впереди корабля. Перемещаясь, как и сам «Дедал», со скоростью около 35 тысяч километров в секунду, такой пылевой экран уничтожает и рассеивает любой встречный объект массой до полутонны.

НЕБО ВЕНЕРЫ

Окажись мы днем на нашей ближайшей соседке по космосу — планете Венера, — привычного голубого неба увидеть нам бы не удалось. Оранжевая изнанка толстого слоя облаков перевернутой чашей нависает над головой. К горизонту, до которого, кажется, рукой подать, небосклон окрашен в мрачно-желто-зеленые тона. Вспомним, что голубой цвет земного неба — результат сильного рассеяния молекулами атмосферного газа синих лучей, а вот венерианская атмосфера синие лучи не пропускает к поверхности, зато хорошо рассеивает зеленые и желтые. Наблюдателю, находящемуся на поверхности Венеры, будет казаться, что он попал на дно впадины. Слой нагретого углекислого газа, разлившийся по раскаленному грунту, искривляет световые лучи, отклоняя их вверх и приближая к глазам оком горизонता.

4

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

О. Кононенко

О ЧЕМ ГОВОРЯТ МАМОНТЫ

Не правда ли удивительно, что время, отдаляя нас от мамонтов, не в силах умалить интерес к ним!

Как и зачем ищут их ученые?

ЛАНДШАФТНАЯ КАТАСТРОФА

Ленинградский Зоологический музей — обладатель единственного в мире чучела мамонта. Его вмерзшую в грунт тушу случайно обнаружил в 1901 году якут-охотник Семен Тарабыкин на размытом берегу запольной реки Березовки. Специальная экспедиция доставила зверя в Петербург. Мамонт так и назван — Березовский. Когда жил этот гигант, люди были уже как бы нашими современниками. Звучит странно, но видный ленинградский морфолог и палеонтолог А. П. Быстров объяснил мне, что биологический вид *Homo sapiens* (человек разумный) анатомически не меняется вот уже по крайней мере полсотни тысячелетий. Значит, если бы такого гостя издали переодеть, постричь, то никто бы не подумал, что это пещерный житель, он — современник, как ни трудно вообразить такое. Перед моим мысленным взо-

ром предстает скульптурная группа, изваянная из букового кряжа талантливым сухумским художником В. А. Бернадиным. Это палеолитические мужчина и женщина в минуту смертельной опасности. Он, обросший, страшный, поднял над головой тяжелый камень — сейчас метнет в льва или тигра... Скульптура «Выжить!» предназначена для Новоафонской пещеры-музея. В таких подземных залах некогда жили звери, но первобытные люди изгоняли их и селились там сами. Уже двести тысяч лет назад наш предок, действуя скопом, владея огнем, прочно утвердился в мире и заставил уступать себе дорогу даже могучего мамонта, даже свирепого шерстистого носорога.

Вот, значит, с каких пор начало сказываться влияние человека на природу! И оно все росло не в пользу последней. Особенно ценной добычей для охотников, одетых в шкуры, был мамонт. Его вес до шести тонн, одного жира полтонны. Такой запас пищи надолго избавлял племя от голода. Опасная охота побуждала к умственному развитию — рылись хитро замаскированные ловчие ямы, устраи-

вались облавы, слонов загоняли на топкие места и добивали копьями, стрелами... Мамонт немало помогал и художественному творчеству — именно его изображения, сделанные, кстати сказать, с натуры, особенно часто находят археологи.

Так текли тысячелетия... Пока не наступила великая ландшафтная катастрофа.

Потеплел климат. Закованный в белую броню океан, который мы теперь называет Ледовитым, вскрылся, испарения с его поверхности увеличились, ветры нагоняли на сушу дожди... И вот некогда сухие, холодные, богатые травостоем степи, по которым бродили стадами миллионы мамонтов, бизонов, лошадей, стали зарастать лесом, уступать место заболоченным, мшистым пространствам с мириадами комаров. Кормовые угодья травоядных сокращались, а ведь каждому слону нужно на день до полутонны растительной массы!..

Но настолько ли сократились пастбища, чтобы повлечь поголовное вымирание хорошо приспособленных к суровым условиям громадин? Украинский академик И. Г. Пидопличко считает, что какое-то количество их вполне могло бы существовать и в современных условиях. Тогда где же они? Не «помог» ли беде палеолитический охотник, продолжающий истреблять мамонтов, когда их осталось немного?

УРОК НЕ ВПРОК

Пусть даже это только догадка, объясняющая исчезновение мамонтовой фауны, но она вполне правдоподобна — есть ведь и другие, вполне бесспорные факты бездумного расточительства природы человеком. В уже хорошо обозримом недавнем прошлом был поголовно уничтожен тур — черный лесной бык, велико-

лепный представитель парнокопытных. В Зоологическом музее памятником людскому неразумию стоят лишь уникальные чучела огромных красавцев туров. Ушло от нас навечно и другое крупное полезное млекопитающее — морская корова Стеллера... И эти уроки не пошли впровод! Только за последние десятилетия человечество лишило себя более чем ста видов зверей и птиц. Можно ли остановить подобные потери? Да, можно! Но для этого мало строгих законодательств, главное — добрая воля всех землян. Спасены же в СССР лось, бобр, соболь, сайгак, а в Канаде — мускусный овцебык. Он, как и сайгак, был современником мамонта. А представьте, что уцелел бы и сам мамонт! Сильный, неприхотливый и добродушный зверь, каким рисуют его древние сибирские легенды (кстати, каково их происхождение; может быть, и правду говорят, что жили эти исполины всего 300—400 лет до наших дней?) мог бы стать нашим помощником, наподобие своего близкого родича — индийского слона.

А может быть, где-нибудь и водятся еще мамонты? Как вы думаете?

ЛЕДОВЫЕ ГРОБНИЦЫ

Будучи подростками, я и мой товарищ всерьез намеревались отыскать живых мохнатых гигантов. В их существовании мы себя уверили. Воображение, подсказанное книгами, рисовало нам глухомань, например на крайнем северо-востоке Азии, что-то вроде загадочной Земли Санникова, а там — вожделенные хоботных, одетых шерстью длиной в метр. Пусть их будет там даже совсем-совсем немного!..

С мечтой об этом горько расставаться. Слабое утешение — рассматривать физическую карту страны с обозначением ледовых гробниц ма-

монтов. Их более тридцати, обнаруженных примерно за 280 лет. Внутри этого срока бывали перерывы в десятилетия, а случалось, что мерзлые туши и части скелетов встречались и дважды за лето.

Первая находка целого мамонта относится к 1799 году. Тунгус Осип Шумахов заметил зверя на размытом берегу Лены. Лишь спустя семь лет об этом узнал русский академик М. Ф. Адамс, который в то время находился в Якутске. Ученый поспешил на указанное место, но увидел лишь скелет да обрывки шкуры с шерстью: хорошо сохранившееся мясо растащили волки и песцы. Академик тщательно собрал кости, их в Петербурге смонтировали первый в мире полный скелет мамонта Адамса. Он по сей день самый крупный в экспозиции Зоологического музея — высота в холке 380 сантиметров.

Обозначен на карте и мамонт известного ленинградского палеозоолога Н. К. Верещагина — он руководил раскопками и занимался изучением зверя, замеченного в 1977 году оленеводами на крутом обрыве таймырской реки Большая Лесная Рассоха. Оленеводы поспешили отпилить ценные бивни, чего, конечно, не следовало делать. Правильно поступили прибывшие на вертолете председатель Хатангского райисполкома В. В. Остапенко и его сотрудники: «Покопали немного, а там — нога с шерстью, хобот... Больше рыть не стали, чтоб не попортить что-нибудь случайно...» Они прикрыли тушу брезентом и засыпали песком, да так, что потом сами не сразу нашли.

Вот что пишет корреспондент, прибывший сюда вместе с учеными: «Сняв слой песка и отодвинув брезент, мы увидели торчавшую из твердой, как застывший цемент, мерзлоты крупную обломанную плечевую кость мамонта. Широкая, похожая на столб нога оказалась также сломанной, вероятно под тяжестью груз-

та. Бурая шерсть, жесткая, как про-
волока, совершенно не пострадала за
тысячелетия, она тускло блестела...»

Экспедиция Зоологического инсти-
тута целую неделю размывала по-
жарной мотопомпой мерзлые пески и
галечник, пока не извлекла трехсот-
килограммовую голову слона. Ее це-
ликом поднял вертолет и отнес в Ха-
тангу. Были извлечены также перед-
няя и задняя ноги, лопатка, плечевая
кость, обгрызенная хищниками, шей-
ные позвонки, ребра... Под нижней
челюстью сохранилась розовая ткань
языка и слюнной железы...

Профессор Н. К. Верещагин за-
ключает, что около четырехсот веков
назад течение и волны древнего по-
тока расчленили труп. Постепенно
здешний рельеф изменился настолько,
что останки мамонта оказались
поднятыми на восемь метров...

А вот история мамонта, названного
именем якутского геолога Б. С. Руса-
нова. Очевидно, этот слон тихо скон-
чался от старости. Передние ноги его
были вытянуты вперед, задние —
подогнуты под брюхо. В таком по-
ложении скелет, постепенно замытый
илом, сохранился до единой косточ-
ки. Под защитой ребер уцелели мерз-
лые внутренности, кишечник, наби-
тый травой и кустарниковыми по-
бегами.

Уникальной оказалась найденная
геологами на берегу реки Юрибей
Тюменской области туша самки ма-
монта (прежде почему-то встречали-
сь только останки самцов) деся-
ти—двенадцати лет от роду (вообще
же мамонты доживали до семидесяти
лет). Академия наук СССР при со-
действии объединения «Ямалнефте-
газгеология» срочно организовала
экспедицию, которая добыла часть
желудка, печень, кишечник, куски
шкуры и даже аорту со следами кро-
ви. Удалось составить и почти пол-
ный скелет мамонтихи.

Но поистине мировую сенсацию
принес 1977 год! Первой ласточкой

стала заметка в «Правде» под заго-
ловком «Нашли мамонта». Магадан-
ский корреспондент газеты писал:
«Машинист бульдозера А. В. Логочев
на прииске вскрывал торф на золо-
том полигоне. Смена шла к концу,
когда его внимание привлекла глыба
льда необычной формы. Отвалом
машины бульдозерист поднял глыбу
на поверхность. Под лучами солнца
лед стал таять, и на глазах изумлен-
ного горняка появились голова, хо-
бот, а затем и целое туловище жи-
вотного, очень похожего на слоненка.
Сейчас старатели хранят находку в
леднике и ждут ученых».

Последние не замедлили прибыть.
На сей раз дело обстояло проще. Ди-
му — так магаданцы окрестили ма-
лыша — высотой немногим более
метра и длиной 115 сантиметров за-
кутали в поролон и доставили, не
размораживая, по воздуху в Ленин-
град, где поместили в холодильную
камеру. Отсюда его вынимали лишь
на короткое время для научных це-
лей. Мне довелось при этом тоже
прикасаться к (подумать только!)
настоящему детенышу мамонта. Его
просвечивали рентгеном, брали у
него ткани внутренних органов для
изучения клеточных структур, со-
става белков, микробиологических
анализов...

Затем Диму бальзамировали, для
чего три месяца выдерживали в спир-
товой ванне, которую сменяла кси-
оловая. Эти вещества жадно погло-

щают влагу, и тело оказалось полностью обезвоженным. Тогда его поместили в растопленный парафин, заполнивший все ткани. Такая мумия может сохраняться веками.

Дима способствовал и международному сотрудничеству, поскольку его изучали также зарубежные ученые. Он еще больше послужил Родине, став в 1979 году экспонатом Национальной выставки Советского Союза в Лондоне. Об этом так рассказывает известный ученый А. П. Капица, ведущий телевизионной программы «Очевидное — невероятное»:

— ...Подошел срок отправки Димы на самолете из Ленинграда в Лондон. Не могу без смеха вспомнить, как один сотрудник Аэрофлота совершенно серьезно решил, что мы возьмем живого мамонтенка. Мы это поняли, когда он стал выяснять, нужно ли для него питание в дороге.

Английский таможенник сказал, что он впервые дает разрешение на такой груз — не знает, можно ли его рассматривать как мясную продукцию, ввоз которой ограничен...

Перед входом на выставку нас уже ждали. Щелкнул замок, поднялась крышка сейфа, во всей красе предстал Дима. Застрекотали камеры, появился микрофон, и я кратко рассказал историю бедного мамонтенка, который, потеряв мать, бродил по холодной осенней Сибири. Ему было очень голодно и холодно. Он был еще сосунок, пытался есть траву, но его желудок еще плохо переваривал ее. Он сильно исхудал, поранил ногу и наконец свалился в промоину, где сразу утонул...

Пришла маленькая девочка из нашего посольства. Ее появление около мамонтенка вызвало взрыв энтузиазма у фотокорреспондентов. Фотография девочки возле Димы была опубликована на первой странице газеты «Санди телеграф». Несколько дней мамонтенок был в центре вни-

мания английской печати. О нем писали даже газеты Австралии. Его поместили в особом зале под колпаком из небьющегося стекла. К нему были прикреплены датчики сигнализации, в зале переплетались лучи лазерной защиты, круглосуточно дежурила охрана: Дима был застрахован на крупную сумму — американцы готовы были заплатить за него два миллиона долларов.

Он выполнил свою задачу одного из «гвоздей» очень интересной и красивой выставки, посмотрев которую, многие англичане по-новому взглянут на нашу страну. Большинство посетителей, конечно, стремились повидать и Диму. Благополучно вернувшись в Ленинград, он снова занял место в Мамонтовом зале Зоологического музея...

Вот после этого и спрашивайте, зачем нужны мамонты!

Но то, что мы видим в музее, лишь малая доля палеонтологических открытий. Ряд их сделан за последнее время при непосредственном участии профессора Н. К. Верещагина. Им, в частности, исследована...

ТАЙНА МАМОНТОВЫХ КЛАДБИЩ

Вспоминаю свои школьные годы. Отец, инженер, иногда брал меня с собой в командировку. Так побывал я в Синарской на Урале. Бродил там по долине речушки и подобрал два каких-то загадочных черно-белых «камушка».

Снес находку в местный краеведческий музей. Там сказали, что это коренные зубы мамонта, которыми он пережевывал злаковые травы, осоку, не брезгуя побегами ивы. Мне показали окаменевшие тяжелые кости, обломки бивней, правда небольших, но и такие — редкость, в чем я сам убедился, став взрослым и немало побродив по тайге.

За сибирской слоновой костью

Доисторическое жилище, построенное из костей мамонта, открытое в 1966 году у города Межирич УССР.

издавна велась энергичная «охота». Из старых коммерческих сводок известно, что в конце прошлого — начале нынешнего веков ее вывозили ежегодно около тридцати двух тонн. Она шла (и сегодня идет!) на множество дорогих поделок, например статуэток, рукоятей тростей, зонтов. У меня хранится старинный бильярдный шар, тяжелый, с ясно выраженными слоями дентина. Такие шары и теперь считались бы лучшими. В современной технике мамонтовая кость особенно хороша для деталей телерелейных устройств, применяемых в авиации.

Бивни — это резцы. «Они росли в длину и толщину в течение всей жизни зверя», — поясняет Н. К. Верещагин. Он сам нашел и выбил из мерзлоты у пролива Лаптева клык длиной 380 сантиметров, диаметром 18 сантиметров и весом 85 килограммов. Наиболее крупные бивни самцов достигают чуть ли не 5 метров и 120 килограммов каждый... Примечательно, что сибиряки добывают их также из особых месторождений — слоновьих кладбищ. Это еще одна загадка природы...

Когда-то глубокое впечатление произвела на меня красивая легенда: якобы слоны на закате своих дней удаляются в им одним ведомое место, чтобы там умереть в одиночестве.

Сколько же, значит, в таких местах можно собрать бивней!

В действительности же туши тропических исполинов быстро становятся добычей хищников, мириадом насекомых, микробов, даже костей не остается. По-иному все происходит в Заполярье, где природа сама зачастую консервирует остатки органической жизни. И вот там, на холодных просторах, оживает легенда о слоновьих кладбищах, потому что там они, вопреки рассудку, существуют. Есть они также на Печоре, Каме, Волге, Оби, в Барабе и даже в сравнительно теплом климате, например Среднеуральское (50° северной широты).

Неужели мамонты действительно шли туда, почуяв приближение конца? Иначе чем объяснить так называемый берелехский феномен?

Профессор Н. К. Верещагин писал о проводимой в бассейне Индигирки на 71° северной широты научной работе:

«Река Берелех веками врзалась и вгрызалась в мерзлый грунт яра, и по склону из оттаявших на солнце слоев сползали разрозненные кости погибших слонов, обрывки шкур и полусгнивших туш, ржавобелесые стройные и изогнутые бивни. Грунт насыщен костями. Они залегают в хаотическом беспорядке. Вот оттаявший слой смывает на глубину 60—70 сантиметров, но дальше идет мерзлая толща с дерновинами, какими-то горизонтальными линзами и вертикальными жилами льда, с костями и словно отполированными бивнями мамонтов. Кости оплетены космами жестких мамонтовых волос. Они здесь коричневые, желтоватые, отливают бронзой... В месте, где порода несколько податливее, показывается какое-то волосатое бревно, и после боковых отмывок удастся извлечь заднюю ногу мамонта с большим куском толстой кожи, в которую как бы завернута голая бедренная кость.

Ступня зверя округла, слегка выпукла, шершава с сеткой глубоких трещин...»

Каждую добытую кость люди сносят на сухое место и укладывают рядами, протянувшись на сотни метров. Все это предстоит тщательно изучить, и тогда, может быть, откроется тайна древнего мамонтового кладбища, где, как полагают, могли быть останки 1600—1800 вымерших исполинов, а также многочисленных зубров, лошадей, даже зайцев. Феномен — иначе не скажешь!

Но палеонтологию не зря называют сестрой геологии. Эти науки взаимодействуют в стремлении познать прошлое Земли. Изучение геологических разрезов, проб грунта позволило Н. К. Верещагину нарисовать такую картину.

Внезапные наводнения в долине древнего Берелеха застигали группы мамонтов, они гибли и проваливались, когда переходили по непрочному льду весной или осенью. Подобные явления наблюдаются и сегодня при кочевках лосей, кабанов, оленей... Трупы утопших животных течение сносит в старые русла рек, заводи, на отмели, где они накапливаются год от года, перекрываются наносами, промерзают, перемещаются вследствие оползней...

Такова тайна мамонтовых кладбищ.

Они неизменно привлекали волков, росомх... Селились поблизости и кочевые первобытные племена — течение реки доставляло им обильную пищу. Об этом говорят найденные в Берелехе кости, разбитые каменными орудиями, видимо с целью добыть мозг, и даже рисунок мамонта на обломке бивня. Значит, в те времена люди жили и за Полярным кругом!

В Якутии есть и другие подобные залежи костей — Ляховское, Ойягосский Яр длиной в сто километров, Хапташинский Яр... Они теперь объ-

явлены заповедниками. Следы прошлого должны стать достоянием науки.

Ну а чем объяснить происхождение кладбищ, расположенных вдали от рек, таких как, например, найденное близ Черкасс — в одном месте сразу 96 мамонтовых черепов?

Н. К. Верещагин так отвечает на этот вопрос:

— Для людей палеолита мамонт был не только источником пищи. Из костей, черепов, бивней сооружались остовы жилищ, накрываемых затем шкурами, а также могильные камеры. С этой целью «строительный материал» стаскивался издалека...

Украинский академик И. Г. Пидопличко приводит такие данные: на постройку жилищ нескольких палеолитических стоянок пошли кости 324 мамонтов, а на еще одну стоянку — 800—1000 животных.

В захоронениях на стоянке Сунгирь, близ Владимира, раскопаны тысячи предметов из мамонтовой кости, в том числе склад палеолитического оружия: острые стилеты, метательные копья, большие и тяжелые копья длиной свыше двух метров. Чтобы изготовить такое орудие, требовалось размягчить и выпрямить бивень.

Как это делалось — загадка.

Значит, мамонт служил еще и техническому прогрессу! Впрочем, почему «служил»? Он продолжает это делать и сегодня.

Но каким образом?

СОВЕРШЕНСТВО КОНСТРУКЦИИ

Находясь в Мамонтовом зале Зоологического музея, всякий раз думаю: «Какая же это великолепная конструкция — скелет ископаемого слона! Как мудро сопряжены все его «детали» — двести пятьдесят* костей!»

Ультрасовременная наука биони-

ка, используя всевозможные под- сказки живой природы, не обошла вниманием и мамонта. Почему он не меньше и не больше? Оказывается здесь найдена золотая середина. Будь слон тяжелее, для него оказа- лась бы недостаточной удельная прочность костяка. Более древние слоны, жившие полмиллиона лет на- зад, были заметно крупнее, но жизнь показала, что это нерационально, и «главный конструктор» в лице при- роды внес свои коррективы...

В ходе эволюции, естественного отбора (у мамонтов не было врага, кроме человека) организм все со- вершенствовался. В поисках корма мохнатые громадины непрерывно бродили по полнейшему бездорожью той эпохи. Им встречались топкие места, и вот тут-то проявляла себя плоская стопа, удерживающая тя- жель зверя. Повторив принцип ее устройства в современных шагающих экскаваторах, можно сделать их бо- лее проходимыми.

Форма бивней, которыми мамонт добывал корм из-под снега, оказа- лась хороша для рабочих органов не- которых землеройных машин и навес- ного оборудования тракторов, заня- тых на сплыве леса, скатке штабелей, разборке береговых скоплений бревен...

Будущее покажет, на что еще пригодится инженерам мамонт, но роль его в науке невозможно пере- оценить. Прежде всего потому, что, изучая ископаемого слона, мы полнее познаем и свое историческое разви- тие, а прошлое — ключ к будущему.

Можно со все большей убежден- ностью говорить: да, в становлении человека видная роль принадлежит мамонту. Естественная дань ему — чугунный памятник, имеющий вид усеченной пирамиды, установленный в украинском селе Кулешовке, где было открыто крупное скопление костей.

Еще один памятник построен в

Памятник мамонту в Якутске.

Якутске. Зверь в натуральную вели- чину угрожающе поднял бивни, хо- бот. Он словно обороняется. От кого же? Так и видится толпа, воору- женная копьями, луками... Так и хочется крикнуть: «Остановитесь! Сохраните последних мамонтов для себя и по- томков!»

Да, утраты не вернуть... А Впрочем!

ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО?

Передо мною листовка с изобра- жением волосатого исполина, выпу- щенная Комитетом по изучению ма- монтов и мамонтовой фауны Зооло- гического института Академии наук СССР. Текст гласит: «По берегам морей, озер, рек и ручьев, склонам оврагов вымываются водой из слоев земли остатки вымерших животных: мамонтов, носорогов, диких лошадей, оленей, быков и других менее круп- ных, некогда населявших нашу стра- ну. Такие же находки делаются не- редко и во время горных и земляных работ в карьерах, шахтах, пещерах. Целые скелеты и черепа этих живот- ных, а особенно сохранившиеся в мерзлом грунте трупы или части трупов с мясом, кожей и шерстью представляют большую научную ценность...»

Всякая о подобной находке депеша с лаконичным телеграфным адресом: *Ленинград зпт мамонт... попадет в руки профессора Н. К. Верещагина — он председатель Комитета.*

С такими поисками некоторые ученые до последнего времени связывали фантастическую надежду возродить мамонта. Профессор Н. К. Верещагин получил даже официальное предложение из Калифорнии участвовать в осуществлении «Плана Мамонт»...

Скажите: ерунда какая-то.

Но обратимся к цитологии — науке о клетках тканей животных и растений. Если кусочек свежей моркови растереть и поместить в питательный раствор, то там будет продолжаться клеточное деление — рост тканей. В результате сформируется даже крошечное растеньице, которое можно высадить на грядку, где вырастет обычный корнеплод... В питательных средах успешно развиваются и клеточные культуры животных. Этот метод, кстати сказать, широко используют для приготовления некоторых биологических медицинских препаратов...

Найти бы ископаемого слона, хорошо сохранившегося в вечной мерзлоте, и взять от него своего рода заваску для клеточной культуры!

Таким путем можно получить живые клетки, несущие генетические задатки исходного организма, то есть мамонта. А это уже первый шаг к достижению удивительной цели. Однако надежды на подобный успех рухнули — опыты показали, что не могут белковые соединения, из которых построены клетки, сохраняться веками даже в хорошо замороженном состоянии.

И все же...

Не так давно родилась новая наука: генная инженерия. Она утверждает, что в существующих животных (и растениях) заложены скрытые генетические признаки их очень далеких предков. Иногда эти признаки проявляются и как бы сами собой. Например, у лошадей и даже у кроликов вдруг обнаруживаются зачатки рогов, в стадах молочного скота встречаются особи, напоминающие вымерших туров. Польские ученые решили проследить, что же будет, если специально разводить таких животных. Оказалось, что из потомства в потомство признаки туров накапливаются.

После многих лет терпеливой селекции удалось словно бы возродить заново туров.

И вот что важно! Оказывается, воздействуя на родительские пары некоторыми физическими и химическими средствами, можно искусственно вызвать в организме перекомбинацию генов — носителей наследственности и получить потомство с ярко выраженными признаками далеких предков животных. А мы знаем, что индийский слон — родич мамонта.

Значит...

Но не будем заглядывать так далеко, хотя наука сегодня утверждает, что таким путем можно будет возродить к новой жизни даже доисторические виды фауны и флоры. Пока нам следует больше заботиться о сохранности и умножении существующей живой природы. Полистаете «Красную книгу СССР». Сколько животных и растений остро нуждаются в нашей защите. От нас же самих!

Б. Белоголовый

ЦЕЛИНА БАМа

Железнодорожный вокзал во Владивостоке расположен прямо в морском порту, в самом центре города, у подножия сопки, по склонам которых поднимаются городские кварталы. Транссибирская железная дорога вышла к Тихому океану в конце прошлого столетия; рельсовый путь как бы увенчал трехвековой труд освоения Сибири и Приморья, рельсы пролегли по обжитым, застроенным и распаханым землям. Правда, первые сибирские составы грузились в основном пшеницей да маслом, яйцами да замороженным мясом: сельское хозяйство решительно преобладало над промышленностью на всем протяжении Транссибирской магистрали от Челябинска до Байкала и в Забайкалье до Океана. Озеро Байкал шестисоткилометровой дугой лежит поперек великой дороги, почти точно на ее середине. При проектировании Транссиба были предложены варианты обхода Байкала как с юга, так и с севера — та и другая трассы обещали свои преимущества. Но решающий довод в пользу южного варианта был тогда неоспорим: «...стоит только провести ту черту, которая составляет границу

успешного хлебопашества, и сразу станет ясно, как, где и для чего нужно строить сплошную непрерывную сибирскую дорогу. К северу от черты лежат места, которым не нужна сибирская дорога...».

Именно в этих местах находится Байкало-Амурская магистраль. Ее протяженность равна железнодорожному маршруту Тюмень — Севастополь, однако природные условия на БАМе несравнимо суровее и сложнее, чем даже в суровой Тюмени.

...Сегодня уже уходят в историю временные поселки бамовских первопроходцев. Палатки и вагончики сменились улицами многоэтажных домов, растут целые города. Стремительно будет развиваться индустрия этого региона. Здесь станет работать и жить каждый двухсотый гражданин нашей страны. И все эти полтора миллиона человек круглый год надо обеспечивать разнообразной едой по усиленным северным нормам. А это значит, что в те же самые два десятилетия на БАМе должен быть создан свой продовольственный комплекс — пищевая промышленность и, конечно же, сельское хозяйство. От своевременного решения

Уже уходят в историю временные поселки бамовских первопроходцев. Палатки и вагончики сменялись улицами многоэтажных домов.

этой задачи зависит будущее всей бамовской индустрии; а задача труднейшая.

Дело в том, что современное сельскохозяйственное предприятие — птицефабрику, например, или молочно-овощной совхоз — выстроить ничуть не проще, чем предприятие промышленное или железнодорожную станцию. А запустить на полную мощность сельскую новостройку, пожалуй, что и посложнее. Потому что первоосновой всего сельского производства все-таки остается земля-матушка, ее плодородный почвенный слой, обычно очень тонкий, легко ранимый. Именно плодородие почвы питает жизнь всего многомиллионного человечества. А обработка почвы — земледелие — всегда будет связана со множеством местных природных особенностей. Чтобы землей хорошо управлять, необходимо узнать ее во времени, сжиться с нею.

Разумеется, попытки освоения земель «севернее границы успешного хлебопашества» делались издавна. Ко времени начала работ на трассе БАМ в 1974 году на ее западной и

восточной оконечностях и вдоль южной окраины существовало полтора десятка маломощных совхозов и подсобных хозяйств. По всей же остальной трети тысяч километровой протяженности будущей магистрали, в зеленом море тайги и болотных марей, среди застывших волн каменных хребтов едва набиралось 45 гектаров пашни. Да кое-где редкие старожилы возделывали скромные огороды и даже сады и цветники, разводили кур и свиней, даже коров! Пример и опыт этих крохотных очагов земледелия неоценим. Однако же далеко не достаточен.

И вот с 1974 года в полосе Байкало-Амурской магистрали, проникнув в самые труднодоступные места, работают исследователи-специалисты сельского хозяйства: почвоведы и ботаники, мелиораторы и агрохимики, ветеринары, механизаторы... Вдоль всей трассы создано девятнадцать опорных пунктов сельскохозяйственной науки — это целые научные городки, оснащенные лабораториями и техникой для любых агрономических исследований и полевых работ.

Опорные пункты рассылают сельскохозяйственные экспедиции. На каждом выявленном массиве земель, пригодных для освоения, закладываются опытные делянки. Пожалуй, палатки и вагончики, вообще временное жилье дольше всего продержится на БАМе именно у первооткрывателей горно-таежной целины: ведь одним-двумя сезонами наблюдений тут никак не обойтись. Надо не только во всех подробностях узнать противоречивые природные условия, но и приспособить к ним приемы обработки земли, подобрать подходящие виды и сорта культур...

Да, на БАМе широко развита «вечная» мерзлота грунта, но здесь же почти повсеместно бьют и горячие целебные ключи. Общее количество их тепла — фантастически велико! Они способны круглый год обогревать громадные площади теплиц!..

На БАМе случаются летние заморозки, но солнце сияет здесь ярче и небо безоблачней, чем в солнечной Грузии! Растения показывают здесь исключительную отзывчивость на удобрения, урожайность сравнима с лучшими показателями Нечерноземья!

Сегодня наука и практика свидетельствуют: на БАМе может расти почти все. По крайней мере, все необходимое — от картофеля и различных сортов капусты до люцерны, клевера и всевозможной столовой зелени. В нашем рассказе итак уже много перечислений, а это получилось бы самым длинным. В некоторых районах будущей магистрали овощи и картофель хорошо растут лишь на грядах или гребнях, лучше прогреваемых, чем борозды на ровном поле. И для таких сложных условий предложены наиболее подходящие сорта и разработана механизация их выращивания. А для районов особо сурового климата создана двуслойная пленочная теплица нового типа и

к ней тоже подобран комплекс машин и оборудования. Вопреки всем трудностям сибирского новоселья на опытных делянках выращиваются сотни тонн овощей, и для многих участков трассы эти делянки — пока что единственные поставщики незаменимых свежих продуктов.

Но самый трудный вопрос продовольственного снабжения БАМа — это свежее молоко. Оно одинаково необходимо и в тех районах, где коровам раздолье, и там, где им придется круглый год проводить в стойлах. Вообще молочное животноводство — наиболее трудоемкая отрасль сельского хозяйства, требующая ежедневного заботливого участия человека. Для полосы БАМа научно обосновано и опробовано несколько вариантов содержания молочного стада, в основном на кормах естественных местных угодий. Практикой доказано, что годовые надои по три тысячи литров молока от каждой коровы — вполне достижимы в условиях БАМа и даже еще не предел.

На изрезанном, сильно пересеченном ландшафте примагистральной полосы даже на небольших площадях разнообразности почв могут встречаться десятками. Потому что все эти с виду такие похожие пыльно-желтоватые, бурые и грязно-белесые почвы — все они очень различны по своему составу и строению, а главное — по своим свойствам. По-разному влияет на них изменчивость погоды. Разная у них отзывчивость на обработку, разное и плодородие. В одном только все виды почв, пожалуй, похожи: от мертвых горных пород они отличаются тем, что все они отчасти живые. Минеральные вещества в комочках почвы перемешаны с остатками растительных и животных организмов, которые почти все на этой же самой почве выросли, и вся эта смесь насыщена живыми почвенными бактериями. Сантиметровый слой плодородной почвы приро-

Сегодня продвинуть мелиорацию с экспериментальных участков на просторы всей трассы по плечу только мощным передвижным механизированным колоннам.

да наращивает около двухсот лет; полметра — дольше десяти тысячелетий. Вот почему при вовлечении «диких» земель в сельскохозяйственный оборот нельзя ошибаться.

Чтобы такая земля стала добрым полем, прежде всего надо верно выбрать его контуры и его расположение относительно солнца и господствующих ветров. На глинистых мерзлых грунтах при уклоне местности распаханное поле почти наверняка погибнет от оползней, зато сенокос может выйти прекрасный. Легким песчаным и пылеватым почвам в сухую погоду угрожает выдувание — ветровая эрозия, если не предусмотрено орошение. А земли подлесные (освобожденные от леса) нередко гибнут от промоин и оврагов — эрозии водной. И чем беднее почва, тем больше потребует она труда и внимания.

В полосе БАМа широко развиты

небогатые торфяно-болотные почвы. Сначала их придется осушить. И если затем распахать, торфянистая пашня для улучшения теплового режима будет нуждаться в добавке минеральных грунтов — до 800 кубометров на каждый гектар. И любые осушенные торфяники — пусть и нераспаханные — становятся крайне пожароопасны, если их не обустроить системами для поднятия уровней грунтовых вод. Такие системы двустороннего регулирования намного сложнее и дороже простых осушительных мелиораций. Однако экономия при отказе от них легко может обернуться полной потерей и всех затрат на мелиорацию и самих земель — из-за пожара.

Как показали эксперименты, в последующем орошении будут нуждаться и многие другие осушенные земли на БАМе, а не одни лишь торфяники. Еще лет двадцать назад,

при тогдашних возможностях мелиорации, большинство бамовских земель так и осталось бы пустошью. Но и сегодня продвинутой мелиорации с экспериментальных участков на просторы всей трассы по плечу только мощным передвижным механизированным колоннам (ПМК) —своего рода мирным тракторным дивизиям. А сформировать эти сельскохозяйственные дивизии не так-то просто. Ведь не БАМ строится ради освоения целины, а наоборот — скудные земли предстоит освоить, чтобы служили нуждам нового промышленного района.

Но вот когда вся многотрудная бамовская целина будет наконец поднята, тех лугов и пашен хватит, чтобы прокормить едва половину полумиллионного населения края. Тут невольно воспрянут давние привычки, когда бывало, что и крупнейшие новостройки кормились целиком за счет завоза, без особых затрат, но и без хлопот. Тем более что совсем рядом — 300—500 километров от магистрали — пахотных земель миллионы гектаров! Снабжаются же привозным продовольствием столько великих и малых городов!..

Ну во-первых, часть продуктов питания для горожан выращивается буквально в городской черте или вблизи от нее: все удобные земли в окрестностях городов, как правило, тщательно возделаны.

А во-вторых, как раз в последние годы все наши города так стремительно росли, что их давние источники продовольственного снабжения еле-еле поспевали за ростом новых потребностей. Рассчитывать на самостоятельный завод продовольствия при нынешних уровнях спроса — значит надеяться, что где-то лежат до востребования высокие горы сельскохозяйственной продукции.

Конечно, на БАМ придется завозить все: зерно и сахар, фрукты и часть молочной продукции, грубые

корма для животноводства и еще многое другое. Но для этого в близлежащих обжитых районах предстоит те же работы: освоение полумиллиона гектаров целины, расширение сети автомобильных дорог, усиление существующих совхозов и создание новых. В любом случае все возможное количество продовольствия должно производиться вблизи дома. К тому же не всякий продукт выносит длительное хранение и даже просто перевозку, особенно зимой.

В ближайшей перспективе пашня на БАМе займет более ста тысяч гектаров, а площадь теплиц превысит шестьсот тысяч квадратных метров.

В будущем предполагается в колхозах и совхозах зоны БАМа, что число кур-несушек достигнет миллиона, а поголовье коров приблизится к двадцати двум тысячам, а в подсобных хозяйствах предприятий — к восьми с половиной тысячам.

В этой ближайшей перспективе отведено свое место и малому индивидуальному хозяйству, имеющему для БАМа особенно важное значение.

На сотнях тысяч квадратных километров притрассовой полосы разбросано несметное множество мелких клиньев удобной земли, по мелкости своей невыгодных, а то и непригодных для машинной обработки. Освоение таких «пятачков» населением, обычно стихийное, на БАМе сразу получило поддержку и помощь. Местные органы власти помогают новоселам приобретать инвентарь и удобрения, породистый молодняк домашних животных. А где это необходимо, под огороды распахивают целину. Опорные пункты сельскохозяйственной науки рассылают семена и раздают рассаду, помогают советами. Казачинско-Ленский ОП сумел привлечь к этой работе учеников местной школы. Огородничество в округе пошло столь успешно, что теперь, когда заходит речь о достижениях сельского хозяйства на

Коренные жители БАМа — дети.

БАМе, Казачинско-Ленский ОП называют в первую очередь.

...Еще работали с полной нагрузкой бамовские звеноборки: среди красных флажков ограждений передвигались ажурные козловые краны, ревели оранжевые самосвалы, грудились холмы черных шпал и росли, росли сквозные штабеля готовых звеньев будущего пути — на земле и на сечах рельсопоездов, которые развозили их в разные стороны — в голубую-голубую тайгу, а в поселке Магистральном и в Тынде и вблизи Комсомольска у полотна готовой дороги трактора обрабатывали землю и набирали силу всходы овощей, картофеля и кормовых трав. Большинство бамовских полей с насыпи не увидеть. Однако они есть, и с каждым годом их становится больше. И где-то совсем уж далеко от трас-

сы, на днищах межгорных котловин и на террасах таежных рек, упрямо зеленеют делянки опытных участков.

Железнодорожная магистраль идет в тайгу за углем, рудами, лесом.

Но абсолютное большинство новоселов — дети народов земледельческих. И пусть не каждый сам обрабатывал землю, все они выросли в сознании, что родная земля кормит свое население, а человек не только берет у земли, но должен оставить ее внукам улучшенной.

Так освоение целины БАМа переросло рамки чисто хозяйственных задач.

Грядущие новостройки на севере и востоке страны будут опираться на БАМ, на бамовский опыт. Отныне освоение целины станет обязательным условием каждого строительства в необжитых сибирских краях.

М. Самсонова

СТРАНА СЕРО-ЗЕЛЕННЫХ КАРЛИКОВ

ЗАПОВЕДНИКИ НАШЕЙ СТРАНЫ

В проливе Моонзунд у берегов Эстонии есть остров, такой маленький, что на карте страны его очертания слились в черную точку, а название — Вормси — расположилось на голубых волнах.

Площадь его — чуть меньше ста квадратных километров. Наша машина бежит через старый сосновый лес — светлый, просторный, с брусничными и черничными полянами, с крепенькими моховиками, хорошо заметными с дороги. Минует небольшую деревеньку, цветущий луг, густой темный ельник с россыпями маслят, еще одну деревеньку, вырывается к берегу моря. А дальше виднеется остроконечный треугольник полуострова Румпо, выступающая далеко в море часть острова. Здесь проходит граница государственного заказника — первого в нашей стране, где взяты под охрану... лишайники.

Удивительный, неповторимый облик у этого миниатюрного полуострова! Низенькие, мелко разветвленные кусты лишайников, похо-

жие на карликовые колонии кораллов, сложными узорами разрисовали всю его поверхность. Лишь огромные валуны и темно-зеленые пирамидки можжевельника возвышаются там и тут на плоской равнине. Заброшенная дорога петляет среди серо-голубых полей, уводит все дальше и дальше, к самому острию треугольника, окаймленному бахромкой тростника. Вокруг все та же замершая в неподвижности растительность, а дальше — море сливается с небом. Повсюду, куда ни глянешь — только два цвета: серо-голубой и темно-зеленый. И звенящая тишина. Ни шелеста листвы, ни шороха трав. Шагнешь с тропинки в сторону и вздрогнешь от неожиданности: под ногой захрустит, словно наступил на яичную скорлупу.

Час и другой можно бродить белыми, будто мукой присыпанными, тропками и не встретить ни человека, ни зверя, не заметить никакого движения. И тогда возникает странное ощущение, будто плутаешь среди театральных декораций,

Нигде не распространяются лишайники на равнине так далеко на юг, как в этом районе.

созданных для невиданного сказочного представления.

Где еще можно увидеть такое?

— Только здесь и на некоторых островках юго-востока Швеции, — говорит Юрий Леович Мартин, директор Таллинского ботанического сада, сопровождающий нас в этой необычной экскурсии. Под его руководством здесь многие годы работают лишайнологи — специалисты по лишайникам.

Нелегко изучать лишайники — эти загадочные содружества низших грибов и водорослей. Уж очень медленно они растут.

Чтобы вырастить в лаборатории взрослое растение, требуется не меньше двадцати лет.

На знаменитых эстонских альварах — так называется удивительный ландшафт полуострова Румпо — самой природой созданы такие условия для изучения лишайников,

каких не воспроизвести ни в одной лаборатории. Под тонким слоем почвы, местами всего в два-три сантиметра, здесь лежит сплошная каменная плита, светло-серый известняк. На столь скудной земле способны расти лишь неприхотливые лишайники. Потому-то и возникли на Румпо «лишайниковые поля», какие встречаются только в тундре на тонком слое почвы над вечной мерзлотой. Нигде во всем мире не распространяются они на равнине так далеко на юг, как в этом районе.

Чтобы сохранить это своеобразное чудо природы, на полуострове создан государственный заказник. Первый в нашей стране, где главным объектом охраны будут лишайники.

Как много их здесь! И какие они разные! Кружевные кустики оленьего мха образуют целые заросли. Свернулись, словно засохшая березовая кора, листоватые пармелии.

В соседстве с лишайниками, там, где слой почвы чуть потолще, растет можжевельник.

То и дело наклоняется Юрий Левич, показывает и называет все новые и новые виды. И самые обычные, встречающиеся в каждом лесу, и такие, которые обычно растут на далеком севере или в альпийских условиях. Есть здесь и редкие или вымирающие виды — они занесены в «Красную книгу СССР».

В соседстве с лишайниками, там, где слой почвы чуть потолще, растет можжевельник. Такой же неприхотливый к условиям обитания — к составу почвы, влажности, температуре воздуха. На севере этот родственник туи и кипариса — единственный хвойный кустарник. Медленно подрастают темно-зеленые пирамидки. На полуострове иные из них вытянулись выше роста человека — совсем старики. Среди жестких, словно воском покрытых хвощиков притаились зеленые и синие-черные горошины. Это целебные шишкоягоды, содержащие множество полезных веществ. Зреют шишкоягоды

два года, поэтому в одно и то же время на одном кустике можно увидеть горошины разного цвета.

Там, где растет можжевельник, воздух всегда стерильно чист и ароматен — один гектар можжевельников зарослей выделяет в день тридцать килограммов фитонцидов! Этого вполне достаточно, чтобы полностью очистить от микробов целый город. К сожалению, в городах можжевельники погибают, слишком загрязнен там воздух. Да и в лесу сейчас встреча с можжевельником — редкость. Выванные для веников кусты, сложенные для букета веточки с шишкоягодами — и с каждым годом все меньше и меньше остается кипариса северных лесов. Отдельные виды можжевельника уже внесены в «Красную книгу».

На Румпо ему ничего не угрожает. Шишкоягоды здесь оставляют птицам. Они помогут расселить этот красивый ценный кустарник.

В заказнике запрещено ломать

кустарник, собирать ягоды, ставить палатки и разводить костры, зря вытаптывать лишайники. Ходить здесь можно только по тропинкам.

Не сразу удалось ученым добиться решения о создании заказника. У руководства местного совхоза были планы использовать полуостров как базу для овцеводства. Да и сама мысль о необходимости беречь лишайники поначалу показалась несколько странной. «Заказник для косуль» или, скажем, «заповедная роша» — это звучит привычно. Но «заказник для лишайников»... Нужен ли он? Ведь эти неприхотливые растения поистине вездесущи. Красные, желтые, оранжевые, черные, всех оттенков, они поселяются и там, где не вырасти ни дереву, ни цветку, ни чахлой травинке: в полярных пустынях, на голых камнях, на стволах и ветках деревьев, даже на тряпках и осколках стекла. В тундре ягель — олений мох, на самом деле не мох, а лишайник, — покрывает огромные пространства, служит почти единственной пищей северных оленей в зимнее время.

Около двадцати тысяч видов уже известны, и каждый год ученые открывают все новые и новые. Нет уголка, куда они не способны проникнуть.

Однако осмотритесь внимательно в городском саду, в парке, в сквере. Здесь вам едва ли удастся обнаружить хотя бы маленький лишайник в трещинках коры.

Какое же невидимое препятствие встречают лишайники на своем пути, что мешает их росту в городах? Загрязненный воздух! Оказалось, что эти неприхотливые растения его не выносят. В городах сейчас даже стали выделять так называемые «лишайниковые пустыни» — районы с сильно загрязненным воздухом.

Не меньше чем от промышленных загрязнений, страдают хрупкие растения и от механических повреж-

дений. Их ломкие слоевища (так называется тело лишайника) рассыпаются в пыль от любого прикосновения, особенно в засушливую погоду, а растут очень медленно — не больше чем на один-два миллиметра, всего на булавочную головку в год. Пройдет человек по лесу, примет траву — смотришь, она уже поднялась, расправилась и покачивается на ветру, чистая, свежая, ярко-зеленая. Куда труднее участь лишайников — им не расправиться, не выпрямиться. Пройдут годы, а то и десятилетия, пока на месте сломанного появится новое крошечное растение. Ягельное пастбище, после того как на нем попасется стадо оленей, должно «отдыхать» не меньше десяти лет.

Как же уберечь лишайники от гибели? Каждый шаг в лесу, поставленная на полянке палатка, разожженный костер могут принести гибель хрупким растениям. Но нельзя же ходить по лесу, все время глядя под ноги и выбирая место для каждого шага.

Единственная возможность — это создавать охраняемые территории, куда доступ будет разрешен только специалистам.

Полуостров Румпо для этой цели идеальное место. Здесь нет промышленных предприятий, и населен он не слишком густо. Вот только от непрошенных посетителей заказник приходится охранять. Нелегко было бы справиться с этой задачей, не будь на Вормси энтузиастов, влюбленных в свой край, в его природу.

Вряд ли те, кто бесцеремонно нарушает запретный режим заказника, оставляет за собой вытопанные и выжженные до голого камня участки земли, подозревают, что они — соучастники скоростного истребления растительного покрова, формировавшегося сотни лет. Первыми поселяются лишайники на свежесоборанных каменных поверхностях. Все что нужно им для жизни — это солн-

Там, где растет можжевельник, воздух всегда стерильно чист и ароматен.

це, вода и минеральные соли. Поверхность монолита постепенно разрушается лишайниковыми кислотами, в микроскопических трещинах и выемках скапливаются пылинки — начинается формирование почвы. Отмирая, лишайники обогащают, удобряют ее, прокладывают дорогу другим, более высокоорганизованным растениям. Со временем здесь появляются мхи, за ними потянутся травы, затем кустарники, деревья. И как только лишайники выполняют свою роль в создании почвы, быстрорастущие конкуренты вытесняют их с завоеванной территории, заставляя забираться на стволы и ветви деревьев, на бесплодные камни.

На Румпо первопроходцам растительности такая участь пока не угрожает. Почва здесь все еще очень бедна, хотя, известняк, на котором она покоем, сформировался давным-давно, еще в третичном периоде. Миллионы лет над ним плескались волны — в тот отдаленный гео-

логический период на месте современного острова шумело древнее море. Шли века, на смену жаркому климату пришло похолодание. С севера, из Скандинавии, надвинулся ледник, насквозь проморозил мелководное море. А когда лед отступил — срезал своей тяжестью все неровности морского дна. И снова над каменной плитой зашумело море. Затем внутренние силы Земли пришли в движение и подняли сушу. Произошло это совсем недавно — в геологических масштабах времени. Не более трех тысяч лет назад поднялись над поверхностью моря самые высокие точки острова Вормси.

Отступало море, разрасталась суша. Но еще долго на месте современного острова существовала целая группа крошечных островков. Этот маленький архипелаг и открыл в X веке викинг по прозвищу Орм — норвежец, состоявший на службе у английского короля. За хитрость и злобный нрав капитан получил свое

прозвище — в переводе оно означает «змея». Этим же именем называли и острова.

Два с половиной столетия после открытия острова Змея оставались необитаемыми. Только суда, следовавшие в далекую Россию за драгоценной пушниной, детям и пенькой, заходили в тихие заливы на стоянку для ночлега — в те времена судоходство велось преимущественно в светлое время суток.

Первыми постоянными жителями стали шведы, сосланные на необитаемые острова за тяжкие преступления. Это были рыцари, в пылу битвы разившие мечом и врагов, и друзей — без разбору. Трудовая жизнь преобразила кровожадных рыцарей в мирных землепашцев, а острова превратились в цветущий край. На языке шведов они стали называться Вормси.

Сохранились документальные свидетельства, что в 1711 году на Вормси заходила эскадра Петра I. Где пролегал ее путь?

— Эскадра следовала из порта Палдиски через пролив Силмен, — рассказывает директор местной восьмилетней школы Олев Хансович Пиирсалу.

А разговор происходит в школьном музее. Здесь собраны и бережно хранятся исторические документы, предметы обихода и старинная национальная одежда жителей острова.

ОСТРОВ-САД

Остров Петрова, что лежит в океане у берегов Приморья, — удивительный ботанический сад, созданный самой природой. На этом маленьком клочке суши — всего 400 метров в поперечнике — уживаются около 200 видов растительного богатства Уссурийской тайги: деревья, кустарники и травы. Островок как бы сохранил весь первозданный облик лесов третичного периода.

Богатство растительности, так характерное для субтропиков, тут поражает своим разнообразием. Ели, кедры, липы, грабы, дубы, па-

На стенах — рисунки и картины работы Олева Хансовича и его учеников, посвященные истории открытия и освоения Вормси. Олев Хансович показывает старинную карту. На ней обозначен путь эскадры Петра I.

— Теперь на этом месте суша, а остров, отделявшийся проливом Силмен, давно сросся с материком, — говорит он.

Быстротекущее время перекроило границы моря и суши, преобразило все вокруг. Только на полуострове Румпо оно замедлило свой бег. Стреловидные очертания Румпо почти не изменились с тех пор, как здесь поселились шведы. Ведь не случайно полуострову дали название, в переводе со шведского означающее «румб, направление».

Не изменился и его внешний облик. Вокруг подросли леса, а каменистый полуостров, заселенный долгожителями, по-прежнему остался царством лишайников. Еще не одно столетие понадобится им для того, чтобы превратить бесплодный известняк в плодородную почву.

А пока первая у нас признанная страна серо-зеленых карликов будет сохраняться в первозданном виде, развиваться по своим законам. Это поможет сохранить редкие и исчезающие виды лишайников, позволит проводить постоянные наблюдения, представляющие большой интерес для науки.

поротники, черемша, майники, кишмиш, уже редчайшие на планете деморфаны создают непроходимые заросли. Особой гордостью является тиссовая роща с реликтовыми деревьями, не подверженными в этом крае никаким болезням, которые губят их собратьев в других местах.

С 1930 года на острове проводятся исследования жизни растительности. Остров Петрова сейчас является частью огромного Лозовского государственного заповедника им. Л. Г. Капанова, который раскинулся на континенте на южных отрогах Сихотэ-Алиня.

Г. Горышин

САД НИКОЛАЯ СМИРНОВА

Телецкое озеро Карагай. Ранняя осень. Вечер. Таковы отправные точки этого дневника. Пишу его поодаль от костра, но все же пользуясь его теплом. Сядет солнце, и я приближусь к костру.

Карагаем зовут южное побережье озера. Вообще-то, мыс Карагай, и подошва горы, и каменная терраса, поросшая лозой и калиной, и галечный пляж, озерные заплески — все это Карагай. Можно идти Карагаем от устья реки Чулышман до горы Тоолок; тут — прижим, дальше идти нельзя. Перед тобою Кыгинский залив. Реку Кыгу не видеть из-за крутого бока горы. Можно залезть на гору — я знаю, лазил, — пощипать черной и красной смородины (красную тут зовут кислицей). Ближе к вершине горы, в пихтовнике, есть меченная затесками тропа. По ней бегали на воскресенье домой из школы-интерната, из Кайру, дети Смирновых — вон туда, на ту сторону залива, на таежную заимку, в родительскую избу, поставленную в устье далеко слышной горной речки Чири. Там пост гидрометеослужбы.

Округлые камни. До белизны вы-

сушенный солнцем плавник. Солнце садится. Дует низовка — северный ветер. Низ озера — там, на севере, в семидесяти километрах от Карагая. Тут — верх. Утихнет низовка, задует верховка, хорошо разогнавшись в долине Чулышмана, погонит белые гребешки волн сверху вниз. Потом опять снизу вверх. Телецкое озеро вечно движимо двумя, встречу друг другу летящими ветрами: низовкой и верховкой. Но никогда не встречаются ветры, у каждого свое время — дуть.

Горит костер, сложенный из плавника, споро горит, синеватым пламенем.

На той стороне залива виден дом Николая Павловича Смирнова. Я жгу костер, наваливаю в пламя лапник, чтобы было побольше дыму. Надеюсь, старый водомер приедет на дым. Бывало, лет пятнадцать назад, приезжал, таков был условный знак: костер у прижима на Карагае означал, что кому-то явилась нужда побывать у Смирновых, по делу ли, по дружбе, по родству или просто так, из любопытства... Николай Павлович садился в лодочку с деревянными уключинами, за самодельные весла, перевозил. Или отряжал

кого-нибудь из сыновей. Детей у Смирновых было семнадцать...

Костер мой исправно горел и дымил, но лодка с той стороны не отчаливала. Мой старый добрый знакомый не торопился заключить меня в объятия. Я и сам понимал, что пускаю дым на ветер: по всему Карагаю, от Тоолока до Чулышмана, горели костры. За пятнадцать лет, что я тут не был, Телецкое озеро превратилось в туристический водоем. Хотя... Озеро осталось холодным, туристу в него не нырнуть, не поплавать. Я когда-то нырнул, долго плыл, на самой заре моей туманной юности. Заря была так горяча (юность глупа), что кажется, при погружении моего тела в студёные воды озера Алтын-Кёль (таково его название по-алтайски) послышалось шипение. После купанья я год провалялся в больницах, с полиартритом...

Туристы добрались-таки до Телецкого озера, но озеро им не дается. Рыба на удочку не берет. Озеро имеет форму сапога с длинным голенищем, вытянутым с севера на юг. Восточный и западный берег неприступны: отвесные скалы. К тому же восточный берег, от поселка Яйлю до Карагая, — граница Алтайского государственного заповедника. Туда вообще никому ни шагу. Теплоходы скользят по озеру, вверх и вниз, но винты их не могут замутить озерные воды. Глубина Телецкого озера до 350 метров. Средняя температура воды плюс четыре градуса. До дна никто не доныривал, никто не знает, что там.

Озеро отдало туристам свою северную горловину, южный берег — Карагай, дельту Чулышмана. В горловине озеро собралось в поход, скоро станет рекой — Бией.

На правом берегу Бии, у истока, турбаза Артыбаш, на левом — Иогач, там леспромхоз, переводящий на древесину знаменитый алтайский кедр.

Бии долго катить свои воды, ки-

петь на порогах, огибать утесы-бомы, до встречи с Катунью. Две реки сольются, и будет Обь. Говорят, что название «Обь» означает: «обе», то есть Бия с Катунью.

Еще говорят, что «Обь» от тюркского «об» — «вода».

До Оби далеко. Прежде, помню, от Иогача до Бийска плотгоны сплавлились за трое суток. Была такая профессия на Бии — плотгоны. Она отличалась от других профессий, как, скажем, моряк отличается от речника. То есть за гребь мог взяться каждый, у кого хватало силенки (гребь вытесывалась из целного пихтового хлыста). По праву славились бийские лоцманы — особая статья, детишки на подбор. Дикие туристы вроде меня — их было немного в ту пору — напрашивались к лоцманам сплавиться по Бии. Заманчиво, всем хотелось. Те брали. А что им, жалко? У туристов екали сердчишки на порогах: Кипяток, Бучило, Привоз...

Теперь кидают в Бию бревна, ведут молевой сплав. Что-то тонет, а что-то и doplывает. Не знаю, насколько это экономически выгодно, едва ли кто считал, во что обходятся топляки, захламливание речного русла, отравление воды. Конечно, гнать лес «мулём» проще. Плотогонство было искусством: смотреть загляденье, как несутся большие плоты по красивой реке, искусные лоцманы у рулевых гребей командуют зычными голосами: «Ле-во! Пра-во!» Ни одна лесинка не тонула, не пропадала, не портила Бию.

Бывало, сплывшись от Иогача ну хотя бы до Турачака — сядишь и пиши рассказ про бийского лоцмана. Каждый лоцман того стоил, всякий рейс имел свой сюжет. Мой самый первый рассказ, напечатанный в 1957 году в журнале «Нева», назывался «Лучший лоцман».

У реки иная жизнь, чем у озера. Реку давным-давно обуздали, захо-

мутали, впрягли в работу. Река привела людей к озеру. В речной долине построили дорогу от Бийска до Артыбаша. По реке провели теплоходы, пустили их в озеро. И потянулись на озеро вереницы людей — туристы...

Только Главное Озеро сохранило себя. Его берега неприступны, его глубины непостижимы и холодны.

Дует низовка, бежит покатаемая волна. Горит костер. Сидит у костра моя дочка Аня, строгаёт ножом корявую, обглоданную озером палочку. И я сижу на палом березовом стволе, долго живший, изрядно уставший, — от самого себя. В моей жизни бывало хорошее и плохое, как в любой человеческой жизни. В ряду хорошего — в самом первом ряду — вот это Озеро. Озеро моей молодости...

Отсюда родом дочка Аня. Было раннее лето. Мы с женой спустились долиной Чулышмана к Телецкому озеру, зажгли на Карагае костер. Николай Павлович Смирнов перевез нас к себе на займку. Цвели яблони в его саду, благоухали травы. Гудели пчелы, по вечерам пели дрозды. Нам было с женой по двадцать пять лет. Мы коротали наши звездные ночи (такого множества звезд, как над Телецким озером, я нигде не видел) на берегу у костра. И родилась дочь Аня — наше дитя...

Едва ли Николай Павлович придет за мной, сколько бы я ни пускал дыму в небо...

Но я до него доберусь. Вот поживу на Карагае и доберусь.

Западный берег озера сделался черен. Горные кряжи обозначили свой профиль на заревом небе. Восточный берег все еще зеленеет, контур гор там мягче. И я помягчел за этот вечер на Карагае, смог взять в руку перо, писать то, что вижу, что оживает в моей душе. Добрался досюда заскорузшим, усталым, полуснувшим от кислородного голода-

ния. И вот просыпаюсь: спасибо Озеру, в котором нельзя купаться, нельзя поймать никакую рыбку (чужим, пришлым, рыба на Телецком озере не дается; только бывалым, своим).

Гляжу на Озеро, обращаюсь к нему с внутренним монологом: «Озеро, помоги мне вернуться к себе самому, молодому. Я же к тебе вернулся, ты видишь... Я тебе изменил, ушел от тебя на долгие годы, грешил с другими озерами, реками, морями. Но я вернулся, ты слышишь меня?.. И привел с собой дочь...»

Горит костер, летит над водой дым. И ни души. Только мы с дочкой. И Озеро. Дует низовка...

Сегодня пасмурно. Низкие облака. Ночью плохо спалось в палатке, хотя душа была спокойна. Чтобы крепко уснуть в палатке, надо за день изрядно устать. Да и то... Сквозь тонкое полотно палатки до тебя доходят вздохи, шепоты, таинственные излучения вечно бессонного мира. Разговаривали с дочкой о разных разностях. Дочка моя умна, но, главное, она чувствует; у нее умная душа, и уже где-то она успела натрудить свою душу. Дочке моей двадцать лет, но она как будто и не младше меня.

Утром по озеру плыли черные гоголи. Стая гогаей, пять птиц. Они хлопали крыльями по воде. От туристского лагеря школьников «Медвежонок» на Карагае отвалила мотторка. Какой-то злостный дурак хлестал дробью по выводку хлопунцов. Желание убить и съесть в нем было превыше всего другого. Охотился, должно быть, инструктор турбазы, значит, воспитатель. Дети смотрели, проходили урок...

Залетел в палатку большой черно-рыжий шмель, пожужжал. Пролетел над водой ястреб. Пискнул бурундук. Пошел второй наш с дочкой

день на Телецком озере. Живем на Карагае и все поглядываем на тот берег Кыгинского залива...

В первый день мы плыли по озеру на теплоходе «Яков Баляев». Среди пассажиров я сразу выделил двух девушек смирновской породы. Какие, помню, были красавицы — дочери Смирновых! Одна за другой созревали, как яблочки в саду, несли в себе собственный знак природы: креолки, таежные феи... Жена Николая Павловича Дора Захаровна — алтайка. Дорино — азиатское, горное — привалось к смирновскому, глубинно русскому...

Николай Павлович родом из Костромской губернии. Революцию он встретил в Петрограде. Юношей работал курьером в типографии питерской газеты. В двадцатые годы уехал в Москву, поступил на рабфак... Эти биографические данные о наблюдателе поста гидрометеослужбы в Кыгинском заливе я получил из первых рук. Хотя вообще Смирнов рассказывал о себе скупое, многое в его жизни осталось неизвестным мне, темным. Рабфак он не закончил, уехал из Москвы. Резкий перелом в своем жизненном восхождении Смирнов объясняет болезнью... Потребность унести свой недуг как можно дальше с глаз людских победила иные его намерения. Надеждой избавиться от недуга ему светила уединенная жизнь в великом безмолвии сибирских таежных пространств. Уехать — затеряться — и выдюжить! Смирнов добрался до Байкала, какое-то время провел на берегах Священного Моря, поохотился, порыбачил, покрестьянствовал, но не прижился. То ли климат не тот, то ли еще что, не знаю.

Какие языки, какие тропы привели Николая Смирнова на Телецкое озеро, я тоже не знаю. Известно, что он объявился в Кыгинском заливе в 1927 году. Жившие там в берестяных юртах пастухи-алтайцы

встретили его по-доброму, пригостили. Это тоже известно. Потом русский пришелец срубил себе избушку-зимовье, лесу кругом хватало. И птицы-зверья в тайге, и рыбы в озере. В одной из юрт нашлась и невеста для Николая Смирнова. Как он выбрал ее, чем прельстил, с чего началась у них любовь с Дорой, играли ли свадьбу и как, то неведомо мне. Вскоре пошли дети, первых помогала принять смирновская теща. После, когда не стало тещи и юрт на берегу залива не стало, Николай Павлович приобщился к этому делу сам. Детей в семье Смирновых, как я уже говорил, родилось семнадцать.

На том берегу озера, неподалеку от устья реки Чулышман, жило алтайское село Балыкча. Алтайцы занимались скотоводством, промышляли зверя в тайге, сеяли немного ячменя в долине, варили из жареного ячменя свой чай — толкан. Выше по Чулышману, вдалеке одно от другого, ютились небольшие селенья-стойбища: Кок-Паш, Коо. В Балыкче организовали колхоз. На другом берегу Чулышмана, в Кайру, на плодородных, возделанных землях бывшего тут монастыря, в самом начале двадцатых годов приехавшие издалека люди создали артель-коммуну, со всей горячностью молодых сердец принялись за дело... Всех их вырезала белая банда. Там же, в монастырской оgrade, они и похоронены.

Когда в Кыгинском заливе учредили водомерный пост гидрометеослужбы, Смирнов стал смотрителем на посту, водомером. Он беспрерывно им пребывает по сей день.

На узком языке каменной земли, принесенной рекою Чири, кыгинский водомер стал возделывать огород, потом и сад. Солнечной благодати и влаги здешняя земля получала вволю. Озеро за лето аккумулялировало тепло, зимою его отдавало. Сколько в году ясных дней, сколь-

ко когда выпадает дождя и снегу, какие уровни бывают в реках и озере, какие температуры в воздухе, воде, на почве — все это наблюдатель поста подсчитывал изо дня в день, записывая в дневник, отправлял дневник в управление гидрометеослужбы. И обязательно расписывался на каждой тетрадке: «Просьба вернуть на пост». В дневниках своих Николай Павлович писал не только о погоде...

Земли было мало. Семья росла. Смирновы держали скотину: двух коров, овец-барашков (их частенько драли медведи), разную мелкую живность. Посту полагалась казенная лошадь. Где росла трава, там пасли скот, косили сено. Из семечка выращенный яблоневый сад (потом появились груши, вишни, дыни, арбузы) Николай Павлович стал мало-помалу поднимать по юго-западному, обращенному к солнцу, склону горы. Делал террасы на склоне, укреплял их листовыми сваями. Плодородную илистую почву привозил из устья Чулышмана, валил ее на террасы. В трудах ему помогала Дора. Прибывающих, подрастающих детей тоже впрягали в эту работу. И работы все прибывало.

Однажды в долгое летнее ведро стали бурно таять снега на горных хребтах; река Чири хлебнула лишнего, вышла из берегов, унесла в озеро содеянное Смирновыми: избу и сад-огород. Когда река вернулась на круги своя, Николай Павлович срубил другую избу, стал чаще махать веслами, плавать за илом на Чулышман.

Яблочные семечки Смирнову присылали отовсюду. Массовый туризм пришел на Телецкое озеро сравнительно недавно, но люди текли сюда с незапамятных времен — подивиться величию, красоте самого лучшего в Сибири озера. И открывали для себя поражающую воображение судьбу человека, решившегося при-

внести в красоту и гармонию озерных побережий свою лепту, свой оттенок: яблочный, вишневый цвет по весне, рдение, аромат спелых плодов по осени. И уже не забывали об этой судьбе, о телецком садоводстве, слали в Кыгинский залив кто чем богат.

Николай Павлович всегда вел обширную переписку, получал посылки и непременно отдаривал каждого добротой: телецкой копченой селедкой, тайменем, кедровыми орешками. Я помню, при первом нашем знакомстве со Смирновым он попросил меня прислать семена многолетних трав: тимopheевки, ежи сборной. Я выполнил его просьбу и вскоре получил духмяную посылку с дарами озера и тайги.

Что было противно природе Смирнова, так это анахоретство, замкнутость. Он жил в отдалении от городов и селений, однако открыто, у всех на виду.

Выращенные из семечек в его домашнем питомнике побеги яблонь — южных, среднерусских, мичуринских гибридных сортов — приживались на здешней почве, плодоносили. Он научился их скрещивать, выводить свои сорта, скороспелые и поздние, сладкие, крупноплодные. В этом деле ему помогал советом и семенами восприимчив Мичурин в Сибири, основатель садоводства на Алтае Михаил Афанасьевич Лисавенко. И еще Дмитрий Степанович Рачкин, тоже телецкий садовод, живущий на северном берегу озера, внизу, в поселке Яйлю. Этот поселок можно считать за столицу озерного края: в нем контора заповедника, лесхоз, озерная станция, опорный пункт научных исследований.

Нынче ни один алтайский альбом не обходится без смирновского сада. Сад на горе над чудо-озером сам по себе — рукотворное дивное диво. Он вошел в ожерелье драгоценностей Алтая. Снимки этого сада, портрет

садовода я видел даже в американском географическом журнале...

Однако быт семьи Смирновых с годами мало переменился. И сказать, чтобы слава смягчила душу и нрав телецкого водомера... Едва ли.

Что помогло Николаю Павловичу обрести покой в душе, войти в гармонию с миром, так это писание дневников наблюдений на посту гидрометеослужбы в Кыгинском заливе. Исписано великое множество школьных тетрадок в клеточку и линейку; каждый прожитый день оставил по себе память в тетрадке. Писать дневник для Николая Павловича — такая же потребность, как ходить в тайгу на охоту (последние лет десять Смирнов не охотится), ловить рыбу в озере, косить траву, выращивать яблони, подымать для жизни своих детей. Только писать дневник — совсем особое дело. Николай Павлович, помимо своих добродетелей, принципов и странностей, еще наделен литературным талантом. Он умеет сложить слова одно к другому так ладно, чтобы высклалась искра поэзии; чтобы пережитое время, изведенные чувства запечатлелись бы в словесном образе, в гармонически отлаженной фразе...

«Все больше опадает листьев с деревьев, много их плавают на воде залива. А склоны гор, особенно северные — Тоолок, Карагай — красивы необычайно. Среди вечнозеленого пихтового, кедрового леса много осин, берез и рябины. На зеленом — багровое, желтое. Многие годы все это близко, знакомо, и каждую осень опять ждешь эту пору. На рассвете слух невольно ловит доносящиеся с дальних склонов любовные песни маралов... Солнце осветило покрытые снегом гольцы, медленно, будто огромный занавес опускается вниз, оживают в осеннем наряде горы. И забывает человек, что он стар и нездоров, что в мире так много противоречий...»

Слышите, сколько ладу, сколько чувства в этом коротком отчете для управления гидрометеослужбы?

Кончается запись каждого дня сводкой о температуре:

«Температура воздуха за день + 14°, воды + 5°».

Страсть к писательству общая у нас с Николаем Павловичем. И пишем мы в одном и том же жанре лирической зарисовки, в значительной мере пейзажной. И как бы далеко я ни уезжал от Телецкого озера, насколько бы по-другому ни изживал мою жизнь, о Смирнове не забывал. Раз навсегда он вошел в меня, со всеми своими заботами, трагедиями, идеалами, разочарованиями, чадками и домочадцами. Живя далеко от него, я все оглядывался в сторону Кыгинского залива: так ли живу? (Ну конечно не так.) Посылал Смирнову мои книги. Он их прочитывал и в письмах укорял меня за то, что я пишу не всю правду. (Тут извечный конфликт сочинителя с прототипом его героя.) Ссылался на пример своих любимых писателей: Горького, Серафимовича — те, по его мнению, писали одну правду...

Если бы в свое время я не нашел Телецкого озера, не открыл на нем водомера-садовода, то и первые мои рассказы получились бы другими. И вся судьба бы вышла другая. Да я и не знал тогда, о чем мне писать...

Руководствуясь, должно быть, велением той самой, общей у нас, писательской жилки, Николай Павлович все свои дневники за десятилетия (они пишутся и сегодня) передал ко мне в Ленинград. Я его попросил об этом, он сразу и согласился. Все они — день ко дню — составляют книгу жизни; главный герой в ней — Телецкое озеро и очарованная озером человеческая душа...

Николай Павлович, ах! Вы меня слышите? Ваши дневники — вот они, лежат у меня на столе. Стоит только протянуть руку...

Б. Михайлов

СКВОРЕЧНИ

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человеческое.

С. Я. Маршак

Увлёкся я в последнее время интереснейшим занятием — скворечники разглядывать. И не то чтобы опыта поднабраться — как делать их, я знаю, — другое меня влекло.

Вглядишься в птичий домик внимательно и увидишь, что проступает в нем не только почерк мастера, а нечто едва уловимое, перешедшее от него через руки в неживую вещь. Давайте приглядимся к скворечникам нашего поселка.

Вот на угоре стоит пятистенник. В резные окна дома царапаются широко растопыренными пальцами ветви высоченной — «соборной» — сосны. Такая сосна сейчас — большая редкость. К стволу этой сосны прибит кособоко скворечник. То Гришки-школьника работа. С трещиной, покоровившаяся корытцем крышка на птичьем домике посажена с наклоном вперед. Точь-в-точь как накинута на самые глаза у Гришки кепка со сломанным козырьком. И вид потому у скворечника, как у самого парнишки, когда его за-

ставляли делать птичий домик, какой-то недовольный. И скворцы-то в этом домике какие-то невеселые, насупившиеся живут.

Нахмуришься, станешь недовольствовать, коль по незнанию развернул Гришка свое творение летком на север. А надо на восток, к солнцу, чтобы ветер холодный не задувал и дождь через редкие ветки не бил. Да и не жалуют скворцы хвойные деревья. А леток здоровенный, в перечнике намного больше куриного яйца — точно от удивления открытый Гришкин рот. Того и гляди, ворона влетит. Через такую дырищу и кот может пошерстить скворчиную семью, и злая птица — сорока.

Не только птицам худо от Гришкиной неграмотности (за шесть лет учебы пять классов осилил). Вместо того чтобы подвесить скворечник к сучку на проволоку, он его к живому дереву прибил. Глубоко ушли в заболонь ржавые гвозди. Хоть затянулись раны медового цвета смолой, но дощечка, на которой крепится птичье жилье, треснула, вот-вот переломится, и рухнет вниз скворчинная семья.

Да-а-а, сделано тяп-ляп, подве-

шено сикось-накось. А балбесу Гришке хоть бы что: днями мячик гоняет, а ночами по чужим огородам лазает. Вот наказание-то: и для школы, и для соседей, и для птиц, и для сосны...

Через дорогу, окно в окно с Гришкиным пятystenком, присела избушка, крытая дранкой, — бабки Матрены жилье. У нее свой скворечник.

Как-то наткнулась бабка в кладнице дров на гнилосердый кругляк. Колоть его не стала, а выбрала аккуратно всю труху, ножичком стенки внутри подскоблила. Тюкнула маленьким топориком по сучку, что сбоку торчал, и отшибла его. Вот тебе и леток. Правда, узковатым вышел, как улыбчивый ротик старушкин, и на середине стенки — низковат — повыше бы надо, под крышку. Да уж каким получился...

На донышко фанерку от посылочного ящика пустила. Донце прибила — стенка треснула. Подыскала бабка в сарае кусок туго свернувшейся бересты, выправила и надела сверху — крышка для птичьего

домика. А для прочности обмотала Матрена бересту ленточками лыка и завязала сзади.

Береста взбугрилась и стала напоминать белый, в мелкую полоску бабкин платок. Сзади, как заведено, узелок торчит. Внизу, у самого донышка дуплянки, округлый нарост выпирает — копия бабкиного подбора. Вот каким вышел дом скворчиный.

Прикрепила бабка птичий домик к жердинке, что из тына выдернула и к яблоне подвязала, над самыми грядами.

Вид у скворечника получился спокойный, я бы сказал рассудительный. Смотрит он с шеста на всех философски-мудро, как повидавший многое на своем веку старый человек. И внешнестью вышел круглолицый, как сама Матрена. И заселились в том домике скворцы. Серьезные. Ни драк, ни крику. Все чин-чином. Одна заваyka — низкогато, в полтора бабкиных роста, домик висит. Тут и шум уличный беспокоит, и кот частенько у грядок пасется. Но все-таки живут птицы, привыкли, чуют доброго человека...

На противоположной стороне улицы, через дом от бабки, лепится к вишневому кусту скворечник работы печника Тюрина.

Струганные белые доски одна к одной подогнаны. Дно не внахлест прибито, а как положено, вставлено внутрь, чтобы скворчиное семейство не вывалилось. А вот крышку в обрез смастерил, без напусков, наподобие донышка. Досок, что ли, не хватило? Но приколотил правильно, на три гвоздя, чтобы в случае нужды легко ее снять и почистить скворчиную квартиру.

Сам домик получился узким и вытянутым — трудновато скворцам выбираться. По себе вещь мастер делал. Был Тюрин таким же долголиким. Летом берет постоянно носил и с трубкой прямой и длинной никогда

не расставался, благоухая ароматом «Капитанского» на весь поселок. Потому, вероятно, и сделал печник под квадратным летком длинный из куса палки присед для птицы и приладил его торчком. И не разобратся, кто на кого больше похож: то ли Тюрин на скворечник, то ли скворечник на Тюрина. Одно неладно: высоковато подвешен птичий домик, как говорится, выше крыши. Но у печника на этот счет были свои соображения.

Еще прошлой весной, как только Тюрин закончил эту скворечню, нагрянули праздники. Печник веселился, а скворечник на палке сиротливо стоял прислоненным к углу дома. Птицы не стали ждать, когда человек закончит веселье, и заселились.

Вконец выдохшийся от длительного празднества печник лежал на кушетке и слушал свист скворца за окном. Вдруг оттуда же, немного шепелявя, раздалось ругательное словцо. Поморщился Тюрин. Под окном ругнулись еще разок. Подняло то словцо мужика с кушетки. Неприятно такое от других слышать. Подошел печник к окну. Никого. Лишь скворец у форточки сидит, воодушевленно крыльями трепещет, хвостом дергает и трескотню с художественным свистом чередует. И вдруг как ругнется. Забористо так. Тюрин аж глаза выкатил. Самому слышать доводилось, как скворцы — великие пересмешники — и лают, и мяукают, и стучат, как радист на ключе, и машинисткой на машинке, и цып-цып выговаривают, сбивая кур с толку. Но чтобы такое... Видать, от гостивших мужиков перенял. С кем поведешься, того и набираешься.

Пока дивился Тюрин, скворец его еще разок окрестил тем словечком. Поделом печнику, будет знать, как работу затыгивать.

«Неудобно получается, — думал Тюрин, — тут и ребяташки бегают,

и гости именитые могут заглянуть...» И тюринская голова начала понемногу мозговать, втягиваться в работу: как от такой птицы отделаться? Может быть, подальше от себя, поближе к соседям придвинуть птичий дом? Но узнают — греха не оберешься — скандал закатыт. И поставил он свой скворечник повыше на шест, подальше от своего дома и от соседского, в вишневом кусту. Не сразу, конечно, а постепенно передвигал его, чтобы птицы жилье не бросили.

Так и стал тюринский скворец всотником. За какой грех? Откуда ведать птахе: что можно вслух проносить, а что лишь про себя.

Но выше печниковского скворечника, выше всех скворечников округи, на небывалую высоту вознеслась собственность директора овощной базы Капустина. На толстенной и длиннющей, как громоотвод, лесине. Всем скворечникам скворечник.

Если бы не здоровенный леток и присед, можно было бы подумать, что это улей или телевизор устаревшей марки КВН. Такой же

емкий, крепкий, квадратный. По стенкам резные украшения прибиты и узоры краской наведены. Видно, не жалел директор ни сил, ни средств, ни времени для дитища своего. Вдобавок бесцветным лаком покрыл. И вечером солнце играло на боках этого сооружения, как румянец на полных щеках самого автора.

Директор был крупным, основательным, с почти квадратной, несколько вскинутаго головой. Ходил в сдвинутой на затылок уплощенной кожаной шляпе. И у скворечника крышка была круглой, как донышко от маленького бочонка, и передняя часть крыши для лучшего ската была задрана вверх. Края этого круга, как поля директорской шляпы, надежно защищали леток от дождя и давали тень в жару. Массивный, отпиленный от бруса присед, на манер капустинской

нижней губы, далеко выпячивался. Эта губа-присед и заметно откиннутый назад сам домик (что, конечно, затрудняло вылет скворцам) придавали скворечнику высокомерный вид. Не подступиться.

Чего греха таить, любил ругаться начальничек и по делу и без дела. И скворечник имел грозно и широко открытый леток, будто его, как в поликлинике, попросили: «Скажите а-а-а...» Скворечник сказал да так и остался.

Но вот беда: не каждый год в этой «хоромине» скворцы селились. Быть может, птицы не терпели излишеств, вычурности или боялись заполучить «морскую болезнь» от качки на высоте? А может быть, не каждая пара считала себя достойной такого дома? Неизвестно. Только бывало очень обидно, когда такая жилплощадь пустовала. Хоть бы дачникам сдавали, что ли...

Поодаль от строений, как-то наосо-бицу, на молодой березке еще один скворечник висит. По всем правилам установлен: на высоте четырех человеческих ростов, с прямым коротким козырьком, на восход леток смотрит. Первое впечатление — он какой-то безликий, бесхарактерный, без примечательных особенностей. Разве что мазок желтой краски на затылке. Мало кто знает, что это плод артельного труда, так сказать, общественный скворечник.

Раньше-то здесь висел трухлявый птичий домик. Жили в нем скворцы и тряслись, вероятно, от страха — не загреметь бы вниз. И это случилось. В середине лета. Загремели.

То ли сам домик развалился, то ли какой шалопай его сшиб, а может быть, и дятел разнес. Как бы то ни было, скворчата на земле оказались, среди полусгнивших досок, а родители беспокойно кричали рядом.

Дело было под вечер, люди уже с работы пришли. Увидели. На по-

мощь поспешили. Хотели было ремонт капитальный скворчиному дому делать, да уж очень ветхим материал оказался. Новый дом надо колотить.

Пока Тюрин за инструментом, веревкой и проволокой ходил, директор овощной базы доску обрезную притащил, краски банку и горсть гвоздей от сердца оторвал. Бабка Матрена мочало и бересты принесла — авось сгодится — и тут же за птенцами присматривать стала.

Вернулся Тюрин, начал скворечник мастерить. Директор у него на подхвате. Быстро дело пошло. Раз-два, и готов домик. Бабка все щелочки в домике проконопатила мочалой, а директор хотел было нитроэмалью покрыть — мазнул разок по задней стенке, но его отговорили — этим можно скворцов отпугнуть. И присед — коту подспорье — прибивать не стали.

Уложила бабка старую выстилку гнезда в новый домик и птенцов туда поместила.

Тут на дороге Гришка показался. Играть в футбол настроился. Подо звали его «артельщики», объяснили, что и как делать. Парень и рад стараться. Один конец веревки привязал к скворечнику, другой на ремне поясом закрепил и на березу полез. Вскрабкался, подтянул скворчинный дом и проволоочной дужкой, что к стенке прибита была, на сучок навесил.

Слез Гришка с дерева, отошли люди подальше, скворцы успокоились и к новому дому подлетать стали, присматриваться. Хорошо, мудрая бабка его землей загрязнила —

подстарила, чтобы как прежде домик серый цвет принял.

Покрутились скворцы, покрутились, но, вероятно, писк голодных птенцов убедил их, что надо справлять новоселье. Они это и сделали.

Представляете, скворечник этот одним из лучших оказался. Из-за него у скворцов по весне больше всего споров. И селятся самые певучие, самые веселые. Понятно: хороший дом жильцу всегда в радость, а в радости и поется лучше. Только у жильцов этого артельного домика и можно услышать в напевах и «ямщицкий свист», и «полукурнт», и «червякову дудку», что могут лишь хорошие певцы. Стараются песней людей порадовать — люди ведь тоже для них постарались.

В. Козлов

КОРМУШКА

Сквозь сон я слышу звонкое частое постукивание. Человек так не может стучать, хотя первое время, только что приехав из города, я вставал и шел к двери открывать, но на пороге никого не было. Не было даже следов на снегу к дому. За ночь узкая тропинка от калитки становилась девственно-белой. Стучалась ко мне в окно обыкновенная синица, поднимала с постели в восемь утра, когда еще только-только над кромкой соснового бора занимался рассвет. В январе рассветает поздно.

Сначала синица просто-напросто долбила своим острым клювом за-

мазку на окне, но потом, когда я начал птиц подкармливать, я заметил, что синицы быстро-быстро рассыпают клювом трель по оттаявшему сверху стеклу. Постучат-постучат и, нагнув точеную головку с белыми щеками, всматриваются в комнату, торопят меня, мол, пора завтракать, а на завтрак я им выношу подсолнечные семечки, крошки хлеба, мелко нарезанное сало. Я специально снаружи на карниз окна прибил цинковый противень, который сам и смастерил для них.

Как бы я с вечера ни топил плиту, к утру в избе всегда прохладно, иной раз никак не решиться выбраться из-под ватного стеганого одеяла. Дохнешь — изо рта клубок пара. Но синицы торопят, да и когда-нибудь все равно нужно вставать... Это поначалу неприятно, а потом я выскакиваю наружу, бегу к колодцу, достаю два ведра воды и азартно плескаюсь у крыльца. Ледяная вода обжигает, как крапива, но зато приходит бодрость, хорошее настроение. Правда, оно тут же портится, когда я замечаю на снегу заячьи следы у спящей яблони: косой обглодал вокруг ствола кору. Теперь ничего

не поделаешь, деревцо погибнет. Заячи следы и у других яблонь, но погубил он почему-то именно эту, остальные не тронул.

Деревенские синицы в отличие от городских, что водятся в парках и домах отдыха, не садятся на руку и не клюют с нее угощение. Они терпеливо ждут на яблоневетях, когда я насыплю им семечек и накрошенного хлеба на противень и уйду. Иначе не подлетят. Вообще-то синицы смелые птицы: не довольствуясь кормушкой, залетают в сени, садятся на полки и отважно поглядывают на меня. Для сообразительных я в неглубокую коробку насыпаю тоже семечек, крошу сало, вареное мясо. Однако пока не уйду, клевать не станут.

Интересно из окна кухни наблюдать за кормежкой птиц! В основном синицы хватают с противня семечко и отлетают на яблоню, где его расклевывают, некоторые жадины располагаются в кормушке и прямо в ней клюют, а когда подлетают другие — стараются прогнать их. На заборе сидит одинокий воробей и с завистью наблюдает за синицами, один он к кормушке подлететь не решается. Но вот к нему присоединяется еще с десяток воробьев, и тогда они стремительно налетают на кормушку, отесняя птиц. Тут уж я прихожу на помощь. Синицы мне более симпатичны, чем эти серые разбойники. Воробьи отлетают, но недалеко, и ждут своего часа. После того как я их несколько раз подряд прогоняю, они вырабатывают свою тактику: на кормушку больше не садятся, слетают под нее и там со снега подхватывают упавшие семечки. А один воробей-мудрец додумался вот до чего: он выбирал момент, когда кормушка оставалась незанятой, с шумом влетал в нее и начинал клювом и ногами разбрасывать с нее крошки во все стороны. Тут же их под кормушкой подхватывали его приятели.

Из леса прилетала сойка. Мне нравится эта красивая большеголовая птица с коричневым, расцвеченным голубым, синим, зеленым оперением, она усаживалась на яблоню и некоторое время настороженно озиравлась. Синицы привыкли ко мне — я подходил к окну и с близкого расстояния их разглядывал, — сойка этого не позволяла. Она прилетала на кормушку, быстро хватала клювом сразу несколько кусков покрупнее и улетала подальше. Съев на стороне хлеб, снова прилетала. Синицы и воробьи беспрекословно уступали ей место на кормушке.

Привлекала кормушка сорок и ворон, но те редко садились на нее. Сороки еще случалось и хватали с кормушки еду, а вороны всегда выжидали в сторонке. Кормушка их не привлекала: вороны предпочитали порываться на помойной куче. Крупные птицы прилетали еще раньше синиц, я всегда по утрам видел их крестообразные следы на снегу.

Вдоль забора я установил на длинных шестах пять скворечников. Два

были сделаны из полых стволов сгнившей осины. Зимой в обоих скворечниках поселялись пестрые дятлы. Впрочем, я подозреваю, что это их запасные квартиры, потому как видел я их на скворечниках не так уж часто. Потом у дятла такая уж работа: с утра до вечера он промышляет в лесу, «лечит» от вредителей деревьев. Дятлы продолжили в обоих скворечниках по второму отверстию. Сколько я ни ломал голову, но так и не понял: зачем это им? Тем более что отверстия почти рядом — одно против другого.

Дятлы к кормушке не подлетали, по-видимому, считали ниже своего достоинства, но сверху, со скворечников, поглядывали на синиц и других птиц с пренебрежением. Сколько я ни пытался их прикармливать, они так и не спустились вниз. Конечно, работяги они удивительные! Мало того, что день-деньской стучат в лесу, так, вернувшись домой, каждый раз деловито обследуют собственные скворечники: простучат вдоль и поперек, только щепки летят. Один раз

я весной снял обе долбленки и зашпаклевал лишние отверстия. Каково же было мое удивление, когда к зиме снова в скворечниках засветились вторые аккуратно продолбленные круглые дырки. Летом дятлы не подлетали к скворечнику.

Услышав близко стук дятла, я останавливаюсь и отыскиваю его среди заснеженных ветвей. Дятел, спиралью опоясывая сосновый ствол, медленно продвигается к вершине. Упираясь жестким хвостом и откидывая маленькую точеную голову, стучит и стучит по коре. Мелкие сучки и коричневая труха просыпаются на снег. Работает дятел истоно, не жалея сил. Иногда голова его так быстро мелькает, что в глазах рябит.

Я не люблю рано вставать, потому что слишком поздно ложусь. Раз уж разговор о птицах, то я принадлежу к разряду «сов», а не «жаворонков». Одно время даже работал по ночам, но потом поломал это правило: все-таки по утрам, разумеется, не тогда, когда еще занимается рассвет, работает лучше на свежую голову. А вот с интересной книжкой я готов без сна валяться на постели до глубокой ночи.

Так вот, чтобы меня синицы по утрам не будили, я стал с вечера насыпать им в кормушку еду, но скоро понял, что это не выход: кормушкой тут же заинтересовались ночные «гости». Однажды я проснулся от ужасающего грохота и визга. Выскочив на улицу, увидел улетающего опротивевшего соседского пса и валяющуюся на тропинке кормушку. Хитроумная псина, и ростом-то невесть какая, умудрилась вскарабкаться по стене и грохнуться оттуда вместе с кормушкой. Я приколотил ее повыше, но теперь спать мне не давали кошки, которые с цапаньем и мяуканьем забирались в нее.

Пришлось мириться с тем, что каждое утро вместо будильника меня поднимают чуть свет синицы.

А. Леонов

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

НЕ НА МЕСТЕ

Несколько лет назад, быть может, восемь или того меньше, я подобрал в Невском лесопарке, что на правом берегу Невы в пригородной зоне Ленинграда, с десяток-полтора крупных желудей, положил их в карман, а затем для сохранности поместил в целлофановом мешке в холодильник. Известно, что скорлупа желудей в тепле быстро сохнет и лопаются, ядро также отдает испарению влагу, твердеет и умирает. Такой желудь становится непригодным к посадке, разве что еще можно его употребить на желудевый кофе.

Затем при отъезде в деревню я взял желуди из холодильника, сунул их в рюкзак и доставил на берег Луги, не ведая, однако, что с ними делать.

Я с детства люблю растить деревья. Меньше поддаюсь в этой любви выращиванию фруктовых деревьев. Очень уж они капризны. Чтобы вырастить сад, надо владеть и некоторым опытом, и знанием садоводческую науку. Я, к сожалению, владел и тем, и другим поверхностно.

Знал, что фрукты очень вкусный продукт, если можно так назвать яблоко, сливу или вишню, знал методы прививки диких яблонь, но практики в этом не имел, а по посадкам просто деревьев, лесных и не лесных, имел некоторый опыт, но больше мне приходилось пересаживать те или иные деревца с одного места на другое, создавать, что называется, желаемую красоту. Из семечек, желудей выращивать березку, липу, дуб мне не доводилось.

И вот прикатив с желудями в деревню, я не знал, что мне с ними делать. Известно, что желуди опадают осенью, а пока я прибыл к месту, где по-детски мечтал развести на тесном клочке песчаного склона парк, осень стала глубокой: земля то смерзлась неподатливой коркой, покрывалась молодым, пугающим деревенского жителя снежком. Но проходили дни — и вдруг снова наступало осеннее в пасмурности тепло, все оттаивало, малостью оживало, а выглядывало солнце, и вовсе казалось возвратом летнего тепла.

В одно из таких потеплений, оттаиваний, я и надумал спрятать свои

желуди в конце земляничной грядки, прикопал их прямо в упаковке земель до весны. Кажется, я где-то уже прочитал, что желуди хорошо сохраняются, перезимовывают в земле, если их не найдут и не сгрызут мыши, или в непромерзающем водоеме, опущенные в мешках ближе ко дну.

Так практикой подтвердилась теория о сохранности желудей, а подобным способом хранят и каштаны, и другие семена плодов и деревьев.

Радостно бывает, когда ты видишь, что твой труд не оказался напрасным. И особенно ни с чем не сравнима бывает радость, когда ты имеешь дело с деревьями, видя их слабые ростки, потом выкарабкивание из трав, возвышение над ними, ежегодный прирост. И вот уже дерево, обогнавшее тебя в росте, которое не сломить, не затоптать, которое на лето покрывается густо листвой и начинает пробовать свой песенный голос при ветре.

Прикопать-то желуди я прикопал, сохранил до весны, но за множеством дел и хлопот совершенно забыл о них и вспомнил, лишь когда отцвели травы, отошла ягода на земляничных грядках и кусты ягодника разбросали во все стороны усы, которые требовалось срочно обрезать, ибо так ягодник глушит и уничтожает себя же. И не вспомнил я о желудях, а увидел, к моему удивлению, пучок дубочков, похожих на ранние чесночные стрелки.

Увы! И не радость охватила меня, а сожаление, что дубки придется пересаживать, а к пересадкам это могучее дерево не совсем восприимчиво.

Но делать было нечего.

«До осени. Осенью пересажу», — решил я и смирился.

Но осень была какая-то непутевая. А потом я дочитался, что деревья лучше всего сажать весной — оставил дубки до весны, а от весны до новой осени. Да так и прошло в такой

пляске: «весной-осенью, осенью-весной», пронеслось с десятков лет. И дубки мои стали в два раза выше меня. Но не все. Один из них набрал могучести, стал толст в комле, высок, второй — не отстает от брата в росте, но тонок в стволе и стал отклоняться от него, искать для своих ветвей простора. Остальные побеги низки, не поднялись и до метра, хилы, напоминают больше побеги от корней собратьев.

И вот новая весна. И опять я смою на эти дубки и замышляю пододвигать к ним с лопатой и пересадить их на другое место, на простор. Не на месте они выросли, не на месте.

ПОСЛЕДНИМИ

Много птиц вернулось с юга в свои края. Весна позвала их на родину, чтобы песнями радовать людей, для них, долго ждавших тепла, радостен даже грачиный крик, а уж от скворчиного пения душа улыбается, жаворонок зовет ее в поднебесье своим величавым весны. Но нет, вот еще как может повернуть зима, что мороз ударит, и снег повалит на землю, и поэмка заметет очистившиеся дороги, пока не пролетели последние птицы, те, которые последними пролетают осенью на юг, до морозов, до ледостава почти остаются на севере,

надеясь на возврат тепла, — это журавли и гуси.

Пустынно без их косяков небо, и без кличей их не полна еще весна песнями. Вот полетят они, потянутся к далеким северным краям и прокричат, что не быть уже холодам, не вернуться льду на озера и реки, что будет им где отдохнуть в перелете, а пока на малых лужах крупной птице ни от лисы хитрой, ни от волка не

спасти, и человек, жадный до легкой поживы, может нанести урон водоплавающей стае.

Вот потому-то и не видно в небе журавлей, гусиных клиньев, не видно лебединых стай. Только с ними настоящая весна установится на земле. После них можно будет лететь и всем мелким птичкам, самым теплолюбивым: кукушке, ласточкам, стригам и соловью, но эту мелочь не увидишь в небе, можно по мельканию в воздухе да по пенью узнать, что и эти прилетели вершить дела весны.

ПОСПЕШИЛИ — ПОДОЖДЕМ

Прилетели чибисы с теплой стороны на свою родину. Пока летели, думали, что разом примутся за работу, по которой соскучились там вдалеке, начнут вить гнезда, летать у дорог и спрашивать у каждого прохожего: «Чьи вы? Чьи вы?» Но они просчита-

лись. Тут еще все поля были под снегом. Раньше-то зимы бывали мало-снежными, а эта столько навалила добра на поля, что долго солнцу с теплым ветром придется работать, пока не сгонит снег, не очистит поля и лужайки.

Да, не дело, когда кочки хорошей не найдешь и с кормом пробивайся, как можешь. Совсем не так встретила родная сторона, как думалось и ожидалось на чужбине. Летай и кричи: не «Чи вы?», а «Как быть? Что делать?»

Но и не совсем уж так было, стоило взлететь повыше, и то там, то дальше чернели проталины, малые, но были,

можно присесть, прижаться к земле, хохолок спрятать от постороннего взгляда, а там, глядишь, и червячок найдется, выгнанный из земли холодной снеговой водой. Да так оно и оказалось: снегу было много, земля всю зиму держалась талой под теплым снежным одеялом, корму достало чибисам и спрятались от врагов представилась возможность — не на белом снегу торчать хохлатой за много шагов видимой головке.

Заняли чибисы по проталинке, отпраздновали прилет на родину, поднялись, залетали над полем, радостно крича: «Поспешили — подождем! Поспешили — подождем!»

ГОЛЛАНДСКИЙ ТЮЛЬПАН ИЗ...

ФЕОДОСИИ

Весной Нидерланды покрываются радужным ковром цветочных полей площадью в 2600 гектаров. Это красочное зрелище никого не оставляет равнодушным. На цветочные ярмарки страны со всех концов мира съезжаются и деловые люди. Тюльпаны, гиацинты, гладиолусы экспортируются в десятки государств, принося голландской казне более 200 миллионов долларов в год.

Королевство Нидерландов иногда называют царством цветов, престол которого принадлежит тюльпанам. Этот цветок — самый любимый в Голландии. Он стал предметом национальной гордости, символом страны, хотя появился здесь позже других. Интересна его история.

В Западную Европу первые луковицы тюльпанов попали в середине шестнадцатого столетия из Османской империи. Считают, что его название произошло от турецкого слова «тюрбан». В глазах европейцев этот цветок напоминал головной убор правоверных — подданных турецкого султана. Сами же турки называли тюльпан «каффа» — по имени торгового центра Крымского ханства, входившего в состав Османской империи. После присоединения Крыма к России Екатерина II издала указ о возвращении этому городу его прежнего античного названия — Феодосия. Крымский цветок стал завоевывать Европу.

В Голландию тюльпаны попали в конце

XVI века. А в начале XVII века разведение тюльпанов там превратилось в средство крупной наживы. Этот период вошел в историю Нидерландов под названием тюльпаномании. Дело доходило до того, что некоторые крупные промышленники закрывали свои заводы, вкладывая все деньги в разведение цветов. Некоторые разновидности тюльпанов котировались наравне с жемчугом, алмазами и другими драгоценностями.

В истории голландского тюльпана есть и героические страницы. Зимой 1944/45 года в северной части Нидерландов, которая была еще в руках гитлеровцев, начался голод. И тогда тысячи голландцев устремились в села, чтобы купить или выменять единственный оставшийся у фермеров продукт — цветочные луковицы. В ту голодную зиму тюльпан спас немало жизней.

КОМПАС... В НОСУ

Ученые из Манчестерского университета утверждают, что человек обладает природным магнитным компасом, который природа поместила в носу. Роль магнитной стрелки в этом необычном приборе выполняет железо, растворенное в крови. Именно с помощью природного компаса человек запоминает направление в лесу. Правда, жители современных городов утратили способность к такому ориентированию, а вот африканские негры, аборигены Австралии и американские индейцы сохранили этот дар природы.

Г. Морозов

БЛЕСТЯЩИЙ ЛЕМЕШОК

— Как только уроки кончатся, прибегай на закраек поля. Нынче первый пахотный день. Иду к «Кировцу» плуги цеплять, — сказал дядя Митя Кряжев и пошел увалистой походкой к совхозным гаражам.

И тут мне подумалось: хорошо, что он с нами по соседству живет, а то я знать бы не знал, что нынче пахотный день. Да и кто, кроме него, возьмет меня на трактор?

Бегу в школу, через лужи перепрыгиваю, а сам думаю: скорей бы отучиться — да в поле, на самый закраек, где Кряжев свой трактор разворачивает и новую борозду запахивает... Сейчас, в весенние дни, столько света и тепла и так хочется на улицу, на волюшку вольную! Весь класс солнцем залит, а через открытые форточки теплые, парные ветерки залетают. Землей талой пахнет, горьковатыми тополиными почками. И дядя Митя на пахоту позвал.

Слышу наконец школьный звонок. И он, как мне кажется, особый — какой-то пронзительный, зовущий... Бегу, обгоняя одноклассников. Бегу, а сам думаю: обедать не буду, черного хлеба отломлю, по-

солю кусок, луковицу в карман — и на пахоту.

Все это я в один миг сделал: ноги в резиновые сапоги, куртку на плечи, вязаную шапочку на голову... и деру на поле!

Выбежал за околицу и вижу — поле черным-черно! Рокочут оранжевые «Кировцы», плуги тянут. Грачи с прискоком за плугами торопятся, с громким гарканьем червей-выползков склеывают. А день теплый и облачный. Прозрачный парок курится над вспаханной землей, а кряжевский трактор на разворот пошел, скоро на прямую выйдет и сюда, ко мне, на закраек поля заторопится. А вслед за плугами — бороны тянутся, расчесывая зубьями глыбастые комья земляных пластов. Сквозь рокот моторов доносится с неба еле слышимый, тюрлюкающий звук поющих жаворонков.

Все ближе, ближе катит трактор, заляпанный до лобового стекла ошметками теплеющей земли. За лобовым стеклом кабины хорошо видно дядю Митю. «Кировец» останавливается. Дверца кабины распахивается, и Кряжев соскакивает с под-

ножки, протягивает руку. Ухватившись за нее, я забираюсь в кабину. Тракторист снимает с головы свой танкистский шлем, лукаво прищуривается и говорит:

— А ну примерь-ка, Сашок!

Примеряю. Голова утопает в нем до самого носа. Грустно, конечно, и обидно, что он великоват мне, но есть в душе и радость: этот шлем фронтовой! В нем дядя Митя на «тридцатьчетверке» в Кенигсберг врвался...

— А знаешь ли, Сашок, что я уже на третий трактор сел? После войны я и на ХТЗ работал и на ДТ-пятьдесят четыре, а теперь вот на «Кировце» пашу. Как первая пахота, так шлем надеваю. Молодые трактористы подшучивают, кепки свои предлагают. Но я свой шлем ни на какую кепку-восьмиклинку не сменяю! Фронтовая привычка, браток! А технику я страсть как люблю! Для кого-то трактор железный, а для меня он живой. Слышу порой, как он жалуется, стонет... Понимаю, повыдохлась машина, тягость с нее лишнюю надо снять, как говорится, постромки поослабить... Я ведь и с танком так обращался. Мне его еще жальче было — он ведь и пулями

сечен, и осколками бит, и пламя его охватывало.

Дядя Митя кладет темные ладони на пупырчатый руль, трактор напрягается, выбрасывает клубы густого дыма. Звякает плужная сцепка — лемеха плугов врезаются в землю, а перевернутые пласти рыхлятся тяжелыми боронами.

Из кабины земля кажется другой: под ногами она прилипчивая, вязкая, а из кабины видится ровной, рыхлой и комкастой. Кряжев дает мне подержать руль. Закраек поля вот-вот кончится, и на разворот пойдем. Дядя Митя помогает мне крутить руль вправо, и ослепительный солнечный луч ударяет в глаза. Отчего бы это? Жмурюсь и оглядываю кабину. У лобового стекла на жесткой ребристой стойке прикреплена вогнутая полоска железа. Узнаю в ней кусок от старого лемеха, от того самого плуга, что когда-то тягали наши лошади. Я хорошо помню этот двухлемешный плуг, особенно его передний лемех, потому что в его верхней части была просверлена сквозная дырочка. Спрашиваю дядю Митю, как он попал к нему.

— Бурлацкой работой пахоту после войны называли. Идти за плу-

гом — все равно что баржу против течения тянуть. Все руки чапигами надорвешь. Да что руки! Душа нарываками шла — лошадей жалели. А тут как-то иду мимо кузницы и вижу: рядом со жнейкой плуг мой валяется. Подошел я к нему, чапиги рукой тронул. Кузнец Антон Захарыч заметил мое волнение и говорит: «Эх, Митя, все старые плуги на перековку ушли. Один лишь твой и остался. Завтра и его разбирать буду. Разобрал бы и сегодня, да одному не перековать — молотобойца Проньку жду. Он мной в Касимов отослан. Говорят, инструмент кузнечный в Каменные корпуса привезли. Нам свой подновить надо. Гляди, как он огнем весь поистончился!»

И в самом деле, как глянул я на раззявленные щипцы-клещи, так и диву дался: как можно такими коротышками раскаленное железо из горна выхватывать?

Я кузнецу и говорю: «Ты, Антон, когда плужное железо начнешь ковать — так сохрани кусок железяки от моего плуга».

И вот пришел я как-то к Антону Захарычу, а он мне скатанную брезентовую рукавицу протягивает. Я ее развернул, а в ней маленький, поблескивающий лемешок, размером с мою ладонь. Разглядываю лемешок и дивлюсь: как ловко и ровно вырезан он из цельного лемеха! Как плавно, без зазубринок заточены жа-

ла! А вся вогнутая поверхность шкуркой наждачной драена. Зеркало — и все тут!

Вышел я из кузницы, положил ком земли на лемешок и ну рукавицей растирать! Земля влажная, липкая... Все наждачные царапины заровнял. Еще ярче заблестел лемешок: поле, лес, ближнее озеро отразились в нем до мельчайших подробностей.

Протянул я лемешок Антону Захарычу, чтобы и он погляделся в него. Глядится Антон Захарыч, бодрится, усы подкручивает, говорит: «Береги, Митя, лемешок да следи, чтобы не тускнел. Пусть в нем земля русская отражается со всей ее красотой!»

Завернул я лемешок в рукавицу и, как младенца, к трактору своему понес. Иду, а сам думаю: куда бы мне лемешок прикрепить? Но как только сел я в кабину и положил руки на тракторный руль, тут и понял: крепить лемешок надо только сюда, перед лобовым стеклом. Вот садись на мое место и сам все увидишь.

Остановил дядя Митя трактор. Поменялись мы местами. Глянул я в лемешок и сам себя увидел — белые волосы из-под кепки повыбились, а веснушки нос облепили. Это что! Такого я себя тысячу раз в зеркале видел! В лемешке сейчас не только мое лицо отражено — в нем наши борозды видны и поле неоглядное из края в край видится.

А. Шевченко

ШАГИ ПО ТРАВЕ

В новой рубрике мы расскажем о том, что за коротким словом «травы» скрываются десятки растений и что у каждого из них свой характер, свои привычки, свои, издревле сложившиеся, отношения с человеком.

ИВАН-ЧАЙ

В закатных лучах затихает сосновый бор. Лесное озеро, еще недавно недовольное нашим приходом, смирилось и укутывается в туман, готовясь к прохладной ночи.

Набросав за день по ведерку черники, мы ходим по заросшему багульниковом берегу и собираем сушняк для вечернего костра.

За ягодой приходим сюда не первый год. И на месте прошлогодней ночевки замечаю десятка полтора стеблей цветущего иван-чая.

Будь это старое кострище или обширная гарь — черный след лесного бедствия — иван-чай первым поселится здесь и укроет все своей зеленью; лишь пламенеющие, почти полуметровые кисти цветов его напоят о том, что здесь случилось. Года через два-три его вытеснят другие растения, но первенства он не уступит никому.

Товарищ мой наклоняется над цветами и говорит:

— Смотри, что делается, сколько их загубили! Может, лес опрыскивали химикатами?

По цветам медленно передвигаются, не пытаясь улететь при нашем приближении, шмели. Они не реагируют даже на прикосновение.

Но маленькие мохнатые хитрецы не погибли. По каким-то только им известным причинам они знают, что день завтра будет ясный и теплый. А после прохладной ночи в теплый день иван-чай выделяет наибольшее количество нектара. Редок иван-чай в болотистых местах, а медонос он прекрасный. Вот и ночуют шмели на своем рабочем месте, чтобы не опередили их ранним утром другие насекомые.

Пчелы в удачный год собирают с гектара зарослей иван-чая до шестисот килограммов меда. Но славен он не только медом. Из молодых

листьев и побегов можно приготовить весенний салат. В неурожайные годы корни иван-чая, высушенные и перетертые в муку, служили для приготовления лепешек. Знаменит был чай из листьев. Отсюда и название растения. А недобросовестные купцы добавляли его в заморские сорта чая. Причем на вкусе напитка это мало отражалось. Лубяные волокна иван-чая пригодны для изготовления грубых тканей веревочек.

Не обошла его и медицина.

Иван-чай.

Это растение используется как средство при язвенной болезни желудка, гастритах, колитах. Чай из листьев — от головной боли. Широко употребляется иван-чай в тибетской медицине. В «Ботаническом словаре» Н. Анненкова, изданном в прошлом веке, сообщается, что «в Пермской губернии отвар сей травы применяется внутрь от красной и белой грыжи у женщин, от падучей болезни, от головной боли и худобы или родимчика».

Славное это растение: и лесу выжить помогает и человека не забывает — кормит и лечит.

КОПЫТЕНЬ

Вот уж кто любит поиграть в прятки, так это копытень. Летом укрывают его зеленые соседи — травы, осенью — под листвою опавшей прячется, а зимой под снегом отлеживается. Но весной никуда ему не деться — ярко зеленеет он на первых лесных проталинах. И удивляются люди: когда успел вырасти, ведь еще снег кругом?!

А он и не рос вовсе — зимовал! Ждали весну под снегом два листика, похожие на следы копыт маленькой лошади, ждали, чтобы раньше всех растений встретить солнечный, весенний свет и отдать его силу маленькой, остроносой зеленой почке на конце ползучего стебля, в которой, опять же с прошлой осени, спрятаны два листика и бутон. Зацветет копытень, а необычный красно-бурый цветок можно и не увидеть: прячет его скрытное растение под листьями, у самой земли. Созревшие семена растаскивают по всему лесу муравьи. Привлекает их на семенах белый мясистый придаток — муравьиное лакомство. Так и расселяется копытень.

В народе это растение называют по-разному: за то, что покрыто ко-

Копытень.

роткими ворсинками, — волосати-ком; за то, что под снегом зимует, — зимняк; за любовь к зарослям ольхи и орешника — подолешником да подорешником; за легкий, перечный запах растертых листьев — диким перцем. за вкус свежего корня — скипидарником. Копытень — растение ядовитое, хорошо защищенное от поедания травоядными.

Раньше из растения получали светло-бурую краску. Высушенные,

перетертые в порошок листья употребляли как нюхательный табак.

Издавна использовался копытень в народной медицине: настойка травы на уксусе — от чесотки; отвар листьев — как примочку при глазных болезнях; свежее корневище надкусывали больным зубом для успокоения боли.

МАНЖЕТКА

Жарко! Роса с трав давно сошла, а в середине каждого листика манжетки, будто в зеленой чашке, все еще серебрится капелка прохладной влаги. Отражаются в ней деревья и травы, солнце и небо, а наклонишься ниже — и себя разглядишь. Тронешь лист — капля начнет по нему перекачиваться, не растекаясь, словно ртуть.

Манжеткой называют это растение за округлые, складчатые листья, напоминающие формой манжеты. А еще называют горлянкой, недужной да грудной травой. Названия эти говорят о том, что применяется она в народной медицине. Ее используют наружно как ранозаживляющее средство: измельченные листья прикладывают к ранам и порезам для остановки кровотечения, водным настоем листьев промывают полость носа при насморке с кровью. Внутри употребляют для улучшения обмена веществ, а также при катарах дыхательных путей, как средство, облегчающее кашель. В средние века в Западной Европе считалась она колдовской травой: алхимики часто использовали ее для своих опытов.

Манжетка — ценное кормовое растение. У коров она способствует увеличению надоев и улучшению качества молока.

И ростом не вышла травка, и цветы неброские: мелкие, зеленоватые, но любят ее за доброту. В жаркий

Манжетка.

полдень всех водицей напойт: и птиц, и насекомых. Не простой водицей, а живой: с давних пор считается, если утром мыть лицо росой, собранной с листьев манжетки, то возвращается к человеку былая красота!

КАЛУЖНИЦА

Попробуйте-ка в конце апреля босиком в луже постоять.

— Брр-р! Холодно!

А она в ней и расти, и цвести

умудряется! Ночные заморозки и последний снег ее не пугают. Любит калужница сырые места: ручьи, канавы, кустарники, затопленные весенней водой. И название ее происходит от слова «калуга» — «болото», а еще называют ее лягушником, потому что рядом то лягушачья икра плавает, то головастики крутятся: будто кто шел да большие черные запяты в воду просыпал.

Калужница.

Любит калужница воду и потому, что она ей расселяться помогает: семена созреют, упадут в ручей и поплывут, а к берегу их прибьет далеко от того места, где они выросли.

Известно применение калужницы в народной медицине при кожных заболеваниях: листья ее использовали как противовоспалительное и болеутоляющее средство. При ожогах прикладывали к ранам.

Весной она издали заметна. Вокруг на лугах первая трава еще едва пробивается, а у калужницы уже большие, сочно-зеленые листья и ярко-желтые цветы: манит она к себе неосторожных бурунов и лошадей. А подпускать их нельзя: растение это ядовитое, из семейства лютиковых (от слова «лютый» — «злой»). Вот как внешность обманчива!

МОРОШКА

Из ягод более всего люблю собирать морошку. Идешь краем болота, по редкому, светлому сосняку, под ногами мох пружинит, дурманящим запахом веет от багульника, на кочках будто кто мелкие, белые шарики рассыпал — клюква незрелая. Голубику еще нельзя собирать, черника лишь местами в рот просится. Морошка одна налилась солнечным светом, и то здесь, то там ярко желтеют крупные ягоды. Захочешь мимо пройти, да не сможешь — поклонись. И вот уже тает во рту сочная, сладкая, с легкой кислинкой ягода. А если твердая попадется (у таких один бок красноватый), то это еще и лучше: в дороге не помнется, а дома за пару дней дозреет.

Морошка — растение морозоустойчивое: ползучие побеги в мох прячутся и суровые зимы ей не страшны. Однако цветы часто страдают от ночных майских заморозков,

Морошка.

и поэтому обильный урожай бывает нечасто. Но уж если набрал ягод, то можно сироп и варенье сварить, мармелад и желе приготовить. Морошку можно парить, мочить, мариновать. Одна беда: косточки крупные.

Свежие ягоды богаты витамином С. В народе это известное противочинготное средство. Морщинистые листья, покрытые короткими волосками, используют как кровоостанавливающее и ранозаживляющее средство. Ягоды, листья, корень при водянке.

Так что в первой половине июля собирайтесь в морозкой — не пожалеете!

КРАПИВА

Все живое имеет право на защиту. Те растения, которые легко обидеть, человек защитит. Ну, а крапива и сама за себя постоять сможет. И мы убеждались в этом не раз. Попробуй тронь ее!

Любит крапива сырые, тенистые места, любит селиться рядом с жильем. Перестал человек бояться ее ожогов, когда увидел, что крапива настоящий друг: и от недуга защищает, и накормит, и оденет.

Свойство крапивы сильно раздражать кожу издавна использовалось в народе при ревматических болях. Как богатое витаминами растение, она благоприятно влияет на обмен веществ. Это свойство крапивы используется для лечения атеросклероза, заболеваний печени, при малокровии. Спиртовую настойку употребляют при внутренних кровотечениях. Отмечено свойство крапивы понижать содержание сахара в крови. Это важно для лечения такой болезни, как диабет.

В народной медицине корень крапивы, сваренный в сахарном сиропе, применяют от кашля. Сок растения, семена, корень использовались при камнях в печени и почках; настой корней с чесноком — от лихорадки. В японской народной медицине свежий сок использовался как противоядие при укусах змей.

Из молодых листьев и побегов крапивы приготавливают зеленое пюре, варят щи. Семена содержат масло, пригодное в пищу.

В старину крапива была известна как прядильное растение. Она была обычным сырьем для изготовления грубых тканей кустарным способом. Из ее волокон делали мешковину,

Крапива.

веревки, рыболовные снасти. Листья ее используют для подкормки шелко-вичных червей. Вареные семена — хороший корм для домашней птицы. Он увеличивает яйценоскость кур. Из корней добывали желтую, а из листьев зеленую краску. Хорошо известно это растение рыбакам: оно помогает летом дольше сохранить улов. Для этого рыбу перекладывают и укрывают крапивой.

В. Юровских

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

ДИЧКИ

Посадили их в последнюю мирную осень. На южный склон бугра за селом собрались все колхозники. Махонькие яблоньки рассаживали мужики, а бабы в сторонке притихшие стояли. И мы тут же сбились, с уроков сбежали: как можно проглядеть сад!

Все мы следили, как мужики осторожно опускали корешки в ямку и влажной землей присыпали. Полевод дядя Сема перебежал туда-сюда, тряс овсяным чубом и радовался:

— А и уважим наших баб, уважим... и робятню тоже. Однако, — строго смотрел на нас, — глядите уж, сподтишка ни яблока. Всем миром честь по чести...

Весной мы все-таки лазили под прясло и в потемках ощупывали яблоньки — искали красные и «хрушковые» яблоки. Такие нам насылил дядя Сема. Вместо них натыкались на редкие листики. Стали ждать осени...

А летом заревели в домах матери и нам сказали — война началась...

Зимы стояли трескучие. И прясло мало-помалу растаскали ночами, истопили в железных печках. Зарос бугор полынью да крапивой, объели коровы да овечки тонкие яблоньки. И все забыли про сад.

А он выжил. Выросли яблони кустами и после войны зацвели однажды.

Снежно-розовое облачко долго покачивалось по склону — и не уплывало.

И мы опять ждали осень, ждали яблук.

Первым отведал их и нарвал полные карманы рыжий Ванька — племянник полевода. Раздавал на уроке пунцовые яблочки с воробьиные яички, глядел на кислые рожи и прыскал.

На перемене отбивался от нас и важно повторял:

— Оне же дички. Их прививать надо было. А теперь оне насовсем одичали.

...Через много лет приехал я в село поохотиться на зайцев. Столкнулся на улице с коренастым мужчиной.

Он узнал меня. И тот самый рыжий Ванька попросил:

— Слышь, погоняй-ка ты косых в колхозном саду. Грызут, окаянные, яблони. Прямо спасу нет. Жрали бы дички, так нет, им подавай лучшие сорта. Уж ты уважь агронома по старой дружбе.

...Утром я заторопился на знакомый бугор. Чистым покоем по нему снег, и лишь светло-бордовые дички сиротливо кустились над склоном. Остановился я на меже, где тридцать лет назад толпились бабы и ребятишки-первоклашки.

Вспомнил...

Там дядя Сема бегал, тут молодые трактористы заветили яблоньки на своих матань. А Минька Федорин лукаво пропел:

Ты, матаня, лебедь бела,
Лебединка белая.
Ты со мной не рассчиталась —
За другим забегала...

Эхма, далеко лежат в сырой земле парни — навсегда моложе меня, и матань ихних — пойдя узнай. И яблони не яблони, а ровно боярка... После войны хоть ребята заглядывали отведавать кислятины, а теперь сюда кого заманишь? У реки вон сад какой — без книжки сорта не назовешь. Яблоки по всей зиме в сельмаге свежие. Ничего не стоит нынешнему парнишке швырнуть антоновкой в девчонку.

Не трогают дички зайцы... Знать, горечь какая-то особенная накопилась в них. И зима лютая нипочем. Мать сказывала: каждую весну раньше черемухи распускаются, подрожжит на бугре облачко и выпадет седым дождем.

«Что же вы-то... В чем вы-то провинились перед нами...» — только прошептал я, как опустилась на дальнюю яблоньку стайка снегирей. Осыпали ее, и просияла-зарумяnelа она живыми крупными яблоками. Кажется, такие и снились нам после

калабашек из кобыляка. Только вспомнить бы, как яблоки дядя Сема называл?

ЗАЯЧИЙ СУГРОБ

Загнало чернополье зайчишку в Маланьино болото, и боязно ему оставить косматые когти да черноталовые трущобы. Уж больно много охочих вцепиться в косого, а тут бел, как раздет.

Свежа в памяти весна, когда филин на всю округу ухал-орал: «Шу-у-бу сдеру, шу-у-бу сдеру!» А летом лис шнырял и до чего противно тякал — вспоминать не хочется. А ястреб-тетеревятник... Тот, как тать, исподтишка норовит долбануть по голове да запустить в бока занозистые когти.

Жалился зайчишка в седые усы,

жался в кочкарнике и дождался-таки: снег валом повалил и разгуляй-ветер с поскотины понес его к болоту. Сшибся ветер с ним, укололся о черноталье и завертелся на одном месте, будто зверь душевередно стреляный. Тогда и стал подниматься упругим загревком желанный сугроб.

Стриг беляк таловые веточки, косил из болота на поскотину и думал: «Мой сугроб будет, мой! Затвердеет он, и-эх, любо-дорого поплясать на нем! И никто меня не приметит, и от болотной убродины привал — не похаеть».

Окреп сугроб, и радешенек вскочил на него длинноухий. Только «трепка» хватить хотел, как чем-то неприятным напахнуло. Скривил он губы и повернул курносую мордашку в сторону Горелого болота: никак псиной тянет?

Сиганул косой в кусты, хрумкнул разок-другой прутиком и... обмер. Совсем близко тяжелый кто-то целиной бредет к сугробу, снег под лапами «пых-пых, пых-пых». И лишь успел притулиться за кочку, как выбрались на сугроб серые зверюги. Обнюхал загревок, глазищами сверкнули и на болото уставились: раз следы есть, так где же заяц?

Поленились волки лезть в Маланьино болото и растянулись нахально по сугробу. А проклятый самец заднюю ногу поднял, обрызгал-изгадил самое милое местечко...

Утром опустел сугроб. Слетела сюда сорока, поковырялась для интереса в опрятных опилочных шариках беляка, «крякнула» с досады и над болотом взвилась. Потом чечетки-хлопотушки облепили ближнюю березу и ну обсеивать сугроб семенами. Замусорили — не признать.

Слушал, смотрел заяц, и горчило у него внутри пуще, чем после осиновой коры. И опять жалился горемыка: «А и всего-то хотел облюбовать себе сугроб, один-разъединственный».

ЗЕЛЕНЫЙ ВЕТЕР

До полден и небо глубоко голубело, и солнце нежило-согревало землю. Оно разморило полевого воробья, и тот не понес клочок заячьего пуха к дуплистой осине, а задремал на березовом сломыше. Возле него суетилась домовитая воробиха, ерошила серые перышки и совестила своего хозяина:

— Ты лень-тяк, ты лень-тяк...

— Чо ты, чо ты... — нехотя бормотал-оправдывался воробей и сонно сваливал голову на огниво правого крыла.

Сколько пришлось бы нервничать воробихе — никто не знал. Но тут прынул с исетских увалов южный ветер, небо и солнце затянуло дымным мороком, и запрыскал-зачастил теплый дождик. Березовый сломыш опустел, и воробьи не показывались

из дупла, хотя дым расплылся, и лишь ветер шевелил тальники и черемушники. Кусты окутались густым накрапом молодых листьев, и зеленый ветер волновал их по раздолью наволока. Ему и отозвался на за- речье дрозд белобровик:

— Запою, запою, напою, напою...

Ветер осторожно стряхивал живой бисер с кустов и слушал, о чем восхи- тительно-трогательно высвистывал дрозд в залиствешей черемухе и раздыхивал сладкую зелень над ре- кой. Где-то там и запритих он, заслу- шался белобровика, что песенным

ручьём выласкивал предвечерье: «Запою, запою, напою, напою...» А когда над ближним угором навост- рил уши народившийся «котелком» месяц, из побережного смординника вполголоса закартавила варакушка:

— Прикатирли, пракатирли... Ка- тирли, катирли...

Мы тоже слушали дрозда и вара- кушку, дышали зеленым ветром и ве- рили, что он останется по наволоку на все лето, из него и напоют нам не только первоприлетные птицы, а все, кто возвратится домой и жарко об- радуется родимой земле.

ЯДОВИТЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Всем известно, что существуют ядовитые змеи, насекомые, пауки, многие слышали о ядовитых рыбах, но мало кто знает, что есть и ядовитые млекопитающие.

Одно из них — знаменитый утконос. На внутренней стороне задних лап самца есть острые шпоры, соединенные с ядовитыми железами. Считается, что это чисто защитное приспособление, хотя в таком случае непонятно, почему оно отсутствует у самок. Яд утконоса редко представляет опасность для человека, так как животное не агрессивно, скорее, пугливо, и обычно уклоняется от встреч с людьми. Но известны случаи, когда ядовитый укол утконоса вызывал сильные недомогания человека в течение нескольких недель, а уку- лотое место болело несколько лет.

Американская короткохвостая землеройка- бурозубка имеет ядовитые железы, развив- шиеся из слюнных. От желез идут протоки к резцам нижней челюсти. При укусе резцы почти как змеиные зубы выбрасываются впе- ред, внося яд в тело жертвы. У мелких живот- ных яд бурозубки вызывает паралич и кон- вульсии, затем смерть, у человека — только небольшое распухание в месте укуса.

В наших широтах ядовитыми являются землеройки — мелкие зверьки, внешне похо- жие на мышей, но отличающиеся заострен- ными вытянутыми в виде хоботка носами. Они относятся к насекомоядным, питаются насекомыми, червями, слизнями и другими

мелкими животными. Для этой мелочи и опа- сен яд землеройки. Обладает ядом и распро- страненная у нас водяная землеройка — кутора.

ПОЛЕЗНЫЕ СОРНЯКИ

Человека, который взял под охрану кра- пиву, можно встретить на его необычайной — крапивной плантации близ Омска.

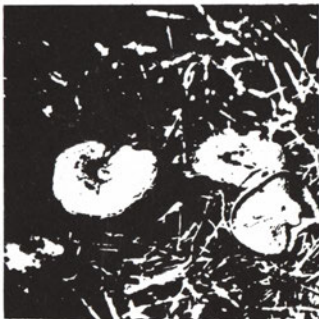
— Природа, — говорит ученый из Сибир- ского научно-исследовательского института сельского хозяйства В. Богачков, — пожалуй, не создала более полезного сорняка. Крапива очень богата белками и поливитаминами.

Этой плантации уже более двадцати лет. Интересно, что она ни разу не пересевалась и ежегодно награждает своего опекуна 450—600 центнерами питательной зеленой массы в пересчете на гектар. Мечта ученого — создать при каждой колхозной и совхозной ферме хотя бы небольшие участки кормового подспорья из крапивы. Ведь она по белку, например, не уступает люцерне, клеверу, а по жизненно важным микроэлементам в по- лтора — три раза их превосходит! Крапива — древнее народное лечебное средство.

Виктор Иванович Богачков когда-то был пастухом и знает, какую траву с особым ап- петитом поедают животные. Поэтому сейчас он думает в свободное время заняться иссле- дованием лебеды.

А. Мариничев

ВОЛОГОДСКИЕ РЫЖИКИ

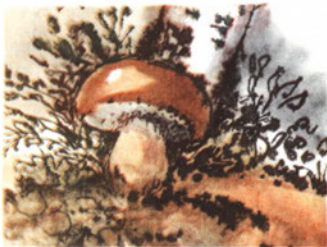

ЗАВТРАК НА ТРОПЕ

Вышел из леса на тропу. Летом она зарастает высокой травой, но с приходом грибной поры ее протаптывают снова.

Присел у края, заглянул в корзину. Три подосиновика, пяток маслят, горькушки. Не густо... И это — за несколько часов по исхоженному вдоль и поперек знакомому лесу. Что ж, грибник, как рыбак, не знает, где повезет.

Развернул газету, разложил хлеб, помидоры, яйца. Это — мой завтрак. Перекушу — и в обратную.

День жаркий, и, хотя наступил сентябрь, осенью, как говорится, не пахнет. Скинул куртку и кеды, с наслаждением вытянул гудящие ноги.

Но что это? Не донеся кусок до рта, положил его обратно. Вероятно, от жары и усталости в глазах мерещится. Я же знаю, что в этой стороне леса грибы не водятся: слишком густ молодая ельничка.

Протер глаза, но виденье не пропало. Да и куда оно может пропасть, если белый гриб стоит под березой возле тропы, в полуметре от моих ног? Не уйдет же обратно в землю!

Белый гриб, боровик... Шляпка поверху темно-бурая, корешок упругий, толще шляпки, кремовый. Мечта грибника, кто ему не обрадуется!

Мое состояние можно сравнить с состоянием рыбака, который таскал все ершей да плотвичек и вдруг подсек леща. Осторожно подводит он к берегу драгоценную добычу, не веря такому счастью. Ведь лещ может сорваться с крючка, а гриб — оказаться червивым. Поэтому рыбак считает добычу в ведре, а грибник — в корзине.

Не спуская с боровика глаз, ползу через тропу. Пальцами высвобождаю

корень, выкручиваю боровик из земли. Я никогда не вырываю и не обрезаю трубчатые грибы, чтобы не повредить грибницу. Выкрутив гриб, аккуратно заравниваю ямку. Отойдя в сторону, счищаю ножом верхний слой корня. Он без единой червоточки. Отрезаю под самую шляпку — она тоже хорошая. Кладу находку в корзину, оглядываюсь — теперь можно поискать и других.

И только тут замечаю прошлогодние пеньки, нечастый ельник вперемежку с березой. Это — рощище, здесь обязательно должны быть грибы. Надеваю куртку, шляпу, кеды, обшариваю каждый сантиметр мохового покрова. Так и есть — еще один белый гриб. А чуть подальше моховик желтеет.

За час с небольшим я наполнил корзину грибами доверху. Грибник, что и рыбак, не знает, где повезет.

Вспомнил об оставленном завтраке. Возвращаться не хотелось. Завтрак в лесу не пропадет, его наверняка склюют птицы.

ТЕПЛАЯ ПОЛЯНА

В осеннем лесу бывает так: набредешь на сосняк вперемежку с елью, березой, осиной и другими деревьями. Чисто под ногами: ни валежины, ни хвороста, трава мелкая, мох. Где же и грибам быть, если не здесь. Но

вот что странно: ходишь-ходишь в поисках грибов, а ими тут и не пахнет. Ведь если кто-то был здесь до тебя и грибы обобрал, должен был оставить хоть какие-то признаки: шляпку ли старого гриба, брошенную за ненадобностью, корешки ли от пластинчатых грибов. А здесь ну ничегошеньки.

В чем дело? И только теперь тебя словно осеняет: холодно в этом месте, несет, как из погребка. А ведь грибы тепло любят.

Идешь дальше. Вот березовая поляна, сквозная вся. Изредка стоят ели. Земля усыпана листьями. Тут уж и подавно ничего не найдешь. И устремляешься дальше.

Вдруг под ногой что-то хрустнуло, мягко так. Оглядываешься: белеет раздавленный тобою черный груздь. Ага, значит, здесь все-таки что-то есть. Черный груздь в одиночку не растет. Не торопясь вырезаешь из сухостоины палку, обязательно с развилкой на верхнем конце, и начинаешь обшаривать поляну метр за метром. То здесь, то там прячутся под листьями черные грузди. Это ведь когда прямиком чешешь, то лес кажется пустым, а как станешь присматриваться да не спешить, и грибы начнут попадаться. Они терпеливых

любят да вежливых, словно говорят: любишь нас, так покланяйся, не гордись. Вот и кланяешься: иной раз за похожим на гриб листком, другой раз за грибом, да гнилым, а иной — и за хорошеньким.

Ходишь, ворошишь листву, а сам думаешь: почему на той поляне ничего нет, а здесь хоть редко, да падает? А вот почему: на поляне, казалось бы, сквозной и открытой, довольно тепло. Солнце ее больше обогрывает.

Соберешь грузди в корзину, обойдешь поляну еще раз и отправляешься дальше — искать такую же теплую поляну.

НА РЕКЕ ЯНДЕБЕ

Коллективная поездка за грибами очень напоминает экскурсионную. Так же заранее заказывается автобус, назначается сбор — обязательно с запасом, в расчете на опаздывающих.

И непременно в этой компании, которую свел случай, найдется свой «экскурсовод». Он всю дорогу будет убеждать своих слушателей в том, что едут они в необыкновенные места, что был он там в прошлом (или по-

запрошлом — разве это важно?) году, так грибов было...

«Ну кажется, с грибами будем, не пропадем», — думает неволью каждый.

Дважды попадал в такие поездки и я, оба раза зарекался, но о третьей расскажу.

На место сбора пришли с женой с запасом — за час до назначенного. В шикарном «Икарусе» заняли местечко недалеко от кабины, сложили корзины и рюкзак, снова вышли на улицу.

И потянулось время! Вот уж и назначенный час прошел, а мы все не едем. И еще час прошел, и еще... Наконец в десять вечера отправились.

И сразу в автобусе оживились все, заговорили вразнобой. Добровольный «экскурсовод» затмил всех, долго и обстоятельно смаковал, как в прошлом году повезло ему на белые: целых две корзины привез вот из такой же поездки.

— А мы тоже туда едем? — с надеждой спросил кто-то.

— Туда, туда, — успокоил «экскурсовод» и продолжал рассказ.

Люблю дорогой смотреть в окно... После выезда из Ленинграда долго тянулись знакомые места: Усть-

Ижора, Понтонный, Саперный, Ивановское, Отрадное...

— Может, в Кировске выйдем да на дачу махнем? — сказал я жене.

— На обратном пути, — оценила она шутку.

После Синявина пошли незнакомые места: Путилово, Карпово, Старая Ладога... Первый раз переезжал через реку Волхов. Жаль, было уже темно.

Автобус все мчится по гладкой и пустынной дороге. Начался дождь и вскоре перестал.

В автобусе становилось все тише и тише: многие, откинув сиденья, уже спали. После Сясыстроа задремал и я...

Проснулся от того, что перестало качать. Открыл глаза и понял: стоим.

За окном темно. Ладно, утром разглядим, куда нас завезли. Я взглянул на часы: было начало третьего. Ого, куда от Ленинграда умотали! Больше четырех часов ехали.

В автобусе не дома, в постели, — просыпаешься часто. Однако под утро я забылся крепко. В семь часов разбудила жена.

— Пойдем, все вышли, — сказала она.

Автобус стоял на проселочной дороге. Кругом ольшаник. Накапывал дождь.

— Ну и завезли, — сказал кто-то. — Таких лесов и под Ленинградом сколько хочешь.

Мы выбрались из ольшаника на шоссе. Остановились на взгорке и ахнули: на том берегу реки начиналась другая планета!

Здесь, по обе стороны шоссе, стояли невысокие кусты, накапывал дождь, все было серым, а там, на высокой горе, в каком-то полукилометре от нас, сияло солнце и заливало своим жарким светом деревья. Они стояли, облитые золотом.

Знаете, как бывает в летний день? Набегит тучка, прольется дождь там, где вы стоите, а в каких-нибудь ста метрах от вас сияет солнце и никакого дождя в помине нет.

Но сейчас и там, где мы стояли, и на том берегу реки небо было серым. А лес между тем горел жарким золотом.

— Да ведь это осины! — догадалась жена.

Не сговариваясь, мы двинулись под гору. Вода в речке была спокойная, темная — торфяная, и золотые осины отражались в ней.

Противоположный берег был крутой. Мы поднялись в гору и свернули в лес. Постепенно очарование пропадало: кругом огромные валуны, сочится и хлупает под ногами вода, а между валунами высятся толстые — в обхват — осины. Грибов здесь, конечно, не было...

Послышался сигнал автобуса — звали нас.

— Вы только взгляните, какое чудо! — кричали нам, пока мы шли к автобусу.

Мы взглянули еще раз: на фоне серого неба, неопишемые в своей красоте, стояли на том берегу осины...

...Грибов тогда мы набрали мало. Но всякий раз, когда на душе бывает пасмурно, я вспоминаю золотые осины на реке Яндебе.

Н. Крудова

КАМЕНЬ

Посреди гостиничного двора южного городка, на небольшом камне сидела ворона. Казалось, она чего-то ждала. Вдоль глухого забора росли пыльные кустики да редкая трава выбилась из трещин асфальта. Ворона почистила перо на груди, изящно присела, оставив белую каплю. Три мусорных ящика стояли возле старого гаража. Груда белой бумаги в них слепила глаза на ярком солнце. Разомлевшая от жары кошка лежала на ящике, лениво следила за вороной и нежно мурлыкала игравшему ее хвостом котенку. Иногда ворона поглядывала на дерево белой акации за забором, хотела взлететь туда, но передумывала. Наверное, боялась длинных, жестких колючек на этих деревьях. Когда во двор вбежала крупная, рыжая собака, ворона не слетела с камня, только чуть ужалась с той стороны, где она проходила.

Котенок оставил хвост своей матери, достал из ящика рыбью голову и стал играть ею. Собака завистливо принялась к игрушке котенка, но отнять постеснялась. Она только из осторожности обошла спокойно глядевшую на нее кошку, поставила

лапы на ящик и взяла в пасть кусок булки.

Проплывшее облако чуть-чуть освежило двор. Собака, держа булку в зубах, принялась также издали к остаткам кошачьей еды. Видимо, от жары ей думалось с трудом и она не могла решить, какая же пища ценнее. Наконец поняла, положила булку на асфальт, еще раз посмотрела на небожавших с ее кошек и, считаясь с неприкосновенностью чужого добра, опять поставила лапы на мусорный ящик.

Серый, с белыми пятнами, мордастый кот сидел в ящике и жевал жирную бумагу. Жевал просто так, от скуки, не от голода. Кот заурчал на собаку, не сдвинувшись с места, лениво замахнулся на собачий нос.

Собаке понравился запах бумаги, какой-то никогда не еданной ею копчености. Если бы собака могла, она бы всегда носила эту бумагу с собой. Она представила свое место в подвале, представила, как она укладывается спать. Долго крутится на одном месте. Вздохнув, удобно легла и положила бумагу на передние лапы.

Нет, она не поместит ее рядом с

большой костью, что спрятана у нее в трещине между камней, — только на лапы, ближе к носу. Очнувшись от видения, собака рысцой вернулась к булке. Булки не было. Ворона сидела на камне и, отщипывая по кусочку мякиша, встряхивала головой. Отнимать у других собака не любила, а может, и не умела, потому что была молодой.

Она легла неподалеку от кошек, в тени хилого кустика, и стала ждать, не придет ли кто-нибудь с кухонными отходами из гостиничного буфета.

Услышав шаги, напряглась. Но кошка мыла языком своего котенка, придерживая его лапой, чтобы не вырвался.

По двору шел мальчик в слепяще белой рубашке. Он напевал тягучую до грусти восточную мелодию, но с лицом отнюдь не грустным. Он шел и подпрыгивал от избытка здоровья, от желания поиграть, а может, и просто от какой-то его радости. И ранеец прыгал у него за спиной. Собака тоже любила играть, она поняла мальчика сразу, припала на передние лапы, заметала хвостом по пятну от высохшей лужи на асфальте. Мальчик остановился и улыбнулся широко, обнажив белые, как рубашка на нем, зубы. Он порывался в кармане брюк. И собака тут же запрыгала ему навстречу, как игрушечная ля-

гушка: припадая на лапы и резко выпрямляясь.

В кармане было пусто, но собака не обиделась, потому что не была очень голодна. У бродячих животных не каждый день плох. Бывают и радости. Как сегодня утром. Ворона взлетела, прихватив с собой остаток булки. Котенок сосал мать. Собака радостно взлайнула, словно говоря: «Пусть в руке пусто, ничего, давай скорее играть». И запрыгала, заплесала, гоняясь за своим хвостом. Мальчик радостно боднул воздух и заскакал навстречу собаке, сначала на одной, потом на двух ногах, но вдруг остановился, что-то вспоминая. Собака не могла знать, что мальчик любил своего дядю Арчила и старался подражать ему во всем. Лицо мальчика посуровело, живот выпятился вперед, а голову он поднял вверх, приподняв одну бровь. Потом не спеша оглядел двор, подошел к камню...

Собака, увидев камень в руке, сразу будто усохла, сделалась маленькой! Круто повернувшись, понеслась с огромной быстротой, поджав хвост. Она бежала невыгодно для себя, делая большой полукруг по двору, прежде чем выскочила за ворота.

Мальчик посмотрел вокруг и ушел.

Двор стал пуст, и посреди его лежал только камень.

ЛЕТУЧИЙ МИНИ-ХИЩНИК

Самое маленькое в мире млекопитающее обнаружили в одной из пещер Таиланда. Это летучая мышь весом всего 2 грамма и с размахом крыльев 6 сантиметров. Несмотря на крошечный рост, вновь открытое животное является «хищником» — оно питается мухами, комарами и другими насекомыми.

БОБРЫ НА ДЕРЕВЬЯХ

В годы бурного весеннего половодья, когда воды Немана широко разливаются, в некоторых районах Белорусского Полесья можно наблюдать удивительную картину: на толстых ветках деревьев, поднимающихся из воды, сидят... бобры. Половодье затопило их хатки, и они ждут, пока уровень реки понизится.

5

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ И ПУТЕШЕСТВИЙ

В. Яковлев

9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА

К 80-летию первой русской революции

В тревоге начинала столица Российской империи пятый год XX века. Это позорных поражений на Дальнем Востоке прокатилось по всей стране, гулко отозвавшись в Петербурге. Столкновение с Японией не стало для самодержавия желанной «маленькой победоносной войной» — внутренняя гнилость режима обернулась скандальным внешнеполитическим крахом. Начиналась агония старой России.

В первый день нового, 1905 года в статье «Падение Порт-Артура», опубликованной в нелегальной большевистской газете «Вперед», В. И. Ленин писал: «Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариат».

Ленинские слова оказались пророческими. В Петербурге 3 января забастовали 13 000 рабочих Путиловского завода. Повод — неспра-

ведливое увольнение четырех мастеровых. Переговоры с дирекцией были бесплодны, и путиловцы избрали средством борьбы за свои права стачку. Начиналась неделя, завершившаяся Кровавым воскресеньем, но в понедельник, 3 января, никто и представить не мог, что 10 января, следующий понедельник, уже будет за порогом «серой, будничной, забитой жизни», будет вторым днем первой в России революции.

История документальна, и документы революции отличны от других. В них — ужасы прошлого, заставившего взяться за оружие; в них героика и трагедия борьбы; в них — радость победы и горечь поражения. В ряду документов трех российских революций документы самой первой — особые. Здесь мучительные сомнения, крушение вековых надежд на «царя-батюшку», здесь удививший мир размах октябрьской стачки и невиданный героизм пролетарских баррикад в декабрьской Москве...

Начало... Истоки его в нищете и бесправии, в рассказе о которых сухие цифры сильнее эмоций. В начале XX века средняя продолжительность

жизни пролетариев Петербурга составляла, по данным столичных врачей, около 40 лет. Рабочий день — одиннадцать с половиной часов, сверхурочные, штрафы, убогое жилье. Нет ни техники безопасности, ни отпусков, ни пенсий, ни даже рабочих столовых... Труднее всего самым слабым — женщинам и детям. В 1904 году 25 процентов всех рабочих столицы составляли женщины и почти 10 процентов, а на мелких предприятиях 23, — дети до 16 лет. За 15—40 копеек в день работали по 10—14 часов шести-, восьмилетние малыши. Фотографии тех лет дают возможность увидеть социальную пропасть между людьми, ликви-

ровать которую могла только революция.

Работницы «Треугольника», где запахом резины пропитываются все вещи, работают по одиннадцать с половиной часов. Голодная собака не ест того мяса, которое пролежало на фабрике два-три часа... В начале XX века из 100 родившихся детей рабочих умирало более 60.

В этой нищете и забитости рождалась петиция, с которой 9 января десятки тысяч людей пойдут к царскому дворцу. Священник Г. Гапон и созданное им «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» решили организовать это шествие-просьбу, но по мере

В начале XX века средняя продолжительность жизни пролетариев Петербурга составляла около сорока лет.

Рабочий день 11—12 часов, штрафы, убогое жилье, нет ни техники безопасности, ни отпусков, ни пенсий.

развития событий оно все более и более стало приобретать характер демонстрации протеста. Уже 4 января, донося в департамент полиции о забастовке путиловцев, начальник столичной охраны подполковник Л. Н. Кременецкий отмечал: «Настроение рабочих спокойное, но твердое. О возможности каких-либо уступок не говорят».

5, 6, 7, 8 января Петербургский комитет большевиков обратился к рабочим с листовками, в которых призывал к общей политической стачке, объясняя, что царя нужно не просить, нужно гнать его с престола. Под влиянием большевиков в петиции, которую подписали десятки ты-

сяч пролетариев столицы (судьба листов с подписями неизвестна), появляются политические требования — свободы слова и печати, созыв Учредительного собрания и так далее. Но сорвать шествие не удалось, воспитанная веками вера в «царя-батюшку» должна была еще выдержать последний экзамен. Напряжение в Петербурге росло. Забастовка лишила город воды, электричества, газет. Столица полна слухов.

В ночь на 9 января в одном из помещений Академии художеств собрался Петербургский комитет большевиков. Принято решение: всем членам партии быть в рабочих колоннах, создать группы из знаменосца,

Нарвская застава.
Вид части комнаты рабочей семьи.

агитатора и охраны, которые должны выступить в подходящий момент.

Как вспоминают очевидцы, в рабочих районах к воскресенью готовились торжественно: допоздна работали бани, доставали нарядную одежду, в чистые полотенца заворачивали гостинцы детям — предстояла дальняя дорога к царскому дворцу.

Допоздна готовились и власти. Их намерение было: пулями загнать в цеха и подвалы тех, кто хотел подняться к нормальной человеческой жизни, страхом парализовать их волю к борьбе. С 7 января издавалась диспозиция воинских частей,

вызваны подкрепления из Ревеля и Пскова — «царь играл в войну совершенно серьезно». Город разбили на восемь участков, во главе каждого — генерал. Более восьми тысяч пехоты и трех тысяч кавалерии преградили безоружным рабочим путь к центру. Прибывший из Пскова 93-й Иркутский пехотный полк и лейб-гвардии конногренадерский полк разбили лагерь у Нарвских ворот, рота Преображенского полка перегородила Невский проспект. По улицам выслали конные и пешие патрули, у застав приготовили для будущих жертв санитарные фургоны. Всем врачам приказано быть на рабочих местах.

За 15—40 копеек в день работали по 10—14 часов шести-, восьмилетние малыши.

Дворцовую площадь оцепили солдатские шеренги, и у окрашенных в красный цвет стен Зимнего дворца М. Горькому предстала необычная картина: «...вокруг жилища царя стояли плотной неразрывной цепью серые солдаты, под окнами дворца на площади расположилась конница, торчали пушки, небольшие и чем-то похожие на пиявок. Запах сена, навоза, лошадиного пота окружали дворец, лязг железа, звон шпор, крики команды, топот лошадей колебались под слепыми окнами дворца».

В рапорте командира Преображенского полка: «За всеми ротами следовали походные кухни, люди были тепло одеты и имели на себе по 30 боевых патронов».

Воскресным утром на рабочих окраинах Петербурга собирались десятки тысяч людей с наивной верой в царскую милость. Вряд ли кто из них думал, что уже вечером будет сражаться на баррикадах с оружием в руках, ибо еще утром «просили всех, чтобы никто не брал с собой даже перочинного ножа». Все ждали чего-то необыкновенного, небывалого, настроение было торжественное, многие стояли без шапок.

И конечно, много детей. За Невской заставой их хотели поставить в первый ряд, но вовремя одумались — впереди пошли самые сильные и смелые.

Понесли к Зимнему дворцу петицию с десятками тысяч подписей.

Царское правительство было намерено пулями загнать рабочих в цеха и подвалы, страхом парализовать их волю к борьбе.

Жаловались: «Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам... Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук». Просили: «...правды и защиты» и уже требовали созыва Учредительного собрания, принятия мер против бесправия и невежества, против нищеты и гнета капитала».

Максим Горький весь день 9 января провел на улице. Вот что он писал об этом воскресном утре: «Вера приходила, обнимала людей, возбуждала их, заглушая тихий шепот сомнений... Люди торопились поддаться

давно желанному настроению, стискивали друг друга в огромный ком единомысленных тел, а плотность, близость плеч и боков согревала сердца теплой уверенностью, надеждой на успех». Предупреждение большевиков в листовке 8 января: «В воскресенье перед Зимним дворцом, если вас только туда пустят, вы увидите, что вам нечего ждать от царя» — оказалось пророческим.

Нет фотографий расстрела, слово официальному отчету. В «Описании действий войсковых частей 9 января 1905 года» события у Нарвских ворот изложены кратко: «Ввиду безуспешности попыток остановить толпу увещаниями или угрозами, против нее был выслан один эскадрон конно-

Рота Преображенского полка перегородила Невский проспект.

Царское правительство планомерно и хладнокровно готовилось к расстрелу.

У застав приготовили для будущих жертв санитарные фургоны.

гренадер, при приближении которых толпа раздалась, причем с ее стороны было произведено 2 выстрела из револьвера (не причинивших вреда), и одному из нижних чинов был нанесен удар крестом. Тогда, ввиду явно враждебного настроения толпы, эскадрон был отозван назад, а 2 ротам 93-го пехотного Иркутского полка, после троекратного предупреждения и сигнала, было приказано стрелять. После 5 залпов толпа, наконец, рассеялась, оставив на месте более 40 чел. убитыми и ранеными».

К двум часам дня на Дворцовой площади собрались тысячи людей. В официальном рапорте написано: «Эскадрон кавалерии на Певческом мосту был принужден произвести две атаки с обнаженным оружием, нанося удары шашками плашмя, после

чего толпа рассеялась и более не собиралась. У Александровского же сада толпа укрывалась у решетки сада и позади нее, вследствие чего даже и атаки кавалерии с обнаженным оружием не оказали никакого действия. Тогда, после многократных увещаний и сигналов «стрелять», одна рота л.-гв. Преображенского полка принуждена была дать два залпа. После второго залпа толпа очистила прилегающую часть площади и сад, оставив на месте около 30 чел. убитых и раненых, а затем была окончательно рассеяна атакой высланных вперед казаков».

М. Горький так описывал расстрел 9 января: «Люди падали по двое, по трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то, прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на

Дворцовую площадь оцепили солдатские шеренги.

Войска у Певческого моста.

«...Вокруг жилища царя стояли плотной неразрывной цепью серые солдаты, под окнами дворца на площади расположилась конница, торчали пушки, небольшие и чем-то похожие на пиявок».

«Запах сена, навоза, лошадиного пота окружали дворец, лязг железа, звон шпор, крики команды, топот лошадей колебался под слепыми окнами дворца».

Воскресным утром на рабочих окраинах Петербурга собирались десятки тысяч людей с наивной верой в царскую милость.

снегу обильно вспыхнули яркие красные пятна. Они расплзались, дымились, притягивая к себе глаза... Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов».

У одного из очевидцев трагедии осталось в памяти, что у убитых были удивленные лица. Их смерть стала рубежом, когда просящая толпа стала превращаться в требующий народ. Первыми эту перемену настроения почувствовали мальчишки — стали дразнить и бранить солдат и казаков. Их не пощадили. По приказу командира 3-й роты Преображенского полка Мансурова был дан залп поверх толпы, по деревьям Александровского сада, выходившего на Дворцовую площадь. Стреляли в мальчишек, забравшихся на ветви: Александр Иванов, 12 лет,

ученик начальной школы — 3 раны; Константин Егоров, 16 лет, ученик чертежника — 2 раны... Ранены дети на катке Александровского сада. У Нарвских ворот убит юноша семнадцати лет, мать поставила его в первый ряд с иконой в руках, первым залпом ранен и убит вторым мальчик десяти-одиннадцати лет, шедший рядом с ним.

В. И. Ленин писал: «Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведая всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс».

Точное число убитых и раненых неизвестно. Журналисты составили примерный список, в котором 4600 фамилий. Погибли, выполняя решение Петербургского комитета партии,

Группа рабочих на улице. Вряд ли кто из них утром думал, что уже вечером будет сражаться на баррикадах с оружием в руках.

большевики, рабочие Путиловского завода Волков М. П., Ханцев Г. Г., Андреев И. И.; учительница Бердичевская М. Л., Казанцев М. В., Васильев Л. В., Архангельский К. В., Егорова М. Г., Арк. Афанасьев. Ранены большевистские агитаторы: студент Политехнического института Фрунзе М. В., Малышев С. В., Евсеев Ф. З., Иваницкая О. П. Среди пострадавших много молодых людей: в одном из списков Петербургского жандармского управления из 101 убитого 14 моложе восемнадцати лет.

Уже днем на улицах столицы появились первые баррикады, только на Васильевском острове их было двенадцать. Те, кто утром, идя к Зимнему дворцу, не брал с собой перочинного ножа, чтобы не было даже намека на насилие, уже днем

разбивали оружейные лавки в поисках настоящего оружия. Как докладывал Петербургский комитет III съезду РСДРП: «На Невском и у Зимнего дворца настроение после 12-ти было так сильно, так определенно, что агитация являлась совершенно излишней».

9 января стало переломным днем русского рабочего движения. «Революционное воспитание пролетариата, — писал В. И. Ленин, — за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг героического петербургского пролетариата «смерть или свобода!» эхом перекачивается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой». Революция началась.

И. Фроянов

«ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

История русской внешней торговли уходит в глубь столетий. Нам известно, что еще в начале I тысячелетия нашей эры народы Восточной Европы, в том числе и славяне, торговали с Римской империей. Оживленные торговые связи установились между восточными славянами и арабо-иранским миром. Постепенно торговые отношения Руси с зарубежными странами развивались и крепились. Древнерусские купцы часто бывали в Византии, странах Центральной и Западной Европы, таких как Польша, Венгрия, Чехия, Германия, Франция, Англия, Норвегия, Дания, Швеция. Благодаря этому Русь стала «ведома и слышима всеми концы земли».

В летописи начала XII века, именуемой «Повестью временных лет», сохранилось описание «пути из варяг в греки», знаменитого в истории Киевской Руси. Автор «Повести» сообщает: «Был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловати, а по Ловати входят в Ильмень озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро ве-

ликое Неве (Ладожское), и устье того озера (Нева) впадает в море Варяжское (Балтийское). И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно плыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море (Черное), в которое впадает Днепр река».

Почему летописец решил поведать потомкам об этом кругосветном, по тем временам, плаванье? Ответить на поставленный вопрос не трудно. На протяжении почти трех столетий, начиная со второй половины IX века, «путь из варяг в греки» имел очень важное экономическое, военно-политическое и культурное значение в жизни Древней Руси. «Дорогой» этой приходили в края обитания наших предков из стран «полуношных» (северных) воины и купцы, которые, поселяясь в древнерусских городах и вливаясь в княжескую дружину, пополняли состав древнерусской знати. С южной стороны, из Византии, этим путем шли в Киев и другие центры Руси торговцы, ремесленники, всякого рода путешественники. Лады русских купцов и ратников, рассекая речные и морские волны,

плыли на юг и север — к «грекам и варягам».

Русско-византийские торговые отношения возникли, конечно, ранее X столетия. По предположению исследователей, еще в 60-е годы IX века между Русью и Византией был заключен договор «мира и любви». Известно, впрочем, что Византия старалась из международной торговли извлечь для себя максимум выгод в ущерб своим партнерам. Византийские правители стремились привлечь в Константинополь как можно больше товаров, но в то же время они ограничивали вывоз из страны высокосортных изделий, в первую очередь драгоценных шелковых тканей. Обременительными для приезжих купцов были и высокие торговые пошлины, взимавшиеся имперскими властями. Все это ставило в неблагоприятные условия иноземных торговцев, включая, разумеется, и русских. Чтобы изменить положение, киевским князьям приходилось прибегать к военной силе, организуя походы на Византийскую империю.

Один из таких походов состоялся, согласно летописцу, в 907 году. Возглавил его Олег, собравший огромное войско, куда вошли представители варягов, чуди, мери, новгородских словен, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев. Водой и посуху эта пестрая рать двинулась на Царьград. Столица «ромеев» оказалась на грани падения. Испуганные греки запросили мира. И Олег дал мир «греческим царям» Леону и Александру — соправителям на царьградском престоле. Диктовал условия соглашения князь Олег. Помимо уплаты громадной дани, греки вынуждены были пойти на ряд существенных уступок Руси. Они обязались снабжать прибывающих к ним русских «гостей» (купцов) хлебом, вином, мясом, рыбой, плодами и другой снедью в течение шести месяцев.

Гостям предоставлялась возможность париться в бане, сколько душа пожелает. При сборах домой они получали «на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». Греки побаивались «русичей» и потому держали их вне города по соседству с церковью святого Мамонта. Там специальный чиновник переписывал их поименно и по составленному списку выдавал каждому продовольствие — «месячное», по выражению летописи. В Царьград русских впускали только через одни ворота «в сопровождении царского мужа, без оружия по 50 человек». Вошедшие в город торговали, «сколько им нужно», не платя никаких сборов. Русские купцы, следовательно, получили право на чрезвычайную льготу — беспошлинную торговлю. Известно, что Византия очень редко и неохотно отказывалась от взимания торговых пошлин с иностранных купцов. Венеция, например, добилась беспошлинной торговли у греков только в конце XI века, да и то в момент, когда империя попала в критическое положение и не могла обойтись без военной помощи венецианцев. Вот почему приобретение такой льготы было для Руси небывалым успехом. Договор 907 года был дополнен соглашением 911 года, где статьи, связанные с русско-византийской торговлей, занимают видное место.

В конце 30-х годов X века Византия, однако, нарушила обязательства, взятые на себя по договорам 907 и 911 годов. К тому времени Олег уже умер и в Киеве княжил Игорь, сын Рюрика, согласно уверению летописца. Игорь, как и его предшественник, решил наказать «льстивых» византийцев. Собрав многотысячную ладейную армаду, он пошел на Царьград. Но «ромей» разбили «воев» князя на суше и сожгли его корабли с помощью так называемого «греческого огня» — горючей смеси нефти с серой, изобре-

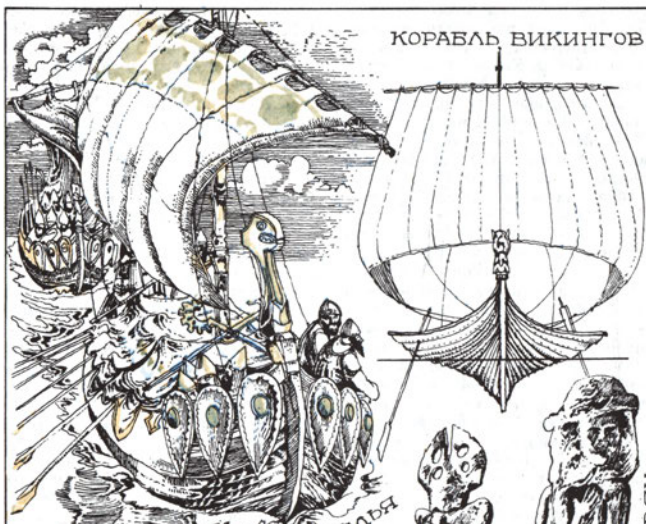
тенной неким хитроумным сирийцем. Летопись красочно описывает гибель «флотилии» киевского князя: «И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись. И так остаток их возвратился домой. И, придя в землю свою, повели — каждый своим — о происшедшем и о ладейном огне... Будто молнию небесную, — говорили они, — имеют у себя греки, и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их... Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов...» И вот Игорь «собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя». Кораблей было такое число, что они, по словам летописца, покрыли море. Но не дойдя до Царьграда, Игорь повстречал византийских послов, которые передали ему следующие слова императора: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Посоветовавшись с дружиной, Игорь принял предложение греков и повернул восвояси, в Киев.

Вскоре в столичный град пришло греческое посольство, чтобы заключить с русскими новый мирный договор. Этот договор, состоявшийся в 944 году, был менее выгодным для Руси, чем тот, который ранее «подписал» Олег. Русские купцы потеряли право беспошлинной торговли в Византии. Им запрещалось покупать паволоки (драгоценные ткани) дороже, чем по 50 золотников. Они не могли оставаться на зиму в греческой земле, в частности у церкви святого Мамонта. Все эти ограничения — результат того, что Игорь не добился такого крупного военного успеха, которого достиг Олег. Греки чувствовали себя более уверенно и потому отменили прежние торговые льготы для русских.

Какие товары везли купцы из Руси на константинопольский рынок? О главных статьях торговли русских гостей с заморскими странами и в первую очередь с Византией поведал нам князь Святослав, который устами летописца говорил: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы».

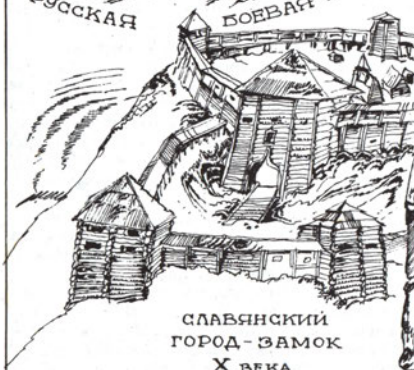
Итак, пушнина, воск, мед, рабы — вот чем преимущественно загружали свои ладьи купцы, отправлявшиеся из Киева в Царьград. Где и каким образом добывали они эти товары? Известно, что на Руси X века князья и дружинники нередко выступали в качестве купцов. Способ же приобретения древнерусской знатью пушнины, рабов и прочего известен — это по преимуществу межплеменные войны, сопровождавшиеся обложением данью побежденных. Характерным примером здесь могут служить события 946 года в Древлянской земле. Киевская княгиня Ольга осадила тогда древлянский городок Искоростень, жители которого убили ее мужа Игоря, уже знакомого нам по походам на Византию. Завязались переговоры вдовы киевского князя с горожанами. На высказанное Ольгой желание взять у них дань последовал услужливый ответ: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Княгиня хитростью овладела городом, одних древлян убила, других отдала в рабство своим людям, а третьих оставила платить дань. Вот эту дань мехами, медом и воском, а также пленников-рабов киевская знать и отправляла на продажу, наживая огромные капиталы. Мировой рынок проявлял неослабевающий спрос на русские меха, мед, воск и невольников-славян. В Константинополе

КОРАБЛЬ ВИКИНГОВ

РУССКАЯ

БОЕВАЯ ЛОДЬ

СЛАВЯНСКИЙ
ГОРОД-ЗАМОК
X ВЕКА

ЯЗЫЧЕСКИЕ ИДОЛЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

действовал специальный торг, где купцы из Руси продавали челядь — рабов. Потребность в дани и рабах толкала знать Киева на поиски данников в лице древлян, северян, радимичей, вятичей и прочих восточнославянских племен. Вторая половина IX—X веков прошла под знаком завоеваний племен восточных славян, инициаторами которых являлись киевские великие князья и дружинники, их окружавшие. В итоге этих завоеваний, кровавых и жестоких, почти все восточнославянские племена оказались под даннической пятой Киева.

По свидетельству византийского императора Константина Багрянородного, написавшего трактат «Об управлении государством», киевские князья со дружиною с наступлением ноября отправлялись в круговой объезд земель подвластных им племен за сбором дани, кочуя целую зиму от одних данников к другим. В апреле, когда таял лед на Днепре, они возвращались в Киев, нагруженные товаром, награбленным у «примученных» (покоренных) соседей. Начиналась подготовка плавания в Царьград. Оснатив ладьи и погрузив поклажу, купцы трогались в путь. Наиболее благоприятным временем путешествия были месяцы июнь и июль. В первых числах августа наступал период равноденственных бурь, и плавание по Черному морю становилось довольно рискованным.

Отчалив от киевской пристани, купеческий караван спускался вниз по Днепру до Витичева — сторожевой крепости, защищавшей русские земли с юга от нападений кочевников. Здесь, у Витичева, купцы останавливались на два-три дня, ожидая, пока подойдут отставшие суда. Затем караван отправлялся дальше по течению реки и, наконец, упирался в Днепровские пороги — гранитную гряду, тянущуюся на восток от Карпат. Некоторые пороги переправляли лишь часть русла и пото-

му, вероятно, были легко проходимы. Наибольшую трудность представляли пороги, специально упомянутые Константином Багрянородным. Их семь. Первый порог — Ессупи, что, согласно Багрянородному, означало «не спи». Этот порог был настолько узкий, что не превышал ширины дворцового ипподрома в Константинополе. Посредине его выступали, будто островки, обрывистые и высокие скалы. Потоки воды, поднимаясь на эти скалы, свергались вниз, производя сильный шум, внушающий страх. «Посему, — говорит Константин Багрянородный, — Руссы не осмеливаются проходить среди этих островов, но, причалив вблизи и высадив людей на сушу, а вещи оставив в однодеревках (ладьях), после этого нагие ошупывают ногами (дно), чтобы не наткнуться на какой-нибудь камень; при этом одни толкают шестами нос лодки, а другие — середину, третьи — корму. Таким образом они со всеми предосторожностями проходят этот первый порог по изгибу речного берега. Пройдя этот порог, они опять, приняв с берега остальных, отплывают и достигают другого порога».

Второй порог, по истолкованию Константина, назывался Островуни-праг — «остров порога». Подобно первому, был он тяжел и труден для переправы. Перед ним русские опять высаживали людей на берег, а суда проводили точно так же, как и при переходе Ессупи. Одинаковым образом они преодолевали третий порог — Звонецкий, или «шум порога».

Четвертый порог — Неясыть, названный так якобы потому, что в его камнях гнездились пеликаны, ибо неясыть по-древнерусски — пеликан. Этот порог был самым протяженным (около 850 метров), со стремительным падением воды (4,3 метра). Для путешественников он являлся наиболее грозным. «На этом пороге, — свидетельствует Константин Багрянород-

ОТ „ГРЕЧЕСКОГО ОГНЯ“
ПОГИБЛИ
КОРАБЛИ
КИЕВСКОГО
КНЯЗЯ
ИГОРЯ

ный, — все ладьи причаливают к земле носами вперед, отряженные люди сходят держать стражу и уходят; они неуспешно держат стражу из-за печенегов. Остальные, выбрав поклажу, находившуюся в однодеревках, и рабов в цепях, переводят их сухим путем, пока не пройдут порога. Затем они тащат свои однодеревки волоком, а другие несут на плечах, и таким образом переправляют на другую сторону порога, спускают их там в реку, грузят поклажу, входят сами и продолжают плавание.

С переправой через пятый, шестой и седьмой пороги, именовавшиеся Вульнипрагом («образующий залив»), Веруци («бурление воды»), Напрези («малый порог»), заканчивался первый участок многотрудного пути. У порогов русских купцов обычно подстерегали кочевники, от которых приходилось отбиваться всеми силами. Именно «в порогах» сраженный печенежской стрелой или саблей пал князь Святослав Игоревич, возвращавшийся из Дунайского похода. Предание гласит, что хан печенегов Куря повелел сделать из княжеского черепа чашу.

После порогов Русь ожидало новое тяжелое испытание — Крайская переправа, то есть узкое, зажатое в скалистых высоких берегах место в низовье Днестра. Тут стрелы печенегов перелетали с берега на берег. Кочевники устраивали здесь засады на киевские караваны. Миновав Крайскую переправу, ладьи приставали к острову Хортица, где рос столетний священный дуб, у которого свершались требы (жертвоприношения) в честь славянских богов: язычники втыкали вокруг дуба стрелы, приносили в жертву петухов, куски хлеба, мясо. Возможно, само название острова «Хортичъ» произошло от имени одного из русских языческих богов — Хорса, бога солнца, изваяние которого стояло в Киеве.

Русы покидали Хортицу, и через четыре дня их корабли уже стояли у острова Эвферия, расположенного в Днепровском лимане. Здесь перед выходом в море ладьи оснащались мачтами, реями, парусами. Потом суда входили в море и двигались вдоль береговой линии, стараясь не терять из виду землю. Так доплывали до устья Днестра, где русы снова отдыхали, после чего, дождавшись благоприятной погоды, двигались в путь и наконец добирались до Селины в дельте Дуная. От устья Днепра до Селины печенеги, словно волки, шли следом за караваном по берегу моря, надеясь, что ветер выбросит на сушу какую-нибудь ладью и можно будет поживиться. Правда, когда подобное случалось, русы вытаскивали все свои однодеревки на берег, чтобы защитить потерпевших и вместе противостоять печенегам. Дальше Селины кочевники не решались преследовать русских купцов. От устья Дуная караван уже без опасения приближался к византийским берегам, где и заканчивалось «многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание руссов». Чтобы попасть из Киева в Царьград, надо было плыть 35—40 дней. Однако при особо благоприятных обстоятельствах путь от Киева до дунайской дельты занимал десять, а от нее до столицы «ромеев» — пятнадцать дней. Как только наступала осень, гости возвращались обратно, преодолевая те же трудности и подвергаясь тем же опасностям, что и во время следования в Константинополь.

На IX и особенно на X век падает расцвет русско-византийской торговли. В ту пору русские купцы были главными поставщиками византийских товаров для стран Северной Европы. Но в XI—XII столетиях положение меняется. Итальянская конкуренция и крестовые походы отрицательно сказались на торговых

отношениях Руси с Византией. Какое-то время русские пытались с помощью старых испытанных средств восстановить теряемые позиции. В 1043 году, например, состоялся поход рати Ярослава Мудрого на Царьград, среди причин которого были вымогательства и насилия, чинимые византийскими властями русским торговцам. Многотысячное войско повели князь Владимир, сын Ярослава, и воевода Вышата. На подступах к Царьграду русский флот застигла буря «и разбила корабли русские, и княжеский корабль разбило ветром, и взял князя к себе на корабль Иван Творимиричь». Несколько тысяч воинов оказались выброшенными на сушу. Этот пеший отряд возглавил Вышата. О сражении с греками уже не было помыслов. Все думали о том, как бы подбродившему вернуться на Русь. Уцелевшим от бури ладьям удалось прийти домой. Вышату же со всеми его воинами греки взяли в плен «и привели в Царьград, и там ослепили много русских». Спустя три года, когда был заключен мир, Вышату греки отпустили на Русь к Ярославу. Так неудачно закончился поход Руси на Царьград 1043 года. Это был последний поход русских на столицу Византийской империи. Позднее на русские земли обрушились орды половцев. Борьба с ними поглотила почти все силы Русского государства. Победоносные марши Руси на Царьград стали достоянием прошлого.

Нашествие половцев заметно порвало русско-византийские торговые связи. Только Галицкая Русь благодаря соседству и удобству сообщения с Византией укрепляла эти связи. Конечно, торговлю с греками продолжали и Киев, и Новгород, и другие древнерусские крупнейшие города. Но половцы, по словам летописцев, «пакостили» постоянно «гречникам» — купцам, которые хо-

дили торговать в Византию. Князьям нередко приходилось принимать энергичные меры, чтобы обеспечить безопасность торговым людям. Так, по рассказу летописца, половцы, воспользовавшись в 1167 году взаимными распрями князей, засели в порогах и начали «пакостить» купцам. Тогда князь Ростислав Мстиславич послал им на помощь некоего Владислава Ляха с воинами, в сопровождении которых «гречники» благополучно добрались до русских земель. В 1168 году большое соединенное войско русских князей долгое время стояло у Канева, ожидая «гречников». Но половцы не унимались, и ситуация на пути «из варяг в греки» час от часу становилась хуже. На княжеском съезде 1170 года Мстислав Изяславич с жалостью говорил о том, что половцы «уже изъотнимают путь Греческий». И снова объединенные княжеские полки пошли к Каневу навстречу купцам, плывущим из Византии.

Со второй половины XII века торговое движение по пути «из варяг в греки» постепенно слабело, так как возникли еще весьма существенные причины значительного ослабления русско-византийских торговых отношений. Одна из них заключалась в перемещении торговых путей, произошедшем в итоге крестовых походов. В конце XII века меняются их направления и устанавливаются прямые торговые трассы из Западной Европы в страны Ближнего Востока. Киев остался в стороне от них, что, разумеется, не могло не вызвать резкого падения потока товаров, транспортировавшихся по старому пути «из варяг в греки». Наконец, очень важную роль сыграло падение под ударами крестоносцев Константинополя и варварское разорение победителями древней столицы. Последнее обстоятельство парализовало торговлю Руси с Византией.

Н. Коняев

ДОРОГА АРТЮШКИ БАБИНОВА

Белые и черные реки текут с Урала...

Белые текут на запад, а черные — на восток.

Пробираясь вдоль черных рек, просачивались из-за Камня орды пелымского князя Кихека, чтобы, «засыпая озерцы трупами», пройти по Пермской земле.

А по белым рекам поднимались к Уралу казаки.

Семь имен насчитывают историки у атамана. Необкатанным камешком в реке народной молвы каталось его имя, пока не выплеснулось на берег — Ермак.

Сибирь вступала в новую эпоху, и новые отношения, сложившиеся на ее безграничных просторах, требовали прежде всего нового пути, который соединил бы Сибирь с Центральной Россией.

В 1595 году царь Федор Иоаннович издал указ, по которому надобно было искать «охочих людей», способных указать и проложить удобную дорогу в Сибирь.

Дорога была найдена и проложена. «Вождем был оной дороги Артюшка Бабинов...»

Кто он, этот соликамский крестьянин Артемий Сафронович Бабинов?

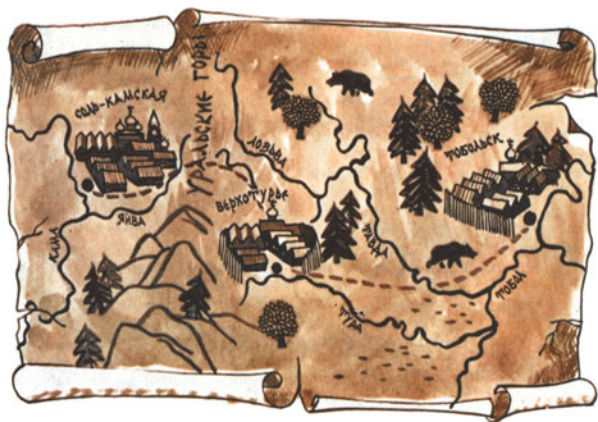
Снова и снова перечитываю я скучные строчки летописи, снова вчитываюсь в витиеватый текст царских «жалованных» грамот, пытаюсь представить себе позабытого землепроходца...

Немного известно о нем. Известно, что был у него в Соли Камской дом, что сам он кроме землепашества занимался еще и промыслом. Ловил зверя в отрогах Уральского хребта и, наверно, многое знал о Камне еще и из этой своей промысловой жизни.

Дороги через Камень были...

Был известен испокон веков путь, называемый на местном наречии *мирляни* — народный путь. Он шел из Чердыни по реке Вишере, затем по Велсую и далее до Лозьвы, спускался в Тавду, из Тавды в Тобол, потом поднимался по Тоболу и Туре до Тюмени. В результате получалось от Соли Камской до Тюмени — 2 тысячи верст.

Вела через Урал волчья тропа, по которой в 1582 году провел Ишберей в Москву посольство Ермака. Зимой по этому пути можно было ездить,

но летом с трудом пробирались по тропе и пешне.

«Волчий путь» описан. В 1850 году по этому пути прошел в Сибирь «начальствующий экспедицией для исследования северного Урала» генерал Гофман. Он поднялся на лодке из Вишеры по реке Улсую, свернул в приток Кутим. Далее «г. Гофман с проводниками продолжал дальнейшее путешествие пешком по лесной и болотистой тропинке». Генерал-геолог пробрался через Уральский хребет между истоками Кутима и сибирской уже речушки Еловой, впадающей в приток Южной Сосьвы — Шегультан.

Артеми́й Сафроно́вич Баби́нов, наверное, знал об этих дорогах, но он искал другую. Нужна была не волчья тропа, не зимний санник промысловиков, а обычная дорога, по которой могли бы проехать весь неблизкий путь крестьянские телеги.

Бабиновская дорога пошла от Соликамска через верховья Яйвы к

устью Тулунока — притока Косвы, дальше по другому притоку Косвы — Кырье, через Павдинский камень на реку, впадающую в Лялю. По лялинскому берегу до устья Разсохиной, затем на другой берег и оттуда к речке Мостовой, принадлежащей уже к системе реки Туры. Протяженность всей дороги — 250 верст от Соликамска до Тобольска. На 1050 верст удалось сократить прежний Лозьвинский путь.

«А мостов мостили от Соликамской через речки, буераки, и грязные места до Верхотурья — поперечных семь по 50 сажен, а длинных тридцать мостов по 130 сажен».

Чтобы яснее представить себе весь объем работ, нужно сложить длину этих мостов, — она составит около 9 километров. А кроме этого нужно было еще расчистить заросшие лесом берега, загатить десятки болот... И трудно поверить, что такая дорога была построена за три года, без всяких государственных дотаций.

Сохранилась отписка Ивана Трахонтова и Ивана Неелова к князю

Дементию Григорьевичу Юшкову о том, что велено уничтожить грамоту ю царя Федора Лозьвинский городок и вместо него учредить на Верхотурской дороге Чацкое городище. Отписка датирована 11 января 1598 года. Это и есть точная дата завершения строительства дороги.

С января 1598 года бабиновская дорога становится воротами России в Сибирь.

Только в 1599 году по документам Верхотурской приказной избы прошло в Сибирь около тысячи крестьянских семей. Поселенцам выделялся семенной фонд, прибывая на место, они получали на пропитание муку, крупу и толокно, «смотря по людям и по семьям, как кому мочно до нови прокормиться».

Прибывшие в Сибирь крестьяне должны были пахать на казну в год по две десятины ржи и по четыре десятины ярового хлеба.

Начавшееся с 1598 года движение крестьян в Сибирь и предопределило будущие успехи землепроходцев. Русские крестьяне поднимаются по Енисею и Ангаре, выходят в Якутию и на Амур, достигают берегов Тихого океана, продвигаются дальше, оседлая острова, выбираются со временем и на Американский материк.

В отличие от своих современников — испанских конкистадоров, — русские землепроходцы осваивали Сибирь, не сжигая, а отстраивая новые города.

По мнению академика А. Окладникова: «...активная творческая работа по освоению Сибири велась непосредственным производителем русского общества — крестьянином, творцом материальных и духовных благ».

Путь этим землепроходцам-крестьянам и открыла дорога, проложенная соликамским крестьянином Артемием Сафроновичем Бабиновым.

Остатки бабиновской дороги сохранились и до наших дней. Невольное волнение охватывает тебя, когда поднимаешься на холм в селе Верх-Яйва Соликамского района и, приглядевшись, начинаешь различать следы старинного сибирского тракта. Спустившись под гору, он проходит через село вдоль правого берега Яйвы к перевозу, перебирается на левый, истончаясь, поднимается в гору и теряется в лесных сумерках. Там начинается Сибирь...

Пермский историк Георгий Николаевич Чагин организовал несколько лет назад экспедицию по бабиновской дороге. Вместе со студентами-историками он прошел по селам, записывая воспоминания жителей об Артемии Сафроновиче Бабинове и его потомках. По свидетельству местных жителей, последним местом проживания потомков Бабинова была деревня Кочергино, расположенная недалеко от реки Яйвы. Здесь сохранился дом Степана Ивановича Бабинова, который в 1886 году продал последние пожалованные его предку лесные угодья пермскому лесопромышленнику Бердинскому.

Судьба самого Артемия Сафроновича, хотя и не изобилует неожиданными поворотами и диковинными приключениями, тем не менее полна смысла и глубинной сокровенности. Проложив свою дорогу и исполнив тем самым великое для страны дело, Бабинов был замечен и благодетельствован московскими властями.

«Царь и Великий князь всея Руси пожаловал его Ортюшку, велел ему дати свою государеву жалованную грамоту, что на посаде у Соли Камской в Сибирские запасы и оброков никаких с него имети не велел, и велел его во всяких податях обоготить, и велел ему на той же новоочищенной дороге жати на Ейе реке на льготе и слободу устроить для проезду воевод наших и всяких людей...»

«Слободу» Артемий Сафронович тоже выстроил. В начале XVII века в этой деревеньке было шесть дворов и храм. Одновременно Бабинов занимался и усовершенствованием дороги. Отрезок дороги от Туринска до Верхотурья, шедший то одним, то другим берегом Туры, пять раз пересекал реку и был очень неудобен для летних переездов. Помогли Бабинову усовершенствовать дорогу туринские татары. С 1602 года дорога повернула на устье Тагила по левому берегу Туры. Далее теперь ехали к Верхотурью сначала южным берегом Тагила на запад, потом переправлялись и поворачивались на северо-восток.

Безусловно, в те годы, когда Бабинов был пожалован земельным участком, когда он мог беспопынно пере-

возить по своей дороге товары, для него открывались широчайшие перспективы коммерческой деятельности. Талант организатора, предприимчивость, деловая хватка — все это, как показывает строительство дороги, было в нем, но тем не менее Артемий Сафронович так и не воспользовался дарованными ему привилегиями. Закончив прокладку дороги и строительство «слободы», он снова вернулся к своему обычному крестьянскому труду.

И может быть, именно поэтому местные власти очень скоро позабыли о прежних заслугах Бабинова.

«...И ныне Соликамские посацкие и уездные люди тех прежних грамот не слушают и ево Ортюшку во всякие подати воротят с собою вместе. И платит он Ортюшка с ними по их насилиеству всякие подати 6 лет рядом и по сю пору...»

Только в 1617 году удалось Артемию Сафроновичу отстоять свои права. С января 1617 года новый царь Михаил Федорович направил в Соликамск воеводе Богдану Лупанину свою грамоту об освобождении от податей вотчины «вожа» сибирской дороги Артемия Бабинова.

Историк Г. Ф. Миллер, проезжавший по бабиновской дороге в 1724 году, писал: «Потомки этого Бабинова живут поныне в деревне Чикман в Верхотурских горах на большой дороге. Они очень гордятся заслугами своего предка и хранят у себя жалованную грамоту царя Михаила Федоровича, данную Бабинову за то, что он указал эту дорогу и сделал ее удобной для проезда...»

Дорога...

Снова вдумываясь я в великий смысл этого слова, перечитывая соликамскую летопись. Ее разыскал и опубликовал в середине прошлого века пермский краевед А. Дмитриев.

Бесхитростно перечисляет летописец события, произошедшие в крае. Построена церковь. Прибыл на воеводство новый боярин. Привезли колокол... Все события равновелики для летописца. Все они заслуживают того, чтобы быть отмеченными и закреплёнными в истории.

Но снова и снова, перечисляя события, случившиеся в округе, возвращается летописец к дороге, проложенной его земляком в Сибири.

«По указу великого государя, князя Федора Иоанновича пожалован Артемий Сафронов Бабинов за провод от Соликамска до Верхотурья и Тюмени дороги обоготить во всяких податях. Воевода был Сарыч Шестаков и сидел три лета».

Что? Какую мысль пытался выразить соликамский летописец? Чем взволновало это известие его смятенный ум, если, забывая о каноничес-

ком спокойствии и лаконичности, снова и снова повторяет одно и то же?

1598 год... Роковой в истории нашей страны год...

Гневом и карами Ивана Грозного отбуживало калитинское племя и тихо истлело угольками Федорова царствования. В 1598 году умер этот последний отпрыск династии. Умер, не оставив стране наследника. Началась на Руси смута.

Пройдет всего семь лет, и на русский престол взойдет монах-расстрига Гришка Отрепьев.

Наступил страшный для Руси 1611 год — взят поляками Смоленск, шведы в Новгороде, Псков в руках самозванца Сидорки, объятая огнем полыхает Москва, а польский отряд укрылся за стенами древнего Кремля.

Тогда и запишет эту недобрую, дошедшую до Соликамска весть летописец: «Москва и прочие города взяты. Святейший патриарх Гермоген преставился...»

Нет, не по забывчивости снова и снова повторяет летописец известие о бабиновской дороге. Вспоминать эту дорогу нужно было ему потому, что из пожара и смуты вела она, кажется, совсем в другой мир, где совсем другая хронология велась у страны.

Именно в страшные годы смуты поднимаются и расстраиваются в Сибири русские города Пелым, Березов, Сургут, Тара, Обдорск, Нарым. Именно в смутное время, нисколько не сомневаясь в крепости государства, раздвигают замечательнейшие русские люди границы державы, уходя все дальше на восток.

В 1598 году заложено Верхотурье.

В 1600 году основан Туринск.

В 1604 году — Томск.

В 1607 — Туруханск...

Поднялись в Сибири: Кузнецк и Енисейск, Ачинск и Красноярск, Канск и Ишимск, Киренск и Якутск, Олекминск и Верхоянск...

И все эти люди, которые проклады-

вали новые пути, закладывали и отстраивали города, распахивали нетронутые земли, — все они шли по Бабиновской дороге. Бабиновская дорога стала дорогой Сибири в новую эпоху.

Сам Артемий Сафронович пережил смутное время. В конце жизни ему довелось оказать еще одну услугу.

В 1619 году он бил челом государю, «чтобы государь пожаловал ему землю по Криве-реке до Камени десять верст на льготу на пять лет, пашенными местами и рыбными ловлями, и санными покосами».

Земли были пожалованы, но сразу же выяснилось, что Артемий Сафронович Бабинов, бывший, по-видимому, весьма искусным охотником, оказался, выражаясь современным языком, в одной экологической нише с местным населением.

Об этом свидетельствует жалоба, поданная иноверцами Туринского острога. Они писали, что Бабинов «завладел их вотчиной, зверя, лося, соболя, лисицы бьет, а в реках бобров выбивает, рыбу ловит, хмель дерет и им государева ясака ныне и впредь добывать стало негде и они вконец погибли».

Жалоба коренных жителей была принята во внимание, и привилегию, данную Бабинову, отменили.

Услуга же, оказанная Бабиновым государственному делу, заключалась в том, что именно из его челобитной стало известно о существовании крайне редкого на тогдашнем Северном Урале района, удобного для землепашества.

В 1621 году туда было послано со-

рок одно семейство крестьян и там выросла богатая Невьянская слобода.

Бабинов же вернулся назад на пожалованные ему земли, к проложенной им дороге, в отстроенную им слободу...

Вся жизнь Артемия Сафроновича была связана с этой дорогой. Артемий Сафронович Бабинов похоронен невдалеке от существующего и сейчас села Верх-Яйва, на старом кладбище, раскинувшемся по левому берегу реки.

На могиле Бабинова была установлена плита, но с 1914 года захоронения на этом кладбище не велись, с годами оно заросло лесом, и сейчас могила Бабинова потеряна.

С развитием Сибири менялись и дороги в Сибирь. В середине XVII века бабиновская дорога отклонилась от прежнего маршрута на Невьянскую, Рудную, Ницинскую, Киргинскую, Ирбитскую, Чубаровскую слободы. Отсюда она шла на Тюмень, и путь этот стали называть слободским.

Но по мере заселения южных районов Сибири и слободской путь утрачивал свое значение... И хотя царское правительство продолжало считать, что «из Сибири и в Сибирь многим дорогам быть непристойно», дороги возникали сами, и бабиновская дорога с годами была окончательно оставлена.

Но дорога эта исполнила свое великое дело и поэтому не должна исчезнуть из нашей памяти. Дорога соликамского крестьянина Артемия Сафроновича Бабинова — это первая русская дорога в Сибирь.

В. Коломинов

НАУКЕ ОТДАННАЯ ЖИЗНЬ

К 80-летию основания А. В. Журавским Печерской естественно-исторической станции Академии наук

Недавно научная общественность отметила 100-летие со дня рождения Андрея Владимировича Журавского — исследователя Европейского Севера России, посвятившего свою энергию и талант изучению этого сурового края.

А. В. Журавский родился 22 сентября 1882 года в семье офицера. После окончания гимназии в 1901 году он поступает на физико-математический факультет Петербургского университета, где изучает естественные науки. По окончании первого курса, увлеченный лекциями академика Ф. Н. Чернышова, призывавшего молодежь осваивать Север страны, предпринимает путешествие по Печере. Население и природа Печерского края очаровали юношу. На протяжении последующих лет учебы в университете Журавский все каникулярное время проводит в научных экспедициях, исследуя Европейский Север страны. Он изучает быт и нравы оленеводов, проводит геологические изыскания и топографическую съемку, собирает богатую коллекцию фауны и флоры побережья Ледовитого океана.

Академик Феодосий Николаевич

Чернышов, оценивая заслуги Журавского перед географической наукой, писал, что, проводя обследование Большеземельной тундры, а также реки Печеры и ее притоков, Журавский с группой исследователей испытывали невероятные трудности, их небольшое суденышко потерпело крушение. «Часть экспедиционного имущества, — пишет Чернышов, — погибла, а сами путешественники должны были перенести тяжелые физические страдания, однако, — продолжает академик, — богатые геологические коллекции, а также сборы зоологические прибыли в Петербург и ясно говорят о том, какие интересные научные результаты добыты экспедицией». Самым важным из них, по мнению Чернышова, стал научно обоснованный вывод о том, что «дислокация» Большой земли параллельна не Северной части Урала, а дислокации Тиманской и Пайхоя, удерживающейся далее на Вайгаче и в южной части Новой земли... «Установление уже этих научных фактов, — заключает академик Чернышов, — представляет большую заслугу... которая может быть оценена тем сочувствием, что все путешествие

было субсидировано всего несколькими сотнями рублей со стороны Академии наук и Минералогического общества».

О научной значимости исследовательской деятельности молодого ученого свидетельствует тот факт, что его приглашают выступить с докладом в ряде научных учреждений Академии наук. Заслуги Журавского отмечаются Географическим обществом, сначала он награждается серебряной медалью имени Пржевальского, а затем и золотой медалью. В 1908 году молодой ученый был единогласно избран действительным членом Русского географического общества.

Изучая культуру, историю, быт коренного населения Севера, Журавский одновременно осваивал языки ненецкий и народа коми. Его успехи в этом настолько значительны, что, проверив свои знания на практике, он разрабатывает сначала русско-ненецкий, а затем и триязычный русско-ненецко-коми словарь.

Изучая Европейский Север России, Журавский собрал значительное количество предметов быта и культуры коренного населения. Только в одной из экспедиций Журавским была составлена, как он писал, «первоклассная коллекция — 4 чума, 8 саний (из коих 2 роскошных свадебных), 12 меховых одежд, 6 чучел». Все это молодой исследователь передал Этнографическому музею, открытому в Петербурге. По оценке ученых материалы, собранные Журавским по этнографии ненцев, имели выдающуюся научную ценность. А сам исследователь был признан «одним из лучших собирателей России». И в настоящее время в Ленинграде в Музее этнографии народов СССР экспонируется часть коллекции, собранной А. В. Журавским.

1905 год стал поворотным в научной деятельности А. В. Журавского. Он избирается заведующим вновь

Андрей Владимирович Журавский.

создаваемой Печерской естественно-исторической станции Академии наук. Журавский уезжает в поселок Усть-Цильму и приступает к ее организационным и строительным работам. Эта станция, затерянная в необъятных просторах Печерского края, стала северным форпостом отечественной науки.

Журавский объединяет вокруг себя группу энтузиастов-исследователей и продолжает возглавлять экспедиционные работы. Молодой ученый добивается разрешения на использование в экспедициях труда политических ссыльных. С большим нежеланием архангельский губернатор уступает настойчивым просьбам Журавского, прекрасно сознавая, что находящиеся на поселении ссыльные,

уйдя на несколько месяцев в экспедицию, остаются вне поля зрения полиции.

В своих опасениях губернатор не ошибся. Питерский рабочий большевик Георгий Михайлович Шкапин, используя экспедиционные условия, сумел создать организацию РСДРП. Г. М. Шкапин, С. Н. Калмыков и ряд других ссыльных большевиков вели в Печерском крае активную пропагандистскую работу.

Ссыльные большевики оказывали значительное влияние на формирование общественно-политических взглядов А. В. Журавского. Об этом свидетельствуют письма молодого ученого. В них он вскрывает коррупцию, лихоимство, нарушение норм человеческой морали, получивших широкое распространение среди администрации и так называемых деловых людей Печерского края. В одном из писем Журавский сообщает, что в Усть-Цильме на 170 политических ссыльных 50 стражников.

В другом письме Журавский выражает возмущение отсутствием в Печерском крае медицинского обслуживания. Он приводит факты, свидетельствующие о том, что царское правительство практически обрело коренное население и ссыльных на вымирание. «На весь огромный уезд, — пишет ученый, — с населением 40 тысяч в 1908 году ассигнованы для приобретения медикаментов 52 рубля. А люди мрут от оспы, от цынги, от тифа, от родов, от экземы. В аптеке нет ни клочка ваты, ни вершка марли для перевязки, ни капли касторки, а результатом деятельности стражников являются ежедневно опасные ранения».

Сознавая, что помощи в организации медицинского обслуживания коренного населения ожидать не приходится, Журавский предпринимает отчаянный шаг. Он отвозит двух юношей — ненца Ефима Манзадея и коми Павла Павлова — в Петербург и

определяет их на фельдшерские курсы. Эти молодые люди, успешно освоив специальность, вернулись в родные края. Они первыми среди коренного населения Печерского края получили медицинское образование.

Разносторонняя исследовательская деятельность Журавского продолжает находиться под пристальным вниманием научной общественности столицы. Он часто выступает с изложением результатов своих экспедиций, сообщает об итогах экспериментов по выращиванию злаков и других сельскохозяйственных культур в суровых условиях Севера России, докладывает об открытии нефтеносных пластов в районе Ухты.

В своей научной деятельности Журавский находит полную поддержку и содействие известного географа П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Молодой ученый написал «Программу очередных срочных законодательных предложений, направленных к оживлению Крайнего Севера России». Один из главных пунктов программы предусматривал организацию «общего землеустройства полярных инородцев России (ненцев, остяков и так далее) с приведением в особое законодательство «местного права», определяющего рациональное пользование полярными угодьями». Журавский настаивал о создании специальной «инородческой администрации», призванной охранять интересы коренного населения Севера. В программе Журавского указывалось, что территориальное деление полярной зоны России необходимо проводить осторожно и продуманно, «дабы группы населения (этнографические, исторические и экономические) не подавляли одна другую».

При территориальном делении, по мнению Журавского, необходимо в первую очередь учитывать интересы коренного населения, а не переселенцев. Это, как отметил ученый, «отвечает интересам и задачам России».

Журавский постоянно боролся с купцами, всякого рода перекупщиками и спекулянтами, которые, спаивая коренное население, приобретали у них за бесценок пушнину и другие предметы промысла. Своей деятельностью он вызвал ненависть местных властей, которые тоже грели руки на обмане. Чтобы пресечь обворовывание коренного населения, Журавский предложил царскому правительству создать в северной зоне России сеть складов-магазинов, где бы по твердым ценам скупалась пушнина и продавались товары, необходимые охотникам и оленеводам. Более того, Журавский предлагает создать специальный денежный кредит для местного населения. Программа предусматривала также запрещение продажи земель, предназначенных для выпаса оленей.

В разговоре с царским чиновником молодой ученый с возмущением говорил о том, что исконные хозяева тундры — коренное население вымирает. Требуется немедленная защита его государством. На это ему ответили, что правительство не может нянчиться с каждой горсткой иногородцев. Если они не могут приспособиться к новым условиям — пусть вымирают. Журавский понял, что истребление малых народов — один из элементов внутренней политики царизма.

В области промышленного развития Европейского Севера проектом Журавского предусматривалось заложение эксплуатационных скважин в нефтеносных районах близ Ухты. В программе рассматривалась проблема создания на Севере России опытных государственных звероводческих и естественно-испытательных станций.

По возвращении в Усть-Цильму беспокойство о судьбе коренного населения Севера не покидает Журавского. В периодической печати появ-

ляются написанные ученым статьи, призывающие обратить внимание на бедственное положение ненцев, остяков и других малых народностей. Такие статьи, как «Ненецкое право», «Местное право и контроль государства», нашли живой отклик у передового общественного мнения.

Всего А. В. Журавским опубликовано в различных печатных изданиях свыше четырехсот статей. Это и результаты научных экспедиций, и публицистические статьи в защиту экологической среды и рационального природопользования.

Широко образованный ученый-патриот, поборник равноправия народов, человек удивительного жизнелюбия, таким предстает перед нами Андрей Владимирович Журавский. В самом расцвете творческих сил, на тридцать третьем году трагически оборвалась жизнь этого замечательного человека. В последний путь его провожало все население Усть-Цильмы. Ссылные большевики несли вензель с надписью: «Добровольно ссыльному (так неоднократно называл себя А. В. Журавский. — В. К.) от группы ссыльных». Не было на похоронах лишь тех, кому молодой ученый не давал спокойно жить, это — местные торговцы и перекупщики. Они не могли простить даже покойному А. В. Журавскому его дружественного отношения к коренному населению.

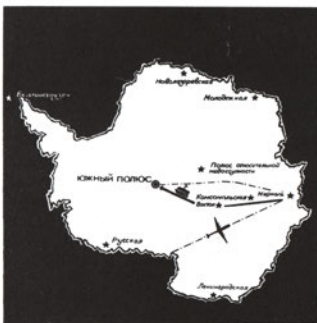
Географическое общество СССР широко отметило 100-летие со дня рождения Журавского.

В период подготовки к юбилею бывшей Усть-Цилемской естественно-исторической станции (ныне опытной станции ВАСХНИЛ по Нечерноземной зоне РСФСР) присвоено имя А. В. Журавского.

Поселок Опытное поле в 1976 году переименован в поселок Журавский. В Усть-Цильме открыт дом-музей и сооружен памятник.

Г. Черненко

КАПИТАН «ГЕРКУЛЕСА»

ТАИНА

«Блерио перелетел Ла-Манш!» «Новый рекорд высоты!» «Четыре часа непрерывного полета!» Газеты и журналы кричали о новых победах в воздухе. Шел 1909 год, зарождалась авиация. Первые аэропланы, первые авиаторы, первые рекорды.

Но все авиационные новости разом померкли, когда в сентябре 1909 года пришла весть: американский путешественник Роберт Пири после долгого и трудного похода достиг Северного полюса.

Всех взволновало это событие. Но особенно норвежского полярного исследователя Руала Амундсена. Оно перечеркивало все его расчеты, рушило все честолюбивые надежды.

Амундсен собирался сам вот-вот выйти в море на знаменитом корабле «Фрам». Этот корабль, как известно, был построен соотечественником Амундсена — Фритьофом Нансеном. На «Фраме» (по-норвежски — «Вперед») Нансен совершил героический дрейф с востока на запад через Ледовитый океан.

Подобное же путешествие соби-

рался совершить и Амундсен. Он надеялся, что полярные течения вынесут «Фрам» близко к полюсу, откуда уже нетрудно будет добраться до самой северной точки земного шара.

Таков был его план. Теперь он терял для Амундсена всякий смысл. «Чтобы поддержать мой престиж полярного исследователя, мне необходимо было как можно скорее достигнуть какого-либо другого сенсационного успеха», — писал Руал Амундсен. А в другой книге признавался: «С той же быстротой, с какой известие пролетело по телеграфному кабелю, я решил переменить фронт...»

Задуманное он держал в глубокой тайне. Лишь два человека — родной брат путешественника Леон Амундсен и капитан «Фрама», лейтенант Нильсен — знали о его намерениях.

В августе 1910 года «Фрам» покинул берега Норвегии и вышел в открытое море. «Началось наше плавание к цели, находившейся от нас в 16 000 миль, — вспоминал Амундсен. — Никем не замеченные, тихо шли мы в сумерках по фиорду».

На борту корабля находилось девятнадцать человек — восемнадцать

норвежцев и один русский. Это обстоятельство было из ряда вон выходящим. Норвежская столичная газета писала в те дни: «В числе участников экспедиции, отправившейся на «Фрам» к Северному полюсу, состоит уроженец Архангельской губернии А. С. Кучин. Он включен в ее состав вопреки постановлению стортинга (норвежского парламента), который высказался за то, чтобы названная экспедиция носила исключительно национальный характер и участники ее были только норвежские подданные. Такое нарушение сделано, благодаря исключительно способностям и таланту А. С. Кучина в области океанографии».

«ПОЛИТИЧЕСКИ НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ»

Александр Кучину шел тогда двадцать второй год. Застенчивый, немного мешковатый. Лицо открытое, доброе. Он был похож скорее на школьного учителя, чем на бесстрашного мореплавателя.

Родился Кучин на берегу Онежского залива. И дед его, и отец были моряками-поморами. Конечно, он тоже знал море с детских лет. Уже мальчишкой плавал по северным морям. Зверобой-промышленники брали его с собой на Шпицберген и Новую Землю.

Мечта стать моряком, штурманом дальнего плавания привела Кучина в Архангельское мореходное училище. Был 1905 год — время первой русской революции. Класс, в котором учился Александр, забастовал, и Кучина — активного зачинщика «беспорядков» выставили из училища.

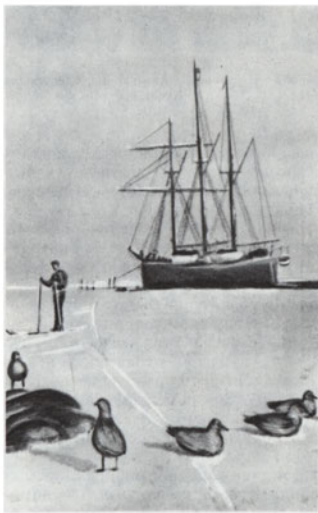
Он уезжает в Норвегию. Нанимается матросом на промысловую шхуну. Дружит с русскими политэмигрантами, помогает им издавать газету для рабочих.

Прошел год, другой. Кучин возвращается в Архангельск, и прямо в пор-

ту, едва он сошел на берег, его арестовали. Прямых улик (полиция подозревала, что он везет нелегальную литературу) не нашлось. Кучина отпустили. В одном из писем того времени Александр Степанович писал: «Наверное, слышали, как я был схвачен здесь... В питерской группе провалы. Пропало все, что было привезено из Варде».

Ему удалось восстановиться в училище и закончить его с отличием и золотой медалью. Однако у полиции он по-прежнему числится как «политически неблагонадежный». Снова пришлось ему покинуть Родину, уехать в Норвегию.

Наука об океанах и морях — океанография давно его интересовала. В Бергене Кучина познакомили с

Корабль Руала Амундсена «Фрам» в Китовой бухте.

Моряк и ученый Александр Степанович Кучин.

океанографом Бьёрном Хелландом-Хансеном. Этот известный ученый пригласил русского моряка на свою биологическую станцию.

Кучин быстро освоил секреты океанографии. Его учителю приходилось только удивляться любознательности и трудолюбию ученика из России. Вскоре Кучин был уже ассистентом, помощником, норвежского ученого. А когда стало известно, что Руал Амундсен готовится в новую экспедицию и ему нужен океанограф, Хелланд-Хансен без колебаний порекомендовал взять именно Кучина, невзирая на строгое решение норвежского парламента.

«Я, нижеподписавшийся, Александр Кучин, заявляю, что нанимаюсь в состав экипажа полярного судна «Фрам», направляющегося под командованием Руала Амундсена —

начальника экспедиции — в Ледовитый океан.

Задачей экспедиции является исследование до сих пор неизвестных областей вокруг Северного полюса. Обещаю точно исполнять все приказания, усердным и упорным трудом всемерно содействовать успеху экспедиции». Такой контракт с Амундсеном подписал Кучин 14 марта 1910 года. С этого дня он стал полноправным членом экспедиции, идущей, как он был уверен, в Северный Ледовитый океан.

В письме к отцу Александр Степанович обещал: «Буду стараться работать так, чтобы Амундсен не раскаивался в том, что взял с собой иностранца».

К ЛЕДЯНОМУ КОНТИНЕНТУ

Три недели спустя «Фрам» находился уже далеко от Норвегии, в просторах Атлантического океана. Экспедиция, как и планировалось, шла на юг, все знали, к мысу Горн, чтобы затем повернуть на север и двигаться к Берингову проливу.

Палуба «Фрама» была почти сплошь занята собаками. Довезти около сотни ездовых собак живыми и здоровыми представляло собой нелегкую задачу.

Кучин регулярно заносил в дневник свои впечатления о походе. 28 августа он записал: «Адская качка! Судно черпает воду обоими бортами, и нет возможности уснуть. В два часа ночи вышел на вахту. Хаос!»

Но были и другие дни. «Вот уже пять-шесть дней, как мы имеем ветер с кормы, — отмечал Кучин через неделю. — Чудесная погода! Температура воздуха 22 градуса Цельсия. Шапки и шерстяные рубашки заброшены куда-то. Над палубой растянуты тенты. Проходит день, и быстро, без сумерок, наступает ночь, черная,

В. А. Русанов (слева у фотоаппарата) в одной из экспедиций.

как воронье крыло, с миллионами звезд на ясном небе. С трудом находишь те знакомые звездочки, которыми любовался на севере, в Архангельске».

Первой остановкой «Фрама» должна была стать Мадейра — остров, лежащий к югу от Гибралтарского пролива, вблизи северо-западного побережья Африки. Долгожданный остров показался на рассвете 6 сентября. А еще два часа спустя за поворотом все увидели столицу Мадейры, город Фуншал, амфитеатром поднимавшийся на берегу залива. Сотни лодочников окружили незнакомое, странное судно.

Четыре дня «Фрам» простоял на фуншалском рейде — запасались водой и провизией. Жарким вечером 9 сентября начали готовиться к подъему якоря. В этот момент Амундсен вызвал всех на палубу. Сдержанный,

всегда удивительно спокойный, на этот раз он заметно волновался. Странно было и то, что рядом с начальником экспедиции стоял капитан Нильсен с большой географической картой в руках.

— Я собрал вас, — начал Амундсен, — чтобы объявить важную новость. План экспедиции изменен. Мы не пойдем к Северному полюсу. Цель наша — полюс Южный. Такая же цель у английской экспедиции, возглавляемой капитаном Скоттом. Она уже в пути. Нам придется состязаться с англичанами. Именно это обстоятельство заставило меня молчать. Я спрошу каждого: согласен ли он идти со мной?

Александр Степанович в дневнике писал: «Это известие поразило всех. Никто ничего не подозревал. Первою была мысль о родителях, что ждут дома. Но уныние скоро прошло.

Наступило какое-то опьянение. Новые мысли, новые планы, так же далекие от старых, как Южный полюс от Северного».

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ФРАМА»

До белого континента — Антарктиды оставалось еще более четырех месяцев безостановочного плавания. Амундсен планировал высидеться на ледяном барьере Росса — гигантском леднике шириной в несколько сотен километров. Пройдя вдоль него на восток, «Фрам» должен был достичь Китовой бухты. Здесь ледяной барьер значительно понижался и позволял легко переправить на него снаряжение, припасы, части деревянного дома, в котором предстояло жить участникам экспедиции.

Всю экспедицию предполагалось разделить на две почти равные партии: морскую и береговую. Первая осталась бы на «Фраме». Судно после разгрузки должно было покинуть берега Антарктиды, уйти в Буэнос-Айрес, а оттуда совершить рейс для исследования южной части Атлантического океана.

Лишь включенным в состав береговой партии посчастливилось бы участвовать в походе к Южному полюсу.

Кучин был приглашен в экспедицию как океанограф. Шансов войти в состав береговой партии у него почти не было. Но как ему этого хотелось! В дневнике 11 сентября Александр Степанович писал: «Теперь принимаюсь читать о южных полярных экспедициях. Все больше и больше хочется попасть в береговую партию, но, вероятно, не удастся. Плохо быть океанографом в подобных случаях».

В первый день нового, 1911 года, после пятидневного похода встретился айсберг — сверкающая в лучах солнца плавающая ледяная гора.

Минуло еще около десяти дней, и тогда наконец с «Фрама» увидели ледяной барьер — могучую белую стену, вздымавшуюся из моря на высоту тридцати метров.

В Китовой бухте началась разгрузка судна. Это был нелегкий труд. «Редко мы ложились раньше 11 часов вечера, а вставали уже в 5 утра, — вспоминал Руал Амундсен. — Мы все с одинаковым усердием торопились закончить работу, чтобы «Фрам» мог уйти как можно скорее».

Корабль покинул бухту в середине февраля. Кучину пришлось остаться на «Фраме» вместе с другими девятью членами морской партии, «морскими разбойниками», как в шутку их называли. «Я знал, — писал Амундсен о команде «Фрама», — что всем им, почти без исключения, было тяжело оставлять нас в такой интересный момент и уходить в плавание, чтобы долгие месяцы бороться с холодом и темнотой, льдом и бурями, а потом еще раз проделать такой же путь на следующий год, чтобы идти за нами».

Плавание из Антарктиды оказалось куда сложнее и опаснее. Идти пришлось, лавируя между айсбергами, в ночной темноте, в пургу. Потом началась полоса ураганов. Полтора месяца продолжался этот напряженный переход, пока «Фрам» не достиг мыса Горн. Отсюда до Буэнос-Айреса дошли уже легко, подгоняемые западным ветром.

«Иногда становится скучно и хочется побывать дома, — писал Александр Степанович из Аргентины, — но надо окончить этот путь на «Фраме». Осталось уже меньше года. Завтра снова уходим в море. Теперь будет научная работа — моя любимая. Может быть, ради этой-то части экспедиции я и поехал».

«Фрам» пересек Атлантический океан с запада на восток и вышел к побережью Африки. Наконец-то Кучин мог с головой уйти в исследо-

вания тайн океана. Капитан Нильсен рассказывал, как радовался русский океанограф, когда, собирая планктон, ему удавалось поймать в сеть какое-нибудь «морское чудо».

Почти три месяца длился научный рейс. Кучин вполне мог гордиться его результатами. Было пройдено более 15 тысяч километров. Проведено 60 глубоководных станций (подробных наблюдений в шестидесяти точках океана). Взято почти 900 проб воды с различных глубин и около 200 проб планктона — организмов, населяющих толщу морской воды.

Когда Фритьоф Хансен ознакомился с работой Кучина и его помощников, то с восхищением отметил, что она «в научном отношении не уступает достижениям их товарищей в стране льдов».

«Фраму» надо было опять спешить на юг, чтобы забрать береговую партию. Когда он пришел в Китовую бухту, Южный полюс был уже покорен.

Кучина «на Фраме» не было. Он покинул его в Буэнос-Айресе. У Александра Степановича кончилась отсрочка по военной службе. Требовалось возвращаться на родину.

КАПИТАН «ГЕРКУЛЕСА»

Путь Кучина в Россию лежал через Норвегию. Дело в том, что он вез с собой научные материалы экспедиции и должен был передать их Хелланду-Хансену, своему учителю и доброму другу.

Первой остановкой его стала Кристиания. Здесь он выступил на заседании Норвежского географического общества. Выступление Кучина слушали с огромным вниманием. И неудивительно: ведь это были первые вести об экспедиции, находившейся за тысячи километров. Президент Географического общества представил

Кучина королю Норвегии, и тот подробно расспрашивал русского моряка и ученого об экспедиции, о высадке ее на ледяной континент.

А потом была радостная встреча с Хелландом-Хансеном в Бергене. Кучин сам обработал доставленный научный материал и только после этого уехал на родину.

Еще в Кристиании он дал интервью корреспонденту московской газеты. На вопрос, каковы его дальнейшие планы, Александр Степанович сказал: «В России думаю быть к рождеству. Надеюсь устроиться в какой-нибудь русской научной экспедиции».

Он искал случая снова уйти в море, побывать в неизведанных краях.

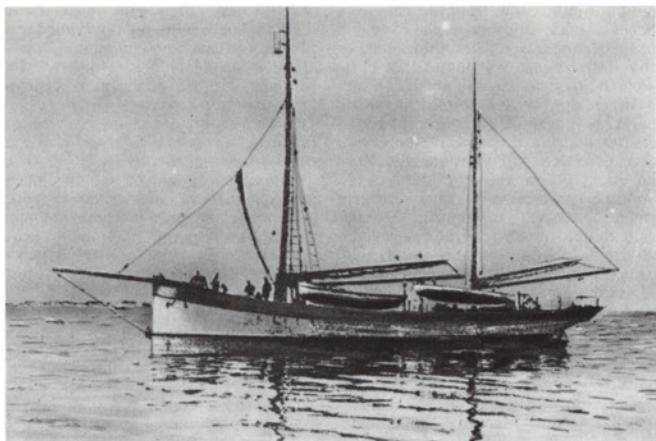
И такой случай скоро представился.

Весной 1912 года в Архангельске Кучин познакомился с полярным исследователем Владимиром Александровичем Русановым. Это был уже известный путешественник, настойчивый исследователь Новой Земли. Снова и снова отправлялся Русанов к северным островам и каждый раз делал важные открытия, привозил очень ценные научные материалы.

В ту весну, когда Кучин впервые встретился с Русановым, путешественник готовился к новой экспедиции, в этот раз на Шпицберген.

Экспедиция организовывалась русским правительством. Задачей ее было исследовать природные запасы полярного архипелага, в то время еще никому не принадлежащего, и установить в местах угольных залежей особые, заявочные, столбы. Они должны были указывать, что право добывать уголь здесь принадлежит русским.

Намечая план похода, Владимир Александрович писал: «Для дружной и успешной работы весьма важно, чтобы экспедиция составлялась из лиц, подходящих друг другу, интересующихся самим делом и по возмож-

«Геркулес» — судно экспедиции В. А. Русанова.

ности знакомых с условиями плавания в полярных водах.

В качестве помощника я могу предложить только одно, в данном случае, по моему мнению, самое подходящее лицо Александра Степановича Кучина. С чувством глубокого удовольствия могу сообщить, что по телеграфу я уже заручился согласием этого молодого и энергичного ученого.

Кучин должен был выполнять и роль капитана. Русанов писал: «Капитан Кучин очень хороший и знающий человек».

Теперь следовало приобрести подходящее судно. Русанов с Кучиным уехали в Норвегию и там после долгих поисков купили наконец небольшую моторно-парусную двухмачтовую шхуну «Геркулес».

Русанов был весьма доволен приобретением. «Ну, я вам скажу, такое славное суденышко, что лучшего и

не найти! — писал он в Петербург. — Мотор работает совершенно исправно, ровно. Парусность огромная, ход великолепный!»

В Норвегии же заказали недостающий такелаж, купили палатки, каяки (легкие лодки), оружие, патроны.

Дав указание Кучину вести судно в Александровск-на-Мурмане, Русанов спешно едет в Париж, чтобы закупить необходимые приборы, отсюда — в Петербург. В июне он был уже в Александровске, где его ждали участники экспедиции.

«Сегодня я пересяду на свое судно «Геркулес», — писал Владимир Александрович матери. — Все готово к отъезду, все хорошо подготовлено, нас — четырнадцать. Если до ноября не возвращусь, значит, мы зимуем во льдах. Будьте покойны за нас!»

26 июня 1912 года «Геркулес» вышел в море.

«ИДУ НА ВОСТОК»

Около недели шли под парусами. Кучин умело вел судно. Штормило, но «Геркулес» уверенно боролся с волнами. Потом ветер стих. Море окутал густой туман. Кучин отдал распоряжение пустить в ход мотор, и «Геркулес» двинулся дальше, уже не торопясь, осторожно. Цель экспедиции была близка.

Остроконечные горы Шпицбергена показались утром 3 июля. Все высокими на палубу. «Стояли молча, как замороженные, — вспоминал один из участников экспедиции, — и только изредка раздавались восторженные короткие восклицания».

Картина была действительно чарующая. Горы то выплывали из облаков, то терялись в дымке. Сверкали на солнце ледники. Они, словно белые застывшие реки, извиваясь, сбегали к темно-синей воде.

Двигаясь от залива к заливу, «Геркулес» обошел остров Западный Шпицберген почти вокруг. Иногда льды блокировали судно, но капитан искусно выводил его на открытую воду.

Полтора месяца крейсировали вдоль берегов Западного Шпицбергена. Были разведаны многочисленные месторождения и поставлены заявочные столбы, собраны богатые коллекции.

Кучин проводил океанографические исследования, успевая быть и капитаном, и ученым, и помощником начальника экспедиции.

В середине августа Русанов отправил в Петербург, в Министерство внутренних дел, телеграмму: «Исследования на Шпицбергене закончены, вся программа выполнена... Много льдов. Иду на восток».

Их было четырнадцать, когда они работали на Шпицбергене. Осталось одиннадцать. Трое — горный инженер Р. Л. Самойлович (он уже выполнил свою роль) и двое больных —

уехали на пароходе, прибывшем в Гринхарбор (Зеленую гавань).

«Перед расставанием, — вспоминал Самойлович, — я долго беседовал с Русановым и Кучинным и убеждал их не рисковать зимовкой в полярных странах. С моими доводами соглашались как Русанов, так и Кучин, причем последний сказал буквально следующее: «Зарываться в лед ни в коем случае не будем и при первой грозящей нам опасности повернем обратно». Самойлович писал о Русанове: «Цель его дальнейшего путешествия мне была не совсем ясна».

Да, план свой Русанов держал в секрете. Ни его петербургское начальство, ни даже родные не знали ничего. Единственным человеком, кто, несомненно, знал о секретном плане, был капитан «Геркулеса» Александр Степанович Кучин.

Пройти Великим Северным морским путем с запада на восток, достичь Берингова пролива и выйти в Тихий океан — вот о чем давно мечтал отважный путешественник. Те, кто внимательно читал составленный им план шпицбергенской экспедиции, могли заметить намек. Путешественник отмечал, что смотрит на эту экспедицию, «как на небольшую первую пробу», что в дальнейшем на том же судне можно «пройти Сибирским морем из Атлантического в Тихий океан».

В то время держать свои планы в секрете было не таким уж редким случаем. Тайно ушел в поход Северо-западным морским путем, убежал от кредиторов, Руал Амундсен. Тайно отправился он к Антарктиде.

Русанов и Кучин знали, что совершить переход Северным морским путем петербургское начальство им не разрешит. Оставалось одно: уйти на свой страх и риск. А риск, они это хорошо понимали, был огромным. «Ждите вестей от экспедиции не раньше октября», — сообщал

Русанов в Петербург, покидая Шпиц-берген.

Он считал, что наиболее легким может быть путь мимо северной оконечности Новой Земли, мыса Желания, вдали от берегов Сибири. Именно туда и направил Кучин судно.

Сильнейший шторм нарушил планы. «Геркулес» был снесен к южному острову Новой Земли. В ненецком становище Маточкин Шар Русанов оставил телеграмму, которая только спустя месяц попала в Петербург. Он писал: «Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, отсюда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы».

Никаких вестей с «Геркулеса» больше не поступило. Судно и люди исчезли во льдах.

ИМЯ НА КАРТЕ

Более двадцати лет никто ничего не знал о пропавшей экспедиции. Летом 1934 года у западного побережья Таймыра работали советские топографы. Море здесь усеяно островами и островками. Район — труднодоступный и безлюдный. Климат — суровый.

На один из безымянных островов был высажен топограф А. П. Гусев. В центральной части острова он заметил столб высотой около двух метров. Подойдя ближе, Гусев увидел короткую надпись, аккуратно вырезанную на столбе: «Геркулес 1913 г.» Столб был обложен камнями. Рядом стояли поломанные старые нарты, валялась металлическая крышка от патронного ящика. Гусев разрыл камни, но никакой, даже самой короткой записки не обнаружил.

Прошло около месяца, и топограф той же экспедиции М. И. Цыганок

на другом острове, в ста километрах от первого, сделал еще более удивительную находку.

На прибрежной гальке Цыганок нашел смерзшиеся клочки одежды, испорченный непогодой фотоаппарат, компас, часть дробового ружья, патроны. Главное же, среди этих вещей имелись документы членов русановской экспедиции, матросов А. С. Чукчина и В. Г. Попова.

Значит, на острове, где был найден столб (остров получил название Геркулес), и на другом, где были обнаружены вещи (его назвали островом Попова—Чукчина), находились когда-то русановцы.

На этих островах поиски велись потом неоднократно, и всякий раз обнаруживались все новые предметы: кружки, ложки, серебряные часы с выгравированной надписью: «Попов», консервные банки, перочинные ножи, обрывки рукописи В. А. Русанова. Всего около двухсот вещей!

Одна из них, наверное, принадлежала Кучину. Это — латунный якорек, сплетенный со штурвалом. На фотографии капитана видно, что такие якорьки были когда-то на погонах его форменной куртки.

Небольшой безымянный остров в этом же районе был назван в честь капитана «Геркулеса» островом Кучина. Здесь гидрографы обнаружили остатки шлюпки, которая по всем признакам принадлежала русановцам.

Это были очень важные находки, но тайну экспедиции они не раскрыли.

Почему русановцы бросили даже очень нужные вещи — оружие, патроны? Какая трагедия разыгралась в ледяных просторах?

В 70-е годы поиски продолжались. Тщательно были осмотрены побережье Таймыра на протяжении 2 тысяч километров и более двадцати островов.

Открытия были сделаны поразни-

тельные. На острове Песцовом и рядом с ним под водой лежали части небольшого судна. Экспертиза показала, что они могли принадлежать «Геркулесу».

На оконечности узкого мыса к западу от полуострова Михайлова экспедицией открыта еще одна, третья, стоянка русановцев, их вещи: патроны, карманный барометр, пуговицы, оправы от очков, наконецник багра.

И эти находки лишь приоткрывают завесу над тайной. Они позволяют лишь строить гипотезы, предположения.

Поиски будут продолжаться. И кто

знает, возможно, лежат на каком-нибудь островке путевые дневники Русанова, Кучина, ждут новых следопытов.

Потомки не забыли отважных путешественников. Не забыт и капитан «Геркулеса». В далекой Антарктиде именем Кучина названы ледник и горный пик. В Арктике кроме острова у побережья Таймыра имя Кучина присвоено одному из островов в архипелаге Земли Франца-Иосифа. На Новой Земле есть мыс Кучина. Имя капитана «Геркулеса» носит учебное судно Архангельского мореходного училища.

Потомки помнят.

ЗЕМЛЯ ВРАЩАЕТСЯ МЕДЛЕННЕЕ

Дневные и месячные кольца, обнаруженные на ископаемых кораллах, позволили установить, как в разные геологические эпохи менялась скорость вращения Земли. Оказывается, в каменноугольном периоде сутки на нашей планете длились на несколько секунд меньше, чем сейчас. Другими словами, Земля постепенно замедляет свое вращение. Но не стоит беспокоиться, что наступит день, когда она совсем остановится. Если это произойдет, то не раньше чем через несколько миллиардов лет.

«...Цель моей жизни достигнута. Более 20 лет я отдал на ее достижение. Произведя тщательное измерение, я нашел точку полюса и водрузил на нем шелковый флаг. Странное чувство — стоять у точки, в которой в какую бы сторону я ни сделал шаг, — будет шаг на юг...» — записал 6 апреля 1909 года Роберт Пири. Специальная комиссия, проверив данные Р. Пири, установила, что Пири полюса не открыл. Пири ошибся, он достиг $88^{\circ} 33'$ с.ш. До полюса остался $1^{\circ} 30'$. Причина — испорченный хронометр. Но так как Пири 30 часов пробыл у полюса, производя наблюдения и пересекая околполюсный район, и в то же время мог пройти до полюса, то комиссия посчитала возможным признать, что Роберт Пири открыл Северный полюс.

То, что в течение веков являлось мечтой всего человечества, было осуществлено отважной четверкой советских полярных исследователей в 1937 году, задачей которых было не только формальное достижение Северного полюса, но и научное исследование и изучение прилегающих к полюсу районов.

Северный полюс — это единственная точка Северного полушария, которая не участвует в суточном вращении Земли вокруг ее оси. Здесь нет суточной смены дня и ночи, нет долготы, нет восточного, западного и северного направления, а любая точка на поверхности земли всегда расположена по отношению к ней только в одном направлении — южном.

Н. Корежин

АТЛАНТИДА НА ДНЕ ОКЕАНА

Была ли Атлантида? Вот вопрос, который задает себе каждый, прочтя статью или книгу о ней. На этот вопрос пытались ответить многие ученые, освещая проблему многосторонними изысканиями возможных доказательств ее былого существования. Об Атлантиде написано много книг и статей научного, художественного и фантастического характера. Одной из таких фантастик является «Маракотова бездна» Конан Дойла. К художественным произведениям относятся «Учителя учителей» Брюсова и «Змеинные цветы» Бальмонта. К научным книгам относятся «Атлантида» Жирова и «Атлантида» Зайдлера. Многие считают, что об Атлантиде нельзя написать научной книги, так как сама Атлантида является будто бы выдумкой древнегреческого философа Платона. Такая точка зрения неправильна. Почему? Да просто потому, что об Атлантиде после Платона писали многие ученые и находили достаточно необходимых доказательств в пользу продолжения научных дискуссий на эту тему. Закрывать тему об Атлантиде в науке, подобно теме о вечном двигателе,

оказалось невозможным. Значит, есть в этой легенде что-то реальное. Что же именно реальным можно считать в этой легенде? Конечно же не Атлантиду, существование которой до сих пор никем не доказано. Так что же в таком случае? Постараемся найти это реальное в легенде.

В диалогах Платона «Тимей» и «Критий» содержится много конкретных данных. В них говорится о том, что Атлантида находилась в Атлантическом океане. Восточная часть острова располагалась недалеко от Гибралтарского пролива, а северная часть оканчивалась на параллели современного города Кадиса. Можно ли доказать реальность, правдоподобность слов Платона, если ныне такого острова нет? Очень многие считают, что доказать реалистичность утверждений Платона невозможно, однако это не так. В Атлантическом океане близ Гибралтарского пролива имеется много мелких островов, подводных гор, поднимающихся почти к самой поверхности океана, морских банок (мелей) большой протяженности на небольшой глубине. Это говорит

СТОЛИЦА АТЛАНТИДЫ

ПЛАТОН

СОЛОН

о том, что здесь действительно мог быть очень крупный остров или архипелаг. Вот если бы на этом месте было сплошное ровное океанское дно на большой глубине, это было бы опровержением утверждений Платона, что здесь некогда был остров. Значит, восточная часть острова у Платона показана весьма правдоподобно.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с северной оконечностью острова. Если взять карту (физическую), то мы увидим, что в океане севернее параллели Кадиса располагаются две глубоководные котловины — Лиссабонская и Иберийская. Они начинаются многокилометровым обрывом, почти вертикальным. Значит, северная часть острова, если он существовал, действительно оканчивалась у начала этих глубоководных котловин. Вот если бы Платон написал, что владения второго близнеца (первым близнецом был знаменитый полубог Атлас) доходили, предположим, до нынешнего Лиссабона, вот тогда написанное Платоном было бы абсолютно неправдоподобно, нереально, лживо, ведь эти котловины существуют много миллионов лет.

Владения Атласа располагались южнее Гибралтарского пролива. Ныне там находятся Канарские острова, и значит, и здесь слова Платона оказываются более или менее правдивыми. Именно в этой части острова Атлантида жила мать Атласа, туземная женщина Клито, владения которой унаследовал Атлас. Правдоподобие легенды усиливается тем обстоятельством, что горы в Африке называются именем Атласа, а народ, живший на Атлантическом побережье у Атласских гор, назывался атлантами еще во времена древнегреческого историка Геродота, а само море на западе от Африки называлось Атлантическим с древнейших времен. Почему и кем назван был океан Атлантическим, до сих пор никому не удалось объяснить.

Атлантический океан носит имя полубога Атласа, который в одной из ливийских легенд фигурирует в качестве короля ливийцев. Если поверить этой древней легенде, то окажется, что Атлас царствовал не только на острове, но и в Ливии (так называлась в древности вся Северная Африка). И это соответствует тексту легенды Платона, так как в ней сказано, что власть атлантов распространялась на всю Ливию вплоть до нынешнего Египта. Таким образом, слова Платона не противоречат древним ливийским легендам. Конечно, Платон мог выдумать Атлантиду, но все, о чем только что говорилось, и многое другое, о чем речь пойдет впереди, он выдумать не мог. Вот в чем состоит истинная суть легенды Платона.

Следует, очевидно, и дальше сопоставить то, что есть в сочинениях Платона об Атлантиде с тем, что есть на самом деле.

Платон утверждает, что за островом Атлантида в океане было много мелких островов, до которых легко было добраться с этого острова, а с тех островов открывался доступ ко всему противоположному материку. Если мы посмотрим на физическую карту, то увидим, что в океане имеются Азорские острова, которые некогда являлись частью Атлантиды, за Азорскими островами располагаются Бермудские острова, Малые Антильские острова, недалеко от Южной Америки и ныне сохранились скалы Сан-Пауло. А много тысяч лет назад могли существовать и другие острова, так как в океане и ныне еще есть многие подводные возвышенности, которые 12—15 тысяч лет назад могли выходить на поверхность. Значит, и в отношении многочисленных островов на широких просторах океана слова Платона также подтверждаются, то есть оказываются вполне правдоподобными. А если учесть, что в то время уровень

океана был ниже на 200—300 метров, как установлено современной наукой, то правдоподобность слов Платона еще более усиливается. Однако это не все. Время существования Атлантиды, по легенде, приходится на последний ледниковый период, когда материка были покрыты льдами мощностью в 2—3 километра (большая часть Северной Америки, почти три четверти Европы, вся Сибирь, огромные горные массивы в Азии — Тянь-Шань, Памир, Гималаи, Тибет). Материки под ледниковой нагрузкой опустились на 400—700 метров в магму и выдавили из-под себя 20 миллионов кубических километров магматического расплава, который выдавил вверх, приподнял океаническое дно вместе с подводными горами (срединно-океаническими хребтами) на многие сотни метров. Это говорит за то, что в океане могли существовать многочисленные острова в то время, когда, согласно Платону, существовала Атлантида. Зная современные достижения науки, очень трудно, почти невозможно не поверить в правдивость легенды. Конечно, Платон не знал и не мог знать, что в то далекое время материка были покрыты льдом, а воды океана имели более низкий уровень; не мог он предполагать и неизбежное при этом поднятие океанического дна вместе с подводными горами (срединно-океаническими хребтами), о существовании которых ученые узнали совсем недавно. Таким образом, современная наука не опровергает Платона, а делает его слова еще более правдоподобными.

Вот почему многие ученые вполне серьезно относятся к этой легенде и считают необходимым изучать дальше все, что имеет к ней отношение, прямое или косвенное, все, что еще ее подтверждает.

Противники Атлантиды всего этого не желают знать. Они продолжают

утверждать, что Платон все выдумал, а все совпадения, о которых только что шла речь, являются досужим вымыслом сторонников Атлантиды, а в лучшем случае — простой случайностью. Они утверждают, что если пожелать, то можно доказать правдоподобие и истинность многих сказок. Оказывается, что убедить противников легенды Платона в реальности любого ее элемента просто невозможно. Более того, невозможно добиться снисходительного отношения к ней как к своего рода гипотезе.

Можно ли убедить человека в том, что Атлантида действительно существовала? Вот вопрос, на который надо дать ответ. И следует, пожалуй, ответить в том смысле, что это очень сомнительное дело. В самом деле, сегодня человек, прочтя одну статью, скажет, что она убедила его в существовании Атлантиды в Атлантическом океане, а потом он прочтет другую статью, в которой доказывалось, что Атлантида существовала в Эгейском море, и скажет, что и эта статья его убедила. Третья прочтенная им статья убедит его в том, что никакой Атлантиды вообще не существовало. Поэтому не следует человека убеждать в чем бы то ни было. Вот почему всякое не вполне достоверное знание в науке рассматривается лишь как гипотеза.

Продолжим, однако, наш экскурс в Атлантику по тексту легенды Платона. Следует отметить, что легенда об Атлантиде была забыта человечеством примерно в VI веке и вспомнили ее через тысячу лет, лишь после открытия Америки. Почему же о ней заговорили после тысячелетнего молчания? И почему заговорили после открытия Америки, а не после открытия Австралии или Антарктиды? Да именно потому, что в легенде об Атлантиде ничего не говорится о таких материках, как Австралия и Антарктида, а вот об Американском континенте сказано ясно

и отчетливо, что находится он по другую сторону океана, на его противоположной стороне, что этот материк лежит напротив Африки и Европы и что не океан со всех сторон окружает его, а этот материк окружает, ограничивает, охватывает океан. И когда была составлена карта открытой Америки, то оказалось, что конфигурация Американского континента (Северной, Центральной и Южной Америки) напоминает форму дуги, как это и описано у Платона. Так что же выходит, что Платон знал о существовании Америки за 1850 лет до открытия ее Колумбом? Конечно, нет. Едва ли Платон верил в то, что писал. Выходит, правы те, которые утверждают, что Платон все выдумал, в том числе и Американский континент? В этом надо разобраться. Платон не мог выдумать Америку и тем более не мог ее открыть. Описание Америки у Платона ясное и отчетливое, полностью совпадающее с действительностью. Слова Платона о том, что с мелких островов открывался доступ ко всему противоположному матерiku, охватывающему океан, настолько емки, содержательны и конкретны, что современные писатели должны диву даваться. Ведь в этих словах ясно и отчетливо вырисовывается гигантский материк. Значит, Платон в этом описании использует какой-то очень древний текст. Получается из этого описания такое впечатление, что этот гигантский материк полностью перегораживает океан. Именно такое впечатление произвел этот древнейший текст на римского историка Страбона, который считал невероятным существование столь длинной полосы земли, которая перегораживала бы океан на две части и делала плавание из Европы в Азию через Атлантический океан невозможным. В действительности так оно и оказалось. А ведь Страбон в глаза не видел карты этого континента, не то что мы с вами.

Что ни говорить по этому поводу, одно становится ясно: выдумать такое невозможно. Кто-то когда-то все это знал.

Таким образом, описание заокеанского материка и Атлантического океана в легенде Платона вполне достоверно и не противоречит тому, что мы о них знаем. Следует поэтому задаться вопросом: а нет ли в легенде чего-либо достоверного, относящегося к самой Атлантиде? Оказывается есть. Это — дата гибели Атлантиды.

Платон ведет повествование от лица ученого-жреца, главного жреца богини Найт в городе Саисе, древней столице Египта. Жрец говорил, что, согласно древним манускриптам, в которых записана эта легенда, Атлантида погибла тогда, когда еще и Египта не было, и случилось это десять тысяч лет назад. Жрец рассказывал все это не Платону, а знаменитому древнегреческому законодателю Солону, совершившему путешествие в Египет в 570-х годах до н. э. Следовательно, Атлантида погибла за 9570 лет до н. э., то есть 11 550 лет назад. По словам жреца, причиной ее гибели было величайшее из всех времен наводнение, или всемирный потоп, чудовищной силы землетрясение, от которого Атлантида разрушилась и погрузилась под воду, и колоссальная вулканическая деятельность, от которой все море покрылось продуктами извержения вулканов.

Вполне справедливо задать вопрос: не слишком ли много причин, чтобы объяснить гибель одного острова в океане? Жрец явно перехватил через край, чтобы сделать картину гибели Атлантиды наиболее красочной, впечатляющей, трагической. Прямо вот бери кисть и рисуй огнедышащие вулканы, вздымающиеся над морем волны и раскаляющийся на части остров. Так уж все это похоже на страшную сказку,

что и верить не хочется этому 90-летнему согбенному и умудренному жизнью старцу, ни одному его слову.

А оказалось, что все это истинная правда и все это действительно было примерно 11—12 тысяч лет назад: и грандиозное наводнение, и мощные извержения вулканов, и чудовищное землетрясение. Все это установлено и датируется этим же временем современной наукой, именуемой морской геологией. Исследование дна Атлантического океана показало, что многие его участки опустились более чем на два километра. Значит, это было действительно чудовищной силы землетрясение. Куски лавы, поднятые со дна океана и исследованные в лабораториях, образовались 10—12 тысяч лет назад во время извержения вулканов. К этому же времени относится образование многочисленных вулканов на дне Атлантического океана. К этому же времени относится интенсивное таяние льдов, покрывавших толстым слоем материки. Уровень океана поднялся на 200 мет-

ров и затопил на всей планете многочисленные острова, равнины, долины и некогда существовавшие высокие морские берега и все, что было на них: цветущие поля, города, порты, селения, стада прирученного скота. Величайшее бедствие постигло планету при таянии льда на материках, и в памяти человечества оно сохранилось под названием всемирного потопы. И о всех этих бедствиях человечества правдиво повествовал египетский жрец древнегреческому государственному деятелю Солону. И никто в Греции этому не верил, не верили ни согбенному египетскому жрецу, ни старчески дряхлому Солону.

Многие не верят этому и сейчас. Однако наука говорит другое, она утверждает, что в памяти человечества могут сохраниться очень древние истории, передаваемые из уст в уста и бережно хранимые сотнями поколений. И одна из таких древних историй дошла до нас в легенде об Атлантиде.

ЛЕТОПИСЬ «ГЛОБУСА»

ОНА ОСУЩЕСТВИЛА МЕЧТЫ СВОЕЙ ЮНОСТИ

Ольга Александровна Федченко
(1845—1921)

В первые годы Советской власти научные сотрудники Ботанического сада в Ленинграде описали новое растение Центральной Азии и назвали его *Olgaea iljin* в память о своей выдающейся соотечественнице Ольге Александровне Федченко.

Кто же была эта женщина? За какие заслуги было увековечено ее имя?

Ольга Александровна родилась 18 ноября 1845 года в Москве, в семье профессора Московского университета Александра Осиповича Армфельда. Ее матерью была Анна Васильевна Дмитревская. Предки Армфельды стали жить в России в начале XVIII века. Они были приглашены на службу Петром I. Интересы Ольги, ее брата Николая и сестры Натальи складывались не без влияния ученой среды одного из лучших университетов страны.

Уже во время учебы Ольга проявила большой интерес к изучению природы. Воспитатели отмечали у нее талант художницы. Всю жизнь ею владели две страсти: наука и изобразительное искусство. Собранная ею в шестнадцатилетнем возрасте коллекция насекомых вошла в состав опубликованного «Списка двукрылых Московского учебного округа». А ее главным занятием стало изучение растительности Московской губернии.

В 1867 году Ольга вышла замуж за Алексея Федченко. Познакомились они в кружке молодых ученых при Московском университете, которым руководил профессор Н. П. Богданов. Именно из этого кружка в 60-е годы прошлого века возникло научное Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В 1868 году молодые ученые отправились в путешествие в Финляндию и Швецию для сбора антропологического материала и гербария. По возвращении участвовали в I съезде русских естествоиспытателей, который проходил в Актовом зале Петербургского университета. На этом съезде естествоиспытатели объединились и поставили перед собой задачу исследовать природу России и пропагандировать естественно-научные знания. В этом же году Ольга и Алексей Федченко побывали в Италии и Австрии, где изучали крупнейшие ботанические коллекции.

А в конце 1868 года произошло событие, определившее дальнейшую научную жизнь Ольги. Московское общество любителей естествознания поручило Алексею Федченко возглавить экспедицию в Туркестан, в долину реки Зеравшан. 23 октября, в слякотную, дождливую погоду молодые ученые выехали из Москвы и в начале января 1869 года уже добрались до Самарканда.

Могли ли они представить ту жизнь, что ждет их впереди, какие трудности встанут на их пути? Вряд ли: ведь в то время Туркестан был мало изучен. Поездка в этот далекий, неизвестный край требовала не только серьезной научной подготовки, больших материальных затрат, но и личного мужества, готовности к лишениям и опасностям ради науки. Экспедиция начала работать в сложной обстановке. Для ее охраны была выделена сотня казаков с артиллерией. Некоторое время сотней командовал известный впоследствии герой русско-турецкой войны за освобождение Болгарии в 1877—1878 годах генерал Скобелев.

Путешествие по стране с поразжающими воображение красотой картинами природы и своеобразным культурой произвело на Ольгу Федченко неизгладимое впечатление. Она любила этот край. Все, что было важно и

достойно внимания в растительном и животном мире, путешественница запечатлела в рисунках. Они были опубликованы как иллюстрации к описанию этого путешествия.

Собранная ею богатейшая коллекция растений положила начало изучению флоры Туркестана. Эта работа принесла ей мировую известность. Федченко мужественно переносила трудности путешествия, столь необычного для женщины, особенно в те годы: длительная езда верхом, походы в горы, чуждая обстановка и опасности. Ольге Федченко приходилось бороться не только с тяготами походной жизни, но и преодолевать предубеждения некоторых людей, которые считали, что женщина не имеет право на занятия научной работой.

Много лет спустя один из участников Туркестанской экспедиции Д. Л. Иванов рассказал о враждебном отношении к ней некоего «знатока» края капитана Гребенкина. «Прибытие семьи Федченко произвело сенсацию в военном лагере, — вспоминал Иванов, — и вызвало немало разговоров: уже то, что ученые являлась женщина-путешественница, было огромной новостью для края. Гребенкин предсказывал полную неудачу ее поездок. Всех смущало появление женщины».

Однако буквально через несколько дней предубеждение, с которым встретили Ольгу Федченко в экспедиции, растаяло. Всех подкупала ее скромность, доброта, работоспособность.

Ольга Федченко ловко и быстро ездилась верхом. Переходы в горах по карнизам и тропкам совершала спокойно, не боясь опасности. Как писал Алексей Федченко, когда при частых поворотах дороги в горах на карту нужно было наносить маршрут экспедиции, не вызывая при этом подозрений и враждебности местных жителей, бусоль переходила в руки Ольги Александровны как менее вызывающей сомнение относительно ее занятий. Когда же путешественники попали в ущелье у озера Кули-калан в засаду вооруженных горцев, Ольга Федченко приняла участие в стычке как сестра милосердия: делала перевязки, ухаживала за ранеными. В отличие от некоторых военных, она была спокойна в ту тревожную ночь, пока не подошли на помощь основные силы конвоя.

С 1869 по 1871 год Ольга и Алексей Федченко во время четырех экспедиций по Туркестану (по Зеравшанской долине, к озеру Исхандеркуль, в пустыню Кызыл-кум и по Ферганской долине до Заалайского хребта) собрали гербарий из 1500 видов растений. Участие Ольги Александровны в трудах экспедиции было велико: кроме забот о ботанической коллекции и зарисовок типичных пейзажей она собирала и препарировала насекомых, вела переписку с русскими и зарубежными учеными, этикетировала коллекции.

Во время последней экспедиции по Турке-

стану Алексея и Ольги Федченко в 1871 году был открыт Заалайский горный хребет. Ученые рассчитывали, перевалив через него, пойти дальше на юг. Впереди уже была видна Крыша мира — Памир, новая загадочная страна. Но материальные трудности: отсутствие денег, продуктов, специального снаряжения — помешали достигнуть желаемой цели. Чтобы продолжить путешествие по Памиру, нужна была и дополнительная научная подготовка. Алексей Федченко решил предпринять провести изучение ледников в Альпах. Молодые ученые горячо желали продолжить путь к Памиру позднее. Однако их мечта не осуществилась.

В последующие годы после экспедиции Ольга Федченко пережила много несчастий. В 1873 году в Альпах во время подъема на Монблан в 29-летнем возрасте погиб выдающийся русский путешественник Алексей Федченко. Ольга Александровна осталась с восьмимесячным сыном. Теперь, несмотря на тяжелое горе, ей пришлось работать за двоих. Она принялась за издание трудов и описание коллекций, собранных во время трехлетней экспедиции по Туркестану. Лишь благодаря настойчивости, необыкновенной энергии и целеустремленности, несмотря на материальные затруднения, она подготовила к выходу в свет 24 выпуска «Трудов Туркестанской экспедиции», поставив на обложке имя Алексея Федченко.

Исключительная скромность и преданность делу, которое она начала вместе с рано погибшим мужем, проявились и в том, что последующие десятилетия своей жизни Ольга Федченко посвятила воспитанию сына, впоследствии советского ботаника и академика Б. А. Федченко. Она вела сына дорогой отца — выдающегося русского естествоиспытателя.

Впрочем, в 70-е годы XIX века на ее семью обрушились и другие беды. В 1874 году в одной из деревень Орловской губернии была в первый раз арестована ее младшая сестра Наталья Армфельд. Подруга революционерки Софьи Ковалевской, талантливый математик, она после возвращения из Гейдельбергского университета «пошла в народ». За участие в политических выступлениях был арестован и брат Николай. Он был посажен в тюрьму, где вскоре скончался от чахотки.

Наталья Армфельд в 1877 году по окончании ссылки в Костромской губернии перешла на нелегальное положение и вошла в состав народнической организации на Украине. В следующий раз в Киеве в феврале 1879 года она была вновь арестована и приговорена к пятнадцати годам каторжных работ на Каре.

Наталья Армфельд послужила прообразом революционерки в романе Льва Толстого «Воскресение». Писатель был хорошо знаком с ее семьей и неоднократно в письмах просил передавать ей поклон. Прочитав переписку Натальи Армфельд, Толстой готов был приз-

нать вынужденность народнического террора. Такую же позицию занимала и Ольга Федченко.

В ссылке Н. А. Армфельд встречалась с американским писателем Джорджем Кеннаном. Она свободно владела английским языком и поведала ему правду о карательной политике царизма. Материалы их бесед вошли в книгу Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка». Смерть в 1887 году на Каре любимой сестры стала новым потрясением для Ольги Федченко. И все же она не оставляет намеченного пути.

Рос сын, она не могла уезжать в далекие путешествия. Все научные работы Федченко вела на ботаническом материале Московской губернии, в том же Можайском и Серпуховском уездах, где когда-то в молодости собрала свой первый гербарий. Флористические исследования в Можайском уезде были в основном завершены ею к началу 90-х годов XIX века. Результаты были опубликованы в *Popular Science News*, а список мхов — в «Трудах Петербургского ботанического сада».

Сын вырос, поступил в университет, тоже стал увлекаться ботаникой. Появилась возможность брать его с собой в дальние путешествия. Теперь научные исследования они вели вместе. В 1891—1894 годах Ольга Федченко работала с Борисом в экспедициях на Урале, Кавказе, в Крыму.

Приблизительно в эти же годы у нее возникает ценная в научном отношении мысль, которая вскоре была реализована. Она решила не ограничиваться лишь сбором растений и изучением их в сложной экспедиционной обстановке. Федченко задумала создать под Москвой сад для акклиматизации южных и восточных растений, что дало бы возможность ученым наблюдать их в живом виде, не отправляясь в далекие экспедиции. В 1895 году и был создан сад, ставший главным местом ее работы в последние годы жизни.

Создание сада потребовало громадных усилий. И все же «результаты этой неустанной работы давали ей высокое наслаждение, — рассказывал о ее жизни и работе в те годы Б. А. Федченко. — Видеть у себя дома своих туркестанских любимцев — эремусы, ирисы, тюльпаны, вводить новые растения, описывать или давать другим ученым материалы для критического осмысления — вот что доставляло Ольге Александровне наивысшее наслаждение. Ее Сад — в особенности благодаря рассылаемым ею редкостным семенам был известен не только в России, но и за границей».

Однако, создав сад для акклиматизации, Федченко не забыла, что осталась еще давно намеченная, но до сих пор не выполненная задача, о которой когда-то они мечтали с

Алексеем Федченко: подняться на Крышу мира.

Наступил 1897 год. После долгого перерыва Ольга Александровна возвратилась в Туркестан. Изучение флоры она продолжила в районе Западного Тянь-Шаня. В третье путешествие в Туркестан в 1901 году Ольга Федченко отправлялась из Петербурга, куда она перебралась на жительство. К этому времени, когда она была избрана почетным членом Ботанического сада, ей исполнилось пятьдесят шесть лет.

На этот раз она достигла высокогорной пустыни Памира. Академик В. Л. Комаров писал об этой экспедиции: «Рейд по Памиру продолжался 52 дня, в течение которых она не сходила с лошади и питалась исключительно чаем с сухарями». Она посетила наименее доступный район Шунган, прошла в горах почти до самой границы с Афганистаном — до Хорога на реке Пяндже. Результатом этого путешествия явилась капитальная монография «Флора Памира» с четырьмя дополнениями к ней и «Определитель Памирских растений». Еще дважды, в 1910 и 1915 годах, она посетила Среднюю Азию. Этому району нашей Родины, его изучению она отдавалась с величайшим рвением. В последний раз семидесятилетняя Ольга Федченко посетила Туркестан, чтобы собирать растения в Голодной степи и в горах Гиссарского хребта.

В начале XX века слава Ольги Александровны Федченко достигает вершин — она ученый с мировым именем, признанный в научных кругах авторитет по растительному миру Туркестана. В декабре 1906 года она была избрана членом-корреспондентом Российской Академии наук. Флористическая география Туркестана была основана трудами Ольги Федченко и продолжала развиваться при ее деятельном участии. Ряд зарубежных научных обществ — Международная академия ботанической географии, Парижское географическое общество и другие — избрали ее своим почетным членом. До последних дней жизни Ольга Федченко не переставала интересоваться научными вопросами и продолжала работать, пока были силы. Ее последняя работа «*Nouveaux matériaux* к познанию рода «*Eremus*» вышла 21 марта 1921 года, за месяц до смерти.

Ольга Федченко завоевала беспорочное право быть в первых рядах представителей отечественной науки. Она принадлежит также к числу тех славных русских женщин, которые прокладывали пути к равноправию всем женщинам, показывая пример общественного служения народу.

Долгая и трудная жизнь Ольги Федченко была счастливой: она осуществила заветные мечты своей юности.

ПО СЕВЕРНЫМ БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

Александр Филиппович Кашеваров
(1810—1866)

Великое переселение народов, так, пожалуй, можно назвать это явление, когда европейцы хлынули на открытый Колумбом Североамериканский континент. В погоне за добычей и богатством в короткий исторический срок они рассеялись по Новому Свету. Промчались на своих конях по всему пространству от Мексиканского залива до Скалистых гор, в жестокой конкуренции друг с другом смешав с пылью американских дорог все человеческие понятия о добре, справедливости и морали.

Не было силы, способной сдержать это освоение-нашествие. И только крайний север Америки с его нестерпимыми морозами и вечными льдами не спешил открывать пришельцам свои тайны, хотя и его спокойствие было потревожено множеством раз. Десятки экспедиций с неимоверным упорством 300 лет штурмовали этот район вечных льдов в поисках морского прохода вдоль северных берегов Америки. Португальцы, испанцы, французы, англичане. И все же к концу восемнадцатого столетия «загадка веков» — существование

северо-западного прохода оставалась неразгаданной.

В первые десятилетия XIX века делаются новые попытки пройти сквозь льды вдоль северных берегов континента: русскими — с запада на восток, англичанами — с востока. Благодаря мужественным усилиям О. Е. Коцебу, М. Н. Васильева, Г. С. Шишмарева, исследовавших берега полярных владений России в Русской Америке, и английских морских офицеров Парри и Франклина, добравшихся один до острова Банкса, другой до мыса Возвращения, удалось значительно расширить географические знания об этих районах. Оставалась неисследованной полоса полярного побережья длиной в 260 миль. Оставался последний шаг.

И вот 23 июня 1838 года из залива Нортона в Русской Америке выходит бриг «Полифем» и ложится на курс север-северо-восток. На борту члены полярной экспедиции, которая намерена сделать этот последний шаг. Начальник экспедиции — подпоручик корпуса флотских штурманов Александр Филиппович Кашеваров.

Кашеваров родился 9 января 1810 года в Русской Америке. Книжки о приключениях, зачитываемые до дыр, рассказы бывалых моряков, которые он готов был слушать целыми днями, дикая первозданная природа его родины — он впитывал в себя все эти впечатления детства и не было у него другой мечты, кроме одной — путешествовать. Отец Кашеварова — школьный учитель — не мог выделить достаточно средств на образование сына. Мать — алеутка — тем более. Заботу о его будущем берет на себя Российско-Американская компания, по рекомендации и на средства которой двенадцатилетнего Сашу определяют на учение в один из частных пансионов Петербурга, а затем в Кронштадтское штурманское училище.

Разные дороги ждали выпускников этого училища в моря — долгие и короткие. И только немногим из лучших могло повезти по-настоящему — попасть на корабль, идущий в кругосветное плавание. Кашеваров совершает два таких плавания с научными целями на кораблях «Елена» и «Америка». Кругосветные путешествия для молодого штурмана стали настоящей школой морской выучки, пробудили в нем интерес к научному познанию мира. Азарт первопроходца с этих пор становится основным свойством его души на всю жизнь.

А жизнь его после кругосветных путешествий надолго оказалась связанной с Русской Америкой. В течение нескольких лет он служил капитаном на различных судах Российско-Американской компании, совмещая многотрудную морскую службу с исследованием этих дальневосточных владений России. И вот поход на север к неизведанным землям.

Достигнув 6 июля мыса Лисбурн, Кашева-

ров решает покинуть бриг. Далее экспедиция пойдет на облегченных судах — двенадцативесельной байдаре и пяти трехместных байдарках. Отсалютовав пушечными залпами, «Полифем» уходит в открытое море, оставляя путешественников одних на пустынном берегу. Отсюда начался медленный путь на восток. Путники впряглись в лямки и потащили свои суденышки против встречного ветра бечевой, шагами отмеряя версты. Эскимосы из редких чумов на берегу, заведя странную вереницу людей, хватали своих детей и с криками убежали в тундру. От этого одиночество становилось еще более невыносимым.

Вперед. Ветер временами менялся. При малейшей возможности экспедиция погружалась на свои суденышки и продвигалась на веслах вдоль берега под дождем и снегом. Шкавалы обрушивались внезапно, и тогда почти не было возможности выбраться на берег, и волны сами распоряжались судьбами путешественников. Не раз потом вспоминал Кашеваров глаза людей, обращенные к нему в эти отчаянные моменты. «...людей, находящихся между жизнью и смертью и вверенных моему попечению».

Доброежелательность Кашеварова и особенно подарки — листья табака — помогали преодолеть страх и недоверие местных жителей к пришельцам. Впрочем, рассказы об очертаниях берега и особенно о ледовой обстановке по дальнейшему пути следования мало что давали. Сообщения эскимосов были очень противоречивыми, зато все в один голос твердило об опасности, подстерегающей со стороны воинственного и жестокого племени каклигмютов, через земли которых предстояло пройти.

13 июля у мыса Ледяного экспедицию остановил плотный лед. Пришлось разделиться: с тяжелой байдарой дальше было не пройти. Пятнадцать человек повернули обратно искать подходящее место для зимовья. Кашеваров и двенадцать его товарищей остались продолжать путь. Арктика словно смеялась над людьми, то и дело заставляя их тащить на себе свое средство передвижения. По скалам и по торосам тащили они тяжелогруженные байдарки через долгие километры до чистой воды, а там многочисленная изнурительная гребля под переменными ветрами среди ледяной толчи. Вперед. Люди делали свою работу безропотно и молча, и только гребцы-алеуты изредка посылали по ветру проклятья в адрес местных богов.

И это был ведь не просто поход. Это была научная экспедиция, включающая в себя большой комплекс кропотливых работ по всестороннему обследованию побережья. Карты пройденных мест, составленные Кашеваровым, не потребуют потом никаких уточнений даже в наши дни. 23 июля Кашеваров открыл залив Прокófьева, на следующий день — мыс Степового. Произведена опись вновь откры-

того мыса Врангеля. За мысом этим начались настоящие злоключения.

Каклигмюты, о которых предупреждали все эскимосы, появились внезапно. С лугами нанзотговку на быстроходных байдарках выскочили они из-за прибрежных утесов, и началась гонка, в которой для путешественников не было никаких шансов на спасение. Но вдруг американцы отстали сами: решив, видимо, что в схватке на воде может утонуть вся их добыча и им не останется ничего из вещей пришельцев. Ночевать на берегу было опасно, но и выхода другого не было. Натянули палатки, выставили караул. Утром к лагерю пришли разведчики каклигмютов, к вечеру их собирается уже великое множество.

До 25 июля лагерь находился в осаде. Попытки задобрить американцев подарками успеха не имели. Те не скрывали своих намерений, грозили копиями и ножами, расправа была неминуемой. Отпугивая наступавших выстрелами, экспедиции все же удалось сняться и погрузиться на байдарки, однако путь к востоку был уже отрезан тяжелыми байдарками каклигмютов, и только неожиданно упавший туман помогает Кашеварову оторваться от преследователей. Высадиться где-нибудь снова на берег или на острова возможности не было, везде оказывались каклигмюты. Делать было нечего. Кашеваров поворачивает свои байдарки назад к мысу Барроу.

Можно представить его отчаяние. Ведь до реки Маккензи, до которой дошли англичане с востока, оставался лишь недельный переход по неизведанному берегу. Есть ли к ней морской проход? Ответить на этот вопрос суждено уже было другим. 5 сентября бриг «Полифем», подошедший к условленному месту у острова Шамиссо в заливе Коцебу, взял на борт всех участников экспедиции.

Современников удивляло, как много сумел сделать Кашеваров со своими помощниками за недолгий срок арктического похода. Детально исследовано и картировано все побережье от мыса Лисбурн до мыса Врангеля. Астрономические определения, температурные колебания воздуха и воды, атмосферные явления, опись рек и озер, горных пород, глубины и грунты моря, состояние льдов, почва тундры, растительность, животный мир прибрежной полосы и тундры, жизнь и быт американских эскимосов — все эти сведения, собранные Кашеваровым, потом будут использованы во многих русских атласах.

После путешествия Кашеваров продолжил службу в Русской Америке, затем в 1845 году он был определен на службу в Гидрографический департамент Морского министерства. Вышли в свет «Генеральные карты», отражающие результаты экспедиции Кашеварова. На карты эти легли все тяжелые и долгие километры северного похода. Под руководством Кашеварова издается Атлас Восточного океана, объединивший результаты всех пред-

шествующих экспедиций в арктических морях. По окончании этой огромной работы Кашеваров был назначен начальником Аянского порта на Камчатке. Он участвовал в героической обороне Аяна от англо-французской эскадры во время Крымской войны.

Умер Александр Филиппович 26 сентября 1866 года. Вся жизнь замечательного исследователя была отдана Родине и науке.

НАУКИ И ЖИЗНИ ПУТИ

Григорий Николаевич Потанин
(1835—1920)

Ужас охватит того, кто отважится подойти к огненным горам и к пещере Уйбе. Из пещеры вылетают ураганные ветры, сметающие в соседнее озеро целые караваны... Долгие века Европе приходилось слушать такие истории о загадочной Центральной Азии. Там, где нет научного осмысления, всегда раздолье для фантазий. Пржевальский, Певцов, Потанин — прекрасные имена. Весь мир знает их. По существу, эти путешественники и явились первооткрывателями тайн природы этого интереснейшего региона.

Григорий Николаевич Потанин родился

4 октября 1835 года в поселке Ямышевском на Иртыше. Сын обедневшего хорунжего казачьего войска, разжалованного в рядовые, не мог рассчитывать на блестящее будущее. Он о нем и не задумывался, когда носился с ватагой таких же босоногих казачат по пыльным улицам поселка. Но книга о необыкновенных приключениях Робинзона Крузо, которую он прочел, едва научившись грамоте, уже полюбила его вдали. А захватывающие рассказы о кочевниках и их живописные караваны, приходившие откуда-то из степей, уже растревожили воображение мальчишки и раздвинули горизонты детского представления о белом свете.

Одиннадцати лет Гриша Потанин был отдан в войсковое казачье училище в Омске. Муштра, караулы, разводы — в перспективе лямка младшего казачьего офицера до конца своих дней. Но и там нашлись люди, мыслящие шире параграфов войскового устава. После же преобразования училища в кадетский корпус преподавание в нем вообще изменилось. В результате выпускники смогли получить основательные знания по литературе, истории, географии и другим наукам.

Однокашником Потанина в корпусе оказался сын казахского султана Чокан Валиханов — будущий путешественник по Востоку и первый казахский ученый, ставший Потанину близким другом на всю жизнь. Эта дружба дала Потанину очень много — приблизила его мечты о путешествиях к конкретной цели — Восток.

Корпус окончен в 1852 году. Начались армейские будни. Но на следующий же год неожиданная удача — назначение в отряд, отправляющийся в поход к Тянь-Шаню. Первые радости в счастливой судьбе путешественника, первые тяготы неуютной походной жизни. На реке Алмаатинке отрядом был заложен городок Верный, нынешняя столица Казахской ССР Алма-Ата. Впечатление от похода на всю жизнь осталось ярким пятном в воспоминании Потанина, особенно поездки в китайский город Кульджу, куда он был откомандирован из отряда с серебряной казной для русского консульства. С тех пор, куда бы ни заносила молодого офицера армейская служба, мысль о новых путешествиях не покидала его никогда.

И еще одна удача — подарок судьбы. Коллекция растений, собранная Потаниным в походе, заинтересовала П. П. Семенова, оказавшегося к тому времени в Омске. Встреча с известным путешественником, исследователем Тянь-Шаня еще больше укрепила дух начинающего ученого. Но на пути к науке стоит непреодолимая преграда — воинская служба. Потанин мечтает избавиться от нее, и это вдруг удается. Весной 1859 года хорунжий Потанин получает отставку.

Осенью того же года Потанин без гроша в кармане добирается до Петербурга и посту-

пает в университет на естественный факультет. Однако учиться пришлось недолго. Вскоре за студенческие волнения университет был закрыт. Потанин попадает на два месяца в Петропавловскую крепость.

С казачьего седла в казематы крепости, оттуда в седло путешественника, затем снова тюрьма, каторга, ссылка и снова путешествия — таковы невероятные изгибы судьбы ученого. Но, все по порядку...

После освобождения из Петропавловской крепости по рекомендации П. П. Семенова-Тян-Шанского Потанин включают в состав экспедиции астронома Струве, отправляющегося в верховья Иртыша на озера Зайсан, Маркакуль и к хребту Тарбагатай. В этом первом своем научном путешествии 1863—1864 годов Потанин составил подробное описание этих мест, описал растительный и животный мир и собрал богатую коллекцию растений различных зон. В дневниках молодого ученого появились первые записи казахского фольклора.

60-е годы девятнадцатого столетия. Время бурного проявления общественного самосознания в России, развития передовых идей. Деятельной натуры Потанина хватало на все. Он примыкает к кружку молодежи, ведущему политическую работу, выступает со статьями, проводит агитацию за превращение Сибири в научный центр — за открытие Сибирского университета.

Когда началось следствие — искали виновников организации кружка, — Потанин один взял всю вину на себя. Один и был осужден к каторжным работам, остальные отправлены в ссылку. Обряд предания гражданской смерти, три года в тюрьме, три года на каторге, три года в ссылке — все, что полагалось свободомыслящим людям в царской России, хватило и на долю Потанина.

Ученый всегда остается ученым, особенно если он тверд духом. В ссылке Потанин собирает этнографический материал, работает над статьями для Географического общества, но все мысли его устремлены в будущее, к новым путешествиям. Судьба ссыльного путешественника не дает покоя и его духовному наставнику П. П. Семенову-Тян-Шанскому. В конце концов ему удается преодолеть все преграды и добиться для Потанина полного помилования. Дорога к новым исследованиям открыта.

В 1876—1880 годах Потанин совершает два путешествия в Северо-Западную Монголию с обследованием обширных пространств этой части Монголии и Восточного Алтая. В последующие годы (1884—1886 и 1892—1893) Потанин дважды прошел через Центральную Монголию по средним провинциям Китая в бассейнах рек Хуанхе и Янцзы, проник в Восточный Тибет. В 1899 году исследования в горах Большого Хингана.

Экспедиции Потанина формировали действительное представление о природе и населении малозученных или совсем не изученных районов Центральной Азии. Им открыто свыше десятка новых хребтов, уточнено множество орографических и гидрографических объектов. Обширны его исследования растительного и животного мира, собран богатейший этнографический материал о многочисленных тюркских и монгольских народах, записано множество произведений народного эпоса. Литературное наследие ученого огромно. По результатам своих путешествий им написаны многотомные научные труды. В настоящее время выявлено около двухсот пятидесяти книг и статей, принадлежащих перу Г. Н. Потанина.

Всматриваясь в жизнь выдающегося исследователя, невольно поражаешься, как много сделано им. Г. Н. Потанин официально являлся правителем дел Восточно-сибирского отдела Географического общества в Иркутске, затем в Красноярске и Томске. Но его деятельность выходила далеко за пределы служебных обязанностей. Изучение быта и эпоса сибирских народов, организация научных обществ, музеев, выставок, открытие в Томске первых в России высших женских курсов и многое-многое другое, сделанное Потаниным, способствовало просвещению отсталой окраины самодержавной империи.

Кипучая энергия ученого и общественного деятеля, живой интерес к жизни не покидали его никогда. Григорий Николаевич Потанин умер 30 июня 1920 года в возрасте 85 лет. Предсмертные слова его были: «Жизнь кончена. А жаль. Хочется еще жить. Интересно очень...»

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЧВОВЕД-ГЕОГРАФ

Леонид Иванович Прасолов
(1875—1954)

О великом русском ученом Василии Васильевиче Докучаеве современники говорили, что он открыл «четвертое царство природы» (см. «Глобус» за 1976 г.). Всю свою трудовую, полную научных подвигов жизнь ученый посвятил изучению почв и создал молодую науку — почвоведение. Он оставил огромное научное наследство и многочисленных учеников, продолжающих его дело и развивающих новую науку. Среди плеяды последователей этого ученого видное место занимает его ученик — академик Леонид Иванович Прасолов, внесший своими трудами и открытиями

большой вклад в науку о почвах и внедривший в практику новые направления этой науки — географию и картографию почв.

Леонид Иванович Прасолов родился 13 января 1875 года в сибирском городе Енисейске, учился на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета и успешно окончил его в 1898 году.

Еще в студенческие годы Прасолов получил прекрасный опыт в проведении полевых почвенных исследований, принимая участие в экспедиционных работах на территории бывшей Самарской губернии.

В университете Прасолов получил фундаментальные познания в разных областях естественных наук (геология, химия, геоморфология и другие); особая приверженность появилась у него тогда к новой науке почвоведению. В. В. Докучаев, читавший в университете курс лекций по этой дисциплине, сумел увлечь ею многих слушателей и даже создал свою, «докучаевскую», школу.

Увлечшись этой наукой, обладая недюжинными теоретическими познаниями и некоторым опытом практических полевых работ, Л. И. Прасолов начал самостоятельную трудовую жизнь. Он смело взялся за весьма ответственную работу — стал заведывать почвенным отделением земской управы Самарской губернии. С большим энтузиазмом трудился он в течение восьми лет, исследуя почвы Среднего и Нижнего Заволжья. При проведении этих работ Прасолову удалось сколотить дружный коллектив энтузиастов. Ему помога-

ли С. С. Неуструев, А. И. Бессонов и П. И. Дценко — воспитанники «докучаевской» школы. Эту группу молодых специалистов во главе с Л. И. Прасоловым называли «самарскими почвоведом».

Дружный труд молодых энтузиастов увенчался крупным успехом: было составлено классическое по содержанию и научной глубине физико-географическое описание Самарской губернии по уездам, в котором почвам было уделено особое внимание как важнейшему элементу природы и объекту сельскохозяйственного производства.

Последующие годы (1908—1914) Л. И. Прасолов проводит в неустанных путешествиях; он изучает почвы Северного Кавказа, Сибири, Туркестана. Его маршруты пролегают по пустыням Средней Азии, горным районам Тянь-Шаня, среди таежных просторов Восточной Сибири. Не методами статиста-учетчика, а методами своего учителя В. В. Докучаева руководствуется и оперирует молодой ученый.

Почвенные разрезы, сделанные во время полевых работ в разных географических районах, предстают перед исследователем как результат длительных и сложных природных процессов, подчиняющихся закономерностям географической зональности. По ним он читает длительную и сложную историю почвообразования того или иного природного района.

Следующие крупные почвенно-географические исследования Л. И. Прасолов провел в бассейне Нижнего Дона в 1915—1918 годах. В выводах и обобщениях, сделанных на основе полученных уникальных материалов, Леонид Иванович вносит нечто новое в науку о почвах: выдвигает вполне научно обоснованное положение о том, что наряду с зональными закономерностями в географии почв следует различать и учитывать закономерности местного провинциального характера.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции молодому Советскому государству очень нужны были сведения о земельном фонде страны. Чтобы иметь такие данные, требовались высококвалифицированные специалисты и большая предварительная работа. К решению этой важной государственной задачи были привлечены сотрудники Почвенного отдела Комиссии по изучению естественных производительных сил при Академии наук, в том числе Л. И. Прасолов.

К этому времени Леонид Иванович стал видным ученым в области почвоведения. Весь свой богатый опыт, свои знания, всего себя он посвятил этой проблеме. В своем труде «Почвенные области Европейской России» (1922) в интересах рационального научного планирования сельскохозяйственных мероприятий предлагает обоснованное почвенное районирование европейской части страны. Выдвинутое им ранее положение о почвенно-географических провинциях находит свое

подтверждение и дальнейшее развитие. Ученый ищет и уже находит пути к решению поставленной перед почвоведцами страны важной государственной задачи.

В 1927 году на базе Почвенного отдела Комиссии был создан Почвенный институт им. В. В. Докучаева. Леонид Иванович, продолжая работать в числе его сотрудников, организовал Отдел картографии почв и долго руководил им. Здесь всесторонне проявилась его творческая деятельность по развитию нового направления в почвоведении — географии и картографии почв, потому что именно они позволяли практически решить проблему по учету земельных ресурсов.

Л. И. Прасолов обогатил науку географии почв тем, что разработанный им метод позволил существенно уточнить ранее выполненные картографические работы. В 1927 году Леонид Иванович при участии других специалистов выпустил в свет первую почвенную карту Азиатской ССР, а через три года опубликовал уточненную почвенную карту европейской части СССР. Это было блестящим его научным достижением, ибо нужда в таких картах была исключительно велика.

В последующие годы, даже в то время когда он был директором Почвенного института им. В. В. Докучаева (1936—1945), Леонид Иванович много сил и труда затрачивает на создание общей крупномасштабной почвенной карты нашей Родины и всего мира.

Теоретические разработки, научные труды, новые уточненные почвенные карты — все, вместе взятое, подняло на небывалую высоту дело картографии почв в нашей стране, и в этом огромная заслуга Леонида Ивановича Прасолова.

Почвенные карты имеют исключительно большую научно-практическую ценность. Они служат не только научной основой для учета земельных богатств страны, но и дают ответы на многие вопросы: каковы агрономические свойства почв, где необходимо размещение удобрений или проводить мелиоративные мероприятия, где следует обратить внимание на эрозию почв, чтобы предотвратить или остановить ее и так далее.

На основе изучения и анализа уточненных почвенных карт Леонид Иванович занимался учетом земельных ресурсов. Эта тема интересовала его очень давно. Собственно говоря, все, что он делал, вело к этой проблеме. В результате самоотверженного упорного многолетнего труда ему удалось произвести учет земельных запасов СССР и всего мира. На основе полученных фактических данных Леонид Иванович сделал очень важный вывод общечеловеческого значения: в нашей стране и в мире имеются широкие перспективы для освоения и окультуривания неиспользующихся земельных пространств. Этим самым он низвергнул реакционные положения о том, что перенаселение земного шара сокращает

земельные ресурсы, приводит к застою в развитии земледелия, ведет к неизбежным войнам.

Л. И. Прасолов много лет руководил работами в области географии почв, их картирования и по учету земельных ресурсов. Многие его ученики стали видными учеными и специалистами.

В 1931 году Леонид Иванович был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1935 году — академиком; в течение многих лет был председателем Всероссийского общества почвоведов, редактировал журнал «Почвоведение».

Заслуги Л. И. Прасолова были высоко оценены правительством: он награжден тремя орденами Ленина, другими орденами и медалями, золотой медалью им. В. В. Докучаева (за составление мировой почвенной карты); он — лауреат Государственной премии.

Всегда высокопринципиальный, безукоризненно честный, исключительно трудолюбивый, благожелательный к людям — таким был в жизни Леонид Иванович Прасолов. Вся его жизнь — яркий пример самоотверженного служения науке, народу, Родине.

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ГЕОГРАФ

Борис Федорович Добрынин
(1885—1951)

Большой ученый, блестящий педагог, воспитавший не одно поколение советских географов, неутомимый путешественник, страновед, прекрасный знаток Крыма, Кавказа, Русской равнины и других районов нашей Родины и мира, Борис Федорович Добрынин прожил яркую плодотворную жизнь, полную труда, исканий и больших достижений.

Родился Борис Федорович в Минске. Детство и юность его прошли среди чудесной белорусской природы. В те счастливые годы зародилось в нем влечение к естественным наукам, возникло непреодолимое желание к познанию окружающего мира. Вопреки желанию родителей сделать его богословом, он стремился осуществить свою заветную мечту — стать натуралистом и путешественником.

Еще в те юные годы он уже достиг многого: практически познал разнообразный и сложный мир растительности, собрав по всем правилам роскошный гербарий, который передал в дар Московскому университету, куда в 1903 году

поступил на учебу на естественное отделение физико-математического факультета.

Энергичный и деятельный, студент Добрынин не только хорошо учился, но принимал активное участие в работе научных студенческих кружков: выступал с докладами и научными сообщениями. В годы учебы совершил свои первые путешествия за границу, побывал во Франции, в Австрии, Италии, Испании, где знакомился с деятельностью географических обществ и университетов. Любопытно отметить, что путешествовал он большей частью пешком, а Италию с юга на север пересек на велосипеде. Он быстро завязывал знакомство с местным населением и получал необходимые сведения. Сам же он был очень наблюдательным, пытливым, любознательным человеком, обладал феноменальной памятью.

Не остался Добрынин и в стороне политических событий того времени; в годы, предшествовавшие революции 1905 года, принимал участие в революционном студенческом движении и даже сражался на баррикадах в числе бойцов бауманской дружины.

После окончания восьмого семестра Добрынин занемог и по состоянию здоровья был на два года освобожден от учебы. Воспользовавшись этим, он отправился путешествовать за границу, по странам Западной Европы; посетил Францию, Италию, Испанию, Швейцарию, Грецию, Германию, интересовался природными условиями этих стран и жизнью их обитателей. Все увиденное, услышанное запоминал, записывал, отмечал на картах;

словом, уже в те годы превратился в неутомимого путешественника, натуралиста, страноведа. Это так и осталось за ним на всю последующую жизнь.

Наконец учеба в университете закончена. Добрынина как весьма способного и подающего большие надежды оставили при кафедре географии, которой руководил Д. Н. Анучин, «для подготовки к профессорскому званию».

В течение нескольких последующих лет Б. Ф. Добрынин совершенствует свои познания в области географии и некоторых естественных наук, ведет преподавательскую работу, занимается научной деятельностью. Одна за другой выходят в свет его научные работы. А печататься он стал еще в студенческие годы, когда написал несколько очерков о странах, где пришлось побывать.

Начиная с 1910 года Борис Федорович принимает участие в многочисленных экспедициях. Почти сорокалетняя эпопея полевых экспедиционных работ способствовала тому, что Б. Ф. Добрынин стал крупным исследователем и знатоком Крыма, Кавказа, Закавказья, Русской равнины.

На основе материалов экспедиционных исследований, собственных наблюдений, собранных материалов Борис Федорович составил ряд фундаментальных географических монографий и учебных пособий. Многие его работы посвящены Крыму («Происхождение Крыма», «Географические ландшафты Крыма» и другие).

Крым был любимым детищем Добрынина, объектом, который он усиленно изучал, не только участвовал с этой целью в экспедиционных работах, производившихся Московским обществом по изучению данного полуострова, но даже сам организовал на его территории научную базу и в течение многих лет руководил ею.

Существенный вклад в географическую науку нашей Родины Добрынин сделал своими работами, посвященными природе указанных районов.

Исключительно велика также его работа в области подготовки кадров географов. Более 35 лет Б. Ф. Добрынин читал географические дисциплины в вузах и учебных заведениях страны. По его инициативе и непосредственном участии в составе учебных подразделений Московского университета была создана первая в СССР кафедра физической географии, и ею он руководил до 1941 года.

Обширнейшие познания в области физической географии мира, многолетний опыт педагогической работы, неиссякаемая энергия позволили ученому создать прекрасные учебные пособия для вузов по географии СССР и зарубежных стран. Первый учебник «Физическая география СССР. Европейская часть и Кавказ» вышел в свет в 1941 году. В 1948 году появился другой труд ученого — «Физическая география Западной Европы». В те-

ние многих лет эти книги были основными учебниками для студентов и настольными книгами специалистов и географов. По ним учились многие поколения студентов наших вузов.

Кроме научных монографий и учебников Б. Ф. Добрынин писал научно-популярные книги, переводил труды зарубежных авторов, редактировал и рецензировал многочисленные труды географов. Многие годы бесценно редактировал журнал «Землеведение». Большую роль в деятельности ученого играли карты, которым он придавал исключительно большое значение. Сам составил немало оригинальных карт, помогал другим ценными советами, был очень рад и доволен, когда появлялся на свет новый источник наглядных знаний.

Борис Федорович — автор многочисленных статей по физгеографии СССР и зарубежных стран, подготовленных им для Большой Советской Энциклопедии. В течение многих лет был автором, редактором и рецензентом этого издательства.

Энергичный, деятельный, трудолюбивый, требовательный к себе и другим, ученый пользовался большим авторитетом и уважением среди студентов. Терпеливо и настойчиво он приучал их к самостоятельной научной работе. Лекции, которые он им читал, всегда были насыщены интересным познавательным материалом, излагались очень четко и ясно; их автор среди педагогов считался непревзойденным мастером слова.

Борис Федорович Добрынин своими трудами внес исключительно большой вклад в развитие отечественной географической науки. Его ученики, многие из которых стали видными учеными, хранят о своем учителе благодарную память.

В 1985 году общественность, географы нашей страны будут отмечать 100-летие со дня рождения этого замечательного человека, большого труженика науки, просветителя, верного сына нашей Родины.

КРУПНЫЙ УЧЕНЫЙ-ОКЕАНОЛОГ

Николай Николаевич Зубов

(1885—1960)

В 1985 году научная общественность нашей страны и за рубежом отметила 100-летие со дня рождения всемирно известного ученого-океанолога инженер-контр-адмирала Николая Николаевича Зубова, автора многих оригинальных

нальных фундаментальных трудов, посвященных отечественным морям и Мировому океану.

Николай Николаевич Зубов родился 24 мая 1885 года в городе Измаиле в семье кадрового военного, участника русско-турецкой войны за освобождение Болгарии от турецкого ига. После ухода отца в 1908 году в отставку семья Зубовых переехала на жительство в Петербург. По семейной традиции молодой Николай Зубов был отдан в 1895 году на учебу в кадетский корпус, однако учиться в нем не стал, ибо, находясь в Петербурге, «заболел» морем и в 1901 году перевелся в Морской корпус, воспитанники которого ежегодно участвовали в дальних морских походах. Во время учебы в Морском корпусе Зубов прошел хорошую школу и к моменту завершения учебы выглядел заправским моряком.

В январе 1904 года Николай Зубов был произведен в мичманы (первый офицерский чин) и был зачислен на действительную военную службу во флот; сначала он плавал на эскадренном броненосце «Орел», а затем был переведен на миноносец «Блестящий». Начался новый период в жизни моряка, о котором он сам в автобиографическом очерке коротко сказал так: «В 1904 году окончил Морской корпус и был зачислен в эскадру Рождественского. В чине мичмана на миноносце «Блестящий» участвовал в Цусимском бою. Был ранен, долго лечился».

Последующие годы были наполнены многими событиями: Н. Н. Зубов участвовал в морских походах, а самое главное — в 1910 году

окончил Николаевскую морскую академию по специальности гидрографа-геодезиста.

В 1912 году на судне «Бакан» в Баренцевом море произвел опись губы Митюшина на Новой Земле.

В 1913 году Н. Н. Зубов вышел в отставку и поступил на работу в гидрометеорологическую часть отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности. Ему удалось прослушать курс океанологии в Бренемском институте геофизики, и это во многом определило его дальнейшую судьбу.

По возвращении из Бергена Зубов занялся педагогической работой, которой в дальнейшем посвятил много лет своей жизни. Однажды, это было летом 1914 года, Н. Н. Зубов вывел на учебном судне своих слушателей в море для практических работ по океанологии. Настал вечер, стемнело. Зубов дал команду определить положение судна. Но сделать это оказалось невозможным. Маяк вдруг... исчез. Это было невероятно. Все недоумевали, никто ничего не мог понять. Недоразумение выяснилось на следующий день. Оказывалось, власти запретили зажигать огни маяков по всему побережью: началась первая мировая война.

Кадровый офицер Н. Н. Зубов был призван во флот, командовал миноносцем, подводной лодкой. Активно участвовал в боевых действиях.

После Октябрьской революции Н. Н. Зубов перешел на сторону революции и в течение всей своей дальнейшей жизни преданно и честно служил социалистической Родине, советскому народу, науке.

А наука, которой он посвятил всего себя, тогда только что зародилась и называлась — океанология (наука об океане). 10 марта 1921 года В. И. Ленин подписал декрет о создании ПлавМорНИИ — Плавающего морского научного института. Основные задачи этого учреждения были сформулированы в первом параграфе декрета:

«В целях всестороннего и планомерного исследования северных морей, их островов, побережий, имеющих в настоящее время государственное важное значение, учредить при Народном Комиссариате просвещения Плавающий морской научный институт с отделениями: биологическим, гидрологическим, метеорологическим, геолого-минералогическим».

Районом деятельности ПлавМорНИИ был определен Северный Ледовитый океан с его морями, устьями рек и прилегающими к нему побережьями европейской и азиатской частей РСФСР.

Для организации института и руководства его деятельностью создали комитет, в работах которого деятельное участие принял Н. Н. Зубов. Фактически он был руководителем гидрологического отдела.

Чтобы вести в море научные исследования, нужно было иметь специально для того оборудованное судно.

В настоящее время таких научных судов много, а тогда ничего подобного не было. Чтобы восполнить этот пробел, был построен «Персей» — первенец советского научно-исследовательского флота. «Персей» служил много лет, и Н. Н. Зубов совершил на нем не одно научное путешествие. 99 раз выходило судно на задание, пока не затонуло в июле 1941 года при бомбежке во время нападения немецко-фашистской авиации.

В 1929 году ПлавМорНИИ был реорганизован в Государственный океанографический институт (ГОИН). Это было закономерно, потому что круг исследований расширился, появились новые задачи, новые проблемы. Начинаясь эпоха изучения и освоения Арктики. Н. Н. Зубов по-прежнему участвует в проведении многих крупных мероприятий: изучает морские течения, льды, ледовые условия морей, составляет ледовые прогнозы.

Для успешного плавания по северным морям очень были нужны ледовые прогнозы. Капитанам судов крайне важно знать, когда и где могут появиться льды, какова будет их мощность, сплоченность, распространение. От этого зависит сохранность судов, людей и грузов, сроки навигации и многое другое.

После организации в 1933 году Главного управления Северного морского пути ледовые прогнозы стали составляться регулярно, а чтобы упорядочить все связанные с ними дела, создали Межведомственное бюро ледовых прогнозов, в состав которого вошли В. Ю. Визе, В. В. Шулейкин, Н. Н. Зубов и другие видные ученые-океанологи, причем Николай Николаевич развернул деятельность по организации исследований в Арктике, без которых невозможно было хорошо поставить прогнозные дела. Он же и другие специалисты разработали специальные условные знаки для обозначения морских льдов, их состояния, распределения, а также определили состав наблюдений полярных станций. С этого времени служба прогнозов пошла в гору, прогнозы практически стали составлять для всех морей и не только для ледовых условий, но и для элементов динамики моря — течений, волнения поверхности воды и так далее. Во всем этом большая заслуга Н. Н. Зубова; многие его ученики стали видными прогнозистами.

Наравне с большой и напряженной научной деятельностью Николай Николаевич вел активную педагогическую работу. В 1930 году возник Московский гидрометеорологический институт, где преподавали разные науки о Земле: гидрологию, метеорологию, геофизику и готовили специалистов двух основных направлений — гидрологов и метеорологов. На гидрологическом факультете обучались океанологи и гидрологи суши. Н. Н. Зубов, работавший в этом институте с момента его основания, получил звание профессора и добился того, что в 1932 году была создана первая и единственная в мире кафедра океанологии; ею он заве-

дывал до 1941 года, когда институт в связи с войной перебазировался в Ленинград.

Николай Николаевич не поехал. Он, 56-летний человек, бывший кадровый морской офицер, явился в военкомат и попросил направить его на фронт. Просьбу удовлетворили, и в чине капитана 2 ранга Николай Николаевич отбыл в Архангельск, где как крупный специалист по прогнозу ледовой обстановки занимался практическими вопросами проведения караванов судов и боевых кораблей в Арктике. В 1945 году Зубову присвоили высокое звание — инженер-контр-адмирал.

1944—1948 годы Н. Н. Зубов — на посту директора Государственного океанографического института, а последние годы жизни целиком посвящает научной и педагогической деятельности; место работы — кафедра океанологии Московского государственного университета. К тому времени океанология выросла в обширную науку о всем Мировом океане. Студенты изучали водные массы Мирового океана, его течения, волнение, приливы и отливы, происходящие в нем различные процессы и так далее. Учиться им было уже значительно легче, чем учащимся более ранних выпусков, ибо к этому времени вышли в свет почти все основные труды Н. Н. Зубова, в том числе и уникальные учебные пособия по океанологии, над созданием которых Николай Николаевич трудился в течение многих лет.

Важнейшие работы Н. Н. Зубова: «Морские воды и льды» (1938), «Льды Арктики» (1945), «Динамическая океанология» (1947), «Основы учения о приливах Мирового океана» (1956) — служили настольными книгами работникам морской службы и основными учебными пособиями для нескольких поколений океанологов.

Творческое наследие Н. Н. Зубова более 200 работ. Среди них фундаментальные монографии и учебные пособия по океанологии, очерки, посвященные плаваниям на кораблях с научными целями, теоретические разработки. Большой ученый с мировым именем, обремененный огромным количеством важных и неотложных дел и забот, не забывал и о подрастающем поколении, писал для юных читателей научно-популярные книги, интересные очерки и печатал их в молодежных журналах.

За большие заслуги в научной, педагогической и военной областях Николай Николаевич был награжден орденами и медалями СССР и в 1960 году получил звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

За многолетнюю работу по линии Географического общества СССР и огромный вклад в географическую отечественную науку он был избран в почетные члены этого общества.

Н. Н. Зубов воспитал несколько поколений специалистов-океанологов. Среди его учеников много видных деятелей науки, полярников, исследователей Арктики и Антарктиды, Мирового океана. Они успешно продолжают его дело.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Ричард Карлович Маак
(1825—1886)

Имя этого человека навечно связано с теми великими исследованиями, которые были выполнены на территории Восточной Сибири в третьей четверти прошлого века. Речь идет о русском натуралисте-географе Ричарде Карловиче Мааке, посвятившем свою творческую жизнь служению науки, многолетним исследованиям Восточной Сибири.

Р. К. Маак родился в 1825 году в городе Аренсбурге (ныне Кингисепп), учился в гимназии, а затем на естественном факультете Петербургского университета. Успешно закончив университет, он получил назначение работать преподавателем в иркутской гимназии, куда и прибыл в 1852 году.

Иркутск в то время был крупной базой золотопромышленников России. Это случилось после того, как однажды к местному купцу Трапезникову пришел один из знакомых ему якутов и принес большой самородок золота. Не зная цены этому сокровищу, якут продал его купцу за бесценок. Хитрый купец выведal у простодушного посетителя место, где тот нашел самородок, организовал там добычу золота и быстро разбогател. Шла в мешке

не утанишь, как говорится: вспыхнула «золотая лихорадка», Иркутск стал центром золотодобытчиков.

Золотопромышленники нуждались в специалистах, чтобы вести разведку и поиски месторождений драгоценного металла. На эти дела они не жалели средств, что и дало возможность Сибирскому отделу Географического общества организовать экспедицию на реку Вилюй. Во главе ее поставили недавно прибывшего учителя географии иркутской гимназии скромного молодого человека — Ричарда Карловича Маака.

Так началась большая научно-исследовательская деятельность этого самоотверженного труженика науки.

Летом 1853 года экспедиция отправилась в неведомые дали. Дела шли хорошо. Маак производил физико-географические наблюдения, собрал образцы горных пород, коллекции растительного и животного мира. Экспедиция достигла верховьев Вилюя и вышла к озеру Сурунга. Между тем короткое северное лето кончалось. Сильно похолодало, ночью наблюдались заморозки. Неопытный Маак не захватил в поход теплой одежды, надеясь на то, что работы удастся завершить до наступления зимы; в крайнем случае он предполагал достать все необходимое у местных жителей. Однако труднопроходимая тайга, по которой пробрались он и его люди, была совершенно безлюдной: нигде не встречалось не только жилья, но даже и человеческих следов.

Для экспедиции настали тяжелые дни. Морозы с каждым днем все более усиливались. Дошло до того, что даже ртуть замерзла в термометрах. Маак отметил в своем дневнике: «...дни и ночи мы проводили под открытым небом... Каждый из нас, смыкая от усталости очи, не надеялся уж более открыть их. К тому же у нас стал ощущаться недостаток в провизии, а путь предстоит еще дальний. По глубокому снегу мы делаем от десяти до пятнадцати верст в сутки... от холода разрываются стволы толстых деревьев, земля дает трещины... ртуть в термометрах давно замерзла и производить какие-нибудь измерения невозможно...»

25 января наконец измученные и уставшие люди вышли к устью реки Чоны. Здесь их встретили якуты с теплой одеждой и продовольствием. Они прибыли сюда два месяца назад и уже считали экспедицию погибшей. Общий маршрут ее составил около 8 тысяч километров.

В марте 1855 года Маак вернулся в Иркутск. В итоге этого беспримерного героического похода была составлена карта ранее совсем неизвестной местности. Были собраны богатые материалы по геологии, географии, ботанике и зоологии.

Маак собрал также ценные сведения о населении, быте, занятиях, составил якутский и эвенкийский словари по собранным образцам фауны и флоры.

Едва только Р. К. Маак вернулся в Иркутск, как ему было дано новое поручение. Иркутский генерал-губернатор Муравьев задумал произвести обследование реки Амура. К числу участников созданной им экспедиции под руководством астронома Л. Э. Шарва были присоединены Маак и два его помощника — Зандгаген и Фурман. Так, не отдохнув как следует от только что проделанного трудного путешествия, наши герои отправились в новый поход, к берегам величистой реки Дальнего Востока — Амуру.

Следуя пешком или плывя на лодке, Р. К. Маак самым добросовестным образом изучал эту реку. Достигнув Марининска, экспедиция 14 августа 1855 года отправилась в обратный путь. Ричард Карлович шел все время пешком, собирая коллекции, ведя наблюдения за погодой, расспрашивая по пути жителей. В конце декабря экспедиция прибыла в Иркутск.

Спустя некоторое время Р. К. Маак со всеми собранными материалами, собранными во время обследования Вилюя и Амура, уехал в Петербург, где с помощью специалистов приступил к их обработке. Почти три года потребовалось на то, чтобы все привести в порядок. В это время Географическое общество организовало выставку собранных Мааком коллекций, которая имела большой успех.

Следует отметить, что купцы, заинтересованные в результатах работ экспедиций, выделили значительные средства на издательские работы, и это помогло Р. К. Мааку довольно быстро опубликовать свои труды. В 1859 году вышла в свет его книга «Путешествие на Амур». Она содержала первое обстоятельное описание Приамурья.

В начале 1859 года Р. К. Маак вновь отправился в дальний путь с экспедицией на Дальний Восток, в бассейн реки Усури.

Уссурийский край в то время представлял собой поистине «белое пятно». Этот район только начал заселяться и осваиваться русскими людьми.

26 апреля Маак и врач Брылкин отправились вниз по Амуру на больших лодках. 5 июня они достигли устья реки Усури. Первым делом произвели обследование хребта Хехцир.

28 июня экспедиция вошла в долину реки Хор, обследовала участок ее нижнего течения, затем перекочевала на реку Иман. 28 августа, поднявшись по реке Сунгача, Маак и спутники вышли на берег озера Ханка.

Р. К. Маак во время этого похода как всегда очень интенсивно трудился, сильно уставал, и это не замедлило самым пагубным образом отразиться на состоянии его здоровья. Поэтому, когда он и его люди появились на берегу озера, Маак заболел. Дальнейшее исследование продолжать было невозможно; решили вернуться. 6 октября экспедиция добралась

до города Благовещенска, откуда зимним путем к марту 1860 года Р. К. Маак доехал до Петербурга.

Несмотря на недомогание, он продолжал настойчиво работать над собранными материалами и в 1861 году выпустил в свет новую свою книгу «Путешествие по долине реки Уссури».

Спустя три года, в 1864 году, была опубликована третья его работа — «Путешествие по Енисейской губернии», а в 1877 году увидел свет последний капитальный труд ученого — «Вилюйский округ Якутской области».

Здоровье Ричарда Карловича было настолько подорвано, что он уже не мог принимать участия в полевых экспедиционных работах. Вернувшись в Иркутск на преподавательскую работу, он вскоре стал директором учи-

лищ Иркутской губернии, а затем главным инспектором училищ Восточной Сибири. Оставив службу в Сибири, Р. К. Маак в 1879 году вернулся в Петербург, где был назначен членом Совета народного просвещения. На этой должности он пребывал до своей кончины, последовавшей в 1886 году.

В последние годы жизни Ричард Карлович принимал участие в составлении «Географического словаря Российской империи», издававшегося П. П. Семеновым-Тянь-Шанским.

Труды Р. К. Маака, посвященные природе и населению Восточной Сибири и Дальнего Востока, явились ценнейшим вкладом в отечественную географическую науку. В течение длительного времени они являлись важнейшими единственными источниками знаний об этих дальних окраинах России.

На цветных вклейках помещены иллюстрации к фотоочерку «Светлый весенний праздник...» (фото П. Афанасенко), к очерку М. Дунаева «Муром» (фото К. Колочкина), к фотоочерку Н. Демидова и Ю. Муравина «Широка страна моя родная...» (фото авторов), к очерку А. Исаева «Дождь в начале сезона» (фото автора), к очерку Г. Горышина «Сад Николая Смирнова» (фото А. Заболоцкого).

Мелкие заметки подготовили:

А. Антрушин, Л. Бельская,
Н. Бороздинов, В. Ишметьев, Г. Матвеева,
В. Перов, Ю. Смирнов.

Дорогие читатели!

Редакция, составитель, авторы очерков и художники ждут ваших отзывов о содержании и оформлении нашего сборника.

Укажите, пожалуйста, свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ГЛОБУС 1985

**Географический научно-художественный
сборник**

Составитель Владислав Аркадьевич Смирнов

Ответственный редактор Н. Г. Ф е ф е л о в а.

Художественный редактор А. В. К а р п о в.

Технический редактор Л. Б. К у п р и я н о в а.

Корректоры В. Г. А р у т ю н я н и Л. А. Б о ч к а р ё в а.

ИБ 8147

Сдано в набор 31.05.85. Подписано к печати 01.11.85. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,15. Усл. кр.-отт. 133,25. Уч.-изд. л. 30,38 + вкл. — 31,74. Тираж 100 000 экз. М-20970. Заказ № 846. Цена 2 р. 70 к. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Глобус: Географический научно-художественный сборник/Сост. В. Смирнов; Оформл. В. Бабанова. — Л: Дет. лит., 1985. — 383 с., ил., 12 л. вкл.

В пер.: 2 р. 70 к.

Сборник знакомит читателей с разнообразными событиями, географическими открытиями, путешествиями в нашей стране и за рубежом.

